ЮЛИЯ ЧЕРНЯХОВСКАЯ

БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ

ПИСЬМА О БУДУЩЕМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Надо ли представлять читателю Аркадия и Бориса Стругацких? Вопрос риторический: кто из нас не держал в руках их книг, тот просто не умеет читать. Но что мы знаем о гениях советской фантастики, предсказавших в своих произведениях и приход застоя, и катастрофу перестройки, и окаянные дни 90-х и даже суверенную демократию 2000-х?

Книга Юлии Черняховской посвящена не только творчеству, но и малоизвестным событиям жизни знаменитых советских фантастов. Какими были люди, создавшие и солнечный Полдень советской утопии, и мрак обреченных миров? Как начинался их творческий путь? Почему «медовый месяц» отношений между братьями Стругацкими и властью сменился «холодной войной»? Какова была в этом роль советского пропагандиста и тайного агента западного влияния А. Н. Яковлева? Кто писал доносы в ЦК КПСС на лучших фантастов Советского Союза? Сотрудничал ли А. Стругацкий с органами госбезопасности? И не был ли Б. Стругацкий «засланным казачком» в рядах российской оппозиции в 2000-е годы?

Жизнь и философия, творчество и борьба, бесконечная вера в человеческий разум и удивительное предвидение грядущих событий – такими предстают Аркадий и Борис Стругацкие на страницах этой книги. Читайте, и вы узнаете, какие пророчества наших любимых писателей уже сбылись, и чему из написанного ими еще предстоит сбыться.

- Юлия Черняховская
  -
  - Борис Межуев. Атлантида, которую мы потеряли
  -
  - Введение
    -
    - Взгляд с другой стороны: Что это было?
  - Глава 1. Маяки в Океане будущего
    - 1.1. Художественно-политическая утопия в политической мысли
      - 1.1.1. Художественное и политическое
      - 1.1.2. Роль и место Утопии
      - 1.1.3. Утопия как Врата Эпох
    - Взгляд с другой стороны 1: Философская фантастика как форма политической мысли
    - 1.2. Футурология и фантастика: моделирование

научное и моделирование художественное
- 1.2.1. Прогнозирование и фантастика
- Взгляд с другой стороны 2: Научно-технический романтизм и социальное проектирование в СССР
- 1.2.2. Футурология и Стругацкие – сравнительная хронология
- Взгляд с другой стороны 3: Кем они были?
- 1.2.3. Художественно-политические модели будущего в советской фантастике 1950–1960-х гг.

○ Глава 2. Политическая философия будущего и «критическая утопия» братьев Стругацких. Научно-технический романтизм
- 2.1. Политические идеалы научно-технического романтизма Стругацких
- 2.1.1. Труд Рафаэля
- 2.1.2. Политика и экономика Общества Будущего
- 2.1.3. Общество Познания
- 2.1.4. «Высокая теория воспитания»
- 2.2. Критическая Утопия – противоречия идеального
- 2.2.1. Тупики технократизма
- 2.2.2. Человека и природа – могущество и бессилие хайтека
- 2.2.3. Отсталые общества: вмешательство и невмешательство
- 2.2.4. Проблема «прогрессорства» и моральный выбор прогрессоров
- 2.3. Прогресс и человек
- 2.3.1. Непреодолимость прогресса
- 2.3.2. Узнаем ли Будущее
- 2.3.3. Прогресс и Мораль
- 2.3.4. Страх перед будущим. «Проклятые миры» – удел убоявшихся
- 2.4. Что стоит между нами и будущим?
- 2.4.1. Тупики «Общества Потребления»

        - 2.4.2. Массовая культура, как препятствие на пути в Будущее
        - 2.4.3. Бюрократизация, как угроза для движения к Обществу Полдня
    - Взгляд с другой стороны 4: Кому мешала философская фантастика? И кто хотел уничтожить Утопию?
- Глава 3. Научно-технический романтизм. Реальная политическая философия братьев Стругацких
    -
    - 3.1. Власть в концепте Стругацких
        -
        - 3.1.1. Власть versus культура
        - 3.1.2. Власть, как самоцель
        - 3.1.3. Власть и смыслы власти
        - 3.1.4. Власть, как ответственность
    - Взгляд с другой стороны 5: Стругацкие и секретные службы («бывших» военных переводчиков не бывает)
    - 3.2. Цели и средства в научно-техническом романтизме
        -
        - 3.2.1. Ответственность versus «моральное негодование»
        - 3.2.2. Совесть и Разум в политическом действии
        - 3.2.3. Ответственность за безопасность
        - 3.2.4. Нормы человечества и представители нечеловечества
    - 3.3. Идеология versus обреченность
        - 3.3.1. Семидесятые: идеологический вакуум
        - 3.3.2. Чуждые ценности versus отсутствие ценностей
        - 3.3.3. Обреченность деидеологизированного общества
        - 3.3.4. Идеология versus манипуляция
    - Взгляд с другой стороны 6: Политические взгляды Стругацких – казалось бы… Конечная точка?
    - 3.4. И тем не менее. Политическая концепция братьев Стругацких и их прогнозы: что сбылось?
        - 3.4.1. Протестно-истерический активизм как уничтожение Будущего

        - 3.4.2. Подведение итогов: последние интервью Бориса Стругацкого
        - 3.4.3. Футуристика Стругацких и современная Россия
    - Заключение. Последнее письмо
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38

- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82

- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126

- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170

- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214

- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258

- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302

- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346

- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390

- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418

Юлия Черняховская
Братья Стругацкие. Письма о будущем

Рецензенты:

Заведующий кафедрой политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, д. полит. н., профессор Шабров О. Ф.

Доцент кафедры философии политики и права Факультета философии МГУ им. М. В. Ломоносова, к. ф. н. Сытин А. Г.

© Ю. С. Черняховская, 2016
© Книжный мир, 2016

Борис Межуев. Атлантида, которую мы потеряли

Литературно-философское исследование Юлии Черняховской значительно выделяется на фоне других работ, посвященных творчеству братьев Стругацких, во всяком случае, из тех, что мне известны. Можно сказать, что это на самом деле первое серьезное философское проникновение в мировоззрение писателей, сделанное на хорошем источниковедческом материале, в том числе с использованием архивных данных.

Книга не напоминает сусальную агиографию с оттеняющими набор восторженных слов скандальными подробностями личной жизни одного из братьев подобно увесистому тому Анта Скаландиса, но и не представляет собой рефлексию несколько наивного поклонника в духе «Двойной звезды» Бориса Вишневского.

Работа польского литературоведа Вацлава Кайтоха, которую часто цитирует Юлия Черняховская, осталась в моей памяти благодаря двум-трем ссылкам на любопытные источники, но в целом забылась. К сожалению, автор практически не упоминает вышедшую в 2011 году биография братьев Стругацких в серии «Жизнь замечательных людей», написанную писателями-фантастами Геннадием Прашкевичем и Дмитрием Володихиным[1]. Именно в этой книге взгляд на творчество писателей представляет собой радикальную антитезу тому представлению, что развивает Юлия Черняховская.

Прашкевич и Володихин видят в творчестве Стругацких уже середины 1960-х годов антисоветский подтекст (так, знаменитая повесть «Улитка на склоне» представляется им карикатурой на советское общество). Версия Юлии Черняховской – радикально альтернативна. Она последовательно выявляет и показывает весь жизненный путь творческого тандема Стругацких как путь убежденных коммунистов, во многом более последовательно, по сравнению с современной им властью, отстаивающих идеалы и принципы коммунистического мировоззрения, и предупреждавших власть и общество о неизбежных катастрофических последствиях отступления от этих идеалов и принципов. При этом вынужденных жить в эпоху массового манкирования этими принципами партийной бюрократией. Книга Юлии Черняховской – это книга о людях, воспитанных на коммунистических идеалах, никогда от них не отрекавшихся, но столкнувшихся с практикой власти, которая сама то ли перестала

в них верить, то ли просто их выхолостила. И в результате, вольно или невольно чуть ли не мстила тем, кто эти идеалы сохранил.

Юлия Черняховская очень ярко и точно описывает, в чем эти идеалы на самом деле состояли и почему именно Стругацкие смогли очень ясно показать, чем мог привлечь людей коммунистический проект.

Именно читая их повести, советские читатели осознавали, в чем состоит преимущество коммунизма: не только во всеобщей сытости и отнюдь не в казарменном порядке.

Коммунизм – это общество свободного и творческого труда, в котором каждый человек становится творцом и созидателем, в том смысле, что каждый так или иначе включен в единый и великий процесс человеческого познания, отвоевания у природы ее заповедных тайн. Жаль, что, анализируя утопии эпохи Возрождения именно как предпосылку фантастического жанра, подробно рассказывая и о Томасе Море, и о «Городе солнца» Кампанеллы, Юлия Черняховская не упоминает про третью классическую утопию, которая как раз была бы наиболее уместна для сопоставления с «Миром Полдня» Стругацких – а именно «Новую Атлантиду» Фрэнсиса Бэкона. Мир, которым не просто правят ученые-инженеры, но который и существует ради ученых, ради продолжения процесса познания, устремленного в бесконечность, к полному подчинению природы воле человека.

И, конечно, весь советский проект был именно движением к этой «Новой Атлантиде» на советской земле, и именно в 50–60-е годы этот идеал был как будто ясно понят художниками и писателями и воплощен в их произведениях. Юлия Черняховская много пишет о чувстве победителей, рожденном достигнутыми к 50-м годам победам стране, уверенности в своих силах преобразователей мира, «поэтическом эффекте» Третьей программы КПСС, отразившей ожидания общества и многие видения писателей-фантастов – и еще больше стимулировавшей их и все общество на попытки предвидения коммунизма как ближайшего будущего, как мира, в котором каждый смог бы найти свое место в этом едином пути всего человечества к постижению величайших тайн природы.

В произведениях ранних Стругацких идеалу «общества познания» противостоит образ «общества потребления», к слову сказать, в их произведениях это не столько капитализм веберо-марксовского толка, сколько, скорее, предвидение современной социально-расслабленной Европы, люди которой освободились от тяжелого труда, чтобы уйти в реальные и виртуальные удовольствия. Альтернатива «обществу познания» не только

капитализм, но может быть даже в большей степени общество «детей цветов» 1960-х годов, или, еще точнее, утопии гуру «новых левых» Герберта Маркузе или Тимоти Лири, саркастически изображенных в докторе Опире из «Хищных вещей века».

По большому счету, Юлия Черняховская абсолютно права: советский социализм, как он развивался от Ленина до братьев Стругацких, был радикальным превознесением «воли к истине» над «стремлением к удовольствию», в котором писатели уже со времен тех же «Хищных вещей века» видели что-то глубоко разрушительное для человека. Юлия Черняховская блестяще описывает, как этот идеал «республики ученых» переживает кризис в середине 1960-х и как этот кризис отразился в спорах советских фантастов разных школ и направлений. Гонения на фантастов школы Стругацких в 1966 году она прямо связывает с известной запиской тогдашнего заместителя руководителя отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС Александра Яковлева, будущего «архитектора» перестройки, который увидел в творчестве братьев что-то противоречащее духу социализма. С этого момента у вполне успешных и плодовитых авторов начинаются серьезные неприятности, которые, в конце концов, заставляют их иными глазами взглянуть на проблемы движения к «Обществу Полдня».

Впрочем, Юлия Черняховская утверждает (и подтверждает прямыми высказываниями братьев Стругацких), что не только скончавшийся в 1991 году Аркадий, но и переживший брата на 21 год Борис до конца оставался верен мечте о коммунизме как лучшем будущем человечества. В подтверждение чему она среди прочего ссылается на почти предсмертное письмо писателя ее отцу, философу и политологу Сергею Черняховскому, в котором классик советской фантастики выражал убеждение в неизбежности утверждения «Мира Полдня». Увы, Борис Натанович унес с собой могилу представление о том, какими путями этому Миру будет суждено обрести реальные черты. Я думаю, что он представлял и другие времена, и другие пространства, где Человек Воспитанный мог бы жить, заниматься любимым делом и не мешать жить другим. И было бы очень любопытно поговорить о том, как проявилось в творчестве последователей Стругацких, таких как Вячеслав Рыбаков или Андрей Лазарчук, это понятное патриотическое стремление не дать утопии уплыть окончательно в иные времена и к иным берегам.

«Куда ж нам плыть?» – задавались Стругацкие в последний год «перестройки». Юлия Черняховская отвечает своей книгой: вперед, к классическим идеалам, так ярко и зримо озвученным в прекрасные 1950–60-е, в десятилетие первого советского

Спутника и полета Гагарина. Туда в обретенную нами Новую Атлантиду, которую мы потеряли в 1990-е, погнавшись за призраком «общества потребления». Но здесь бы я хотел от себя поставить большой знак вопроса, потому что сама потеря этой утопии была не случайной: как и показывали, по мнению Юлии Черняховской Братья Стругацкие, испугавшиеся трудностей пути в будущее и проблем будущего – обречены на муки хождения по кругу в тупиках истории. Испугавшиеся проблем Утопии – обречены жить в сумраке Антиутопии. Обречены заблудиться в бесцельном кругообразном движении» глухих и кривых троп истории.

И из этой потери мы вышли просвещенные какими-то неведомыми прежде горькими истинами. Надо признать, что Стругацкие знали эти истины много раньше нас и о многом нас предупредили заранее, и этот их урок нам еще предстоит освоить. Но, конечно, идеал бескорыстного научного поиска и готовности пожертвовать ради него самыми утонченными удовольствиями – это великая правда Стругацких останется с нами всегда. И книга Юлии Черняховской будет вечным о том напоминанием.

Борис Межуев, 1 августа 2016

«Умер Сталин! Горе, горе нам всем. Что теперь будет?..»

Письмо Аркадия Стругацкого Борису Стругацкому от 5 марта 1953 г.

«Терпенью машины бывает предел
И время его истекло
И тот, который во мне сидел
– Вдруг ткнулся лицом, в стекло.
Убит он, я счастлив! Иду налегке,
Последние силы жгу.
Но что это, что? Я в глубоком, пике —
И выйти сам. не могу».

В. Высоцкий. «Баллада о гибнущем истребителе»

«…[далее красным, карандашом.:]

Не поддаваться растерянности и панике! Каждому продолжать делать своё дело, только делать ещё лучше. Умер Сталин, но Партия и Правительство остались, они поведут народы по сталинскому пути, к Коммунизму.

Смерть Сталина – невосполнимая потеря наша на дороге на Океан, но нас не остановить.

Эти дни надо пережить, пережить достойно советских людей!»

Письмо Аркадия Стругацкого Борису Стругацкому от 5 марта 1953 г.

Введение

Постигший СССР/Россию два десятилетия назад так и не преодоленный кризис целостности, обернувшийся территориальным разделом, разрушение прежней экономики, практическая деиндустриализация страны, политическая и подчас межнациональная конфронтация, система расколов, прошедших через все общество, идеологический и аксиологический кризис – все эти проблемы полностью противоречат тому видению будущего СССР и России, которое рисовалось еще три десятилетия назад. Сегодня в российском обществе практически нет не только распространенных идеологических концептов, но и теоретических моделей, политических учений, которые могли бы претендовать на целостное объяснение происходящих процессов. Выявлять намечающиеся тенденции и хотя бы отчасти предсказывать возможные перспективы развития.

Возрастающее значение приобретают прогностические модели социально-политической динамики. Между тем в произведениях советских фантастов третьей четверти XX века подчас содержались политико-философские модели и такого будущего, которое никак не связывалось с ожидаемым оптимистическим вариантом развития советского общества, но оказываются очень схожими с состоянием постсоветской России. И в наибольшей степени это может быть отнесено к творчеству Аркадия и Бориса Стругацких, ставших создателями того, что они называли «философской фантастикой», но что также могло бы быть названо «социальной» или политико-философской фантастикой.

Работы Стругацких – это явление не только российской литературы, но и отечественной политико-философской мысли второй половины XX века. В творческом наследии этих авторов в художественной форме выражена оригинальная модель политического развития, имеющая значение для осмысления как общих процессов трансформации современного общества, так и политических процессов современной России.

Стругацкие, возглавившие течение философской фантастики в СССР в 1962–1968 гг., значительное внимание уделяли разработке политологического аспекта своей концепции будущего.

Многие созданные ими модели будущего напрямую перекликаются с проблемами, которые мы можем наблюдать в современном мире. К ним относятся проблемы сущности власти, особенно – власти в кризисных обществах, проблемы

«деидеологизированного общества», судьбы и направленности общественного прогресса, соотношения политики и морали, политической структуры будущего общества.

Ряд политических прогнозов Стругацких, высказанных как в переписке, так и в художественных произведениях в значительной степени подтвердился, что позволяет ставить вопрос о возможности осуществления и остальных прогнозов. И их фраза, написанная применительно к одному из их миров, находящегося в условиях перманентного кризиса: о том, что приютившая главного героя страна ранее была «значительно обширнее», но провинции ее отпали в результате кризиса, порожденного управлением со стороны выродившейся элиты, вогнавшей народ в нищету и приведшей страну к распаду и катастрофе, – воспринимается сегодня прежде всего как характеристика современной России.

Осмысление тенденций общественного развития в жанре политико-философской утопии, в том числе и утопии Стругацких, выраженной преимущественно в художественных формах, в последнее время становится все более востребованным в политическом дискурсе.

Надо сказать также, что период российской истории с 1917 по 1991 г. до сих пор не имеет однозначной оценки в отечественной исторической науке.

Автор, стремясь воздерживаться от идеологических оценок, придерживается точки зрения, естественной для каждого историка: любой исторический период несёт в себе как негативные, так и позитивные изменения, и не может иметь однозначной положительной или отрицательной оценки. Хотя конечно, в целом – может быть оценен по тому, что он дал людям, которые в этот период жили, стране, в которой они жили и общему мировому развитию. Хотя и цена этих достижений – была огромна.

Отличия исторического пути, по которому Россия двигалась в этот период от исторического пути стран Запада, позволило ей избежать проблем Постмодерна характерных как для европейского общества второй половины XX века, так и для современной России. Кризис же советского проекта, обернувшийся уничтожением существовавшей системы ценностей, не привел к созданию новой аксиологии. Несмотря на то, что с момента раздела СССР к моменту написания работы прошло четверть века, поиски новой идеологической концепции не завершены и продолжаются, все больше обращая внимание мыслителей и аналитиков к опыту советского проекта.

Излишне упрощенными являются попытки перенесения институциональной базы «старого» советского проекта в «новый»

советский проект, предпринятые в своё время С. Кара-Мурзой и его последователями. Для того, чтобы найти решение идеологических проблем современности, необходимо проанализировать позитивные и негативные аспекты идеологических ценностей, предложенных «старым» советским проектом, и причины расхождения идеального советского проекта, существовавшего в умах мыслителей и идеологов, с его реальным воплощением.

Тема социального проектирования в СССР и Советского Проекта, как его основного воплощения, сама по себе является достаточно широкой. В фокусе данной работе – социальное проектирование Аркадия и Бориса Стругацких.

Такой предмет исследования, в первую очередь, отражён в публицистических и художественных текстах этого периода, в частности, в работах Аркадия и Бориса Стругацких, которые и выбраны объектом данного исследования.

Такой выбор обусловлен как популярностью фантастической литературы, так и тесной связью жанра фантастики с социальным и политическим проектированием. Идеальный советский проект находится непосредственно в фокусе внимания советской фантастики названного периода, которая в 60-е гг. XX века становится не только научной, но и социальной, или философской. Философская фантастика отличается от всей предшествующей тем, что основное внимание уделяет не сюжетным или техническим аспектам повествования, а разработке и анализу этических и моральных ценностей, которые, благодаря популярности жанра, становятся элементом обыденного политического сознания[2].

Философская фантастика 60-х гг. в СССР находится на пересечении идеологических представлений общества и власти, так как, с одной стороны, в достаточной мере соответствует ожиданиям общества (что подтверждается её популярностью[3]), и соответствует нормам официальной идеологии. Однако позже эта гармония нарушается. Идеал Советского Проекта в творчестве фантастов отходит на второй план, и распространение получают романы-предупреждения и сатирическая фантастика, отражающая формирующиеся противоречия советского общества.

Этот процесс чётко прослеживается в книгах Стругацких, которые оказались в рядах основателей нового литературно-философского течения социально-философской фантастики.

К изучению произведений Стругацких исследователи обращались неоднократно, – но анализ их идей как политических мыслителей и создателей своего рода политической утопии, до сих пор привлекающей к себе внимание, в политико-философском

ключе практически не проводился. Однако изучение системы их политико-философских и прогностических идей требует рассмотрения этого явления с учетом изучения и роли научной фантастики. И роли и места Утопии в политическом сознании – и анализа сути самого политического сознания.

Начиная свою работу, автор исходил из ряда общефилософских предположений:

1. Политическое сознание одной из своих основных функций имеет познавательно-конструирующую, которая на разных этапах развития может выполняться разными видами политической мысли.

2. Не всякое отражение политического тождественно его познанию, равно как не всегда проявления политической мысли тождественны политической теории.

3. Художественные формы осмысления политической действительности расширяют возможности ее познания и опережения, особенно в условиях, когда встает задача анализа новых аспектов тех или иных политических явлений или собственно новых явлений.

4. Сформировавшееся к 1960-м гг. научное прогнозирование будущего и обратившаяся к этим же проблемам научная фантастика отвечали на один вызревший в условиях перехода от индустриального общества к постиндустриальному, запрос на опережающее отражение на прогнозирование, разнились в используемых ими методах, опирались на общую научную базу – и продемонстрировали не мало разнящуюся точность прогнозов.

5. Создав идеальный конструкт Мира Полдня[4], Стругацкие описали развернутую картину общества будущего, как общества с приоритетной ролью потребностей в познании, всеобщим политическим участием и превращением труда в естественную форму самореализации человеческой личности.

6. В отличие от классической Утопии, идеальный конструкт будущего Стругацкие не рассматривают как венец и конечную точку прогресса, предполагая в нем наличие противоречий, являющихся источником его развития.

7. В своей политической философии Стругацкие предложили видение Прогресса, как неотвратимого исторического движения, не имеющего при этом ценностного измерения, но реализующегося через действия людей, находящихся в ценностном измерении.

8. Выходя за рамки классической Утопии, Стругацкие анализируют основные препятствия, лежащие на пути создания описанного ими идеального конструкта.

9. Одной из центральных тем в политической философии

Стругацких является их анализ проблематики власти, которую, в рамках описания миров, в тупиках исторического развития, они рассматривают с точки зрения ее целей, средств и смыслов деятельности.

10. Стругацкие считают невозможным и деструктивным существование общества в деидеологизированном состоянии.

11. Большая часть картин, описанных в произведениях Стругацких применительно к мирам, отказавшимся от движения в будущее, имеет большую степени сходства с политическими реалиями современного мира, что дает нам основание говорить о высокой степени актуальности их произведений и целесообразности изучения их прогностики и политической философии.

Целью исследования было – на основе изучения всего корпуса текстов Стругацких раскрыть политико-философское содержание их творчества и выявить его связь с фундаментальными проблемами политической теории, провести комплексный анализ и концептуально-целостное осмысление политико-философской теории и политических взглядов Стругацких.

Взгляд с другой стороны: Что это было?

Социальная фантастика – это история будущего. Увы – многие предсказания и предупреждения Стругацких сбылись. И то, что определенные группы выдавали тогда как «пародию на советскую действительность» – сегодня воспринимается как умело написанная картина современного российского общества: и «Обитаемый остров» с его манипулируемым населением и «Неизвестными Отцами», спасшими остатки страны после крушения Великой Империи, и «Град обреченный» в своей последней фазе – Фриц Гейгер, положивший конец разложению города, стабилизировавший ситуацию и накормивший страну, давший ей благополучие – но не знающий, каковы цели и каково будущее, к которому он эту страну ведет. Кстати, в одном из последних интервью такое сравнение привел сам Борис Стругацкий.

Писатель и мыслитель «Аркадий и Борис Стругацкие» – одна из загадок позднего советского общества и истории идей того времени. Он писал на темы будущего коммунистического общества – и многих проблем будущего и настоящего человечества. И оказалось, что его книги завладели вниманием многих людей, он стал сверхпопулярен и на становлении многих оказал огромное влияние.

Для одних братья Стругацкие – антикоммунисты и маскирующиеся под фантастов диссиденты, для других – гениальные провидцы и предсказатели, для третьих – тайный рупор не то ЦК КПСС, не то КГБ, для четвертых – сознательные борцы с диссидентством и апологеты коммунистического общества.

Отсюда вопрос: так каковы все же были их взгляды?

Фантастика всегда экстраполирует некое представление о сути исторического процесса в прошлом на его развитие в будущем.

Среди прочего, что особо важно – фантастика вообще и социальная фантастика в частности – это историческая форма общественного и политического сознания, то есть она рождается в определенных исторических условиях и развивается под воздействием истории, отвечая на те вопросы, которые, в том или ином историческом контексте, задает общество, пытаясь предугадать свою будущую историю.

Надо иметь в виду, что взгляды Стругацких менялись. Они были рождены периодом общего послевоенного подъема, торжествовавшего в тех условиях исторического оптимизма

людей, ощущавших, что они живут в самой справедливой и самой прогрессивной стране мира – и вот-вот еще немного, и они создадут то, о чем мечтало человечество.

Ряд исследователей вообще полагает, что «Обитаемый остров» и «Град обреченный» – откровенно антидиссидентские вещи, предупреждающие об опасности слома системы без понимания ее сущности и готовности взять на себя ответственность за сотворенные тобой последствия.

Аркадий Стругацкий, по некоторым воспоминаниям, прямо говорил одному из молодых авторов: «Ситуация изменилась. С оттепелью покончено. Теперь нужно будет буквально хватать кое-кого за руки, чтобы не натворили бог весть чего». Недолгий оптимистический всплеск их настроений можно увидеть в «Хромой судьбе» – отразившей надежды, связанные с приходом к власти Андропова.

На «перестройку» они откликаются двумя сумрачными произведениями: «Отягощенные злом» – в котором явно декларируют, что безудержный энтузиазм «борьбы за обновление и социальную справедливость» может обернуться лишь уничтожением тех реальных ростков будущего общества, которые только нарождаются в нашей жизни, – а также «Жидами города Питера» – в которых откровенно показывают неспособность «перестроечной интеллигенции» взять на себя ответственность за судьбу страны, ее вторичность и неготовность существовать иначе, как с позволения власти – и потенциальную готовность предать все провозглашаемые ею идеалы за личное благополучие и безопасность.

Эта пьеса становится, по сути, последней их совместной работой.

Аркадий умирает осенью 1991 года. Четверть века назад. Одновременно с поражением социализма, разделом СССР и, как тогда казалось, крушением идеи коммунизма, в которую они так верил.

Таков, вкратце, ход эволюции и изменения их взглядов под воздействием событий истории.

Но встает вопрос о том, каким оказался рубеж их эволюции? Каким идеалам остались они верны – и остались ли?

Кто прав: борющийся за справедливость и готовый к разрушению – или медленно подготавливающий спасение? И Стругацкие не дают окончательного ответа – но чувствуется в общем контексте, что склоняются ко второму варианту. Прогрессор – это человек, который принимает вызов, соглашаясь на попытку ускорить прогресс – и сознающий при этом как малы его шансы и каковы его риски. А еще – понимающий, что если ему

что-либо и удастся – то это будет достигнуто такими средствами, которые могут оказаться не одобренными его современниками – и все равно идущий на это для спасения миров.

Без свободы – нет развития. Нет движения вперед.

Свободы нет без идеологии. Свобода – может отчасти быть сохранена в мире манипулируемого управления, но свобода абсолютно уничтожается в мире «идеологического вакуума» – хотя внешне он может представляться самым свободным из миров.

И самое главное в свободе – это свобода труда. Стругацкие не отказываются от этого до конца, Три компонента свободы: заниматься любимым трудом, заниматься им свободно (свобода творчества), быть свободным в занятии им и от этого получать самое большое удовольствие в жизни. Это и их общий вывод, и их общий рефрен.

Глава 1. Маяки в Океане будущего

1.1. Художественно-политическая утопия в политической мысли

1.1.1. Художественное и политическое

Проблема политичности искусства одна из традиционных тем обсуждения творческих, политических и теоретических дискуссий.

В свое время В. Г. Графский выделял три основные формы обсуждения природы властных отношений: произведения политико-философские (от диалогов Платона и трактатов Аристотеля до «Философии права» Гегеля), политико-наставительные (биографии Плутарха, «Артхашастра» Каутильи и до «Государя» Макиавелли), но особо – мифопоэтические, художественно-образные, к которым он причисляет и древние мифы, и классические произведения политической мысли, подобные «Утопии» Т. Мора или «Новому прекрасному миру» О. Хаксли[5].

Не менее интересна и позиция Ж.-П. Сартра, который отмечал, что писатель, в отличие от поэта, самой сутью своего творчества обречен на политическое осмысление окружающей его действительности. По его мысли, поскольку проза несет в себе начало утилитарности, как определенный семантический язык, «прежде всего определенная установка ума»[6], а «писатель должен о чем-то говорить» – он с известной неизбежностью оказывается «вовлеченным» в мир политической «ангажированности».

Само наличие этих двух соприкасающихся форм сознания – самим их соприкосновением предполагает некое начало диалогичности. Мы потому и сталкиваемся со сложностью разграничения политического и художественного сознания (равно как и научно выраженного и художественно отраженного, и точно так же – научно и художественно осмысленного), что все эти пары находятся в постоянном диалоге друг с другом. Данный постоянный обмен как раз и превращает границу разграничения художественного и политического сознания в их взаимный переход и потому создает зону не только их соприкосновения, но и наложения.

Интересно положение Ж.-П. Сартра о трех сторонах отношения политического и художественного[7]: первая – подключение искусства к политической жизни в моменты ее активизации (через легитимацию идеалов), вторая – обмен

информацией при опосредованном влиянии политических идей на идеи художественные. Третья – взаимный интерес политического и художественного сознания в попытках понять друг друга.

Хотя этот диалог – и по содержанию, и по форме – возможен именно в силу того, что несет в себе не апологетическое, а критическое начало. То есть, определенная проблема их разграничения заключается и в том, что в этом критически ориентированном диалоге существует как момент взаимонаполнения, так и момент некоторого взаимного отрицания.

Если верно, что стать гениями в своем художественном творчестве великие мастера от Аристофана до Шекспира, от Свифта до Гойи, Домье, Мазереля, смогли и потому, что отразили и выразили насущные проблемы мира, который их окружал – то и гениальным политическим деятелем человека делает его способность привнести в его род деятельности определенное художественное совершенство и искусство.

Речь в данном случае идет не только о присутствии в политике, особенно современной, определенной «роли игрового момента» и «воздействии атрибутивных свойств художественного сознания времени и художественных традиций на форму поведения личности в политической сфере», и даже не о широком использовании политикой эстетической законченности и жанрового строения как принципа построения политического действа – что тоже верно и важно. Дело в том, что политика – во всех своих проявлениях – сама оказывается созданием новой реальности, а политическое сознание обладает характером и конструирования нового мира, и образного выражения этого конструирования и моделирования.

В этом отношении также особо интересно тонкое замечание Х. Ортеги-и-Гассета, который отмечал инструментальную значимость художественных приемов в политическом познании. Он называет метафору – незаменимым орудием разума, формой научного мышления. Новое понятие, как поясняет он, ничего не говорит окружающим. И ученый или мыслитель, создавая или открывая новое, всегда оказывается вынужден найти ему некое имя, которое формально будет не вполне точным с научной точки зрения, но наиболее понятно сможет выразить это приемлемым для аудитории языком. Он подмечает, что без метафоры вообще сложно мыслить о непонятных для разума предметах – и в этом отношении определяет ее как «действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям. Посредством близкого и подручного мы можем мысленно коснуться отдаленного и

недосягаемого. Метафора удлиняет радиус действия мысли, представляя собой в области логики нечто вроде удочки или ружья». То есть, художественные приемы оказываются необходимы для научного осмысления и научного понимания и предсказания познаваемого.

Метафорические и художественные формы оказываются носителями как инструментария научного познания, так и соединения двойных смыслов – политических и художественных, поля их наложения и синтеза.

Отдельно нужно отметить, что такое соединение двух начал, политического и художественного, и отражения действительности – создает и в чем-то более глубокое смысловое поле, поскольку действительно художественное сознание, обращаясь к политическим проблемам и становясь отчасти составным началом политического сознания, осмысливает его через обращение к «вечным темам» – борьбы зла и добра, жизни и смерти, любви и ненависти, смысла жизни, не говоря уже о «политической» и «вечной» теме соотношения свободы и власти, равно как его роли в истории.

Тем более роль синтеза политического сознания и художественного творчества исторически оказалась значима для России, как минимум со времен психологического романа последекабристского романтизма, когда в русской литературе возникает жанр романа идей.

1.1.2. Роль и место Утопии

Всё равнее сказанное приводит нас к мысли, что существует пространство, в котором политическое, научное и художественное соединяются, создавая особую сферу.

Надо уточнить, что говоря об «утопии» мы имеет в виду не её бытовую и порядком уже устаревшую трактовку «несбыточности» – а изначальное значение этого слова: «У-Топос» – «Место, которого нет». Но «нет» не значит «не может быть никогда». Как писал Вебер: «Верно, что успешная политика всегда есть искусство возможного, если правильно понимать это выражение. Однако не менее верно, что часто возможное достигается лишь потому, что стремились к стоящему за ним невозможному». Ламартин говорил также: «Утопии – это зачастую лишь преждевременные истины», а Ф. Полак: «Утопия всегда была мощным рычагом социального прогресса и помогала осуществить важнейшие исторические изменения».

Последний вообще особое значение придает социальному критицизму как наиболее значимому моменту утопии – хотя

одновременно он и полагал, что как раз идеальное конструирование находится на периферии утопического сознания, и утверждал наличие пропасти между утопией и политикой, равно как и утопией и «социальными реформами»[8]. Действительно, среди ученых и политических философов, причем разного времени, существовала традиция критики утопии как таковой. Тот же С. Л. Франк видел в ней определенную попытку совершения насилия над естественным ходом вещей и привычками людей: «Именно в этом замысле построить совершенно новый мир… через принудительное утверждение в нем праведного порядка, и состоит существо утопизма»[9].

Создавший печальную антиутопию Дж. Оруэлл обвинял Г. Уэллса чуть ли не в том, что мировоззрение последнего было поставлено на службу нацизму.

Мы не будем пытаться выделить лучшие и худшие черты тех или иных утопий. Единственно, что нужно всё-таки уточнить, это то, что, во-первых, любая утопия несет на себе не только черты отрицания рождающего ее мира – но и его противоречивость. Поэтому любая критика той или иной конкретной утопии – это, как ни парадоксально, одновременно и критика того мира, который ее рождает. Важнее, как представляется, все же иное – главное в Утопии это в первую очередь не произвольность, а поиск – попытка найти новые решения тех проблем современности, которые не удается решать известными способами. Хотя, строго говоря, автор полагает в значительной степени справедливым утверждение, что утопизм вообще является неким универсальным – и потому необходимым свойством сознания[10].

Ещё важнее другое. Утопия – та самая точка пересечения художественного и политического. И те критические точки зрения, примеры которых были приведены ранее, в первую очередь как раз и связаны с определенным как художественным элементом утопии как таковой, так и ее политической альтернативностью, т. е. как пространства соединения художественного и политического сознания, в силу близости качеств художественного и утопического сознания. То есть, в конечном счете, как раз и подтверждают приведенный выше тезис об утопическом сознании как пространстве соединения художественного и политического сознания.

Более того, в ее, утопии, анализе присутствует и еще один интересный момент. В этом отношении речь идет о признании утопии конструкцией, концептуально-упорядоченно отображающей содержание политических процессов, что, в соответствии с принятыми сегодня представлениями, является

содержательным представлением политической теории.

Создание идеала будущего оказывается требующим прогноза еще только смутно осознаваемых потребностей, когда политическое сознание для выхода на теоретический уровень нуждается в обращении к фантазии и воображению.

В свое время считалось, что создание образов идеального общества в виде утопий в основном связано с периодом XVI–XIX веков – периодом, когда не существовало оформившихся наук об обществе. О значении именно этого периода для развития утопии пишет СВ. Евдокимов, отмечая, что политическая утопия была формой исторического сознания эпохи Модерна, когда размещение ею своего идеала в будущем создавало историческую динамику как внутренний рычаг развития современного общества[11].

Такой известный исследователь политического сознания, как Е. Шацкий полагал, что: «Утопия прочно держится в седле, хотя и подвергается в современном мире существенному преображению»[12], – выделяя при этом два направления современного ему утопизма. Первое – увлеченное возрастанием возможностей науки и глобального социального переустройства. Второе – связанное с исследованием внутреннего мира человеческой личности.

Если все же исходить из вышеприведенного положения об утопическом сознании как неком универсальном свойстве сознания и общественного познания, наверное, можно делать вывод, что создание утопий – это не временный преходящий период человеческой истории, а нечто воспроизводящееся на разных ее этапах, причем в разных формах и с определенным разным наполнением. То есть это – некая поисковая форма, в которой человек исследует те явления жизни, с которыми сталкивается как с новыми и для строго научного изучения которых сольно вырабатывает методику и инструментарий. И в этом отношении та критика, которой многие исследователи и философы подвергают утопическое сознание, во многом может признаваться и справедливой, но сама эта критика становится возможной тогда, когда социальная апробация утопий накапливает для нее эмпирический материал. То научное знание, которое позволяет критиковать Утопии, всегда своим существованием оказывается обязано как раз существованию Утопий, и без последней, скорее всего, не смогло бы возникнуть. Хотя нельзя исключать и иное положение вещей – когда та или иная Утопия сама критикуется не с точки зрения превзошедшего ее научного знания, а всего лишь с точки зрения другой и, возможно, менее обоснованной Утопии.

Утопии в разных ситуациях действительно могут быть очень разными и касаться очень разного. Как писал тот же Е. Шацкий о «новых утопиях» второй половины XX века: «Прежняя утопия была применением Истины, существующей вне индивида и открытой для него Учителем; новая утопия понимается как извлечение на свет внутренней истины каждого из ее приверженцев».

При этом сочетания художественного и политического сознания в утопиях в разных формах осуществляются в разных исторических условиях.

1.1.3. Утопия как Врата Эпох

Возникая на разных этапах развития общества и познания, та или иная новая утопия опирается на разный уровень развития научных представлений. В силу этого при увеличении общенаучного багажа общества, на основании которого она делает свои художественно-оформленные построения, ее конструкции приобретают содержание, не противоречащее общепринятым научным представлениям.

Утопия – это одна из форм времени, возникающая, когда она оказывается временем востребована. Создать произвольную фантазию можно в разные моменты истории. Но это не сделает ее собственно утопией – то есть неким приковывающим внимание и завораживающим образом Нового Мира. Нельзя игнорировать тот факт, что первые знаменитые утопии: собственно «Утопию» Т. Мора и «Город Солнца» Т. Кампанеллы создали не просто писатели, а крупные политические деятели своего времени, люди, уже чувствовавшие и выразившие некие вопросы и ожидания эпохи. И первые знаменитые утопии оказались исторически значимы и привлекают к себе внимание на протяжении нескольких столетий потому, что оказались эмпатичны запросам общества, затронули волновавшие его и волнующие до сих пор проблемы.

Те авторы, которые упрекают утопистов в произвольности построений, как минимум не учитывают важный нюанс – если бы критикуемые ими построения были действительно произвольны, их, скорее всего, не пришлось бы критиковать просто в силу того, что они не имели требующего критики общественного значения.

И в первую очередь именно это оказалось свойственно классической утопии. Применительно к последней можно говорить об особом значении именно данного явления, утопий названной эпохи, связанном, прежде всего, с историко-политической обусловленностью запроса на них и его особыми условиями.

Можно говорить, что особый запрос на утопию возникает в ситуации, когда имеется в наличии совокупное действие трех факторов.

Первый: существует потребность общества в социальном прогнозировании своего будущего состояния – в первую очередь, как альтернативного имеющемуся.

Второй: наличная научная база еще не позволяет осуществить данное прогнозирование на строго научной основе, требует фантазии и воображения, о чем писал Х. Ортега-и-Гассет, говоря о научно-познавательной роли метафоры.

Третий – уже обозначенный момент политического запроса на художественное выражение, рассмотрение политического идеала в качестве эстетической категории.

При этом О. Б. Манжора полагает, что это именно единственная подобная ситуация. Однако можно обратить внимание, что хотя все три названные фактора действительно были присущи данной конкретной, во многом уникальной эпохе – сами они, как представляется, не могут рассматриваться как однозначно уникальные.

По мнению С. В. Евдокимова, утопия как явление есть свойство «любого общества, находящегося в ситуации исторического перелома и выбора дальнейшего исторического пути» – и она активизируется на тех этапах, когда общество сталкивается с проблемой кризиса исторических перспектив[13].

Точно так же мы не может говорить ни о том, что само их сочетание абсолютно неповторимо в принципе, ни о том, что такое сочетания заведомо не возникало в иные исторические моменты.

Однако если попытаться в общих контурах определить, в чем заключалась историческая и общественная сущность названной эпохи – то можно было бы говорить, что при возникновении ситуации, обладающей определенным подобием названной эпохи, подобный же запрос вновь оказался бы по-своему воспроизведен.

Если использовать для определения эпохи XVI–XIX веков классическую терминологию: «переход от феодализма к капитализму», можно было бы говорить, что речь идет о ситуации межформационного перехода – и, следовательно, отчасти речь о повторении подобного же запроса в ситуации «перехода от капитализма к социализму», а возможно – «от социализма – к коммунизму».

Однако автор отдает себе отчет, что использование данного категориального аппарата могло бы вызывать известные герменевтические сложности. Поэтому представляется целесообразным использование терминологии, не связанной с

идеологическими нюансами.

В терминах, относящимся не к формациям, а к технологическим эпохам речь вполне может идти об определении данного периода как «перехода от аграрного общества к индустриальному». Понятно, что эпоха индустриального производства не могла быть описана в понятиях, представлениях, терминах эпохи аграрного общества – и это создало первую эпоху запроса на утопию, который был снят развитием политической науки и научных представлений индустриального общества.

Вряд ли можно отрицать, что данные научные представления были несопоставимы с политическими представлениями аграрного общества – и не только в части отличия трактовок, но и в отношении накопленного научного багажа общественных наук. Однако понятно, что многие представления последних, вполне адекватно описывая проблематику своей эпохи, оказались не готовы к прогнозированию и научному описанию уже такого явления, которое последние десятилетия принято условно определять как «постиндустриальное общество». И не случайно одна из основных классических футурологических работ, посвященных этой проблеме, была названа: «Шок будущего»[14].

В таком случае следует признать, что данный период нового «межэпохального перехода» тоже должен был воспроизвести новый запрос на всплеск утопического сознания, то есть, на новый художественно-прогностический поиск и создание новых утопий, которые так же могли бы отличаться от утопий прошлого, как новая эпоха перехода отличалась от прежней. Иначе говоря, привести к рождению эпохи «Второго утопического запроса».

Утопия есть отражение требования самоидентификации общества и определения проблемного поля его перспектив.

Время ощущения и осознания приближения новой эпохи, когда шаг за шагом общество осознает исчерпание – это изначально период конца 1950–60-х гг., обозначенное развитием новой электроники, освоением атомной энергии и выхода человечества в Космос.

В СССР это время было отмечено расцветом масштабной научно-фантастической литературы – причем, что особо важно, ее переходом от «технической фантастики» и «фантастики ближнего прицела» к «социальной фантастике» и созданию развернутых картин о будущем – в первую очередь, как тогда представлялось, – коммунистическом.

Но мы видели, что подобная эпоха и должна была породить подобный запрос. Более того, говоря о специфике данного времени в связи с проблемой синтеза художественного и политического сознания, О. Б. Манжора высказывает крайне

интересное положение: о выражении этого запроса в главном политическом документе того времени – Программе КПСС 1961 года.

Оставляя в стороне вопрос об адекватности или неадекватности данного документа подлинной действительности и «разнообразности» ее смысловой трактовки, важно в приведенной выдержке отметить такие моменты, как определение «поэтического характера» политического документа, способность последнего к эмоциональному воздействию и создание им «творческого импульса, направленного на преобразование мира».

Признание этих моментов, как и появление данного документа, и его общее политическое воздействие, как представляется, подтверждает высказанное предположение о воспроизведении в указанный период – и о принципиальной возможности воспроизведения в период межэпохального перехода – запроса на создание масштабных художественно-политических утопий прогностического характера.

В связи с этим можно высказать и еще одно предположение, касающееся данного вопроса.

В эпоху первого утопического запроса, при переходе от аграрного общества к индустриальному, этот переход обращался к сознанию людей в первую очередь своей ближайшей, непосредственной стороной – утверждением частной собственности и разрушением прежних форм имущественных отношений. Реагируя на негативные моменты этого процесса, создававшиеся тогда утопии предлагали не отказ от перехода к новой эпохе, а пытались осуществить своеобразное его альтернативное прогнозирование: описать состояние новой эпохи без приносимых ею негативных последствий – то есть описать альтернативу ей – но именно альтернативу будущего: так, собственно, создавался образ индустриального общества, но не с частной, а с общественной собственностью[15].

Можно предполагать, что утопии свойственна способность в своем прогнозе перешагнуть через ближайший этап и описать некую очищенную сущность новой эпохи. Что не отрицает и факта существования утопий, идеализирующих прошлое.

Если экстраполировать это на ситуацию эпохи Второго утопического запроса, т. е. «перехода от индустриального общества к постиндустриальному», можно предположить и здесь определенное «опережающее описание». Убедительность описания и является показателем свойства большой политики: в этом отношении, можно говорить, что политика становится большой политикой, когда оказывается совместима с утопией: политика, направленная в будущее, обязательно занята поиском

идеалов, и, в конце концов, основывается на представлении о базовых политических идеалах общества, а в последнем всегда есть нечто от утопии, если понимать ее именно в указанном смысле – как принятие вызова на построение лучшего, альтернативного мира.

Исчерпание индустриальной эпохи, вполне естественно, ставило вопрос о новом запросе на конструирование контуров перехода к постиндустриальному обществу. В известном смысле, в его трактовках возможно как минимум два различных видения. Первое – это «общество потребления и услуг», где на базе развития науки и техники обеспечено условное «всеобщее благоденствие», и большая часть людей, будучи выведена из процесса непосредственного материального производства, задействована в первую очередь в сфере досуга и услуг. Второе – «общество познания», где главной ценностью людей становится не наращивание потребления, а поиск и производство нового знания. Большая часть людей выведена из материального производства – и получает возможность посвятить себя творчеству, познанию, научной деятельности.

В обществе подобного типа центр тяжести человеческой деятельности переносится с борьбы за биологическое существование и потребление на созидательную деятельность, с одной стороны, позволяющую в своем процессе обеспечить развитие самого человека, с другой в реализации человеческих способностей развивающей возможности и потенциал человеческой цивилизации.

Утопия данного периода должна была оказаться конструированием и противопоставлением развитого состояния «постиндустриального общества» – «общества познания» – его ближайшему, неразвитому и вызывающему интеллектуальный протест состоянию – «обществу потребления».

Причем нужно отметить, что данное предположение об утопическом опережении не только сегодняшнего дня, но и ближайшего будущего, обращение к поиску будущих форм самого наступающего будущего – также вписывается в положение о способности политического сознания к опережающему отражению и тезис об особенностях изучения сферы политики в условиях переходных периодов.

Анализируя проблему утопии, в самом феномене утопии можно найти как сильные, так и слабые стороны. Общая традиция, связанная во многом с переходом от утопического к научному осознанию перспектив развития общества, подвергала утопическое сознание рационалистической критике. Но вопрос не в том, имеется ли в утопии то, что мы могли бы критиковать, а в

том, имеем ли мы дело с утопическим сознанием в условиях, когда оно помогает раскрыть новые горизонты – или когда начинает препятствовать осмыслению политической реальности с научных позиций.

Точно так же критика утопии может осуществляться с позиций неприятия предлагаемого ею осознания, что мир может быть лучше, иным, чем он есть сейчас – или с позиций перехода от его сугубо романтического представления к научно-рациональному. Соответственно речь идет не о том, чтобы как-то «вознести» утопию, а о том, чтобы показать ее значение как *формы политической мысли,* которая в определенных условиях может быть уместной *и в такой форме* может существовать достаточно серьезная политическая мысль.

Взгляд с другой стороны 1: Философская фантастика как форма политической мысли

Часто случается, что политические и политико-философские работы появляются в форме художественных произведений. «Утопия» Томаса Мора, – формально нечто близкое роману странствий. Произведения Вольтера – во многих случаях пьесы и романы. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать» и говорить не приходится.

Для данного исследования наиболее интересны возможности использования в качестве формы политической мысли жанра фантастики.

Философская фантастика имеет два корня: Миф и Утопию. Первый относится в большей степени к происхождению её формальной части, т. е. фантастического элемента. В то же время этим его значение не ограничивается.

Мифологическая картина мира является первым способом осознания окружающей реальности как целостного объекта осмысления. Фантастическим существам – духам и богам – отдаётся роль катализаторов процессов, происходящих в мире, как в природе, так позднее и в социуме. Из мифологии же проистекают истоки этики, а философские трактаты античных авторов тесно переплетаются с мифологией. Так, создавая одну из первых моделей прогресса, Гесиод использует художественные термины золотого, серебряного и бронзового «родов» и увязывает их смену с общеизвестными мифическими эпизодами.

Главная задача мифа заключается в том, чтобы задать образцы, модели для всякого важного действия, совершаемого человеком, миф служит для ритуализации повседневности, давая возможность человеку обрести смысл в жизни.

По версиям сторонников теории палеоконтактов, мифы – это история, реально происходившие события. Современным примером такого значения слова «миф» является «культ карго». Поэтому они предлагают религии и науке по-новому взглянуть на мифологию. В качестве примеров при этом приводят описания странных явлений, например из Библии, и дают им новые объяснения, используя современные знания о науке, научную терминологию.

Научная же фантастика появляется в период научно-технической революции, когда на смену старому, иррациональному мифу приходит вера в познаваемость мира.

Таким образом, функционально она является преемником мифа. Её зарождению предшествует отказ от религии как от способа восприятия мира и зарождение такого понятия, как «научная картина мира». Таким образом, понятие «научной фантастики» социально в своей основе. Её зарождение является откликом на изменения в массовом сознании. Тем не менее, появлению «философской» фантастики предшествует длительный период развития жанра.

Зародившись в середине XIX века, в начале XX столетия фантастика осознаёт себя как нечто, имеющее право на самостоятельное существование. Первая четверть XX столетия вместила в себя революционные изменения устоев фундаментальных наук – от физики до биологии. В это время был создан огромный идейно-информационный потенциал, к освоению которого смогли приступить прикладные дисциплины. Телефон, радио, автомобиль, электричество, авиация и без того уже достаточно быстро изменяли нормы жизни, а возникающие перспективы казались захватывающими и парадоксальными. Отсюда достаточно массовое стремление приблизиться к знаниям, которые ранее были уделом узкого круга учёных. Возникшая потребность не удовлетворялась за счёт случайной информации, распространяемой средствами массовых коммуникаций, а эпоха наглядности (телевиденье, а тем более Интернет) ещё не наступила. Популяризаторская литература тогда ещё не была массовой, да и требовала она, в какой-то степени, подготовленной аудитории. Потребность эмоционального сопереживания, эмоционального «подключения» к научному контексту эпохи, потребность политического сознания не в самих даже научных результатах, но в их зримых образах, приспособленных к потребностям и возможностям достаточно широкой аудитории, также способствовала становлению новой литературной системы.

Однако со временем точка зрения, обосновывающая научный подход к фантастике, дискредитировала себя. Развитие науки всё менее совпадало с прогнозами писателей фантастов. На Западе непосредственно научная фантастика утратила актуальность, постепенно переродившись в более распространённый теперь жанр фэнтези. Это стало возможным благодаря тому, что литература, как и производство в целом, были ориентированы на интересы потребителя. В СССР же жанровые границы литературы задавались редакторами и цензорами, фэнтези жёстко критиковалось из-за отсутствия идейного содержания, хотя от научной фантастики оно отличается лишь формой, в которой автор высказывает свои мысли. Фантастика нашла другой выход

из кризиса – отказ от научных объяснений в пользу социально-философского содержания. И одними из родоначальников философской фантастики в СССР стали Стругацкие.

Сильнейшим ударом по западной научной фантастике стал запуск искусственного спутника в СССР в 1956 г. Научная фантастика утратила элемент несбыточности. Немаловажным было и то, что первыми фантастику в жизнь воплотили именно в СССР, стране неизвестной и кому-то казавшейся опасной. Дальнейшая реализация прогнозов писателей фантастов таила в себе угрозу.

Самые распространённые сюжеты фантастики этих лет:

• катастрофа (ядерная война и в результате – «новое средневековье») популярна в силу изобретения и применения ядерного оружия: Г. Канн «Термоядерная война», П. Джордж «Доктор Стрейнджлав», Н. Шют «На берегу», А. Азимов «Камешек в небе» и др.;

• катастрофа, где в качестве катаклизма выступает инфекция или растение (фактически воплощает страх перед биологическим оружием): Д. Кристофер «Смерть травы» (инфекция уничтожает всю зелёную массу на Земле), К. Абэ «Четвёртый ледниковый период», Д. Уиндэм «День триффидов»;

• угроза захвата Земли инопланетянами (страх перед внешним вторжением, а единственный носитель реальной угрозы такого вторжения – СССР): изобретение и конструирование роботов и искусственного интеллекта: самым первым романом на эту тему можно назвать «Франкенштейна» М. Шэлли, вторыми – «Будущую Еву» Вилье де Лиль-Адана и «R.U.R.» К. Чапека, далее самый яркий – «Я, робот» А. Азимова (роботы разработали собственную метафизику), Г. Гаузер «Мозг-гигант», Б. Олдисс «Но кто заменит человека?», П. Андерсон «Сироты пустоты», С. Лем «Охота на Стэвра» и «Непобедимый» и многие другие. В отличие от советских романов этой тематики, западные носят характер предупреждения;

• галактические империи, космические пираты, первопроходцы: А. Азимов посвятил этой теме цикл «Транторианская империя», Дж. Р. Клью «Золотой плывун» о продолжительной космической битве, Д. Блиш «Землянин, возвращайся домой» о космических кочевниках, Г. Гаррисон «Билл – герой галактики», «Стальная крыса».

Важно отметить, что в этот период фантастика выходит за рамки final fantasy («фантастики как цели»), фантастический элемент становится лишь литературным приёмом, а проблемы, поднимаемые научной фантастикой, смыкаются с политической проблематикой мейнстрима.

В рамках модерна научно-фантастическая литература выступает как литературная система, отвечающая требованиям эпохи. В ней проявились такие характеристики, свойственные европейской политической культуре, как рациональность, вера в бесконечность, неисчерпаемость и необходимость прогресса, в идеалы эпохи Нового времени, ориентация на воплощение совершенного устройства социума, выраженная в изображении эволюции технологий и неизменной при этом человеческой природы.

1950-е гг. стали на Западе периодом перехода к особому типу мировоззрения – постмодернистскому. Постмодерн ориентирован на формирование такого жизненного пространства, в котором главными ценностями становятся абсолютная свобода, спонтанность деятельности человека, игровое начало. Постмодернистское сознание направлено на отрицание всякого рода норм и традиций – этических, эстетических, методологических и т. д., на отказ от авторитетов любого ранга, начиная от государства, великой национальной идеи, этических парадигм и кончая правилами поведения человека в общении с другими людьми.

Отголоски этих тенденций дошли и до Советского Союза, где в этот период возникает диссидентское движение.

Постмодерн в европейской культуре начался с критики рационалистических проектов эпохи Просвещения и Нового времени, которые базировались на доверии к законодательному разуму и его возможностям. Стремясь избавить культуру от «диктата» разума, постмодерн оставляет за ним только одну функцию – интерпретативно-толковательную. Разум должен заниматься не познанием истины, а интерпретацией, толкованием мира как текста.

Таким образом, новый смысл и новые функции фантастика обретает уже во второй половине XX века. Начиная с 50-х гг. как на Западе, так и в СССР получает распространение явление философской фантастики.

Этот вид фантастики в СССР развивается в тесной связи с политическими событиями современности и оказывает заметное влияние на формирование политической позиции в среде её читателей – в первую очередь интеллектуальной элиты СССР.

Функции философской фантастики также модернизируются по отношению к задачам мифа и научной фантастики. Её основными задачами становятся осмысление социальных, политических и философских проблем, футурологическое прогнозирование.

В основе метода футурологического прогнозирования,

который используется в философской фантастике, лежит метод, который можно назвать методом «гипертрофирования существующих тенденций».

Этот метод подразумевает выделение некой тенденции, которая, по мнению аналитика, зачастую несёт в себе угрозу существующей политической системе либо напротив, служит ей поддержкой, и создание государственной модели, где эта тенденция оказывается доминирующей.

Эта модель может быть помещена как в прошлое, так и в будущее, либо отдалена от существующего государства географически, может также находиться в неком искусственном мире, функционирующем по своим законам. Последнее более характерно для западной фантастики, хотя встречается и в отечественной («Хищные вещи века» Стругацких). В целом расположение такой модели и её черты в СССР сильно ограничены требованиями соблюдении научной достоверности и следования теории научного коммунизма.

Подобные модели могут быть как утопичны, так и антиутопичны по своей природе.

Они тесно связаны с политической ситуацией, современной создателю модели, находятся под её влиянием, как в период создания, так и в период распространения.

Впервые этот метод применяется в XIX веке Даниэлем Дефо в романе «Робинзон Крузо». В своей модели, географически отдаленной от европейских стран, аналитик создаёт политическую модель, состоящую из одного человека, тем самым до предела развивая либеральную тенденцию к индивидуализации и полной свободе.

Фантастике этот метод присущ изначально. Его использует уже один из первых западных научных фантастов – Герберт Уэллс. Используя фантастический элемент – машину времени, – в одноимённом цикле произведений Герберт Уэллс создаёт модель политической системы, которая должна возникнуть, если Запад не найдёт выхода из бесконечной классовой борьбы. Он также рассматривает угрожающие перспективы развития науки, удачно прогнозируя появление оружия массового поражения и военной авиации.

Помимо этого Герберт Уэллс использует особый приём, связанный со спецификой введённого им фантастического элемента – он создаёт политические модели в рамках развития альтернативной истории, то есть рассматривает возможное усиление или ослабление тех или иных политических тенденций, в случае, если бы определённое политическое событие имело другой исход.

Тем не менее, в целом произведения Герберта Уэллса ещё не являются философской фантастикой, значительное внимание он уделяет прогнозированию научных открытий и их последствий.

В отечественной практике первые попытки метода гипертрофирования политических тенденций относятся к 20-м гг. XX в. В этот период духовная жизнь гражданского общества так ил и иначе связана с осмыслением глобальных политических изменений, произошедших в стране в 1917 г. Противники революции в основном оказываются в эмиграции, но для данного исследования больший интерес представляет политическая мысль её сторонников, потому как на волне духовного обновления и открытости к переменам очередной толчок получает направление философской фантастики и, в частности, гипертрофирование тенденции мировой революции А. Н. Толстым («Аэлита»), который распространяет её не только на всю землю, но и переносит на Марс.

В своём произведении А. Н. Толстой полемизирует с политическими теориями Герберта Уэллса, с пессимистической проповедью «заката Европы» Освальда Шпенглера и некоторыми другими западными философскими теориями.

Он высказывает также ряд собственных метафизических идей:

• Толстой принимает существование Атлантиды и борьбу рас как двигатель древней истории.

• «Во вселенной носится живоносная пыль, семена жизни, застывшие в анабиозе. Одни и те же семена оседают на Марс и на Землю, на все мириады остывающих звёзд. Повсюду возникает жизнь, и над жизнью всюду царствует человекоподобный: нельзя создать животное, более совершенное, чем человек, – образ и подобие Хозяина Вселенной».

• «Разум есть материя, более твёрдая, чем камень, и более быстрая, чем свет».

• «Вещь есть временное сгущение разума».

• «В кристалле разум находится в совершенном покое. В звёздном пространстве разум – в совершенном движении. Человек есть мост между этими двумя состояниями разума. Его ноги вырастают из кристалла, живот – солнце, глаза – звёзды, голова – чаша с краями, простирающимися во всю Вселенную».

Работа А. Толстого вплотную подходит к понятию философской фантастики, однако при том, что безусловным поводом к написанию повести служат политические события в СССР, трудно проследить политическую задачу, которую ставит перед собой А. Толстой не как писатель, а как аналитик.

Во второй половине XX века в философии начинают появляться специальные исследования воображаемых,

виртуальных миров, а также их семантики. И именно фантастика предоставляет философии своеобразное пространство для развёртывания экстравагантных концепций и уникальные инструменты моделирования и экспериментирования[16].

Процесс формирования философской фантастики в 60-е гг. в Великобритании и США был назван феноменом «Новой волны»[17].

Ярким представителем «Новой волны» в Англии становится Майкл Муркок («Повелители мечей», «Призрачный город», «Вечный воитель» и др.). «Новую волну» пишут и представители старшего поколения – Гарри Гаррисон, Фредерик Пол, Урсула Ле Гуин, Роджер Желязны, Роберт Хайнлайн и др.[18] Резкий перелом в развитии фантастики породил бурю конфликтов между представителями старой и новой волны[19].

М. Суэнвик выделяет три группы писателей «Новой волны»: гуманисты, киберпанки и «фантазёры в законе».

Гуманисты ставят в центр внимания психологию персонажей – рефлексирующих и склонных к ошибкам, возможности же фантастики используют для исследования больших философских проблем, иногда религиозных по своей природе. К ним можно отнести Кони Уиллис, Кима Стэнли Робинсона, Джона Кессела, Скотта Рассела Сандерса, Картера Шольца и Джеймса Патрика Келли. Фетисова относит к этой группе и Стругацких.

Для фантастики киберпанка характерны описания мира будущего, основанного на высоких технологиях и широком применении компьютеров, близость к этическим позициям панков, антагонизм по отношению к любым властям и яркие детали. Это, прежде всего Уильям Гибсон, Брюс Стерлинг, Льюис Шайнер, Грег Бир.

«Фантазёров в законе» отличает эклектичность и «любовь-ненависть к технологии». Сюжеты произведений Говарда Уолдропа, Стива Атли, Джейка Саундерса, Тома Рими также затрагивают в большей степени проблемы психологии, как и сюжеты гуманистов, но на первый план выводится аллегоричность, вычурность, фантазия в чистом виде.

Отражение постмодернистской критики, по мнению Фетисовой[20] наиболее ярко иллюстрирует философская фантастика, сосредоточившаяся преимущественно на политических, социальных, психологических, этических и экологических проблемах мира будущего. Она ставит под сомнение правильность выбора вектора развития общества в сторону высокотехнологического будущего.

Как пишет Л. Г. Ионин, «современная постмодернистская ситуация отражает радикальные изменения в ментальном

климате эпохи, где нет различия и иерархии между рациональным и иррациональным, и миф, как и магия, претендуют на равноправное существование с наукой»[21].

Необходимо отметить, что развитие фантастики может быть соотнесено с коренными изменениями, которые произошли и происходят в сферах политической, социальной, научной, технической, информационной и т. д., то есть, в существе своём фантастика отражает социо-культурную динамику. Научная фантастика реагирует на перемены в жизни человека и социума и своим содержанием, отражающим поиск новых мировоззренческих ориентиров, и своей художественной формой. Она представляет собою заметное явление современной культуры, и понимание места и роли научной фантастики в широком тексте современной культуры важно как в теоретическом, так и в идеологическом плане[22].

В отечественной практике феномен «Новой волны» совпадает с периодом наиболее активной работы Стругацких. В среде отечественных фантастов они занимают заметное место, в 60-е гг. становясь в центре одного из повсеместно распространённых кружков фантастов, занимают активную позицию в полемике старого и нового поколений фантастов, первое из которых возглавляет В. Немцов, а второе, фактически, А. Стругацкий. В последующие годы они не только активно проводят семинары фантастов, но, в начале 90-х, получив возможность открыть частное издательство, Б. Стругацкий активно способствует публикации авторов «четвёртой волны». Представляется неслучайной перекличка терминов, употребляемых для периодизации западной и советской фантастики. Многие писатели-фантасты диссидентского толка идентифицируют себя именно с «Новой волной».

В то же время Стругацкие, становясь пионерами «Новой волны» в СССР, начинают работать ещё в ключе научной фантастики и, как минимум, первое десятилетие работают в согласии с официальной идеологией.

Первой заметной политической моделью Стругацких становится мир «Полдня», художественно осмысливающий тенденции, заявленные господствующим мировоззрением СССР – развитие политической системы по законам Разума, научного коммунизма, при заметной роли в обществе идей познания, значительной роли воспитания и т. д.

Позднее Стругацкие не только развивают эту модель, усложняя политическую систему мира «Полдня» и детализируя новые философские и политические проблемы, но и создают множество других политических моделей. Все политические

модели Стругацких можно разделить на две группы – мир «Полдня» (модель Утопии, отнесённой в приближающееся Земли) и «Обречённые миры» (антиутопические модели, отнесённые в будущее альтернативных обществ, с которыми контактирует Земля либо вовсе в альтернативные миры).

Таким образом, Стругацкие моделируют и «торную дорогу истории», которая является естественным путём прогресса и ведёт к «идеальному обществу» Полдня, и «ответвления» или «препятствия» на пути к политической утопии Стругацких, которые могут возникнуть вследствие развития тех или иных негативных политических тенденций.

Ближайшим преемником Стругацких в современной отечественной фантастике стал С. Лукьяненко, произведения которого часто полемизируют с творчеством Стругацких. С. Лукьяненко рассматривает те же политические тенденции, которые анализировали Стругацкие, но с позиции 90-х гг. XX века, добавляя к ним данные о новой политической обстановке. В его творчестве, как и в работах классиков западного футурологического анализа, поднимаются проблемы тоталитаризма, свободы и порядка, соотношения средств и целей, взаимодействия цивилизаций с различными культурными традициями.

Интересно, что если Стругацкие от гармонии с существующей системой постепенно движутся к интерпретационному конфликту с ней, и в поздних их работах иные исследователи усматривают антикоммунистические идеалы, то С. Лукьяненко напротив, работая в период «дикого капитализма» в России, неоднократно создавая сравнительные модели общества абсолютного порядка и общества абсолютной свободы, приходит к выводу, что и то, и другое являются одинаковой угрозой для рядового человека.

Наряду с критическим анализом проблем современности путём гипертрофирования существующих политических тенденций фантастика как форма политической мысли играет ещё одну важную роль, которая заключается в создании утопий.

Утопия, такая как «Полдень XXI век» Стругацких, формируется в тесной взаимосвязи с политической идеологией общества, в котором она создаётся. Поэтому каждая утопия является своеобразным индикатором эпохи. Кардинально противоположными являются утопии Даниэля Дефо и И. Ефремова, одна из них является выражением политической мысли раннего либерально настроенного Запада, другая – коммунистического СССР.

Именно эта связь делает исследование утопии неизменно актуальным.

Существует также мнение, что утопия является продуктом исключительно тоталитарного общества. Его появление связано с малым распространением либеральных утопий (как говорилось выше, этот жанр мало характерен для западной фантастики XX века). По мнению некоторых исследователей, утопическое мышление становится выражением стремления автора уйти от реальности и создать модель лучшего общества. Такая точка зрения не объясняет, почему в «тоталитарном» обществе создаются утопии не либеральные, а социалистические, а позже коммунистические.

В то же время повсеместное распространение утопии в СССР сталинского и хрущёвского периода позволяет предположить, что причиной расцвета утопии является не столько мнимототалитарный характер общества, сколько его высокая идеологизированность. При этом утопии советских фантастов не лишены полемики, не только с западными мыслителями, но и с отечественными коллегами. Все они являются индивидуальными моделями будущего, призванными воплотить в образах политическую систему, в неизбежности создания которой ещё нет сомнений, но которая в работах К. Маркса и В. Ленина описана достаточно схематично.

Комплекс этих обстоятельств и приводит к развитию утопии.

Подводя итоги сказанного, нужно отметить, что философская фантастика, предтечами которой являются миф и научная фантастика, а особыми формами – утопия и антиутопия, изначально формировалась как способ анализа окружающей реальности, постепенно всё больше приближаясь по своим функциям к социальному, философскому и политическому анализу. Философская фантастика формируется в тесной взаимосвязи с политическими условиями её создания и является своеобразной формой выражения политической мысли, присущей отдельно взятой эпохе. Специфическим методом анализа, присущим философской фантастике, является «гипертрофирование существующих социальных и политических тенденций». На основе такого гипертрофирования создаются политические модели утопического и антиутопического характера, которые не только являются выражением политических настроений определённой эпохи, но и оказывают заметное влияние на формирование этих настроений в среде своих читателей – в первую очередь интеллектуальной элиты.

1.2. Футурология и фантастика: моделирование научное и моделирование художественное

1.2.1. Прогнозирование и фантастика

В отличие от ситуации перехода от аграрной эпохи к эпохе индустриального общества, к тому моменту, когда встал вопрос об исчерпании, политическая мысль общества имела возможность опираться и на значительный научный багаж, в том числе – оформляющуюся политическую науку и попытаться ответить на запрос в осмыслении приближающегося нового состояния общества с научных позиций, используя и появившийся опыт научного прогнозирования[23].

«Введение» фантастики в контекст форм политической мысли требует осмысления ее соотношения с другими близкими формами – утопией и антиутопией, футурологией, прогностикой и т. п.

Один из ведущих отечественных специалистов в области прогнозирования И. В. Бестужев-Лада[24], формулируя понятие такого явления как «исследование будущего», пишет, что в отличие от гадания, предсказания, пророчества и т. д. – это проводимое по всем законам научного поиска исследование, направленное на изучение перспектив наблюдаемых процессов и явлений, научный вывод о вероятном или возможном состоянии изучаемого объекта в будущем. При этом он выделяет два значение термина «предвиденье»[25]: как аналог предугадывания, или предсказывание и предвиденье как научное исследование, направленное на изучение перспектив развития какого-либо процесса или явления, со всеми требованиями, относящимися к любому научному исследованию – что, собственно, и является задачей футурологии. В последнем тоже можно выделить две стороны: предсказание каких-либо событий в будущем и выявление назревающих проблем и возможностей их решения с помощью исследовательских технологий, где предсказания играют сугубо условную, инструментальную роль – своего рода «технологическое». Он же называет и основные принципы, которые должны лежать в основе подобного футурологического исследования.

По его мысли, в основе футурологии лежат три теоретических положения. Во-первых, прошлое можно знать, но невозможно изменить; будущее невозможно знать как прошлое (в

виде тех или иных событий), зато можно изменить действиями на основании определённых решений, в том числе и с учётом возможных последствий таких решений. Во-вторых, будущее, соответственно, можно и должно познавать не обязательно простым предугадыванием событий, а в форме постановки проблем, целей, а также возможных решений и их последствий. Иными словами, можно ориентировать исследование будущего не просто на предсказание, а на повышение объективности и, следовательно, эффективности принимаемых решений. При этом предсказания явятся побочным, само собой разумеющимся продуктом, который представляет интерес и сам по себе. В-третьих, такого рода исследования, как и другие научные исследования, сводятся к изучению источников (документов) и литературы, опросам населения и особенно экспертов, обобщению опыта экспериментов. Результаты обычно представляются в виде трендовых моделей – экстраполяции в будущее наблюдаемых тенденций, а так же в виде разного рода аналитических моделей (сценариев, матриц и т. д.).

В. В. Кузин, выделяя наряду с наукой о прошлом группу наук, занимающихся будущим, видит одним из необходимых для них требований комплексность и междисциплинарный подход: «исследование будущего» («исследование будущностей»), или прогнозирование[26]. Ранее, еще в первой половине века, именно такой подход к прогнозированию предлагал один из его основоположников В. Базаров-Руднев[27], описывая путь от «размышлений о будущем» к его исследованию: проблемно-целевой подход, названный им генетическо-телеологическим, который позднее лёг в основу научного прогнозирования.

Т. В. Тимошенко в своем диссертационном исследовании отмечает: «Область прогнозирования – важный пример максимальной реализации культурного потенциала научной фантастики. Множество случаев реализовавшихся прогнозов дает возможность оценить высокий прогностический потенциал научных фантастов. Научная фантастика породила науку футурологию и прогностику, которые стали неотъемлемой частью культуры, основанием ее самопроектирования и саморазвития»[28].

М. С. Кальней доказывает, что в изучении соотношения утопии и прогнозирования выделяемы разные этапы и традиции. В первой, классической, как уже говорилось, речь идет о дихотомии, противопоставлении утопии как неистинного социальному прогнозу как целостному и сущностному отражению социального целого. Онтологически утопия противопоставляется прогнозу как «неосуществимая теория» – с необходимостью

осуществляемой социальной теории.

Неклассическая модель рассматривает оба явления как средство саморегуляции социальной системы, возможные гносеологические модели ее развития. Прогноз – как вид социальной статики, утопия – вид социальной динамики.

Третья, постнеклассическая модель, рассматривает обе формы политической мысли как гипотетико-конструктивный вид знания: социальный прогноз – как идеализированная гносеологическая схема, утопия – как один из вариантов социального развития: и то, и то выступает средством социальной и политической самоорганизации – при способности к высокой самооборачиваемости.

Развивая эту мысль можно сказать, что прогноз носит характер своего рода инерционного сценария, утопия – предлагает описание целей, к которым можно направлять развитие событий, рисует картину реализации базовых политических идеалов, зарождающихся в обществе.

Нужно иметь в виду, что когда речь идет о будущем, тем более достаточно отдаленном, вполне рационально-измеряемыми, точными методами исследовать его вряд ли возможно. При размышлении о нем мы неизбежно покидаем вполне твердую почву строго доказуемых выводов и вынуждены иметь дело как с гипотезами высокой степени вариативности, так и с интуитивными построениями и описанным Ортега-и-Гассетом метафорическим научным инструментарием.

И значимую роль в этом процессе, как показал Т. В. Тимошенко, играет научная фантастика, как раз и породившая и футурологию, и прогностику, ключевой функцией которой, как доказывается в исследовании Е. В. Цветкова, «является функция научного предвидения»[29], являющаяся и одной из форм превращения политической мысли в политическую науку, и одной из форм политического знания.

Действительно, названный проблемно-целевой подход в известной мере аналогичен аналитическому методу социальной фантастики, которая выявляет существующие тенденции, а затем проецируют в отдалённую от современности реальность, доводя до максимума последствия современных проблем.

С другой стороны, научная фантастика, моделируя картины будущего на основании принципа непротиворечивости по отношению к данным существующей науки, может быть соотнесена с принятым в политическом прогнозировании методом сценариев. Посвятивший проблеме последнего свое первое диссертационное исследование А. С. Ахременко определяет его как гипотетическое пошаговое описание

последовательности событий и этапов трансформации объекта прогнозирования[30].

И научная фантастика, и метод сценариев строят свои прогнозы на основании имеющихся научных данных и изначально не выходят за рамки научно-допустимого. Однако они во многом идут от разных начальных точек: метод сценариев в первую очередь описывает не противоречащее научным данным развитие имеющейся ситуации, научная фантастика – делится, среди прочего, на два направления. Первое идет тем же путем, лишь художественно иллюстрируя сценарии развития имеющейся в наличии ситуации. Социальная научная фантастика рисует картины будущего состояния общества, исходя, в первую очередь, из приоритетно предпочитаемого (желаемого или не желаемого), но также не входящего в противоречие с научно-допустимым. То есть, в первом случае мы имеем дело с описанием наиболее вероятных (обычно – пессимистического, оптимистического и реалистического) вариантов развития, во втором – с описанием того, что мы хотим получить в будущем или чего мы в нем опасаемся.

Возникнув в определенных условиях как моделирование альтернативы существующему миру и став началом социального конструирования, утопия стала и оформленным началом такого явления политической мысли, как осмысление будущего. Сегодня можно говорить о нескольких формах и способах этого осмысления, возникших в ходе развития политической мысли. К ним относятся, как минимум, утопия, антиутопия, футурология и прогнозирование. Нетрудно заметить, что две первые из них тяготеют скорее к формам художественно-политического моделирования, две вторые – представляют попытку рационального исследования. В известном плане это близко, хотя не тождественно определенному противопоставлению «размышлений о будущем» и «исследований будущего», о котором пишет И. В. Бестужев-Лада.

Говоря о различении первых двух образно-художественных форм, можно заметить, что их различение в общем отражало характер таких парных эстетических категорий, как «прекрасное» и «безобразное», утопия рисует мир, где идея воплощена в действительность, вступила с ней в непосредственное единство: мир реализованного идеала, в том числе и базового политического идеала. Антиутопия рисует мир, противоречащий идеалу и его уничтожающий.

В обоих случаях на первом плане находится не будущее – и даже не размышление о будущем, а моделирование «иного», моделирование альтернативы настоящему. Другое дело, что, если

создать образ альтернативного мира можно в настоящем, – реализация его в любом случае требует времени, то есть, может произойти лишь в будущем и таким образом саму утопию делает началом будущего.

Футурология, напротив, начинается с «размышлений о будущем» – и в своем развитии становится как осмыслением, так и его исследованием и прогнозированием.

То есть утопия идет от образа альтернативного мира к созданию будущего. Футурология – от размышления о будущем – к созданию его нового образа. В этом отношении прогнозирование, рассматривая возможные варианты развития сегодняшнего состояния, по сути, скорее рассматривает сегодняшнее состояние мира как продолжающееся в будущем с теми или иными более или мене значимыми изменениями, но в принципе не обращается к теме реализации альтернативы.

В этом отношении научная фантастика выступает своего рода соединением различных форм осмысления будущего. Фантастика «ближнего прицела» в определенной мере повторяет подход прогнозирования – описывает вытекающие из возможностей сегодняшнего дня научно-технические открытия и их влияние на общество, в основном остающееся сегодняшним. Социальная фантастика, подобно утопии, включает в себя описание параметров мира, где утвержден базовый политический идеал, но рисует картину мира, основанного на представлениях современной науки (как точной, так и гуманитарной) и не противоречащих им – то есть выступает своеобразной формой политической мысли, соединяющей альтернативно-желаемое с научно обоснованным и гипотетически возможным.

В этом отношении можно говорить, что возникновение и развитие социальной научной фантастики означало в известном отношении «конец утопии», имея в виду ее понимание как несбыточного. В данном случае мы имеем дело как раз с тем аспектом, о котором Г. Маркузе писал в одноименной работе: «… Когда проект социальных изменений противоречит действительным законам природы, только такой проект является утопическим в строгом смысле слова», имея в виду, что все, что не противоречит законам природы, – возможно для осуществления.

Научная фантастика, соединяя образы желаемой альтернативы с данными науки, заканчивала традицию утопии-несбыточности, но продолжала ее традицию как динамичной формы конструирования мира и его самоорганизации.

Делая предметом своей рефлексии вопросы политического и социального устройства, возможности реализации базовых

политических идеалов, она в той или иной степени охватывает проблематику политической философии и приобретает присущие последней черты своего рода «политической философии будущего».

Данный термин предлагается в следующем значении. Как пишет М. М. Федорова, сама по себе политическая философия «есть поиск ответов на вопросы, связанные с основами человеческого общежития и институтами, созданными в рамках этого общежития», включая ответы на вопросы, «какое политическое устройство является наилучшим и справедливым, и можно ли вообще построить идеальное общество и идеальное государство»[31]. В сугубо академическом формате принято считать, что философия политики рефлексирует всеобщие основания и тенденции эволюции политического бытия, политического познания, политических ценностей, политического действия, осуществляет концептуальные анализ и осмысление природы власти, государства, суверенитета, базовых политических идеалов. Соответственно, мы можем сказать, что политическая философия будущего решает эти же задачи при обращении их в будущее, в плоскость стратегического прогнозирования.

В условиях рубежа XX–XXI вв., когда реальный ход истории во многом опроверг сделанные треть века назад расчеты футурологов и показал, что инерционное развитие в рамках прежних социальных форматов ведёт к постоянному умножению ранее выявленных проблем, вновь актуализируется тема политико-философской рефлексии проблем будущего. Актуализируется и вопрос не только о том, насколько можно решать проблемы цивилизации в рамках прежних приоритетов, но о том, какие черты можно считать приоритетными и необходимыми для цивилизации будущего, что как раз и можно отнести к сфере политической философии будущего. Среди работ, предпринимающих попытку такого ответа сегодня, можно назвать «Идеологию партии будущего» А. А. Зиновьева, «О необходимых чертах цивилизации будущего» Н. Н. Моисеева, «Глобальное политическое прогнозирование» А. С. Панарина[32].

В известной степени в противоположность этому, сугубо футурологическая традиция исследования в своих способах достаточно давно свелась к выявлению назревающих проблем (поисковое, или эксплораторное прогнозирование) и возможных путей их разрешения (нормативное прогнозирование)[33].

Интересно хронологическое совпадение выхода в свет двух крупных работ: «Антология современной классической прогностики» под редакцией И. В. Бестужева-Лады (2000 г.

и 2003 г.) – и диалектически противостоящего ей «Глобального политического прогнозирования» А. С. Панарина (2002 г.).

И. В. Бестужев-Лада относит момент, когда будущее становится предметом серьезного научного исследования, к 1960-м гг. И в качестве «первого из авторов «футурологического бестселлера № 1»»[34] называет Г. Кана, с книгой «Год 2000» (1967, в СССР издана под грифом ДСП в 1969 г.)[35].

Ее появление принято считать началом течения «технооптимизма», веры в способность научно-технического прогресса разрешить проблемы человечества, на смену которому вскоре приходит «технопессимизм», обозначенный «Шоком Будущего» О. Тоффлера. В 60–70 гг. выходят и становятся известными труды Ф. Полака, Дж. МакГейла, О. Флехтгейма, И. Галтунга, Э. Янча.

О. Флехтгейм стал первым, кто вводит в отношении прогнозирования термин «футурология», заявляя о ее противопоставлении идеологии, по его мнению, оправдывающей существующий режим, и утопии – как отвергающей его. Футурология в его интерпретации единственный объективно научный, независимый от политических пристрастий способ интерпретации реальности.

Правда, следует отметить, что основные выводы О. Флехтгейма были опровергнуты Г. Маркузе еще в 1970 г.

И. В. Бестужев-Лада пишет, что многие представлявшиеся оптимистическими прогнозы Г. Кана вызвали сомнения у читательской аудитории. Иными словами получалось, что мир XXI века это, в лучшем случае, всего лишь США середины XX, а для большинства стран – середины XIX или даже XVIII в.[36] Получалось, что технооптимизм Г. Кана, касался только США. По существу на это же обращал внимание и И. С. Панарин, когда писал о кризисе данного направления прогнозирования: «Настоящее поражение модерна начинается тогда, когда он выступает как игра с нулевой суммой: если прогресс для одних оказывается регрессом для других, если порядок и хаос, цивилизованность и варварство, современность и архаика взаимно предполагают друг друга»[37].

Однако нужно иметь в виду, что хотя футурологическая модель Г. Кана и А. Винера несла оптимистическое и технооптимистическое отношение к будущему – ее вряд ли стоит оценивать как апологетику оптимизма. В ней вовсе не шла речь о предопределенности оптимистического хода событий, авторы писали лишь о том, что для такого варианта будущего имеются «… некоторые возможности, которые часто связывают с концепцией «постиндустриального» общества. Этот термин,

введенный Даниэлем Беллом, говорит о таких изменениях в будущем, которые могут быть не менее важными, чем вызванные индустриализацией в XVIII и начале XIX столетий».

Они попытались рассмотреть то, что назвали «альтернативами стандартного мира» – формулируя их «канонические варианты»:

– «А. Более интегрированное общество – Относительно миролюбивое, относительно процветающее. Относительно контролирующее вооружение общество…», в котором они видели два подварианта: 1. Ориентирующееся на стабильность, 2. Ориентирующееся на развитие;

– «Б. Почти столь же миролюбивое и процветающее общество с незначительным контролем над вооружением или всеобщей координацией…», с тремя вариантами общества, более ориентирующегося «в себя»: 3. С эродирующимся коммунистическим движением, 4. С эродирующейся демократической моралью и некоторым коммунистическим динамизмом, 5. С динамичной Европой и/или Японией;

– «В. Относительно беспокойное и применяющее насилие общество, в котором, однако, не происходит никаких войн, непосредственно между главными державами», – более беспорядочное общество: 6. С эродирующимся коммунистическим движением. 7. С динамичной Европой и/или Японией».

То есть они рисовали развилки будущего при уверенности не в неизбежности их благополучного прохождения, а в возможности человека с ними справиться. И в этом отношении можно увидеть противопоставление с их подходом в тезисе И. С. Панарина: «Прометеев человек не привык в чем-либо встречать сопротивляющегося и не укладывающегося в заданные рамки «другого». Однако в лице будущего он встретил этого самого «другого», не выполняющего приказы великих учений и ведущего себя действительно «нонконформистски»», – но можно увидеть и значительное если не единство, то взаимодополнение. «Прометеев человек» действительно встретил сопротивление со стороны таящего в себе неожиданности будущего – но, на взгляд автора работы, и по мысли Г. Кана, и по мысли И. С. Панарина – встал перед необходимостью нового определения своей позиции в целях сохранения цивилизации.

На наш взгляд, следует отметить, что авторы «Года 2000», используя понятие «постиндустриальное общество», обозначали не его тождество, а его отличие от «общества массового потребления»: «Постиндустриальное общество (или идущее после общества массового потребления)», по сути, говорят об исчерпанности последнего, но если они лишь обозначали как

прогноз это исчерпание, то А. С. Панарина спустя треть века уже на основании приобретенного за это время обществом опыта подводит ему итог в своей идее о «тупиках потребительской культуры и поисках иначе возможного».

Характеризуя постиндустриальное общество начала XXI века, Г. Кан и А. Винер в итоге указывают на:

– эрозию такой ценности как «национальные интересы»;

– то, что сенсуалистичные, светские, гуманистические, возможно даже самоуничижительные критерии станут основными.

Можно сделать вывод, что уже тогда они предсказывали, что человек может столкнуться с угрозой самоуничижения – и, соответственно – самоуничтожения и должен будет искать пути своего цивилизационного выживания. И, со своей стороны, И. С. Панарин уже в более определенном виде формулирует аналогичное положение: «…Человечеству необходима, наряду с системой инструментального знания, *корректирующая и направляющая система формообразующего знания, назначение которой – удерживать от деструктивных видов активности или предотвращать превращение продуктивного активизма в разрушительный».*

Говоря о вызовах XXI века, он указывает на «… Два кардинальных в своем значении факта. Первый связан с тупиками роста, обнаруживающимися в свете глобальных проблем современности, и в первую очередь – в свете конфликта между технической цивилизацией и природой. Второй состоит в том, что XX век, как никакой другой, подтвердил принципиальную непредсказуемость будущего, и в этом смысле ознаменовался посрамлением всех глобальных рационалистических претензий, всех «великих учений»».

Авторы «Года 2000» указывают на неизбежность пересмотра базовых для привычного им обществ представлений: «Меньший процент людей может быть связан с бизнесом, и сам успех частного бизнеса делает, по-видимому, его дальнейшие успехи менее волнующими и острыми…».

Как представляется, нужно особо обратить внимание на полное название их работы «Двухтысячный год – база для размышлений о следующих тридцати трех годах». Равно как и на то, что даже описание названного ими «относительно свободного от неожиданностей» начала XXI века, – включало черты, несущие в себе для 1960-х гг. на самом деле много неожиданного – но как ни покажется парадоксальным – не столь много неожиданного для нашего времени:

• возвышение Японии, Китая, Европейского комплекса,

Бразилии, Индии;

• новые политические, возможно даже «философские» проблемы…;

• усиление отчуждения личности в США и Западной Европе, поиски новых ценностей, целей.

Как нам представляется, это интересно соотнести и это вполне соотносимо с положениями И. С. Панарина: «Тысячелетние культурные эпохи, делавшие акцент не на сиюминутно полезном, а на вечном и непреходящем, могут быть оценены нами как время великого культурного накопления – в том смысле, в котором экономисты говорят об экономическом накоплении».

И, в общем – в иных терминах эту же проблему ставят как одну из центральных Г. Кан и А. Винер: «Постиндустриальная эра, вероятно, явится «обществом образования» в большей степени, чем наше время».

И именно об эпохе образования и овладения богатством цивилизационного наследия пишет И. С. Панарин: «… Континентальная культурная революция, в которой нуждается все человечество, должна состоять в том, чтобы сконструировать принципиально иную «машину времени» в которой великое культурное наследие не бракуется, а используется».

В предыдущем разделе уже был сформулирован тезис о том, что описания будущего возникают и создаются не исключительно в силу литературной фантазии тех или иных авторов, а в силу того, что они выражают нежелание общества признать наличную для него действительность лучшей из миров. Приведенный пример подтверждает это утверждение: футурологические поиски 1960–1970-х гг. были признанием проблемности существующего мира, и даже «техноптимизм» был рожден лишь оптимистической уверенностью, что человек, создавший проблемы своего времени, сможет использовать «…некоторые возможности, которые часто связывают с концепцией «постиндустриального» общества» – для того, чтобы их решить.

Решены они не были. На смену техноптимизму Г. Кана пришел технопессимизм О. Тоффлера, достигший критической точки в работах исследователей Римского клуба – Д. и Д. Медоуз («Пределы роста», 1972), А. Печчеи («Человеческие качества», 1977) и др. основанный, в частности, на пяти положениях: рост мирового народонаселения; истощение минеральных ресурсов; загрязнение окружающей среды; реакция на всё это промышленного и сельскохозяйственного производства.

Многие из выведенных из этих положений прогнозов пока не сбылись. Но спустя тридцать лет И. С. Панарин вынужден был

говорить и о более широком круге проблем. Как собственно и писали авторы «Года 2000»: «О таких изменениях в будущем, которые могут быть не менее важными, чем вызванные индустриализацией в XVIII и начале XIX столетий».

Вместе с тем, необходимо обратить внимание и еще на один важный момент. Бесспорно, классические футурологические работы 1960–1970-х гг. опирались на не несравнимо более значимую научную базу, чем утопические прогнозы прошлого. Однако, наверное, нет оснований утверждать, что они дали существенно более точные прогнозы будущего. Более того, представляется, что большая часть упреков, которые критики утопического сознания адресовали утопическим проектам – в значительной степени могут адресоваться футурологическим доктринам.

Даже форма работ футурологов и утопистов – сопоставима. При всех атрибутах научности «Года 2000», переводчики были вынуждены предварить издание строками, уместными в начале фантастического романа: «Текст книги Г. Кана и А. Винера оставляет впечатление продиктованного на диктофон и плохо отредактированного авторами. Следствием этого являются неточные формулировки, повторы и другие шероховатости перевода. Редакторы не сочли возможным вносить свои изменения в текст и сохранили его, по возможности, близким к оригиналу.

…Постиндустриальное общество в стандартном мире. Мы разберем большинство из этих пунктов, просто упомянув их или иногда высказав предположение об их значении, не пытаясь придерживаться какой либо системы или дать исчерпывающий ответ».

Это дает основания предполагать, что научная футурологическая литература второй половины XX века не так сильно отличается от научно-фантастических произведений, особенно социально-политического течения.

Авторы «Года 2000» строили свои прогнозы на основании расчетов и анализа современных им тенденций, в рамках признания принятого ими общего вектора развития как единственно-возможного, автор «Глобального прогнозирования» имел возможность наблюдать и подводить итог того, к чему привел данный вектор – но исходил из предположения о возможности и желательности поиска других параметров и цивилизационных оснований развития.

Если первое представляло собственно классическую футурологию, второе носило характер своего рода «политической философии будущего».

Взгляд с другой стороны 2: Научно-технический романтизм и социальное проектирование в СССР

Термин «проектирование» происходит от лат. *projectus* – «брошенный вперед».

Говоря о социальном проектировании, мы имеем в виду проектирование социальных структур, общественных институтов, процессов и проблем. Термин «социальный проект» и означает «Утопия»

Утопическое мышление такого типа было характерно для советского самосознания с самого начала.

Историческая доктрина, которую в данном случае и применительно к России/СССР мы условно обозначаем термином «Советский Проект» формировалась постепенно с развитием философской мысли и исторического опыта. Началом ее формирования можно считать «Манифест коммунистической партии», написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1847 г. В 1871 г. К. Маркс и Ф. Энгельс дополнили его осмыслением опыта деятельности Парижской коммуны.

Впоследствии деятельность Парижской коммуны была названа В. И. Лениным «превращением количества в качество» и «мостиком от капитализма к социализму».

В. И. Ленин в статье «О задачах пролетариата в данной революции», известной в российской историографии под названием «Апрельские тезисы», развил в ней идеи доктрины «советского проекта». Тогда, на Седьмой конференции РСДРП(б) присутствовали 133 делегата, представлявшие более 80 тыс. большевиков – партии русского рывка в будущее, оформивших позже этот проект как «Вторую программу РСДРП(б)».

Идеи «советского проекта» – это и решения III Всероссийского съезда Советов 12 января 1918 г.; съезд тогда принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой было сформулировано главное отличие государства «советского проекта» от всякого другого – оно должно было не подавлять народ, а защищать народные интересы.

Возведение норм «советского проекта» в закон было осуществлено в Конституции РСФСР 1918 г., принятой V Всероссийским съездом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских и казачьих депутатов. Главной формой организации государственной власти в центре и на местах стали Советы депутатов трудящихся. Первый советский проект

воплощался в жизнь – строился СССР.

И социальное проектирование, стремление не только обозначить контуры коммунистического общества, но разработать детали его конструкции, оставалось неотъемлемой особенностью советского общества и на этапе его воплощения в жизнь.

В 20-е гг. написано множество художественных утопий, наиболее известной из которых становится «Аэлита» А. Толстого. Интеллектуалы строили новые миры – социальное проектирование продолжалось в творческой деятельности страны.

Вторая мировая война и, тем более, Великая Отечественная, стала схваткой проектов. Советский проект побеждал, за ним шли народы – его образы, его энергия покоряли мир.

Победа в войне выводит социальное проектирование на новый виток. Уже в 1947 г. был подготовлен (но так и не опубликован) Проект новой Программы партии. В нем давалась перспектива развития советского проекта на 30 лет вперед.

Многие его черты позднее унаследует Программа КПСС 1961 года.

Первое послевоенное десятилетие в СССР характеризуется, с одной стороны, напряжённым трудом по восстановлению народного хозяйства. С другой, стороны, как пишет в своём диссертационном исследовании В. В. Милославская, 1950-е гг. в СССР присуща обстановка нетерпимости к «проявлениям враждебного модернизма», неприятием всех форм иносказания. Литераторы творят в рамках достаточно жесткой и целеустремленной парадигмы.

Эти два утверждения не содержат противоречия. Нельзя отрицать как технических и индустриальных успехов периода правления И. В. Сталина, так и жёсткой борьбы с проявлениями идеологии, отличной от утвердившейся в качестве доминирующей в обществе.

Аркадий Стругацкий в этот период неоднократно высказывает поддержку решительным и жёстким мерам со стороны властей.

При всей возможной критике политики И. В. Сталина, анализируя политические настроения 40–50-х гг. необходимо признать мобилизующую силу, которая придавалась гражданскому обществу идеологическим накалом.

Общеизвестным является тот факт, что похороны лидера страны собрали на улицах толпы людей, воспринявших его смерть как личное горе.

В письме от 5 марта 1953 г. Аркадий Стругацкий высказывает свою реакцию на это событие: «Умер Сталин! Горе, горе нам всем. Что теперь будет?

[далее красным карандашом:]

Не поддаваться растерянности и панике! Каждому продолжать делать своё дело, только делать ещё лучше. Умер Сталин, но Партия и Правительство остались, они поведут народы по сталинскому пути, к Коммунизму. Смерть Сталина – невосполнимая потеря наша на дороге на Океан, но нас не остановить.

Эти дни надо пережить, пережить достойно советских людей!»

После смерти И. Сталина в гражданском обществе происходит своеобразный идеологический кризис. Ориентация на личность Сталина тесно связала политические ожидания с его именем с одной стороны, а специфика и жёсткость политики усугубили ситуацию с другой.

Можно было рассмотреть две альтернативы выхода из этого кризиса. Одна из них – продолжение политики лидера – ныне связывается с именем Л. Берии, но она не была осуществлена – не столько по внутренним причинам, сколько из-за разногласий внутри партийного аппарата. Неслучайно Л. Берию иногда называют «последним рыцарем Сталина»[38].

Другую альтернативу – пересмотр наследия И. Сталина и поиск путей модификации действия – пытается реализовать Н. С. Хрущёв и его команда.

14–25 февраля 1956 г. На организационном совещании, состоявшемся после окончания работы XX съезда КПСС, Хрущев выступает с докладом, посвященном критике сталинского стиля руководства («критика культа личности»). Как стало известно уже в последние десятилетия, регистрации участников этого совещания не проводилось, стенограмма не велась, прения не проводились, никаких конкретных решений принято не было. Позже, через несколько месяцев, от имени ЦК КПСС было распространено Постановление «О культе личности и его последствиях».

Это вызвало шок в общественном сознании, протест во многих партийных организациях, иногда доходящий до вооруженных восстаний (восстание грузинского комсомола в Тбилиси).

Событие сыграло немаловажную роль в становлении идеалов Стругацких и всего их поколения. Тем не менее, Б. Стругацкий считает его не более чем «первым, малым переломом», и отмечает, что политические взгляды его оставались просоветскими и спустя 10 лет[39], а как он напишет позже, в 2000-е годы – идеалы остались коммунистическими до нашего времени.

Поиск нового идеологического направления в исполнении Н. Хрущёва неразрывно связан с политической фактурой и использованием существующих позитивных тенденций в политических настроениях.

В 1957 г. СССР производит запуск первого искусственного спутника Земли. Это событие можно считать началом нового этапа эры «научно-технического романтизма».

И особо нужно отметить, что для Стругацких запуск спутника оказался значительно более важным событием, нежели доклад Н. С. Хрущева. В их сознании жили образы и представления политической философии и политической культуры научно-технического романтизма.

Термин научно-технический романтизм подразумевает две составляющих. С одной стороны, появление его обусловлено успехами НТР, что обеспечивает научно-техническую составляющую.

«Начало 60-х гг. – время беспредельной веры в могущество науки, особенно физики. Именно тогда физики успешно побеждали лириков, конкурс в физические вузы зашкаливал, а самым популярным мужчиной в стране был Алексей Баталов, сыгравший физика Гусева в «Девяти днях одного года»»[40], – вспоминает Б. Вишневский.

Нарастает активное развитие науки. Пленум ЦК КПСС (24–29 июня 1959 г.) отметил: «…за время, прошедшее после XX съезда партии, в нашей стране сделан новый крупный шаг в развитии и техническом совершенствовании всех отраслей народного хозяйства. За этот период создано и освоено в серийном производстве свыше 5 тыс. новых, более совершенных типов машин, механизмов, аппаратов и приборов, разработаны и внедрены в больших масштабах прогрессивные технологические процессы в промышленности и строительстве, значительно повысился уровень механизации, особенно тяжёлых и трудоёмких работ, осуществлена автоматизация многих производственных операций на промышленных предприятиях, в строительной индустрии и на транспорте».

Входит в применение атомная энергия, реактивная авиация, запущены первые в истории человечества искусственные спутники Земли и первая космическая ракета.

XXI съезд КПСС принял решение в течение семи лет ликвидировать тяжелый физический труд, проведя комплексную механизацию производственных процессов в промышленности, строительстве, на транспорте, в сельском хозяйстве и торговле. Планируются замена и модернизация устаревшего оборудования, внедрение новых высокопроизводительных процессов, быстрое

развитие электрификации страны, автоматизация и дальнейшая специализация производства, всемерное использование достижений и открытий науки и техники, особенно в области радиоэлектроники, радиоактивных изотопов, полупроводников и ядерной энергии, превращение строительного производства в механизированный поточный процесс сборки и монтажа зданий.

Иными словами, в течение семи лет предполагалось ввести все достижения техники, которые описывали фантасты, в том числе практически достичь технического уровня, обозначенного Стругацкими в их романе «Полдень. XXII век». Программа семилетки полностью повторяла технический антураж фантастических произведений 1930–1950-х гг., и появление её было обосновано успехами предыдущих пятилеток.

В личных источниках Стругацких 1956–1964 гг. мало сообщений о политических событиях этого периода. В первую очередь их волнуют события научного мира, космические достижения.

Так, событием, переломным для развития советской фантастики стал запуск первого искусственного спутника Земли, на которое Аркадий Стругацкий откликнулся короткой, но многозначительной репликой: «ЗА СПУТНИК – ГИП-ГИП-УРА-УРА-УРА!!!!!»[41]

О тех же эмоциях вспоминает Б. Стругацкий в интервью в 2004 году[42]: «Это был сплошной телячий восторг – песни, пляски, карнавалы и сатурналии. Наша компания в Пулкове сочинила целый фильм о спутнике – рисованный, с музыкой и стихами, записанными на лабораторный магнитофон. Ночами работали, сгорая в пламени энтузиазма. Это было – счастье и ощущение прорыва в будущее».

Реакция Бориса Стругацкого тем более примечательна, что в своих поздних воспоминаниях он редко даёт каким-либо событиям положительные оценки.

О политических событиях Стругацкие, уже занявшиеся к этому времени литературной деятельностью, вспоминают скупо и лишь в связи с тем, что они вторгаются в их творчество, как в письме Аркадия Стругацкого 1958 года[43]: ««Мешок» в № 12 не пойдёт, ибо номер посвящён партсъезду, и они не могут дать весь номер под научную фантастику, как собирались. Но он обязательно пойдёт позже, так как рассказ всем нравится».

О расстановке приоритетов Аркадия и Бориса Стругацких в этот период можно сделать выводы, ознакомившись со следующим письмом Аркадия Стругацкого: «Прежде всего, поздравляю тебя и Адочку с новым прыжком нашим в Космос. Многое мне, правда, непонятно. В частности, если ракету

направляли только до Луны, то для чего ей задали вторую космическую? А если её хотели сделать планеткой, то почему на ней не установили солнечных батарей для передатчиков? Постарайся узнать, чего хотелось и планировалось и напиши».

И в конце письма: «Хотели передать наш «СР» по радио, да помешала речь Хрущёва. Ничего, передадут в следующий раз».

Для Аркадия и Бориса Стругацких этого периода события истории освоения космоса – это не отвлечённые понятия. Выход в космос, ракета, отправленная на Луну, полёт Гагарина воспринимаются ими как наступление новой эры. О чём и пишет Аркадий Стругацкий в статье в газете «Литература и жизнь»[44]: «И вот пришёл день, когда лунный перелёт стал фактом. Мечта осуществилась. Человек дотянулся до космического тела – пока только до ближайшего. Вероятно, в скором времени первые космонавты ступят на почву Луны, и Луна перестанет быть объектом научной фантастики…»

Таким образом, успехи НТР обеспечивают вторую составляющую термина научно-технический романтизм. Если европейский романтизм XIX века становится отторгающей реакцией на научно-технический прогресс, то советский романтизм 60-х гг. XX века органично его дополняет. Он также характеризуется утверждением самоценности духовно-творческой жизни личности, изображением сильных страстей и характеров, но активность человеческой натуры в случае с научно-техническим романтизмом направлена на научное познание и социальное совершенствование общества.

В XVIII веке романтическим называли всё странное, фантастическое, живописное и существующее в книгах, а не в действительности. Романтизм XIX века часто обращён в прошлое, отсюда популярность такого его воплощения как исторический роман. Научно-технический романтизм, напротив, направлен в будущее и вовне, он не отвергает экзистенциальные начала, но придаёт им свойство принципиальной познаваемости. Романтика носителя философии научно-технического романтизма направлена на познание неведомых далей, изучение космоса, строительство нового мира. Корень его возникновения – в соприкосновении чудесного и реального, роль которого сыграли события космической истории второй половины 50-х – начала 60-х гг.

Это действительно воплощение мечты, о которой ранее люди могли читать только в сказках, это начало чего-то нового, свидетельство того, что чудеса существуют. Поэтому через три года эти люди так легко принимают «Третью программу КПСС», которая для иного человека постперестроечного периода звучит

как политическая утопия.

Философская концепция научно-технического романтизма переходит в плоскость политического сознания, когда её выводы затрагивают политические взгляды носителей и начинают влиять на их политическое поведение. Этот процесс постепенно происходит в СССР с начала 60-х гг. восхищение успехами НТР при поддержке партии, активно содействующей развитию этого течения, переходит в интерес к социальному проектированию, а затем и моделированию политических утопий и антиутопий.

Это такой же важный фактор формирования мировоззрения поколения «шестидесятников», как и смерть И. В. Сталина (во всём спектре её трактовок), как съезды партии и все те политические события, которые произойдут позднее. Научно-технический романтизм порождает готовность к кардинальным переменам в обществе и эту готовность высказывает Аркадий Стругацкий в продолжении той же статьи: «Но мечта не стоит на месте. Её провозвестники, писатели и поэты, тянутся дальше, в коммунистическое будущее мира… В превосходном научно-фантастическом романе «Туманность Андромеды» И. Ефремов показывает нам, что и в далёком будущем не прекращается борьба, гигантская благородная борьба Человека против природы. Человек уже не обороняется, он наступает. Эскадры звездолётов летят к далёким мирам, пытливая мысль бросает Человека на новое, невиданное завоевание – на преодоление физической природы пространства и времени».

Преодоление физической природы пространства и времени и преодоление политической инерции социальных процессов сливаются как в утопии И. Ефремова, так и в ранних идеалах его последователей Аркадия и Бориса Стругацких.

Накалённые успехи НТР порождают завышенные ожидания в области социально-политической жизни.

Подтверждение этого слияния в той же статье: «…мечта получила мощное научное обоснование. Но она ещё оставалась мечтой. Путь к её осуществлению лежал через долгие годы большевистского подполья, через залп «Авроры», через создание первого в мире социалистического государства. Он, этот путь, обеспечен был превращением нашей родины из нищей страны в «страну мечтателей и учёных», вооружённую мощной индустрией, мощным сельским хозяйством, обладающую огромными энергетическими возможностями, вырастившую великолепные кадры рабочих, техников и учёных. Нет, совсем не случайно первые вымпелы землян, сброшенные на лунную поверхность, украшены гербом Советского Союза. Именно Советскому государству, которое в силу социалистического строя способно

сконцентрировать на решении той или иной проблемы самые лучшие кадры, самые лучшие предприятия и самые лучшие материалы, суждено было стать родиной первых искусственных спутников и космических ракет, как и первой атомной электростанции, первого по мощности ускорителя элементарных частиц, первого атомного ледокола»[45].

Тот факт, что это состояние эйфории характерно не только для единиц, подтверждает письмо молодого фантаста из Баку Е. Войскуновского Аркадию Стругацкому от 14 февраля 1961 г.[46]: «Дорогой Аркадий Натанович! Прежде всего, поздравляем Вас с запуском ракеты в сторону Венеры: знаем, что это грандиозное событие особенно близко Вашему научно-фантастическому сердцу».

Аркадий и Борис Стругацкие выделяют появление двух новых социальных групп, или «типов человека»[47]:

1. Массовый научный работник. Представителем этой группы является Борис Стругацкий. Аркадий и Борис Стругацкие отмечают, что «только в нашей стране численность работников, непосредственно занятых научной деятельностью, перевалила за миллион человек». Причина появления этой социальной группы – распространение достижений НТР, и Стругацкие считают этот процесс фактором важнейшего политического значения. Они рассматривают массового научного работника как новый «горизонтальный пласт общества», это понятие можно сопоставить с современными представлениями о среднем классе. Аркадий и Борис Стругацкие отмечают, что «отпечаток, накладываемый на его личность спецификой условий научной работы, прекрасно соизмерим с формирующим влиянием, скажем, обстановки крупного промышленного предприятия на личность квалифицированного рабочего».

2. Вторую социальную группу Аркадий и Борис Стругацкие определяют как «Массового Сытого Невоспитанного Человека», «мещанина» или «кадавра, не удовлетворённого желудочно». Появление этой социальной группы стало следствием того, что люди получили доступ к материальным благам, но культура их осталась на прежнем «феодальном» уровне. Сам факт возникновения этой социальной группы Аркадий и Борис Стругацкие называют удивительным, что позволяет говорить о том, что изначально в вопросе развития и распространения материальных благ они были сторонниками марксизма. На протяжении 1960-х гг. распространение этой социальной группы Аркадий и Борис Стругацкие считают главной угрозой на пути построения коммунизма, с которой призывают активно бороться[48].

Своё понимание современности начала 1960-х гг. Аркадий и Борис Стругацкие высказывают в статье «О советской фантастике»[49], выделяя три фактора, формирующие историческую реальность:

1. «Третья часть человечества, не дожидаясь остальных двух третей и, невзирая на все связанные с этим трудности, приступила к построению коммунистического общества, в котором открываются неограниченные возможности для свободного развития человеческого духа.

2. Современная наука открыла, а тёмные силы немедленно приняли на вооружение чудовищные средства разрушения, способные навсегда прервать историю или, во всяком случае, отбросить человечество далеко назад.

3. Специфические обстоятельства – страх перед Третьей мировой войной, необычайное обострение идеологической борьбы, разлагающее влияние империалистической пропаганды на Западе и огромные трудности послевоенного периода, тлетворные последствия господства культа личности у нас – привели к необычайной активизации мирового мещанства[50]. Это выражается в усилении тунеядских, потребительских тенденций, в небывалом пренебрежении интересами социума и каждого человека в отдельности, в стремлении переложить ответственность за свои действия на совесть других, в нежелании думать и учиться. Всё это отчётливо видно на примере стран Запада, но и наша страна в немалой степени оказалась заражена тем же недугом».

Эта позиция ложится в основу ещё одного системообразующего фактора формирования мировоззрения Аркадия и Бориса Стругацких. Идеология западного мира является для них неприемлемой на уровне табу.

Готовность к чуду используется партийной элитой для формирования новой идеологической мотивации.

На XX съезде ЦК КПСС была принята резолюция «О подготовке новой Программы Коммунистической партии Советского Союза»[51].

Съезд также констатировал возможность многообразия форм перехода государств к социализму, указал, что гражданские войны и насильственные потрясения не являются необходимым этапом пути к новой политической формации. Было отмечено, что «могут быть созданы условия для проведения мирным путём коренных политических и экономических преобразований».

Решение «о многообразии форм перехода к социализму» означало, что теперь можно публично размышлять о перспективах развития социализма и о том, как будет выглядеть будущее

коммунистическое общество. Иными словами, будущее после XX съезда можно представлять не только на 5, но и на 500 лет вперёд.

С этого события, по мнению В. Койтоха, начинается пропаганда строительства утопии в научной фантастике.

Распространяется мнение, что научно-фантастическая литература должна, наконец, создать коммунистическую утопию, а в книгах технологического направления надлежащее место должен занять показ социальных последствий описываемых достижений[52].

17–31 октября 1961 года состоялся XXII съезд КПСС.

В числе прочих резолюций XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза принял:

– Устав КПСС, который, в частности, содержал Моральный кодекс строителя коммунизма;

– Программу КПСС, в которой, в частности, утверждалось, что к 1980 году будет создана материально-техническая база коммунистического общества. Характерно, что общество понимало это как обещание построения непосредственно идеального общества к 1980 г. На различие этих понятий указывают в частности Стругацкие, разрабатывая проблему мещанства. В своих ранних статьях они пишут о том, что материальная база для идеального общества уже создана, теперь дело за педагогикой.

Приведённые в Программе черты и условия коммунизма можно разделить на следующие группы:

• Экономические условия, которые могут обеспечить столь мощное развитие производительных сил (в частности кибернетики и автоматики), чтобы залить человечество доступными для всех благами.

• Политические изменения (ликвидация классов и прослоек, замена государства самоуправлением, основанным на самодисциплине).

• Последствия экономических и социальных перемен для жизни отдельных личностей (всестороннее развитие каждого, воспитание в людях естественной, крепкой потребности в труде).

Последнюю группу вопросов и определение коммунизма официальные документы освещали довольно скупо, а создать на их основе конкретный образ будущей жизни мог далеко не каждый. Отсюда и внезапный интерес ответственных органов к НФ, на который с готовностью ответили Стругацкие и другие фантасты[53].

Эти документы стали кульминацией оптимистических настроений начала 1960-х гг. Под их влиянием Аркадий и Борис

Стругацкие берутся за разработку философии и мировоззрения будущего[54]. В этот же период Стругацкие начинают разрабатывать политическую модель идеального общества, которая становится итогом обобщения их политических идей 1955–1991 гг.

По этому поводу в более поздней статье Борис Стругацкий приводит выдержку из своего дневника за 1961 г. и называет этот съезд одним из переломных событий в своём мировоззрении: «Сохранилась замечательная запись в дневнике от 28.10.1961 (идет XXII съезд КПСС): «Дождались светлого праздничка! Хрущев сказал, что не имеет права марксист-ленинец восхвалять и выдвигать одну личность. Неужели же появился, наконец, честный человек! И не начало ли это нового утонченнейшего культа?..»»[55]

Первый проект коммунистической утопии создаёт И. Ефремов в романе «Туманность Андромеды». Следующей комплексной моделью коммунистического общества становится «Полдень, XXI век» Стругацких. Но две этих модели, став наиболее известными, не являются единственными.

Начиная с 30-х гг. XX века основной метод пропаганды НТР в СССР – научная фантастика. Когда НТР порождает новое философское течение, естественным становится его выражение именно через фантастику, но уже социальную (или философскую, как называют её Стругацкие). Идеологами этого течения становятся И. Ефремов, Стругацкие и другие утописты 1950–1960-х гг.

Первые книги Стругацких выходят ещё в конце 1950-х гг., в период «оттепели». В своих произведениях Стругацкие поднимают сложные морально-этические и политические проблемы, пытаются изобразить реальных людей в фантастических ситуациях. Начав писать в духе теории «ближнего прицела», они вскоре отказываются от фантастики как «средства пропаганды научных идей». В СССР они – первые, кто трактует фантастическую идею не как цель, а как способ преподнести свои идеи. Американский писатель фантаст Х. Эллисон предложил новую разновидность научной фантастики называть не научной фантастикой, а фантастикой размышлений[56]. Сами Стругацкие называют её философской фантастикой.

Феномен «Новой» или «Четвёртой» волны в СССР представлен произведениями И. Ефремова, Стругацких, Э. Геворкяна, В. Покровского, В. Рыбакова, А. Столярова и др. Проза Ефремова и Стругацких создала две основные стилевые и содержательные отправные точки в советской фантастике второй половины XX века: литература ответов, глобальных прогнозов в отношении

будущего, преимущественно социального плана, и литература вопросов, оригинальных предположений, гипотез, берущих начало в настоящем, отличающихся философским подходом к осмыслению действительности.

Под влиянием социальных (рост уровня жизни), культурных (успехи НТР) и политических («Третья программа КПСС») факторов в общественном сознании в этот период формируется готовность к кардинальным социальным и политическим переменам. Поскольку эта готовность формируется на стыке политического и художественного сознания и находится под влиянием успехов НТР, в 60-е гг. она находит отражение, прежде всего, в таком жанре литературы как научная фантастика.

Научная фантастика, как литература в принципе, является своеобразным средством диалога власти и общества. С одной стороны, публикация произведения требует соответствия неким (различным для различных исторических периодов) канонам, установленным партией, издательствами, цензурой. Таким образом, она обладает способностью выражать позицию власти и популяризировать её решения.

С другой стороны, фантастика, безусловно, является средством выражения общественного мнения, так как авторы произведения являются его носителями, и могут ставить своей задачей не только влияние на общество, но и донесение некой позиции до субъектов власти.

Основываясь на этом тезисе, можно выделить три этапа взаимодействия власти в СССР и фантастики в рассматриваемый исторический период[57]:

1. 1945–1957 гг. – В фантастике господствуют тенденции, сформировавшиеся в 1920–1930 гг., основной функцией фантастики является пропаганда научно-технического прогресса и успехов советской промышленности. Интерес власти к фантастике минимален, издательства и Союз писателей чётко отграничивают её от литературного мейнстрима, к которому в этот период относят только произведения в жанре социалистического реализма. Далее направление, сформировавшееся в фантастике в этот период, будет называться «научно-технической фантастикой».

Исследователи отмечают, что в это время был окончательно сформулирован принцип «ближнего прицела»[58] (зародившийся ещё в 1930-е гг.), согласно которому объектом, с которым работали фантасты, становились «полезные» изобретения, а хронологические рамки фантастики ограничивались ближайшей пятилеткой.

Как отмечает в 1968 г. в своём диссертационном

исследовании К. С. Дхингра, самые популярные среди писателей, сторонников теории «ближнего прицела»: В. И. Немцов автор романов «Счастливая звезда Альтаир», «Когда приближаются дали», «Осколок Солнца» и В. Д. Охотников, автор романов «Золотое дно», «Огненный шар», «Последний полустанок» и другие – писали о социалистической технике самого ближайшего будущего, порой даже о том, что будет достигнуто через два-три года. Большинство из этих перспективных идей во время написания книги уже обсуждалось в исследовательских лабораториях и конструкторских бюро – сверхмощный портативный аккумулятор, аппарат для геологической разведки радиоизлучением (сборник В. И. Немцова «Три желания»), подземная лодка-вездеход (фантастическая повесть В. Д. Охотникова «Дороги вглубь»).

Наравне с названными К. С. Дхиндрой авторами необходимо среди видных представителей этого течения назвать А. П. Казанцева. А. П. Казанцев, В. И. Немцов и Г. Тушкан неформально возглавляют подсекцию фантастики и приключений в секции прозы московского отделения Союза писателей на протяжении всех 50-х гг. и вплоть до её расформирования в 1964 г., а затем продолжают сохранять свои позиции в Совете по фантастике и приключениям.

Начиная с 30-х гг. компартия ставила перед литературой и образовательными структурами задачу популяризации научно-технических знаний[59], и именно эту задачу решала фантастика первого периода. Если сверху импульс посылался в виде постановлений ЦК КПСС, то общество в лице писателей-фантастов отвечало на него согласием. Сложная экономическая обстановка 1945–1956 гг. не вызывала желания заглядывать в отдалённое будущее.

Таковы политические условия и содержательные границы, в которых развивалась фантастика в послевоенные годы. Эти условия послужили средой формирования писательского кредо Стругацких: «В 1955 году фантастика, с которой мы могли бы брать пример, не могла вызывать восторга… даже у консервативных сторонников социалистического реализма. Производственно-фантастические романы были больны «схематизмом», произведения же, остающиеся «на грани возможного» – скучные», – таким было мнение Стругацких. Их ужасала незначительность тем: «Мне запомнился рассказ, в котором речь идёт о… сапогах с нестирающейся подошвой», – вспоминал Б. Н. Стругацкий через 20 лет[60].

Советская фантастика того периода, вызывая интерес читателей с одной стороны, уступала по популярности детективу

с другой, не существовала для писательской среды мейнстрима и представителей партийного аппарата (что естественно, в силу её узкотехнической направленности). «На втором съезде писателей не было сказано ни слова о науке», – заметил на заседании подсекции приключений и научной фантастики Н. Н. Михайлов[61], а именно научно-технические достижения являлись главным объектом фантастики до 1956 г.

2. 1957–1966 гг. – Эпоха научно-технического романтизма в советском обществе, начало космической эры СССР, «хрущевская оттепель», Третья программа ЦК КПСС – факторы которые формируют советскую фантастику этого периода. Писатели-фантасты активно добиваются признания фантастики как жанра «большой литературы», многие из них получают возможность вступить в Союз писателей. Утопическая фантастика пользуется поддержкой власти, её охотно публикуют. До 1963 г. ещё сильны «научно-технические» тенденции в фантастике, но фантастика уже приобретает социальную функцию. Под крылом редакции «Молодой гвардии» активно развиваются группы-семинары фантастов.

Существует ряд гипотез относительно того, что послужило толчком к появлению утопической фантастики в СССР после 1956 г.

В середине 1950-х гг. сложился комплекс причин, приведший к изменениям в общественных настроениях и в политическом курсе партии, которые привели к формированию нового направления, не характерного для советского общества 1930–1950-х гг. – «утопической фантастики».

1957 г. стал началом кризиса в американской научной фантастике и годом подъема фантастики советской. До этого времени осуществлялось активное введение в фантастику социально-классовой проблематики. Однако открытие в СССР «космической эры» после запуска первого спутника изменило ситуацию и приоритеты. Выдающийся успех советской науки и техники способствовал прорыву и в области научной фантастики. Свидетельством вернувшегося интереса к фантастике и признания стал объявленный в журнале «Техника – молодёжи» конкурс на лучшее научно-фантастическое произведение. Публикация в 1957 г. романа И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» открыла новый этап развития советской фантастики, её возрождения и обновления. Роман И. А. Ефремова фактически «похоронил» фантастику «ближнего прицела» и способствовал взлёту научной фантастики в СССР.

В 1959 г. Уже подвергается жёсткой критике за безыдейность роман Н. Н. Шпанова, написанный в ключе научно-технической

фантастики[62]. В то же время «Туманность Андромеды» практически не сталкивается с критическими оценками коллег, несмотря на то, что некоторые профессиональные критики высказывают чисто лингвистические претензии к автору. На обсуждении этого романа в Союзе писателей речь идёт о рождении нового направления в фантастике и его судьбе, а не о частных деталях[63]. А. П. Казанцев называет его «первой попыткой нарисовать художественными средствами коммунистическое общество» и оценивает роман как «идеологические оружие»: по его мнению, книга показывает все лучшие достижения коммунистической партии и СССР, и при этом обязательно будет прочитана на Западе.

Ещё одной причиной нового этапа развития жанра стал рост интереса к науке. Такие достижения, как открытие атомной энергии и последующее мирное освоение атома, развитие авиации и космической промышленности, продолжающиеся механизация и автоматизация производства, зарождение компьютерных технологий и др. тревожили людей, и наука оказалась в центре их внимания. Философы – представители разных политических систем, по-разному толковали обстановку, созданную этим открытием в частности, и наукой вообще.

Об особом значении для развития советской фантастики запуска в космос искусственного спутника Земли говорилось на Всероссийском совещании по приключенческой и научно-фантастической литературе в 1958 г.: «Появление советских искусственных спутников Земли потрясло капиталистический мир, развенчало велико-рекламную американскую технику, перепугало военных руководителей НАТО, не на шутку встревожило финансовых воротил. Простые люди и учёные всего мира видели в советских спутниках победу науки, призванной расширить знания человека, проложить ему путь в Космос. Люди же, мыслящие лишь военными категориями, атомными бомбами, разрушениями и базами, с которых удобно произвести эти разрушения, увидели в маленькой советской луне военную угрозу»[64].

В конце 1950-х гг. впервые прозвучали призывы сделать научную фантастика «литературой крылатой мечты», которая должна заниматься описанием нового социального устройства общества. Кайтох высказывает мысль, что в этот период родился проект поручить научной фантастике чуть ли не ключевые задания, связанные с популяризацией программы партии[65]. Действительно, на заседании подсекции по научно-фантастической и приключенческой литературе МО СП 1958 г. А. Аджубей рекомендовал фантастам обратить внимание на

возможности изображения коммунистического будущего в фантастике, однако о заказе на популяризацию непосредственно Третьей программы партии речь не идёт.

В 1958 г. подсекции приключений и научной фантастики МО СП РСФСР удается добиться разрешения на проведение Всероссийского совещания по приключенческой и научно-фантастической литературе. Руководство подсекцией совещания, посвящённой научной фантастике предполагается поручить И. Ефремову и А. Казанцеву, что показательно – первый становится прародителем нового утопического течения, второй – один из наиболее ярких представителей старой, научно-технической фантастики. Однако когда речь пошла о приглашении конкретных писателей, оказалось что не каждый регион может командировать хотя бы одного писателя, работающего в жанрах приключений или фантастики. Статистика свидетельствует, что количество авторов работающих в жанре фантастики, на момент созыва совещания было относительно невелико. Этот вывод подтверждается Стругацкими и другими современниками, которые говорят о том, что фантастической литературы на прилавках было мало[66]. Можно назвать две возможные причины малочисленности писателей-фантастов в данной статистике. Во-первых, фантастов неохотно принимали в Союз писателей – а отбор кандидатов для участия в совещании ориентировался, прежде всего, на членов Союза. В качестве второй причины можно назвать ещё бытующее в среде писательских чиновников пренебрежительное отношение к фантастике как литературному жанру. Финансовые средства на подобные командировки выделялись неохотно, и, возможно, региональные отделения СП сознательно преуменьшали число авторов-фантастов.

Тем не менее, совещание по проблемам развития научно-фантастической литературы состоялось. Общий политический тренд в отношении научной фантастики – ее идеологической функции и роли в обществе отразил в своем выступлении А. Аджубей. Главный редактор «Комсомольской правды» говорил: «Если бы вы знали, дорогие друзья, как молодёжь часто обращается к нам с вопросом: «Что такое коммунизм?» и было бы неплохо, если мы возьмём один аспект будущего о[бщест]ва, в котором будут жить дети, сегодня бегающие в школу, и покажем это в своих произведениях. Любой[67] серьёзный Н[аучно]Ф[антастический] роман должен не сходить со страниц нашей молодёжной газеты, как и в других молодёжных печатных органах. <…> Если говорить о том участке, в котором нужно продолжать работать и очень внимательно следить[68], то это область научно-фантастической л[итерату]ры»[69].

Происходит переориентация литераторов с фантастики ближнего прицела на создание образов новой коммунистической Утопии, живых образов Нового Мира. В 1960 г. на заседании комиссии по научно-фантастической литературе А. П. Казанцев говорит о создании нового стандарта. Он ссылается на то, что критика призывает писать только о коммунистическом обществе. Прежнее направление фантастики – описание работы над научным открытием – не имеет последователей среди молодых авторов[70]: эти открытия становятся массовыми и теряют начала таинственности и фантастичности. Интересным теперь становится не то, что можно необычное изобрести – интересным становится то, каким окажется общества, где эти открытия станут обыденностью.

Кроме того, на том же совещании ставится вопрос о самом термине «научная фантастика». А. П. Казанцев предлагает заменить его термином «советская фантастика»[71]. Таким образом, СП признаёт, что научность, легшая в основу фантастики, создала почву для ее нового социального измерения. Комиссия признаёт её социальную роль, создавая тем самым упомянутый «новый стандарт».

Стоит так же отметить, что «новый стандарт провозглашается представителем старого, научно-технического направления, что говорит о переориентации на новые исторические масштабы как государственных установок, так и установок внутри писательской среды.

На втором этапе диалога научная фантастика стала объектом непосредственного интереса Союза писателей СССР, прессы и партийных издательств, то есть «идеологического фронта»[72]. За 10 лет, с 1957 по 1967-й, текущая издательская продукция русской советской научной фантастики выросла по сравнению с предыдущими 15 годами в 3 раза. А. Ф. Бритиков называет цифру 1266, говоря о книгах, выпущенных с 1959 по 1965 г. тиражом 140 млн. экземпляров[73]. Научная фантастика стала пользоваться несравнимо большей заинтересованностью критики, чем ранее. На заседании семинара молодых авторов 15 мая 1961 г. Л. В. Крапинский, представитель ЦК ВЛКСМ, озвучил следующую статистику: «5 лет назад по запросам молодёжи в библиотеках на каждые 226 детективов 90 запросов приходилось на научную фантастику. Теперь в библиотеке им. Ленина на 250 запросов на научную фантастику приходится 100 запросов на детективы»[74].

В 1961 г. на заседании комиссии по научно-фантастической литературе, К. Андреев обращает внимание на обстоятельство, которое направляет фантастику начала 1960-х гг.: у нас перед глазами 20-летний план строительства коммунизма»[75]. Таким

образом, о связи фантастики и Третьей программы ЦК КПСС говорится уже напрямую.

В мае того же года Л. В. Крапинский высказывает пожелание к авторам со стороны ЦК ВЛКСМ – они должны решить три задачи[76]. Во-первых, Л. В. Крапинский говорит о существовании двух площадок освоения космоса – советской и американской. Советские фантасты должны показать преимущество отечественной. Во-вторых, по его словам, молодёжь всё чаще задаёт вопрос: «Что такое коммунистическое общество?», и ответить на этот вопрос должны фантасты. Третья задача проистекает из второй – фантасты должны показать способности нового коммунистического человека, его моральный кодекс и облик.

Первый проект коммунистической утопии создаёт И. Ефремов в романе «Туманность Андромеды» (1957).

Утопия И. Ефремова является не только самой первой из советских послевоенных утопий, но и наиболее полной. Автор целенаправленно занимался разработкой общественного устройства и истории идеального общества, происхождение которого обусловлено реализацией позитивных социально-политических тенденций современности.

И. А. Ефремов в отличие от большинства утопистов уделяет заметное внимание проблеме перехода от современного его общественного устройства к идеальному обществу будущего, что в ещё большей степени сближает его концепцию с социальным проектированием.

В основе такого перехода, по мнению Ефремова, – познание законов социального развития и переустройство жизни на научных основах, то есть рационализация труда и ресурсов[77]. Особо он выделяет необходимость «воспитания строгой общественной дисциплины».

На пути к идеальному обществу он выделяет несколько исторических периодов (Эра разобщённого мира, Эра расщепления, Эра мирового воссоединения, Эру общего труда и Эру великого кольца).

К эре разобщённого мира Ефремов относит всю человеческую историю до XX века. Эта эра характеризуется национальной разобщённостью, экономической и идейной враждой, истребительными войнами. Таким образом, социально-политическая концепция Ефремова имеет прочный исторический фундамент, наравне с концепциями классиков философии истории – Гегеля, Маркса, Гоббса, Локка и др. В рамках этой эры Ефремов выделяет три периода: Античные века, Тёмные века и Века капитализма. Эта периодизация приблизительно

соответствует принятой в рамках формационного подхода К. Маркса.

Современный период истории, т. е. Новейшее время, Ефремов относит к Эре Расщепления. Если первые три века Эры Расщеплённого Мира характеризуются многополярностью мировой политической системы, то мир последнего века, Века Расщепления – биполярен. Он разделён на капиталистический и социалистический лагеря. Для Эры расщепления характерна угроза мировых войн, которые могут привести к полному истреблению человечества. Победа социалистического лагеря обусловлена неизбежностью исторического прогресса, однако задерживается из-за «отсталости воспитания общественного сознания».

Для перехода к новой эре необходимо коренное переустройство экономики на основании рационализации и воспитании особого «общественного сознания каждого человека».

К Эре Мирового Воссоединения относится длительный процесс построения мирового государства. Эту Эру Ефремов подразделяет на этапы Союза Стран, Разных Языков, Борьбы за Энергию, Общего языка.

Затем должна наступить Эра Общего Труда с её веками Упрощения Вещей, Переустройства, Первого Изобилия и Космоса.

И последней эрой становится Эра Великого Кольца, к которой и относится утопический проект Ефремова.

Материально-техническая база общества «Кольца» основана на рационализации хозяйства с одной стороны и на открытии новых видов топлива, с другой. Так человечество изобрело уплотнение электричества, «приведшее к созданию аккумуляторов огромной ёмкости и компактных, но мощных электромоторов». Это изобретение стало «крупнейшей революцией нового времени». Продолжается использование атомной энергии. Надо сказать, что проблема энергетических ресурсов остро волновала как современных Ефремову западных футурологов, так и авторов крупнейшего социального проекта 60-х гг. – Третьей программы КПСС (этому вопросу посвящён отдельный раздел). «Ещё раньше научились с помощью полупроводников вязать сложнейшие сети слабых токов и создавать самоуправляющиеся кибернетические машины. Техника стала тончайшей, ювелирной, высоким искусством и вместе с тем подчинила себе мощности космического масштаба». К тому же «разработка детальных стандартов», по прогнозу Ефремова, позволит создавать «любые вещи и машины из сравнительно немногих основных конструктивных элементов», то есть универсализацию производства сделает его более дешевым.

Однако Ефремов не обещает дать человеку будущего все материальные блага. Он считает, что потребуется «существенно упростить обиход человека».

Демилитаризация высвободит ресурсы, которые можно будет направить на устройство быта и развитие науки.

В рамках рационализации производства будет произведено «полное перераспределение жилых и промышленных зон планеты. Вдоль тридцатых градусов широты в Северном и Южном полушариях – непрерывная цепь городских поселений, сосредоточенных у берегов тёплых морей, в зоне мягкого климата, без зимы». Такое переустройство позволило бы сэкономить энергию, которая сейчас затрачивается на обогрев жилищ и изготовление зимней одежды. Субтропический полюс Ефремов считает возможным расширить втрое за счёт растопления полярных шапок. Подобные проекты терраформирования планеты вообще характерны для утопических концепций 50-х гг. (Мартынов). На севере от северного жилого пояса, таким образом, образуется гигантская зона лугов, удобная для животноводства. К югу (в Северном полушарии) и к северу (в Южном) пояса пустынь будут превращены в сады. В зоне тропиков будет сосредоточено производство растительного питания и древесины, заметно более выгодное, чем в холодных климатических зонах. Помимо разведения растений и грибков богатых питательным белком на суше, человечество активно использует возможности разведения водорослей в океанах. Углеводы производятся искусственно, жиры добываются из каменного угля.

Обращает на себя внимание рациональный подход Ефремова к производству пищи. Он не ведёт речь о её вкусовых качествах и о естественном для человека стремлении к разнообразию, для него важны только её питательные свойства.

Заводы полностью автоматизированы, что делает ненужным строительство при них городов и больших селений.

Символом нового мирового устройства Ефремова становится Спиральная Дорога, обвивающая всю Землю, по которой беспрерывно движутся электропоезда.

Ефремов считает, что усложнение быта приводит к упрощению духовной культуры. Поэтому в быту «не должно быть никаких лишних вещей, связывающих человека». Рационализацией быта занимаются «лучшие умы», наравне с «важнейшими проблемами науки». И в результате всё имущество уважаемого человека помещается в «небольшой алюминиевый ящик».

Идеальное общество Ефремова управляется пятью

Академиями (Академия Горя и Радости, Академия Производственных Сил, Академия Стохастики и Предсказания Будущего, Академия Психофизиологии Труда). Наиболее влиятельной среди них является Академия Горя и Радости: Академия подсчитывает горе и счастье в жизни отдельных людей, исследует горе по возрастным группам. Затем анализирует горе и радость по этапам исторического развития человечества. Советы, направляющие дальнейшее развитие общества, обязательно стараются добиваться лучших показателей радости. Только при возрастании радости или её равновесии считается, что развитие общества идёт успешно. Можно сравнить эту Академию со своеобразным институтом изучения общественного мнения.

Помимо академий существуют институты самоуправления в колониях – внешних станциях Великого Кольца.

Все названные органы подчиняются совету Экономики. Для Ефремова экономика – единственная реальная основа существования человеческого общества. Только совет Экономики может перевести предложенные Академиями проекты на реальную основу.

Вне этой структуры находится судебная власть – «Контроль чести и права». Этот орган разделяется на контроли Юга и Севера, каждая из которых состоит из 11 человек.

Ефремов упоминает две формы юридического взыскания. Преступник может быть выслан с Земли или отправлен на «Остров Забвения»[78]. Пребывание на острове является добровольным и человек в любое время может его покинуть. Вместе с ним могут проживать и его родственники.

Особое место в концепции И. Ефремова занимает концепция нового человека, характерная для большинства советских утопий. Ефремов создаёт своеобразный моральный кодекс «человека эпохи Кольца», который позже найдёт продолжение в «моральном кодексе строителя коммунизма» (Третья программа КПСС) и морали «коммунаров» (Стругацкие).

Человек эпохи кольца «не боится трудных умственных задач, а радуется им». Долг каждой женщины эпохи кольца родить не менее трёх детей. При этом женщины эпохи кольца пользуются равными политическими и экономическими правами с мужчинами и, как правило, являются реализовавшимися профессионально членами общества. Срок жизни человека кольца возрос до 300 лет. Отличительными чертами «человека Эры Кольца» являются «широкое образование и интеллигентность, отличное физическое воспитание», он быстро овладевает новыми навыками, что позволяет ему работать в разных сферах.

Особое внимание во всех своих работах И. А. Ефремов

уделяет понятию красоты, её антропологическому значению. «Чем труднее и дольше был путь животной эволюции до мыслящего существа, тем целесообразнее и разработаннее высшие формы жизни и, следовательно, тем прекраснее. Красота – это инстинктивно воспринимаемая целесообразность строения, приспособленная к определённому назначению. Чем разнообразнее назначение, тем красивее форма». Ефремова интересует красота каждой расы и каждой нации, так как по идеалу красоты он берётся определить специфические условия формирования его носителей. Ефремов считает, что чем труднее и дольше эволюционный путь организма, тем более тонко разработана целесообразность их приспособления к окружающим условиям жизни, то есть красота.

Основой общества «Кольца» становятся учёные.

Счастьем для человека Ефремов считает труд, но «только творческий, соответствующий врождённым способностям и вкусам, многообразный и время от времени переменяющийся».

Профессию человек получает через станцию распределения работ. При этом все трудные работы, связанные с физическим трудом заняты – туда активно стремится молодёжь. «Перед тем как приступить к работе, кандидат проходит психофизическое испытание в Академии Психофизиологии Труда. Молодёжи всегда поручается работа с учётом психологических особенностей юности с её порывами вдаль, повышенным чувством ответственности и эгоцентризмом – например в Дозорной службе, куда стремятся все юноши. Служба следит за появлением акул в океане, вредоносных насекомых, вампиров и гадов в тропических болотах, болезнетворных микробов в жилых зонах, эпизоотий и лесных пожаров в степной и лесной зонах, выявляя и уничтожая вредную нечисть прошлого Земли. При этом такая работа достаточно уважаема взрослыми».

Концепция нового человека требует создания соответствующей теории воспитания. Ефремов считал, что хотя основа способностей даётся врождёнными свойствами человека, они могут пропасть без тонкой отделки человеческой души, создаваемой учителем. Однако он в большей степени разрабатывает систему образования, чем конкретные педагогические приёмы.

Обучение в школе в идеальном обществе Ефремова разделяется на 4 цикла по 4 года каждый. Самый ранний, нулевой цикл – воспитание и обучение малышей от года до четырёх. Каждый цикл ученики проходят в новой школе. Это обусловлено тем, что психика утомляется и тупеет в однообразии впечатлений. Так же считается вредным совместное обучение и

проживание детей разных возрастных групп.

Школа даёт ученикам самые новые знания в области точных наук, иначе невозможно обеспечить быстрое движение науки вперёд. На полное образование уходят десятки лет. В изучении истории для Ефремова главное – изучение исторических ошибок человечества и их последствий. Кабинетные занятия в школах чередуются с уроками труда. Важнейшая сторона воспитания – развитие острого восприятия природы и тонкого с ней общения. Притупление внимания к природе – остановка развития человека, так как, разучившись наблюдать, человек теряет способность обобщать. По окончании школы ученики проходят выпускные психологические испытания, которые определяют их склонности и способности в разных сферах.

По окончании школьного периода человек должен выполнить подвиги Геркулеса – 12 трудных дел, которые подтвердят его зрелость. Подвиги совершаются под руководством ментора – любого состоявшегося члена общества, которого выбирают ученики. Период подвигов Геркулеса начинается в 17 лет и занимает 3 года. Выбираются подвиги тщательно, самостоятельно, но обязательно со старшим советчиком. После подвигов окончательно определяются влечения и способности ребёнка. И далее следует двухлетнее высшее образование, дающее право на самостоятельную работу по выбранной специальности. В течении жизни человек успевает пройти высшее образование по пяти-шести специальностям и столько же раз меняет род работы.

Как уже говорилось, роман И. А. Ефремова – не только утопия, конструирующая модель идеального общества, но и социальный проект. Этот социальный проект существует на пересечении интересов общественных групп, отражая как официальные установки ЦК КПСС (в 1962 г. оформившиеся в текст Третьей программы КПСС), так и ожидания широких масс общества, вдохновлённого научно-техническим романтизмом.

Роман породил множество прямых и косвенных продолжений.

Что подняло старую научно-техническую фантастику на уровень создания мобилизующих социальных Утопий? Наверное, соединение ожиданий общества, его веры в свое всемогущество, в роль Победителей и создателей Нового мира – с постулатами и представлениями о будущем господствовавшей коммунистической идеологии.

Заказ на утопию формулируется в творчестве писателей-фантастов (И. Ефремов, Г. Гуревич), принимается властью (Проект Третьей программы КПСС) и вторично репрезентуется в творчестве фантастов философского направления (Стругацкие, А.

Громова). Так происходит переход к следующему этапу диалога власти и зарождающегося гражданского общества в период «оттепели».

На этом этапе развития в советскую фантастику входят А. и Б. Стругацкие. Первые их книги выходят ещё в конце 1950-х гг., в период «оттепели». Они являются непосредственными учениками и в то же время оппонентами И. А. Ефремова. В своих произведениях Стругацкие поднимают сложные морально-этические и социальные проблемы, пытаются изобразить реальных людей в фантастических ситуациях. Начав писать в духе теории «ближнего прицела», они вскоре отказываются от фантастики как «средства пропаганды научных идей». В СССР они первые, кто трактует фантастическую идею не как цель, а как способ преподнести свои идеи. Американский писатель фантаст Х. Эллисон предложил новую разновидность научной фантастики называть не научной фантастикой, а «фантастикой размышлений». Сами Стругацкие называют её философской фантастикой.

3. 1964–1983 гг.[79] Если на втором этапе власть и общество приходят к согласию, которое выражается на страницах «утопической фантастики», то третий этап развития диалога характеризуется вступлением правительства и интеллектуальной элиты в фазу конфликта.

Третий этап диалога тесно связан с формированием нового направления в фантастической литературе – философской фантастики.

Заметную роль в формировании философской фантастики сыграло издательство «Молодая гвардия».

«Молодая гвардия» стала ведущим издательством, выпускающим научную фантастику, ещё на этапе развития «утопической фантастики». В 1958 г. в издательстве был создан отдел фантастики и приключений[80] под руководством С. Г. Жемайтиса[81] и Б. Г. Клюевой. Эта редакция дала зеленый свет практически всем вновь появляющимся в СССР произведениям научно-фантастической литературы, предприняла издание многотомной серии новинок «Библиотека советской фантастики» и 15-томной «Библиотеки современной фантастики», знакомящей советского читателя с мировыми достижениями жанра.

В 1963 г. при редакции «Молодой гвардии» по рекомендации ССП и с разрешения ЦК ВЛКСМ было создано Московское объединение молодых писателей-фантастов. Целью объединения являлось «создание условий для свободного и компетентного обсуждения теоретических и практических вопросов советской фантастики».

Переводами занималось издательство «Мир» (серия «Зарубежная фантастика»), издательство «Детская литература» традиционно ориентировалось на молодежную аудиторию (серии «Библиотека приключений», «Библиотека приключений и научной фантастики»), издательство «Знание» издавало научную фантастику, популяризирующую науку (с 1963 г. «Знание» издаёт собственный альманах научной фантастики). Что касается периодики, то фантастику наиболее охотно помещали «Техника – молодёжи» и «Знание – сила». Литературные или научно-литературные издания («Литературная газета», «Вопросы литературы» и т. д.), а так же центральная пресса и литературные ежемесячники (так называемые «толстые журналы») публиковали в основном рецензии на научно-фантастическую литературу.

Кроме активно работающих представителей фантастики «ближнего прицела», то есть Казанцева, Гуревича, Шалимова, которые сумели приспособиться к новым требованиям, и издавна специализирующегося в фантастическом политическом памфлете Л. И. Лагина, а также «отца» новой научной фантастики – И. А. Ефремова, на переломе 1950-х и 1960-х годов в этом жанре дебютировала многочисленная плеяда новых авторов: Г. Мартынов (1955); Г. Альтов (1961), а также И. Варшавский (1964), Е. Войскунский и И. Лукодьянов (1961), С. Гансовский (1963), Г. Гор (1961), А. Громова (1962), А. Днепров (1962), М. Емцов и Е. Парнов (1964), В. Журавлёва (1960), О. Ларионова (1965), В. Михайлов (1962), И. Росоховатский (1962), В. Савченко (1959), А. и Б. Стругацкие (1958), ставшие лидерами этого движения. В эти же годы впервые в советской истории научной фантастики появились профессиональные литературоведы и критики, для которых она стала объектом постоянного и довольно длительного интереса: К. Андреев, Е. Брандис, В. Дмитриевский, А. Бритиков, Ю. Кагарлицкий, Б. Ляпунов, В. Ревич, Ю. Рюриков.

Новое поколение, будучи под впечатлением фактов, революционизирующих науку и технику, оставалось под влиянием проблем космонавтики, физики, электроники и кибернетики, генетики и биологии, но проявляло интерес и к социальным явлениям[82].

Феномен «философской фантастики» в СССР представлен новыми произведениями И. Ефремова, А. и Б. Стругацких, Э. Геворкяна, В. Покровского, В. Рыбакова, А. Столярова.

Часть советских критиков появление такой фантастики встретила крайне недоброжелательно. В качестве характерного суждения тех лет можно привести отрывок из статьи В. М. Свинникова:

«Нас призывают – не надо встречать в творчестве братьев

Стругацких географических или исторических примет, социальных устройств, они же писатели проблем. Проблем «в чистом виде». Пусть всё остальное выглядит как эклектическая окрошка, лишь бы был живым тот кусок проблемы, который попадает под луч писательского прожектора. Это-де возрождение лучших традиций старого философского романа – рассматривать в художественной форме абстрактные идеи»[83].

Данное высказывание отражает оценку творчества Стругацких с позиций понимания научной фантастики как популяризатора различных научно-технических достижений[84].

Согласно опросу 1966 года, изображение будущего в романах хотят видеть 53 %. То есть, к началу 1970-х гг. «утопическая фантастика» теряет актуальность. Публикация произведений «философского направления» усложняется настолько, что они продолжают распространяться в основном в виде рукописей, передаваемых из рук в руки.

Несмотря на это, интерес к фантастике в обществе не ослабевает, причём общественные ожидания связаны не столько с приключенческой, сколько с ее социальной, аналитической стороной.

К середине 1960-х гг., когда советская научная фантастика превращается чуть ли не в самый действенный инструмент пропаганды и популяризации коммунистических идей и образов Коммунизма – удар по ней наносится из недр политической власти, от тех людей и структур, партийной обязанностью которых, казалось бы, являлось развитие и популяризация этих идей и образов.

Проблемы с публикацией фантастики оказались связаны с появлением двух документов – постановления ЦК ВЛКСМ «О недостатках в выпуске научно-фантастической литературы издательством «Молодая гвардия»» 1965 г., и последующей Запиской Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, подписанной А. Н. Яковлевым и призывающей Отдел пропаганды ЦК КПСС обратить внимание на «опасные» тенденции в развитии фантастики (1966 г.)[85]. В течение двух лет после появления последнего документа сменяется кадровый состав «Молодой гвардии», ограничиваются возможности публикации фантастики вообще и молодых авторов в особенности. К 1968 г. кружок писателей-фантастов, сформировавшийся вокруг Стругацких в 1960-е гг., распадается. В 1970-е гг. публикация фантастики становится почти невозможной. Рукописи фантастических произведений распространяются только через публичные чтения на семинарах или «из рук в руки» – самиздатом. Социальная тематика теряет актуальность в связи с разочарованием в проекте

Третьей программы КПСС, в сочетании с издательскими проблемами этот фактор приводит к обращению фантастов к антиутопической тематике и сближает многих из них с диссидентским движением. Вступить в Союз писателей СССР для писателя-фантаста становится практически невозможно.

Таким образом, к концу 60-х гг. в СССР постепенно происходит сворачивание процессов социального проектирования, и возврат к ним не происходит до начала 80-х гг.

Почему Яковлев и его группа в партийном руководстве нанесли этот тяжелый удар по философской фантастике коммунистической ориентации – наверное, заслуживает некого иного анализа. Но сложно не соотнести это со словами Яковлева, написанными им позднее во вступительной статье к изданию к так называемой «Чёрной книге коммунизма»: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. <…> Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционаризму вообще. <…>»[86].

Если так – несложно понять, почему триумф фантастики в СССР был ему, и таким как он, не нужен и опасен.

1.2.2. Футурология и Стругацкие – сравнительная хронология

Книга Г. Кана и А. Винера, обозначившая собой период технооптимизма, публикуется в 1967 году. «Грядущее постиндустриальное общество» Д. Белла – в 1973. «40000 часов: инвентаризация будущего» Ж. Фурастье, правда, вышла чуть раньше – в 1965, но она и не имела того общего значения, которое получили первые две работы.

«Футурошок» О. Тоффлера выходит в 1970 году.

Первый доклад Римского клуба «Пределы роста. Доклад по проекту Римского клуба «Сложные положения человечества»» Д. и Д. Медоуз, Й. Рандерса и У. Беренса издается в 1972 году. «Человеческие качества» А. Печчеи в 1977-м.

Первая группа – рассматривает позитивные стороны научно-технического прогресса. Технооптимисты делают вывод, что прогресс позволит высвободить рабочую силу, занятую до сих пор на производстве материальных благ – продуктов питания и

промышленных товаров. Таким образом, незначительное число людей сможет обеспечивать достойный уровень жизни всему человечеству. Материальные проблемы будут решены, а у человека появится возможность высвободиться из сферы непосредственного материального производства.

Г. Кан, приходил к выводу о том, что в постиндустриальном обществе «комплексно автоматизированная и компьютеризированная ферма позволит одной семье завалить продовольствием остальные 99» (и приводил в обоснование соответствующие статистические данные), комплексная механика, автоматика и электроника позволят решить те же задачи за 10–20 % занятых. (Хотя главным здесь все же становился вопрос уже не о том, что 80 % населения не будут заняты в сфере материального производства, а о том, чем именно они все же будут заняты: Г. Кан эту проблему не рассматривал).

Предполагалось, что достижения НТР в «постиндустриальном обществе» позволят сократить рабочий год ещё по меньшей мере вдвое, и обычной станет 20–30 часовая рабочая трёх-четырёхдневка с двумя-тремя месячными отпусками в разное время года. И. В. Бестужев-Лада называет формирующуюся в рамках этих тенденций модель «обществом досуга».

В рамках технократического оптимизма Ж. Фурастье писал о том, что человечество переживает переходный период: и в отличие от предыдущих эпох теперь человек может значительно влиять на материальные условия своего существования, более того, он близок к тому, что бы изменить свою биологическую природу. Таким образом, можно говорить о переходе от «естественной среды» к «технической». Переход к новому этапу позволяет прогнозировать повышение уровня жизни.

Теория постиндустриального общества Белла основана на положении о ведущей роли знаний и технологий в человеческой истории. Белл делает вывод о том, что революционно быстрое развитие науки и техники в постиндустриальном обществе позволяет обеспечить решение задач научно-технологическим переворотом. Этот же процесс является и причиной деидеологизации такого общества, понимаемой как уменьшение значения традиционных идеологий в социальном управлении, отказ от выдвигаемых ими ориентиров устройства или переустройства мира (аналогично мнение Р. Арона), потеря идеологиями способности «на своём языке» формулировать современные проблемы и дерадикализация интеллектуалов – хотя это и не означает, по мысли Д. Белла, «конца утопии», которая, при условии связи с опытом, необходима современному человеку как «видение его потенциала, как способ соединения

страсти и разума» для определения целей и средств развития. В постиндустриальном обществе на первый план выходят научное, теоретическое знание и информация как источник власти и богатства. Соответственно изменяется и характер технологии, поскольку знание требует новых средств обработки, хранения и передачи. Появляются интеллектуальные технологии, вытесняющие из сферы управления старые машинные. В целом постиндустриальное общество характеризуется в рамках этого подхода:

• доминирующими позициями сферы услуг в экономике,

• социальным управлением, становящимся занятием учёного и профессионала-технократа, заменяющими традиционного политика,

• повсеместным распространением интеллектуальных технологий и самоподдерживающимся на их основе технологическим прогрессом.

В 1957 году Стругацкие заканчивают, а в 1959 публикуют, свою первую книгу «Страна Багровых туч» – формально посвященную экспедиции на Венеру (время действия относится к 90-м гг. XX века). Однако те фрагменты произведения, которые связаны с Землей, описывают общество, в котором уже присутствует комплексная автоматизация и компьютеризация, люди освобождены от занятия изнуряющими видами труда, их поисковую деятельность обеспечивают сложные автоматы, увеличилось их свободное время. Вышедшие вслед за эти повести «Путь на Амальтею» и «Стажеры» также показывают мир высоких технологий и освобожденных от материальной зависимости людей. Причем главным здесь для авторов становится не описание технических изобретений, а новые интересы человека и его ориентация на поисковую деятельность.

Если эти произведения еще можно условно относить к традиционной фантастической литературе – то написанная в 1961 и изданная в 1962 г. книга «Возвращение (Полдень, XXII век)» уже является не приключенческим романом, а как раз развернутым описанием мира будущего – общественного устройства XXII века, включая освобождение человека с помощью техники от изнурительных видов труда, перенесение центра его деятельности на науку и производство новых технологий – включая перечисленные ранее черты «постиндустриального общества»: с «социальным управлением, становящимся занятием учёного и профессионала-технократа, заменяющими традиционного политика, повсеместным распространением интеллектуальных технологий и самоподдерживающимися на их основе технологическим прогрессом.

С двумя требующими уточнения аспектами: первый – все это описано за пять лет до выхода в свет книги Г. Кана и А. Виннера и более чем за десять до публикации основного труда Д. Белла. И даже – за несколько лет до работы Ж. Фурастье. Второй – в описанном ими обществе нет проблемы, заключающейся в вопросе, чем занимаются 80 % незанятых в материальном производстве людей: они заняты в науке, искусстве, медицине и воспитании. Там нет проблемы недостатка материального потребления, но это не общество «массового потребления», не «общество досуга» и не экономика услуг – это «общество познания».

Анализируя эти работы, мы видим, что Стругацкие излагают все основные постулаты технооптимизма практически за десятилетие до его оформления в рождающейся футурологии. Подробнее черты общества Утопии, созданной Стругацкими («мира Полдня») будут разбираться в последующих главах, но сейчас для нас важнее, что в плане социально-философского прогнозирования они, в постановке проблем и предложении их разрешения, явно опережали своим творчеством футурологические поиски западных ученых.

При этом известный польский исследователь творчества Стругацких В. Кайтох высказывал мнение, что их книга была лишь художественным описанием разделов принятой в 1961 году Третьей Программы КПСС. Однако здесь нужно отметить два обстоятельства. Во-первых, если просто согласиться, что это было так – приходится сделать вывод, что данный политический документ в плане научно-футурологического значения явно опережал и превосходил все последующие классические работы футурологов – Г. Кана, Д. Белла. О. Тоффлера и др. Во-вторых – при анализе сроков публикации работ – мы видим достаточно явное фактологическое опровержение версии В. Койтоха. Книга Стругацких к моменту принятия Программы КПСС уже была написана и частично опубликована: отдельные ее главы по одной издавались начиная с 1959 года[87] – то есть, в постановке вопросов, опережали и западных футурологов, и Программу КПСС.

В плане социально-философского прогнозирования, в постановке проблем и предложении их разрешения – они явно опережали поиски западных футурологов.

В футурологии на смену технооптимизму, как уже говорилось, начиная с 1970 года, приходит технопессимизм. «Футурошок» А. Тоффлера: проблемы разрушения института семьи, исчезновения преемственности поколений, иерархии авторитетов, атомизации экономической сферы и

произрастающей из неё нестабильности в социальной сфере. В центре концепции О. Тоффлера стоит феномен «шока от будущего», то есть стресса и дезориентации, которые возникают у человека, подверженного слишком большому количеству перемен за слишком короткий срок. Постоянный стресс порождает боязнь перемен, а значит, и будущего. По мнению футуролога, это состояние уже начинает проявляться у многих его современников.

Однако нужно отметить, что тема неспособности решить проблемы человечества исключительно посредством достижений техники и науки начинает подниматься Стругацкими в работах, опубликованных уже в середине 1960-х гг.

Уже в повести «Понедельник начинается в субботу» (написана в 1963–1964 гг., опубликована в 1965 г.) они формулируют утверждение о том, что решение проблем материального изобилия не ведет к разрешению проблем человека и не создает идеального, свободного человека. Но они и углубляют эту проблему, утверждая, что достижение человеком благодаря науке «абсолютного могущества» не ведет к его развитию, порождая лишь «гения-потребителя». Повесть «Стажеры» (1962 г.) они завершают утверждением, что главное не в технике, главное – в человеческих отношениях, без воспитания нового человека техника и наука окажется обреченными служить всем старым устремлениям и порокам.

В повести «Хищные вещи века» (написана в 1964, опубликована в 1965 г.) они формулируют тезис о том, что «общество досуга и гарантированного потребления», даже освобожденное от материального и политического угнетения – будет приводить лишь к подчинению человека приобретающим все более извращенный характер примитивным потребностям, но не приведет к их «возвышению». Достижения науки и техники окажутся поставлены на службу все увеличивающейся примитивизации человека. По их мысли, сами по себе свободное время, материальное изобилие и технические возможности вместо того, чтобы поднять человека до уровня творца, развить в нем созидательное начало, напротив, будут опускать его вновь до уровня животного.

В этих, и ряде других произведений они осмысливают негативные стороны проблемы «общества потребления». В долго не издававшейся и наиболее для них значимой философской работе «Улитка на склоне» (написана в 1965 г. опубликована в СССР в 1988 г.) – они за пять лет до «Футурошока» поднимают ту же тему: о мере готовности или неготовности человека и общества встретится с будущим. В иной плоскости та же тема ставится ими в повести «Гадкие лебеди» (написана в 1967, первая

публикация в СССР – 1987 г.), – о том, что люди, не готовые встретится с будущим, могут оказаться отторгнуты им. И о том, что ожидая его – они могут настолько оказаться в плену у сегодняшнего дня и своих привычных потребностей, что сами могут оказаться препятствием на пути его прихода. Нужно отметить, что именно эти две повести оказались долгое время непонятыми.

Тема неизведанности будущего и таящихся в нем неясных для сегодняшнего дня угроз была обозначена и в неоконченной повести «Беспокойство» (написана в 1965-м, опубликована 1990 г.): люди изучают неизведанное, видят его – думают, что оно достаточно просто – и не готовы задуматься и понять, что то, что кажется сегодня простым и безопасным, как раз и таит в себе те угрозы завтрашнего дня, к которым они окажутся не готовы.

Доклад Римского клуба «Пределы роста» в 1972 году вызвал новый шок: но в отличие от труда О. Тоффлера, говорившего о психологическом шоке от неготовности к темпу перемен, здесь речь шла не о неготовности, а о прямой угрозе исчерпания ресурсов и угроз от развития того, что ранее считалось основным ресурсом человечества – научно-технического прогресса. Как результат выявленных авторами тенденций: роста мирового народонаселения, истощение минеральных ресурсов, загрязнения окружающей среды, реакции на всё это промышленного и сельскохозяйственного производства, – Медоуз прогнозировали грядущую катастрофу, сопровождающуюся вымиранием от голода и болезней нескольких миллиардов из десятка-полутора миллиардов землян грядущего столетия.

Вопрос ответственности ученых за их открытия и проблему угрозы последствий гипертрофированного увлечения, с вполне благими намерениями, могуществом сил, которые стали доступны в результате развития науки Стругацкие поставили в повести «Далекая Радуга», написанной в 1962 и опубликованной в 1963 году. Практически все действующие лица – в нормальном понимании абсолютно положительные люди, посвятившие себя вполне бескорыстно науке ученые – работающие на комфортной и безопасной планете, отведенной для исследований ученых разных направлений, которую абсолютно неожиданно для себя они обрекают на катастрофу вместе с собой и своими семьями. Позже проблемы угрозы неконтролируемого научно-технического развития окружающей среды будет поставлены ими и в 70-е годы – «Пикник на обочине» (1972 года издания, то есть тоже был написан до «Доклада» Медоуз) и «Жук в Муравейнике» (фрагменты, связанные с планетой Надежда и операцией «Мертвый мир» – первоначально они задумывались как отдельная

повесть – середина 70-х гг.).

Сопоставляя хронологическое обращение к названным темам с одной стороны – Стругацких, с другой стороны – классиков футурологии второй половины XX века, мы видим, что первые не просто нащупали и осветили раньше ту или иную тему осмысления проблем будущего, что само по себе могло бы оказаться относительной случайностью или совпадением. Ситуация выглядит более сложно – по сути, Стругацкие прошли своего рода эволюцию осмысления проблематики – опережая профессиональных прогнозистов.

Все эти примеры особо интересны наличием момента опережения[88] – и эти примеры опережения особенно интересны в контексте приводившегося соображения Х. Ортеги-и-Гассета и позволяют выдвигать предположение об особых познавательных возможностях такой формы осмысления действительности, как художественно-политическое моделирование, то есть создание модели политического устройства общества с помощью художественных средств – образов, метафор и т. д., особенно если учесть, что сама метафора в науке рассматривается как «неназванное сравнение», и латентно несет в себе начало компаративистики.

В этом отношении особый интерес представляет книга Б. де. Жувенеля «Искусство предположения», фрагмент из которой был опубликован в упоминавшейся «Антологии современной классической прогностики». Анализируя разные способы предсказания, такие как:

• «перенесение» на будущее умозаключений, основанных на сегодняшнем опыте;

• «пролонгация существующей тенденции»;

• «аналогия, основанная на перенесении в будущее закономерностей, выявленных в прошлом;

• «колея», предполагающая, что отстающие в своем развитии страны с неизбежностью и высокой степенью повторяемости проходят путь стран, их обогнавших;

• «причинность», предполагающая, что одни и те же причины, приведшие к известным последствиям в прошлом, с неизбежностью приведут к тем же и в будущем;

• «априоризм» и «системность», – он последовательно показывает расхождения сделанных в их рамках предсказаний с действительным ходом истории.

Выводом его в значительной степени становится положение, вынесенное в название работы: исключительно рациональных оснований оказывается недостаточно для успешного предположения о будущем. Такое предположение становится,

возможно, только при дополнении его «искусством предположения».

Быть может, это связано именно с тем, что основанные на измеряемых показателях прогнозы имеют смысл только применительно к определенным ситуациям – тогда как применительно к будущему никто не может поручиться, что обстоятельства окажутся именно такими, а не иными. Тот же де Жувенель отмечает, что любые однозначные утверждения, отнесенные к будущему, в принципе оказываются по ту сторону правды и лжи. Применительно к конструированию будущего ученый оказывается в ситуации, описанной Ортегой: использование метафоры, то есть художественного приема, дополняющего научное знание, оказывается более эффективным, чем строго рациональное логическое построение.

Тем более с учетом такой бесспорно учитываемой при политическом анализе категории, как «политическое искусство».

И если никто не оспаривает фактор искусства политического деятеля (как, скажем, и искусства военачальника) возможно, стоит серьезно отнестись к возможности существования такой категории политической науки, как искусство политического анализа и художественное моделирование политических процессов.

Возможно, именно поэтому советская научная фантастика 1950–1960-х гг., использующая приемы художественного моделирования, но в исходных посылках по определению не выходящая за рамки имевшихся научных данных, оказалась способной к опережающему, по сравнению с западной футурологией, осмыслению социальных и политических проблем будущего.

Взгляд с другой стороны 3: Кем они были?

Помимо общественной составляющей, типичной для формирования взглядов всего поколения шестидесятников, необходимо выделить индивидуальную, характерную только для Стругацких. Если первая из них обусловила формирование утопического мышления Стругацких в начале 1950-х гг. и зарождение их конфликта с властью в середине 60-х, то вторая, по всей видимости, привела к разделению идеологической ориентации диссидентских кругов и Стругацких в более поздние годы. В комплексе эти две составляющих можно обозначить как личный фактор формирования мировоззрения и общественно-политических взглядов Стругацких.

Личный фактор в свою очередь можно разделить на три составляющих. Это события биографии Стругацких, круг общения и круг чтения. Биографический фактор это события их личной и профессиональной жизни, с одной стороны, вызывавшие непосредственные изменения во взглядах Стругацких, с другой – закладывавшие основу для дальнейшего восприятия ими событий политической жизни.

Анализируя биографический фактор необходимо заранее оговорить особенность исследования взглядов «коллективного автора» Стругацкие. Вплоть до 1956 г. писатели жили отдельно, их не объединяла ни профессиональная деятельность, ни быт. Единственным, что связывало Стругацких, была их переписка. Соответственно условия формирования общественно-политических взглядов Стругацких в ранний период различны.

Аркадий Стругацкий родился 28 августа 1925 года в Батуми, где его отец Н. З. Стругацкий служил редактором газеты «Трудовой Аджаристан». Мать Аркадия и Бориса Стругацких, Александра Ивановна Литвинчева (1901–1981) была учительницей, преподавала русскую литературу в той же ленинградской школе, где учился Аркадий, после войны была удостоена звания «Заслуженный учитель РСФСР» и награждена орденом «Знак Почёта»[89].

Во время Великой Отечественной войны семья Стругацких оказалась в осажденном Ленинграде. Во время блокады Б. Стругацкий участвовал в строительстве оборонительных сооружений (осень – начало зимы 1941 г.), а затем работал в мастерских, где производились ручные гранаты[90].

По воспоминаниям А. Стругацкого, в январе 1942 г. Александра Стругацкая, работавшая в тот период в районном исполкоме, добилась для семьи возможности выбраться из

Ленинграда по «дороге жизни», однако воспользоваться этой возможностью смогли только Натан Стругацкий и Аркадий – Борис болел дистрофией, и родители посчитали, что эвакуации он не выдержит. Б. Стругацкий утверждает, что появление такой возможности не было связано с тем, что А. Стругацкая работала в Выборгском райжилотделе. В данном случае больше доверия вызывают воспоминания старшего брата, но кто бы из них ни разбирался в ситуации лучше, можно заметить разницу в оценках Стругацких: Аркадий более реалистичен, Борис более идеалистичен.

Натан Стругацкий умер в Вологде, и А. Стругацкий летом 1942 г. оказался в посёлке Ташла Оренбургской (тогда – Чкаловской) области[91]. А. Стругацкий к этому времени имел среднее неоконченное образование (9 классов) и как «человек большой грамотности» был назначен заведующим пунктом по закупке молочных продуктов у населения, и при первой же возможности просит мать и брата приехать к нему[92].

Б. Стругацкий упоминает, что во время войны А. Стругацкий учился в актюбинской миномётной школе, а Б. Стругацкий проживал в Оренбуржье, в. г. Чкалов, но дату, к которой относится эта информация, не называет[93]. Во фрагменте офлайн-интервью он пишет также, что в Ташле А. Стругацкий закончил «десятилетку» и сразу после этого ушёл в армию. Там же учился и Б. Стругацкий. Этот период он относит к 1942–1943 гг.[94]

Летом того же года весь выпуск Актюбинского училища был отправлен на Курскую дугу, но А. Стругацкий незадолго до этого оказался переведён в открывающийся в Москве институт военных переводчиков[95].

Несмотря на небольшую разницу в возрасте, в определённом смысле А. Стругацкий и Б. Стругацкий принадлежат к разным поколениям. К 1941 г. А. Стругацкому было 16 лет. «Ранние годы Аркадия были тем самым счастливым детством, за которое тогда было принято говорить «спасибо» товарищу Сталину. Без всякой иронии и без всяких «но» в данном случае: мирная, спокойная жизнь в хорошей семье, среди добрых друзей, в замечательном городе, в любимой стране, которой искренне гордились и взрослые, и дети», – пишет А. Скаландис[96].

Детство Б. Стругацкого 22 июня разделило пополам. Оно в большей степени связано с войной, блокадой, эвакуацией. В этом разрыве кроется коренное различие в условиях формирования мировоззрения братьев – если А. Стругацкому было за что благодарить советский строй, то Б. Стругацкий сохранил о своём детстве в основном негативные воспоминания. Хотя, безусловно,

такое мировосприятие Б. Стругацкого должно иметь под собой и иные психологические основания, миллионы современников этого же возраста не стали противниками советского строя.

А. Стругацкий окончил Бердичевское пехотное училище, располагавшееся тогда в эвакуации в Актюбинске, после чего был откомандирован в Военный институт иностранных языков, который окончил в 1949 году по специальности «переводчик с японского и английского языков».

Военный институт иностранных языков, ныне включённый в состав Военного университета, был создан 12 апреля 1942 г. приказом МО СССР из военного факультета при 2-м МГПИИЯ, находился в непосредственном подчинении Главного управления Генерального штаба. Официальной задачей института называют подготовку военных переводчиков-референтов и преподавателей иностранного языка для высших и средних учебных заведений Красной Армии[97].

Профессия военного переводчика имеет ряд специфических черт, в сравнении как с обычными военными специальностями, так и с работой переводчика в мирное время. Военный переводчик на фронте всегда одним из первых узнавал о противнике, и в связи с этим на нём лежала большая моральная ответственность. Он был обязан безукоризненно знать язык, военную терминологию и организацию армии противника, уметь правильно перевести документ противника и составить протокол допроса военнопленного. Как показал опыт Великой Отечественной войны, военному переводчику нередко приходилось в порядке взаимозаменяемости выполнять самостоятельно многообразные обязанности офицера штаба, вытекающие из конкретной боевой обстановки. Помимо своих основных переводческих обязанностей, выпускники ВИИЯ помогали офицерам разведки собирать и обрабатывать разведывательные данные, составлять и передавать информацию подчинённым частям и в вышестоящие штабы. Военные переводчики штабов ведали организацией вопросов учёта и отправки пленных и трофейных документов.

Многие выпускники ВИИЯ 40–50-х гг. стали известными военачальниками, дипломатами, руководителями структурных подразделений Министерства обороны СССР, выдающимися учёными, известными писателями, журналистами, кинорежиссерами. Среди них – актёр В. Этуш, журналист В. Овчинников, композиторы С. Кац и А. Эшпай, переводчик В. Суходрев, писатели Ю. Друнина, П. Коган, А. Мицкевич (Днепров), Е. Ржевская, посол О. Трояновский, режиссёр Ф. Хитрук, бард и писатель М. Анчаров[98].

Военными переводчиками по базовому образованию были Сергей Иванов и Игорь Сечин.

Всё это имеет непосредственное отношение к формированию характера, а впоследствии и политических взглядов Аркадия Стругацкого. Собственных свидетельств о периоде службы он оставил немного, в детали непосредственно профессиональной своей деятельности в письмах никогда не вдавался. Тем не менее, на основе обобщённой характеристики военных переводчиков тех лет можно попытаться реконструировать черты характера Аркадия Стругацкого: ответственность – присущая военному офицеру, закрытость и аккуратность в изложении мыслей – присущая человеку, тесно работающему с секретными документами, глубокая осознанная политическая позиция – по той же причине. В частности, о специфической закрытости А. Стругацкого, который в целом был «душой компании», но при переходе на некоторые темы уходил в себя и замолкал, свидетельствует и Б. Стругацкий.

В институте особый интерес у А. Стругацкого вызывало изучение марксизма-ленинизма[99]. Неоднократно в своих письмах Б. Стругацкому он наставлял брата, требуя, чтобы тот больше внимания уделял чтению политических журналов и изучению теории коммунизма. Когда же брат однажды пожаловался ему, что в институте от него как от старосты требуют стать доносчиком в деканате – сурово отчитал его.

При распределении на языковую практику, студентов разделяли по частям в зависимости от успеваемости. А. Стругацкий на протяжении всех студенческих лет отличался плохой дисциплиной, хотя и проявлял талант к языкам и трудолюбие в учёбе. Так в 1946 г. А. Стругацкий был направлен в Казань, в спецзону для военнопленных. В Казани он участвовал в допросах японских военных преступников, подготовке материалов Токийского процесса[100].

Влияние этого опыта на формирование взглядов А. Стругацкого было двойственным. С одной стороны, наблюдения за лагерным бытом, как полагает А. Скаландис, глубоко врезались в память писателя: «…в Татарии было страшно. Там АН[101] впервые своими глазами увидел настоящий концентрационный лагерь. Военнопленных за людей не считали. Это была планета Саула из будущей «Попытки к бегству». И зловонные бараки, и джутовые мешки на голое тело по морозу, и котлован с копошащимися человеческими существами, и этот жуткий кашель, передаваемый по цепочке, – такое нельзя придумать. И невозможно забыть. Вернувшись из разных лагерей, они не рассказывали подробностей даже друг другу. Некоторые молчат

до сих пор. Или не имеют сил говорить, потому что им становится плохо от воспоминаний»[102].

С другой стороны, сам факт нахождения людей в лагере не вызывает у А. Стругацкого чувства протеста. Позднее, в романе «Град обреченный», он использует реальную биографию военнопленного, которого ему приходилось допрашивать, сохраняет даже его имя: «Полковник Маки. Бывший полковник бывшей императорской армии. Сначала он был адъютантом господина Осимы и два года просидел в Берлине. Потом его назначили исполняющим обязанности нашего военного атташе в Чехословакии, и он присутствовал при вступлении немцев в Прагу… <…> Потом он немного повоевал в Китае, по-моему, где-то на юге, на Кантонском направлении. Потом командовал дивизией, высадившейся на Филиппинах, и был одним из организаторов знаменитого «марша смерти» пяти тысяч американских военнопленных <…> Потом он попал к русским в плен, и они, вместо того, чтобы повесить его или, что то же самое, передать его Китаю, всего-навсего упрятали его на десяток лет в концлагерь… <…> Теперь он уже старый человек. <…> И он утверждает, что самые лучшие женщины, каких он когда-либо знал, это русские женщины. Эмигрантки в Харбине»[103].

Если Стругацкий сохраняет не только фактуру, но и реальное имя японца, нет оснований сомневаться, что правдивой является и его оценка этого человека. А. Стругацкий не мог не видеть ужасный быт военнопленных, но не он поражал его воображение, а тот факт, что эти люди не были казнены, а «всего-навсего» оказались «на десяток лет» в концлагере. Эта позиция очень характерна для оценочной системы А. Стругацкого.

В 1949 г. А. Стругацкий окончил ВИИЯ и был назначен преподавать в Канское военное училище (1950–1952), затем дивизионным переводчиком в Петропавловск-Камчатский, потом на Курильские острова и в Хабаровск (1952–1954). В 1955 г. демобилизовался[104].

Относительно причин назначения А. Стругацкого в Канск существует две версии. Первая заключается в том, что это была своеобразная ссылка, связанная с его поведением. С другой стороны, А. Скаландис предполагает, что, несмотря на географическую отдалённость от столицы и тяжёлый быт, секретному объекту ШВП (Школа военных переводчиков) в Канске придавалось особое значение. По некоторым данным, там готовили специалистов для ГРУ[105]. Эту же версию повторяют С. Бондаренко и В. Курильский, ссылаясь на воспоминания М. Демиденко[106].

Аркадий Стругацкий в письмах из Канска вспоминает

несколько эпизодов, характеризующих атмосферу и быт начала 1950-х гг. Одно из таких воспоминаний связано с тем, как в числе других офицеров он был определён в бригаду, созданную «для содействия мероприятиям по благоустройству города». Суть действий бригады сводилась к агитации местных жителей к участию в этих мероприятиях: они должны были рыть канавы для стока воды. Местные жители отчаянно сопротивлялись, ссылаясь друг на друга. Убедить их участвовать удавалось, только пригрозив санкциями со стороны советской власти, с которой большинство из них уже имело дело (большая часть населения уже привлекалась к уголовной ответственности). Характеризуя этот контингент, А. Стругацкий использует эпитеты «уголовники, дерьмо, ссыльные кулаки» и оценивает следующим образом: «Сволочьё! Воспитывай их, таких вот мерзавцев»[107].

Такие эмоциональные оценки демонстрируют характер его отношения к противникам советской власти и его однозначную просоветскую позицию.

Согласно официальной версии, в 1952 г. А. Стругацкий был исключён из ВЛКСМ за «аморальное поведение» (роман с замужней женщиной) и переведён служить из офицерской школы в провинциальном Канске (районный центр Красноярского Края) в стратегический важный регион Дальнего Востока (Петропавловск-Камчатский), где в этот момент разворачивается противостояние СССР с США – в разведотдел приграничной дивизии[108]. О причинах исключения Стругацкие пишут мало. Стругацкий Б. упоминает только, что «Это любопытная и даже романтическая история в стиле купринского «Поединка»»[109]. В письме 1953 г. А. Стругацкий упоминает о письме, полученном от женщины, которую он «развёл с мужем», за что и «поплатился комсомольским билетом»[110]. Биографы же (Скаландис, Володихин и Прашкевич) описывают историю, связанную с будущей Е. Стругацкой.

Однако существует и другая версия. Люди данной профессии, с которыми автор консультировался в ходе работы над материалом, утверждали, что подобная схема могла использоваться как легенда, при переводе человека на то место службы, где он должен был сознательно вызвать интерес зарубежной разведки, как «несправедливо пострадавший», и вступить в разведывательную игру с зарубежными спецслужбами. Во всяком случае, перевод офицера разведучилища, блистательно знавшего, среди прочего, японский язык, из центральных районов страны в систему разведки на границу с Японией – никак не мог быть выводом из факта «морального разложения» и наказанием сотрудника спецслужб.

Формально этот перевод был объяснен как результат исключения из комсомола за аморальное поведение. Однако в штабе дивизии А. Стругацкий работает со сверхсекретными документами и принимает участие в специальных операциях, о которых в письмах упоминает только намёком.

На Камчатке А. Стругацкий был приписан к разведотделу штаба дивизии, читал и переводил секретные документы на английском и японском, изучал сообщения в открытой печати, среди которых нужно было отбирать информацию, представлявшую интерес для военной разведки[111]. Судя по ряду данных, принимал участие в спецоперациях, о которых подробно никогда ничего не рассказывал.

Привлекает внимание следующая фраза, написанная им в письме брату: «Но если бы ты знал, что я здесь видел… ничего, ничего, молчание»[112].

В том же году в письмах с Камчатки А. Стругацкий рекомендует Б. Стругацкому подумать о вступлении в партию[113].

В. Ольшанский упоминает о том, как после землетрясения 1952 г. А. Стругацкий летал на Курильские острова в составе группы офицеров и специально отобранных солдат и сержантов «для поддержания порядка». По мнению Ольшанского, настоящей их задачей было «обезвреживать оставленную японскую агентуру»[114], однако с точки зрения исследования формирования взглядов А. Стругацкого более интересна официальная версия. Об этом же эпизоде вспоминает вдова сослуживца А. Стругацкого Л. Берникова[115]. А. Стругацкий в письме называет эту командировку «экскурсией на Остров Страха»[116].

Одним из свидетельств, подтверждающих доступ А. Стругацкого к секретной информации, является эпизод, упомянутый в письме Аркадия Стругацкого от 7 июля 1953 г. В это время Аркадий Стругацкий соглашается прочесть молодым военнослужащим серию лекций об атомной энергии[117]. На лекциях говорилось о последствиях применения ядерного оружия и бомбардировке Японии. Об этом свидетельствуют воспоминания двух слушателей лекций Аркадия Стругацкого: В. Ольшанского и М. Демиденко[118]. В частности, Ольшанский пишет: «…Тогда мы, возможно, впервые услышали правду о последствиях атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Стругацкий имел доступ к газетам, которые выходили в Японии и посылались в штаб секретной почтой. Помню, как внимательно слушали его рассказ, и я понял, что не ужас ядерной бомбы поразил офицеров, а то, что незнакомые им вещи рассказывал

старший лейтенант разведотдела».

Здесь так же напрямую говорится о том, что А. Стругацкий был не только военным переводчиком, но и офицером разведки.

М. Демиденко вспоминает, какой шок испытал его взвод и его командиры, узнав о логике функционирования и последствиях применения атомного оружия, и упоминает тот факт, что перед прослушиванием лекции курсанты расписывались в журнале «О неразглашении военной тайны».

В другом фрагменте своих воспоминаний Ольшанский упоминает, что «несколькими годами ранее Аркадия Стругацкого включили в группу советских офицеров, которые допрашивали и готовили обвинение для судебного процесса над японскими военными преступниками».

Об этом же пишут Д. Володихин и Г. Прашкевич, приводя следующие слова Б. Стругацкого: «АН не любил распространяться об этом периоде своей жизни, а то немногое, что мне об этом стало от него всё-таки известно, рисует в воображении картинки исключительно мрачные…»[119]. Существуют и другие свидетельства участия Аркадия Стругацкого в секретных операциях этого периода[120].

Ещё одна биографическая деталь, характеризующая знакомство А. Стругацкого с «закулисной» частью советского проекта. Канский объект находился в плотном соседстве с лагерем для политических заключённых, участки разделяла только плотная дубовая стена. Причём в части ходили байки о недавнем восстании заключённых с последующим расстрелом[121].

В июне 1953 г. А. Стругацкий отправляет письмо «в самую высокую инстанцию» с просьбой о переводе или об увольнении, но письмо остаётся без ответа[122], а затем пишет Б. Стругацкому о желании оставить военную службу[123]. Об этом же вспоминает В. Ольшанский[124]. О причинах этого стремления он пишет так: «Марксизм прав: ни одно занятие не может идти на пользу, если оно не связано с интересами общества. За что не возьмёшься – вечно встаёт прежний тупой и скучный вопрос: Зачем?»[125]

Летом 1954 г. А. Стругацкого переводят в радиопеленгаторный центр «ОСНАЗ» в г. Хабаровске. Место по военным меркам солидное, даже почётное. В ноябре 1954 г. – снова в обычную часть. А 9 мая 1955 г. был подписан приказ о его демобилизации.

Борис Стругацкий родился 15 апреля 1933 года в Ленинграде, где его отец Н. З. Стругацкий был только что назначен научным сотрудником Государственного Русского музея.

В 1950 году окончил школу с серебряной медалью и

собирался поступать на физический факультет ЛГУ, однако по ряду причин принят не был. Тогда он подал документы на математико-механический факультет, который закончил в 1955 году по специальности «звёздный астроном».

Б. Стругацкий вспоминает, что в молодости увлекался джазом, и говорит, что его привлекал «знакомый душок запретности». «Немножко запрещать надо обязательно, – пишет он, – особенно если хотите завлечь молодёжь»[126]. Если перебросить мостик к позднему этапу их творчества, когда многие их тексты получили славу «запретных», и эта репутация Стругацкими активно поддерживалась, можно выдвинуть предположение, что такой уход в запретность был не столько акцией протеста, сколько своеобразным рекламным ходом.

Борис Стругацкий до 1953 года – студент-астроном, придерживается менее радикальных взглядов, чем брат, и несколько хуже ориентируется в событиях современности. Но и он вспоминает о своей молодости как о времени абсолютной веры в И. В. Сталина: «Споры с друзьями-студентами. Компания ребят – очень умненьких, очень начитанных, очень интеллигентных… «Если вдруг заболеет товарищ Сталин, – говорили мы друг другу, покачиваясь со стаканом хереса в руке, – что важнее? Здоровье товарища Сталина или моя жизнь?» И это – на полном серьезе! Если бы кому-нибудь пришла в голову мысль шутить на такую тему, могли бы просто побить»[127]. Этот эпизод относится к 1949 г.

Таким образом, если для А. Стругацкого в начале 50-х гг. характерна твёрдая прокоммунистическая и просталинская позиция, то Б. Стругацкий, прошедший иной жизненный путь, и менее глубоко увлекавшийся политикой и событиями современности, не имел чёткой идеологической позиции. На бытовом уровне, как и многие его современники, он заявлял о готовности умереть за Сталина, но XX съезд нанес определенный удар по его позиции.

Неоднократно повторяются в тот период столкновения между братьями на почве идеологических расхождений, проявляющиеся на бытовом уровне. Аркадий Стругацкий неоднократно выказывал поддержку решительным и жёстким мерам. В этом смысле характерен ещё один эпизод биографии Аркадия и Бориса Стругацких. В беседе с Б. Вишневским Борис Стругацкий вспоминает, как в начале его обучения в институте, в 1950 г., он получил предложение от декана включиться в работу по противодействию идеологическим диверсиям. Первоначально это предложение вызвало его внутренний протест и, по всей видимости, об этом эпизоде он рассказывал в своём письме

старшему брату. Письма Бориса Стругацкого этого периода не сохранились. Тем не менее, тон ответа Аркадия Стругацкого позволяет предположить, что ситуация вывела Бориса Стругацкого из себя. Сам А. Стругацкий этой ситуации даёт вполне сдержанную оценку, считает излишне идеалистическую мораль Б. Стругацкого неуместной в борьбе за правильную цель:

«… научные специалисты, на подготовку которых государство тратит огромные деньги, должны быть совершенно свободны от всяких признаков разложения морального, разложения политического, разложения идейного… должны быть идеальными людьми с точки зрения нравственной, с точки зрения преданности государственным интересам, с точки зрения преданности идее коммунизма. Если ты считаешь себя способным помочь государству в воспитании именно таких людей, а не пошленьких, гнилозубо хихикающих над всем, что у нас делается, мещан, предателей в потенциале, ***ты должен стать контрразведчиком, тем более, что тебя нашли достойным доверия.*** *Если нет, если ты сам никак не можешь освободиться из мещанского болота «юношей бледных со взором горящим», которые «из принципа» не остановят махинации какого-нибудь гадика и из «принципиальной» неприязни к милиции не передадут ей в руки иностранного шпиона, боясь запачкать чистенькие интеллигентские ладошки, если ты такой – брось всё, университет, комсомол, ибо такой мерзавец, хлюпик, да ещё и с высшим образованием, да ещё комсомолец или коммунист, сегодня закрывает глаза на моральное разложение товарища, завтра примет поручение шпиона…* ***Я-то тебя знаю, Боб, ты наш до мозга костей, а наивности в тебе – [далее у А. Стругацкого следует нецензурная лексика]. Итак, моё мнение – делай то, что приказывает тебе партия и государство в лице вашего парторга и декана»***[128].

Этот фрагмент переписки свидетельствует об уверенности А. Стругацкого, что цели имеет смысл добиваться любыми методами, а методы определяет партия. Далее в том же письме он критикует брата за увлечение идеологически враждебными СМИ: *«…Когда ты перестанешь верить, а ещё лучше – слушать, и тем более пересказывать враньё «Голоса Америки»?.. Эх, цыплята, цыплята, расти вам ещё и умнеть».*

В этом письме намечаются сразу два разногласия между братьями: по вопросу о «доносительстве» и по вопросу об альтернативных источниках информации. Насколько можно судить по этому письму, позиция Бориса Стругацкого изначально была отличной от позиции А. Стругацкого. Ответа Бориса не сохранилось – но, судя по последующим письмам Аркадия, больше подобные опасения его не останавливали. Да и в целом

известно, что обычно, даже расходясь сначала в своих оценках с братом, Борис, после консультации с ним и уяснения его позиции – признавал правоту Аркадия.

После окончания университета Б. Стругацкий поступает в аспирантуру Пулковской обсерватории, однако диссертацию он так и не защитил, поскольку оказалось, что аналогичное исследование уже было проведено за рубежом в 1942 году[129]. Затем Б. Стругацкий работает на счётной станции Пулковской обсерватории инженером-эксплуатационником по счётно-аналитическим машинам.

В 1960 г. принял участие в геодезической и астроклиматической экспедиции на Кавказе в рамках программы поиска места для установки Большого телескопа АН СССР.

С 1964 г. Б. Стругацкий – профессиональный писатель, член Союза писателей СССР. Ещё несколько лет проработал в Пулковской обсерватории на полставки. С 1972 года – руководитель Ленинградского семинара молодых писателей-фантастов (впоследствии стал известен как «семинар Бориса Стругацкого»).

Считается, что Борис не состоял в партии, и, по его собственным словам, получил предложение вступить ответил в силу своих тогдашних убеждений: «Считаю себя недостойным такой высокой чести»[130]. Позднее называл эти слова абсолютно искренними.

Здесь заключается ещё один из важных моментов мировоззрения Б. Стругацкого. Его следование по пути борьбы с недостатками реального советского проекта вырастает из некого идеального видения проблемы. Для Б. Стругацкого вступление в партию – «высокая честь», что кардинально расходится с позицией тех, кто вступал в партию по корыстным соображениям.

Сравнивая политические позиции братьев этого времени можно сказать, что А. Стругацкий воспринимает ситуацию более реалистично, его поддержка государственной власти достаточно осознана и сильна. Взгляды Б. Стругацкого выглядят менее определёнными, однако заметна его тяга к запрещённым культуре, литературе, СМИ. Характерно, что политические темы перестают комментироваться А. Стругацким после смерти Сталина. В 1953 г. он ставит вопрос о демобилизации, который удаётся решить к 1956 г. В его письмах послевоенного периода политические вопросы затрагиваются эпизодически, и уже только в связи с непосредственными творческими и личными планами Стругацких.

Теперь о политических проблемах он говорит не в частных письмах, а открыто и публично – языком своих произведений.

Б. Стругацкий, в свою очередь, также хорошо был знаком с теорией марксизма-ленинизма[131]. Вместе с тем, в отличие от А. Стругацкого, он не имел доступа к тем или иным закрытым документам и информации о противоречивых сторонах повседневной жизни. Он был более романтичен как в своих идеологических установках, так и в видении действительности. Поэтому, в частности, информация о докладе Н. С. Хрущёва на совещании после XX въезда, производит на него более травмирующее впечатление[132].

Он так описывает свои политические идеалы периода позднего сталинизма и оттепели:

> *«Я сын своего отца, своего времени, своего народа. Никогда не сомневался в правильности коммунистических идей, хотя я и не член партии. Я впитал их с детства. Позднее, во время учёбы и самостоятельно, я познакомился с другими философскими системами. Ни одна из них не удовлетворила меня так, как коммунизм. Ну и, кроме того, я основываюсь на собственном восприятии жизни. В нашем обществе, несмотря на некоторые недостатки, я вижу то здоровое, святое, если хотите, что сделает человека человеком. У нас считается неприличным не работать. А ведь коммунизм – это занятие для всех голов и всех рук. Коммунизм не представляется мне розовым бытом и самоуспокоенностью. Его будут сотрясать проблемы, которые человек будет решать»*[133].

А. Стругацкий демобилизуется в июне 1955 г. и переезжает в Ленинград к матери. С этого момента общение братьев становится более тесным.

В начале 1956 г. А. Стругацкий вернулся в Москву и направился на работу в Институт научной информации, но вскоре перевёлся на должность редактора в Государственное издательство художественной литературы, крупнейшее литературное издательство СССР, выпускавшее литературу, в том числе зарубежную, на русском языке, находившееся под непосредственным контролем ЦК КПСС и КГБ СССР. Здесь у А. Стругацкого складывается новый своеобразный круг общения – журналисты, редакторы, писатели.

В частности, первое опубликованное произведение А. Стругацкого – «Пепел Бикини», было написано в соавторстве с журналистом Львом Петровым, сокурсником А. Стругацкого по ВИИЯ. Как и Стругацкий, Петров читал зарубежную литературу в подлиннике и занимался переводами. Кроме того, он был

сотрудником Совинформбюро, и таким образом, человеком весьма информированным. Его внимание, а следом и внимание А. Стругацкого привлек малоизвестный в то время эпизод с испытаниями водородной бомбы американцами на тихоокеанском атолле Бикини. Таким образом появилась наполовину публицистическая, наполовину художественная повесть «Пепел Бикини»[134].

В этот период Стругацкие начинают писать вместе. Идеи для своих работ они обсуждают в письмах, один (в разные периоды это бывал то А. Стругацкий, то Б. Стругацкий) пишет текст, а другой вычитывает и редактирует его. Параллельно А. Стругацкий занимается переводами с японского и английского языков, иногда подключая к этой работе брата. Б. Стругацкий работает в Пулковской счётной станции в должности инженера-эксплуатационника по счётно-аналитическим машинам.

Размышляя о том, почему писатели начали работать именно в жанре фантастики, А. Стругацкий пишет, что фантастическому методу имманентно присуще социально-философское начало[135].

В 1964 г. Стругацких приняли в Союз писателей СССР. Их рекомендовали к принятию А. Громова, И. Ефремов и К. Андреев, тем не менее, процесс был длительным и трудным. Вопрос о принятии Стругацких ставился ещё на заседаниях подсекции приключений и научной фантастики 1961 г., причём подсекция дважды принимала решение ускорить процесс, который всячески задерживался приёмной комиссией[136].

В том же 1964 г. году А. Стругацкий уволился из «Детгиза».

В первой половине 60-х гг. творчество Стругацких вызывает одобрение даже у «корифеев» московского отделения Союза писателей. На прошедшем в мае 1961 г. семинаре молодых авторов, работающих в жанре приключений и научной фантастики, значительное место заняло обсуждение творчества Стругацких. Здесь же Стругацких попросили сформулировать цель их работы. Б. Стругацкий ответил на поставленный вопрос следующим образом: «Мы хотим создать в своём своеобразии, логическом, что ли, непротиворечивый образ будущего. Мы заранее отказываемся, по крайней мере, сейчас, писать об отдалённом будущем и берём сравнительно небольшой диапазон времени, порядка 100–200 лет. Но мы хотим составить отчётливую картину, что такое люди этого будущего, чем они будут заниматься, о чём будут думать, над чем будут страдать, что они будут любить и т. д. – по возможности в широком аспекте… Мы исходим из того, что каждый из советских научных фантастов должен следовать идеологии коммунизма… никакой писатель не должен допускать в своих произведениях косности и

мещанства, явного или неявного»[137].

После 1968 г. кадровый состав редакции «Молодой гвардии» – основного издательства, публикующего научную фантастику – меняется. Причиной этому послужила, по всей видимости, уже упоминавшаяся служебная записка Отдела пропаганды ЦК КПСС за 1966 г., подписанная А. Н. Яковлевым, где фантастика в целом и Стругацкие в частности жёстко критикуются за идейную невыдержанность текстов. С этого времени у Стругацких появляются проблемы с публикациями. Этому же способствует появившаяся в начале 70-х гг., помимо воли авторов, зарубежная публикация «Сказки о Тройке» в антисоветском журнале «Грани» и последующее обсуждение этого появления в органах идеологического контроля.

В 1968 г. А. Стругацкий занял место председателя совета по фантастике в Союзе Писателей, но, по всей видимости, уже не смог вернуть былого положения направлению философской фантастики.

В 1970-е, а затем и в 1990-е гг. уже Б. Стругацкий активно занимается с молодыми фантастами на добровольных семинарах, но ни один из этих семинаров не получил какого-либо официального статуса, и его участники, как правило, не имели возможности публиковаться в крупных издательствах.

В 1980-е гг. Стругацкие отмечают появление новых возможностей для публикации в связи с открытием частных издательств, но интерес к фантастике в обществе в это время снижается.

Осенью 1991 г. А. Стругацкий умирает. Незадолго до этого Стругацкие пишут свою последнюю совместную статью «Куда ж нам плыть», где они критически осмысливают последствия перестройки и перспективы дальнейшего развития российского государства.

Круг общения, или «салоны»

Б. Стругацкий продолжал вести общественную деятельность вплоть до осени 2012 г., стал главным редактором научно-фантастического журнала «Если» и откликался на многие политические события современности в статьях и интервью. Он скончался 19 ноября 2012 г.

Не только на общественно-политические взгляды, но и на социальное положение, возможность публиковать те или иные произведения на протяжении всего периода жизни Стругацких влиял круг их общения.

Вспоминая о детских друзьях брата, Б. Стругацкий называет имя Игоря Ашмарина («Он жил на одной лестничной площадке с нами… стал впоследствии крупным учёным, военным, ужасно засекреченным»[138]). Видимо, речь идёт о выдающимся биохимике и физиологе, генерал-майоре медицинской службы, академике РАМН. С конца 1952 г. И. П. Ашмарин работал в одном из институтов системы Минобороны, занимавшемся разработкой средств противостояния биологическому оружию, в 1975–1986 г. заместитель начальника управления Министерства обороны СССР[139]. А. Стругацкий, по всей видимости, обладал достаточно обширными связями в государственных структурах. Известно, что Стругацкие продолжали дружить с И. Ашмариным и после войны – в 45–46 г. он подарил Б. Стругацкому коллекцию марок[140].

На вопрос, какой человек сыграл главную роль в его судьбе, Б. Стругацкий отвечал: Аркадий Натанович Стругацкий[141].

Своими учителями Б. Стругацкий называет К. Ф. Огородникова и Т. А. Огекяна, эти преподаватели, по его собственному выражению, «определили круг его научных интересов, да и всю жизнь, на добрые полтора десятка лет»[142]. Из сокурсников он припоминает имена Д. Владимирова и П. Тревогина[143].

В 1951 г. Б. Стругацкий проходит практику в Алма-Ате у крупного астронома и астрофизика, члена Верховного Совета КазССР Г. А. Тихова[144], впервые разработавшего теоретические основы астроботаники и астробиологии. Там же он знакомится с В. Бухманом, «сыном ссыльного профессора Бухмана».

Среди преподавателей института А. Стругацкий особо выделяет Н. И. Конрада[145] – советского востоковеда, академика АН СССР (1958), председателя редколлегии «Литературные памятники» (1962–1970). 29 июля 1938 Н. И. Конрад был арестован, обвинён по ст. 58-1а УК РСФСР (как японский шпион). По указанию Сталина освобожден постановлением ОСО при НКВД СССР 8 сентября 1941[146].

Во второй половине 1950-х гг., а затем и в 1960-е гг. (вплоть до 1968 г.) в литературной среде получают распространение неформальные объединения салонного типа. Их участники встречаются в свободное время в непринуждённой обстановке, общаются – в том числе, что важно, на политические и литературные темы. В таких «салонах» часто решалась судьба литературных произведений, там же заводились полезные знакомства. Такие неформальные образования сходят на нет после 1968 г., а в 70-е возрождаются в виде литературных семинаров, которые существуют и по сей день, но уже не имеют такого влияния на издательскую политику.

Первым таким «салоном» для А. Стругацкого становится салон В. Н. Марковой. На его базе Стругацкий устанавливает контакты с писателями старшего поколения. Собственно В. Н. Маркова – известная переводчица, открывшая русскому читателю японские трехстишия хокку и пятистишия танка, Р. Н. Ким – прозаик и один из первых переводчиков Р. Акутагавы, В. М. Константинов – ученик Н. И Конрада, участвовавший в подготовке Харбинского процесса и отсидевший при Сталине. Наиболее примечательным из таких знакомств стало для А. Стругацкого знакомство с И. Ефремовым, первооткрывателем советской утопии[147]. Впоследствии И. Ефремов несколько раз выручал Стругацких, поддерживая своим авторитетом как при вступлении в Союз писателей, так и через написание предисловий к их романам. Тем не менее, Стругацкие, глубоко уважая этого писателя и философа, не считают себя его учениками, скорее они строят своё творчество на полемике с И. Ефремовым.

В 1960-е гг., в период работы А. Стругацкого редактором «Детгиза», вокруг него складывается неформальный кружок фантастов. Практической базой для создания кружка стала редакция «Фантастики, приключений и путешествий» при издательстве «Молодая гвардия». А. Громова (другой лидер этого кружка) и А. Стругацкий постоянно вступали в полемику с представителями старшего поколения фантастов (напр. А. П. Казанцевым) и их молодыми последователями (Ю. Котляром, Г. Альтовым) на заседаниях Союза писателей и в печати. Задачей А. Громовой и А. Стругацкого было утверждение фантастики как способа социального и философского мышления, преодоление узкой функции пропаганды научно-технических достижений, которая отводилась фантастике в СССР до 1956 г. Отсюда и название этого направления как философской или социальной фантастики. В руках кружка «философских фантастов» находился важный рычаг управления публикациями – редакция «Молодой гвардии». Члены кружка составляли не только редакторский состав «Молодой гвардии», но и традиционно писали внутренние рецензии и отчасти внешние критические статьи на все фантастические произведения, поступавшие в редакцию.

Если до середины 1960-х гг. «салон» А. Громовой активно способствовал продвижению фантастики в печать, то после 1966 г. его участники фактически были отлучены от печати в связи с принятием постановления ЦК ВЛКСМ «О недостатках в выпуске фантастической литературы издательством «Молодая гвардия»» 1965 г. и последующим скандалом в издательской среде.

Ещё одним фактором, обусловившим особое положение

«Молодой гвардии» и её редакции «фантастики, приключений и путешествий», можно назвать достаточно близкое знакомство редактора Стругацких Б. Г. Клюевой с Д. А. Поликарповым, заведующим Отделом культуры ЦК КПСС (1955–62, 1965) и заместителем заведующего Идеологическим отделом ЦК (1962–65). В частности, когда возникли трудности с публикацией повести Стругацких «Хищные вещи века», Б. Клюева апеллировала к Поликарпову и просила у него помощи, на что от самого Поликарпова получила ответ: «Ты зря пришла. Разве это беда? Вот когда будет совсем худо, тогда приходи»[148]. Тем не менее, вопрос с публикацией был решён положительно. Этот уровень связей объясняет и тот факт, что копия внутреннего документа, принятого в Отделе пропаганды и агитации в 1966 г. и круто изменившего судьбу философского направления оказалась впоследствии в личном и архиве Б. Клюевой.

С другой стороны, А. П. Казанцев, будучи к тому времени уже мастером пера, имел влияние в Союзе писателей. Противостояние набирало обороты вплоть до перехода в политическую плоскость в 1966 г.

Наряду с А. П. Казанцевым А. Стругацкий часто вступал в полемику с Г. Тушканом, практически бессменным председателем заседаний подсекции приключений и научной фантастики во второй половине 1950-х гг., известного в большей степени активной деятельностью в московском отделения Союза писателей, чем непосредственно своими произведениями, и В. И. Немцовым, также представлявшим старшее поколение писателей в московском отделении Союза писателей.

В 1966 г. Поликарпов помочь уже не мог: он умер 1 ноября 1965 года, в 60 лет. Отдел культуры возглавил и руководил им до 1986 года В. Ф. Шауро, его заместителем стал Ю. С. Мелентьев, бывший директор издательства «Молодая гвардия». Таким образом, как вспоминает сама Б. Клюева, знакомство с Поликарповым уже не могло помочь разрешить конфликт[149].

Тем не менее Шауро явно чувствовал странность поведения и инициатив Яковлева и во многом похоже, старался сгладить последствия его действий. К 1972 году удалось одержать победу в этой борьбе и А. Н. Яковлев был отстранен от работы в ЦК[150].

Б. Стругацкий, который в этот период жил в Петербурге, и в светской жизни А. Стругацкого не участвовал, так вспоминает о «салоне» А. Громовой: «Я у неё был всего пару раз <…> Пили чай и трепались на тему «что есть фантастика». Были там Рафка Нудельман, Рим Парнов, ещё какие-то мало знакомые мне люди… АН же к этим встречам относился с должным пиететом. Там вырабатывалась политика. Ариадна Громова была «гранд

политик». На встречах решалось: кто и какие статьи о положении дел в фантастике должен написать, какие рецензии и на что, к какому начальству и с чем надлежит обратиться. Не могу сказать, была ли от всей этой деятельности какая-то польза, но ощущение содружества, «неодиночества», единой цели, безусловно, имело место…»[151].

Посетителями «салона», помимо уже названных А. Стругацкого, Р. Нудельмана, Е. Парнова (первый – известный в 1960-е гг. критик, второй писатель-фантаст), были многие фантасты «Новой волны» – Север Гансовский, Анатолий Днепров, Михаил Емцов, Дмитрий Биленкин, Роман Подольный, Александр Мирер и другие. Частым гостем «салона» был большой любитель фантастики Владимир Высоцкий.

Вне «салона» А. Стругацкий встречался с Анатолием Гладилиным и Василием Аксеновым, Георгием Владимовым и Андреем Вознесенским, Фазилем Искандером и Аркадием Аркановым, Юрием Казаковым и Евгением Евтушенко, Юрием Маниным и Алексеем Шилейко[152].

Б. Стругацкий выражает глубокую признательность редакторам «Молодой гвардии» С. Г. Жемайтису, Б. Г. Клюевой и Н. М. Берковой, которые всячески содействовали прохождению текстов Стругацких к публикации через более высокие инстанции.

Круг общения Б. Стругацкого оказался ближе к академической среде: биолог Б. Громов, археолог В. Луконин[153]. В письмах 1953 г. впервые упоминается о знакомстве Б. Стругацкого с Б. Громовым[154].

Б. Стругацкий вёл более замкнутый образ жизни, но и он активно общался с другими литераторами: «Был Илья Иосифович Варшавский, всеобщий любимец, признанный мастер короткого рассказа <…> Был Дима Брускин, сделавший первый… перевод «Соляриса»… Мишка Хейфец, публицист, знаток истории народовольцев, замечательный эрудит. Он был большой любитель поговорить о Софье Власовне[155], и говорил совершенно открыто в любой произвольной аудитории… В 74-м его и посадили (за статью о Бродском)… Сейчас он в Израиле, уважаемый публицист и историк. Вадим Борисович Вилинбахов – историк-профессионал, бывший военный, единственный из нас, кто предрекал неизбежность военного переворота – очень был высокого мнения о потенциале социального радикализма нашей армии. Влад Травинский – он был тогда большой среди нас шишкой: ответственный секретарь знаменитой «Звезды» – великий знаток всех нюансов текущей политики и хороший журналист. Уехал в Москву – завоёвывать Третий Рим, – да там и сгинул, как многие, ничего не завоевав. Бывали с нами и люди

симпатичные, но скорее случайные: А. А. Мееров, писатель вполне посредственный, но человек очень интересный; Евгений Павлович Брандис, тогдашний спец номер один по литературной критике фантастики, – исключительно добрый, тихий, приветливый, навсегда ушибленный борьбой с космополитизмом образца 48-го года; Витя Невинский, автор всего одного, но хорошего романа, рано умерший… А корифеи тогдашние – Геннадий Гор, Г. Мартынов, тем более – Гранин, – с нами не общались, это было совсем другое поколение и как бы другой «позисьен сосиаль». А на самом деле либо мы их не хотели, либо они нас»[156].

Культурная среда

Третий фактор, формировавший общественно-политические взгляды Стругацких, – это культурная среда, то есть фильмы, музыка, книги, на которых они выросли и которые смотрели, слушали и читали в зрелости. Здесь необходимо оговорить, что, несмотря на различные условия жизни, братья всегда старались читать одну и ту же литературу, рекомендовали друг другу фильмы и песни.

Можно выделить три группы влияний этого характера.

В первую очередь это философская литература, оказывавшая непосредственное влияние на формирование политических и философских идей Стругацких. Некоторые заимствования можно проследить непосредственно через письма Стругацких, другие выводятся по аналогии на основе сходства идей.

Стругацкие выросли в СССР 1940-х гг., и их идеалы, политические и философские, основываются на восприятии марксизма-ленинизма и его переосмыслении. Из писем Аркадия Стругацкого брату известно, что марксизм-ленинизм был одним из любимых его учебных предметов.

Аркадий Стругацкий неоднократно высказывал своё согласие с положениями марксизма в письмах брату. Эта же приверженность подтверждается не только самим предельно личным характером писем – но и всей совокупностью данных, с которыми автор встретился в работах и с опубликованными, и с архивными источниками. Она же подтверждается и высказываниями Б. Стругацкого в последующие после смерти Аркадия годы. Оба они, безусловно, были и оставались приверженцами марксизма и коммунизма. Автор в курсе многочисленных сомнений, высказываемых критиками советского периода истории в адрес достоверности переписки в СССР в

целом и между Аркадием и Борисом Стругацкими в частности. Однако особенно в данном случае нет оснований упрекать Аркадия в том, в чём обычно представители определенной генерации упрекают сторонников коммунизма того времени – в конформизме. Советы, данные Аркадием брату высказываются в предельно неформальной, личной форме, что также позволяет говорить об их достоверности. Более того. Весь объем сведений и знакомство как с опубликованными так и с неопубликованными источниками, и высказываниями уже и Б. Стругацкого в 2000-е годы, дает автору основание говорить о безусловной приверженности их обоих коммунистической идеологии и учению Маркса. Ленина Борис называет одним из самых великих деятелей истории уже в середине 2000-х.

В частности, из К. Маркса были заимствованы идеи Стругацких о значении труда и о необходимости соотнесения своих действий с их политической значимостью: «Марксизм прав: ни одно занятие не может идти на пользу, если оно не связано с интересами общества <…> Спасенье человека – в работе»[157].

В 1947 г. он высказывал намерение «основательно проработать Маркса», а полгода спустя пишет: «Основное домашнее занятие – писание конспектов по книгам Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина»[158]. В том же письме он рекомендует брату читать больше серьёзной литературы и следить за политикой.

«Не успокаивайся на достигнутом, не зазнавайся – учит нас великий Сталин»[159], – пишет он в письме брату уже в 1948 г. – *«…ты должен увеличивать свой багаж общих знаний, но, в первую голову, начинай создавать себе эрудицию в области политэкономических наук. Конкретные пути к этому наметить довольно трудно, но можно начать хотя бы с того, что стараться читать как можно больше по всем вопросам, пройденным или прорабатываемым в данный момент по истории и по обществоведению (или как там у вас называется этот предмет). Уверяю тебя, это тебе очень и очень поможет в дальнейшей учёбе, а главное – сделает из тебя настоящего сознательного большевика. Ты, возможно, улыбаешься, читая эти строки, от которых, как тебе кажется, за версту несёт газетчиной и правоверным благолепием. Нет, Боб, это и есть именно то, что необходимо нам с тобой – быть большевиками, стоять впереди в той последней борьбе, которую переживает мир – в борьбе империализма и коммунизма. Быть большевиком-ленинцем не так-то просто. Для этого недостаточно родиться и воспитываться в социалистической стране – для этого нужно учиться, учиться много, учиться всему (по возможности), во всяком случае, нужно*

быть уверенным (а не верующим) в правоте дела Ленина – Сталина. Итак, Боб, за книги, за устав ВЛКСМ».

В следующем письме он снова пишет, что «марксизм и политэкономия – требуют глубоких знаний, быть в таких вопросах дилетантом задрипанным – время, которое тратишь на задания, не стоит такого результата… эти вещи… как игра на скрипке… можно играть либо отлично, либо плохо – середины нет. А уж если играть – то играть отлично. То, чем я сейчас занимаюсь, – моё оружие, а значит и вид оружия моей армии, а в будущей стычке потребуется первоклассное оружие»[160].

В одном из писем брату А. Стругацкий пишет о своей увлечённости теорией науки и при этом добавляет: «У Сталина об этом сказано очень мало, а других авторитетов я здесь не признаю, ну их к черту»[161]. В другом письме он пишет о критиках идеализма: *«Нужно быть таким критиком как Ленин, Энгельс, Маркс, Сталин – на обломках разрушенного ими создавать, утверждать новое, стройное, совершенное. А ползучих гадиков, трусов, сволочей следовало бы к стенке ставить. Наше ЦК уже занялось кое-кем, только пока не в науке, а в других областях общественного бытия»*[162].

В последнем фрагменте помимо увлеченности А. Стругацким работами Сталина, о которой речь шла выше, привлекает внимание тот факт, что А. Стругацкий заводит речь о репрессиях. Сложно сказать, насколько серьёзны его слова о том, что тех кто «критикует направо и налево» нужно расстреливать, однако видно, что он знает о реально существующих в этот период методах политической борьбы и эти методы воспринимает как должное. Кроме того, здесь можно наблюдать некоторую степень рефлексии относительно противостояния идеализма и марксизма. А. Стругацкий выступает против идеализма, но разделяет его критиков на серьёзных (как В. И. Ленин, И. В. Сталин, К. Маркс) и «разрушителей».

Как вспоминает Б. Стругацкий Аркадий «…писал оттуда, что старается заниматься философией и изучает теорию отражения Тодора Павлова…»[163].

Об увлечённости философией, и в особенности теорией познания, пишет в 1950 г. и сам А. Стругацкий[164]. Его интересует возможность разработать философские выводы из теории относительности и квантовой теории, в связи с чем, по его собственному выражению, «контрабандой» он читает «Эволюцию физики» А. Эйнштейна и П. Инфельда[165], и ругает эту вещь за идеализм.

Упоминание «контрабанды» в данном случае вызывает вопрос о характере оценки А. Стругацким этой книги: к 1950 г. она уже

издавалась в СССР. По мнению С. Бондаренко, критика, высказанная А. Стругацким, объясняется соответствующим предисловием С. Суворова к этому изданию. С другой стороны, к 1950 г. московское издание могло и не дойти до Канска, а А. Стругацкий мог не знать о его существовании и читать книгу в подлиннике.

Изучению философии способствовал военный быт, который оставлял А. Стругацкому избыток свободного времени. Так, А. Стругацкий читал в подлиннике Б. Данэма и, по его собственному выражению «другие зарубежные фальсификации марксизма»[166].

Личность Б. Н. Стругацкого формировалась в чем-то схожих, но и в чем-то отличных политических условиях. По его собственному свидетельству, сделанному уже в 1990-е гг., он «знал в институте теорию марксизма-ленинизма на твёрдую пятёрку». В то же время практически не ориентировался в политике, вплоть до того, что на экзамене не смог назвать фамилию первого секретаря ЦК КПСС[167]. Хотя, впрочем, сама эта должность была введена в партии только осенью 1953 года, и тогда ее занял Н. С. Хрущев. Борис окончил университет через полтора года, в 1955 г. С одной стороны, сам Хрущев тогда, несмотря на должность, еще не воспринимался как единоличный лидер, – с другой, этот эпизод мог быть неким проявлением лично-политического отношения Бориса к данному человеку.

Вторая группа влияний на формирование общественно-политических взглядов Стругацких – художественная литература.

Помимо общедоступной современной литературы Стругацкие имели несколько выходов на антикварные издания и произведения, не переводившиеся на русский язык.

Отталкиваясь от хронологического принципа, в качестве первого из таких выходов следует назвать домашнюю библиотеку Н. Стругацкого.

По воспоминаниям А. Стругацкого, они с братом читали с четырёх лет. А. Стругацкий перечисляет любимых ими в детстве авторов и любимые книги: Жюль Верн, Герберт Уэллс, «Приключения барона Мюнхгаузена», «Путешествия Гулливера», «Дон Кихот», «Республика ШКИД». Огромное впечатление произвели на него произведения А. Толстого, в более позднем возрасте – Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина (в особенности «Повести Белкина»)[168].

В другой статье А. Стругацкий пишет о том, что испытывал влияние А. Толстого, Герберта Уэллса и Жюль Верна («Наутилус», «Гектор Сервадак»), но перечисляет и современных ему авторов: А. Беляева, Г. Адамова[169]. По отношению к их произведениям он употребляет даже выражение «настольная книга». Там же он

упоминает книгу Дж. Г. Джинса «Движение миров».

Б. Стругацкий, вспоминая книги, которые читал в детстве, называет, по его выражению, «великую троицу»: Г. Уэллс, А. Беляев, Артур Конан Дойл, и добавляет к ним имена Алана Эдгара По и М. Е. Салтыкова-Щедрина[170].

Сохранились любительские иллюстрации А. Стругацкого к «Войне миров» Г. Уэллса, роману «Арктания» Г. Гребнева и фильму «Гибель сенсации» (по мотивам пьесы К. Чапека «R.U.R») [171], что говорит о его знакомстве с этими произведениями, и увлечённости ими.

Даже во время блокады Б. Стругацкий продолжал читать книги – «Войну миров» Уэллса[172].

В 1944 г. в письме брату А. Стругацкий впервые упоминает книгу Л. Леонова «Дорога на Океан»[173]. Впоследствии он не только неоднократно рекомендует её брату, но и стилизует под неё некоторые собственные тексты. Футуристические главы романа, безусловно, оказали влияние и на формирование утопических взглядов А. Стругацкого. «… для меня самым сильным образом Коммуниста в литературе до сих пор остаётся леоновский Курилов, начальник политотдела транссибирской магистрали и профессиональный революционер…»[174] – вспоминает А. Стругацкий много лет спустя. Там же А. Стругацкий упоминает, что его особенно поразила точность предсказания войны в книге Л. Леонова. Возможно, отсюда появляется интерес А. Стругацкого к художественному прогнозированию.

В более поздний период доступ к редким книгам А. Стругацкий имел, по всей видимости, в силу специфики своей службы. В этот период А. Стругацкий читает западную приключенческую литературу, западную и советскую научную фантастику. Он рекомендует многие из прочитанных книг брату, а иногда отправляет ему свои переводы неизданных в СССР произведений.

Особое внимание стоит уделить Канской библиотеке, сформированной из фондов библиотеки последнего китайского императора Пу И, вывезенных после войны из Маньчжурии. Библиотека содержала книги на различных языках, в том числе на японском и английском.

По воспоминаниям М. Демиденко и упоминаниям в литературных произведениях Стругацких, а так же по воспоминаниям Б. Стругацкого об А. Стругацком[175], можно реконструировать следующие факты. В ШПВЯ, где преподавал А. Стругацкий, хранилась библиотека старинных китайских манускриптов, принадлежавшая некогда корейскому «то ли

императору, то ли приближённому какому-то дворцовому», а затем захваченная в 1945 г. во время разгрома Квантунской армии и освобождения Северо-востока Китая. В ходе компании по борьбе с космополитизмом библиотеку было приказано сжечь (по видимому, в 1949 г.)[176]. Как пишет Демиденко: «Костры горели трое суток». По ночам офицеры-преподаватели пробирались к пожарищу и уносили книги домой, в их числе, возможно, и А. Стругацкий.

Б. Стругацкий, вспоминая эти годы, пишет о недостатке развлечений и недостатке хорошей литературы: «Выдающимся произведением реалистической прозы считался какой-нибудь «Кавалер Золотой Звезды», а в образцовых писателях-фантастах числились В. И. Немцов и В. Д. Охотников. Но тут нас спасали домашние библиотеки, сохранившиеся у родителей. Там мы находили и Дюма, и Уэллса, и Киплинга, и Леонида Андреева, и раннего Алексея Толстого»[177]. Перечисляя книги из домашней библиотеки, Б. Стругацкий называет и таких авторов как Э. Верхарн, Пьер Мак-Орлан, Анри де Ренье, Андре Жид, Ги де Мопассан, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. Рабле, Шарль де Костер, Луи Буссенар («Туги-душители», «Факиры-очарователи»), Луи Жаколио («Грабители морей»). Большинство из них было невозможно достать в публичных библиотеках, и все они по вышеназванным причинам были прочитаны по нескольку раз Б. Стругацким. Среди любимых книг своего детства он называет «Войну и мир» Л. Толстого, «Накануне» И. С. Тургенева, «Повести Белкина» А. С. Пушкина, «Пылающий остров» А. П. Казанцева, «Остров доктора Моро» Г. Уэллса[178].

В Казани А. Стругацкий читает рассказ А. П. Казанцева «Взрыв» и рекомендует его брату. Впоследствии этот писатель сыграет большую роль в судьбе Стругацких, но в тот период А. Стругацкий положительно оценивает его творчество[179].

В письмах А. Стругацкого за 1947 г. можно найти цитаты из повести Ш. Алейхема «Мальчик Мотл», «Приключений Гекльберри Финна» Марка Твена, упоминания об английском фантастическом романе «Lost Horizont» не издававшемся в СССР[180].

В 1948 г. А. Стругацкий упоминает, что читал Ч. Диккенса («Посмертные записки Пиквикского клуба»), которого, видимо, рекомендовал ему брат[181]. Присутствуют в письмах 1948 г. отсылки к «Человеку-ракете» Г. Гуревича и Г. Ясного и басням И. Крылова, фильму В. Пудовкина «Суворов» (1940). В том же году А. Стругацкий перевёл рассказ И. Во «Человек, который любил Диккенса»[182].

В письмах А. Стругацкого за 1950 г. встречаются косвенные цитаты из Гофмана фон Фаллерслебена, М. Лермонтова, Н.

Гоголя («Тарас Бульба»), «Острова сокровищ» Р. Стивенсона, «Дальних стран» А. Гайдара, В. Брюсова («Юному поэту») и К. Симонова («Чужая тень»), он упоминает и цитирует Маяковского («Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела»), они с братом обсуждают фильм М. Чиаурели «Падение Берлина», поэму Г. Лонгфелло «Остров пингвинов». Упоминает А. Стругацкий «Похитителей велосипедов» В. Де Сика, «Мстителя из Эльдорадо» У. Уэллмэна (а позднее цитирует в повести «Дьявол среди людей»), «Капитан армии свободы» («Viva Villa») Дж. Конвея (оба фильма – о мексиканских революционерах), «Долина гнева» («Captain Fury») Х. Роуч[183]. В марте 1950 г.[184] А. Стругацкий рекомендует брату обратить внимание на речь Маленкова, опубликованную в газете «Правда»[185]. Он целиком пересылает брату стихотворение Теннисона «The Charge of the Light Brigade»[186]. Сохранился перевод А. Стругацким пьесы «Видения старого капитана» японского классика-декадента Арисимы Такэо, о котором он упоминает в письмах того же года вместе с упоминанием о более раннем переводе фантастической средневековой новеллы Уэда Акинари «Распутство Змеи»[187]. Он рекомендует брату прочитать книгу В. Сафонова «Загадка жизни». По рекомендации брата читает статью Г. Бошьяна «Новое о природе вирусов и микробов» в «Литературной газете» и называет её выводы о том, что самозарождение продолжается и сейчас и его можно вызвать искусственным путём «полным подтверждением последнего неподтверждённого тезиса материализма»[188].

В 1951 г. Стругацкие обсуждают идею написать письмо И. Ефремову, по-видимому, о состоянии современной фантастики (А. Стругацкий упоминает в обсуждении как «перл» повесть В. И. Немцова «Семь цветов радуги»)[189]. А. Стругацкий читает «Дженни Герхардт» Драйзера и высоко оценивает эту повесть, читает «Седьмой крест» А. Зегерс, «Народную революцию в Китае» В. Никифорова и Г. Эренбурга, «Устройство вселенной» Гурвича (возможно, имеется в виду Г. Гуревич), пьесы А. Н, Островского, «Ещё одна победа» («Пиррова победа») Дж. Уивера, «Дон Жуан в Аду» Кикутикана, «До и после смерти» Арисимы Такэо, «Войну миров» Г. Уэллса, «Пиквикский клуб» Ч. Диккенса[190].

В 1952 г. он читает «Рождение миров» М. Ивановского (похоже, что фокус интересов А. Стругацкого смещается с философии на астрономию, видимо потому, что в эти годы и Б. Стругацкий начинает заниматься астрономией), цитирует «Гамбринус» А. Куприна, «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека, «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя. Брат отправляет ему книги Р. Киплинга «Sea Warfare» и «Stalky & Co»[191]. А. Стругацкий переводит «Сына Тарзана» и перечитывает в

очередной раз «Пиквикский клуб» Ч. Диккенса в оригинале[192]. Рекомендует брату повести «Поджигатели» и «Заговорщики» Н. Шпанова, «Георгия Саакадзе» А. Антоновской, «Тетрадь, найденную в Сунчоне» Р. Кима[193]. Последняя производит на А. Стругацкого большое впечатление и долго ещё фигурирует в его письмах. Ссылается на «Звёздные корабли» И. Ефремова[194]. В этот период он уже активно работает над собственными рассказами – «Берег горячих туманов» (позднее «Страна багровых туч»), «Товарищи офицеры», так и ненаписанная повесть о «Тарзане Южных морей»[195].

В 1953 г. А. Стругацкий пишет пьесу «Судьба переводчика», задумывает серию рассказов «Там, где обычное сталкивается с несбыточным», причём делится с братом: «На это дело натолкнуло меня одно происшествие на Камчатке. Странное, полу-уголовное, полуфантастическое дело. Кроме того, я сейчас слишком много знаю, чтобы молчать»[196].Читает «American Notes» Ч. Диккенса, «Трое в лодке» Дж. К. Джерома, «Ярмарку тщеславия» У. Теккерея, «прекрасную книгу» Дж. Аллена «Атомный империализм», «Очерки о вселенной» Воронцова-Вельяминова, «Остров разочарования» Л. Лагина, «В стране поверженных» Ф. Панфёрова (последнее ругает), «Волшебный двурог…» С. Боброва[197]. Изучает по его собственному выражению «зарубежные фальсификации марксизма», «Blood on Lake Louisa» Б. Кендрика[198]. Цитирует «Гэндзи монотогари» Мурасаки Сибику, «Золотого телёнка» И. Ильфа и Е. Петрова[199]. Упоминает «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Красное божество» Дж. Лондона, «Опасный поворот» Дж. Б. Пристли, «Сорок девятый штат», «Тележка с яблоками» («An apple chart») Б. Шоу, пьесы Цвейга, «В мире больших молекул» Б. А. Воронцова-Вельяминова и «У истоков жизни» О. Лепешинской. Рекомендует брату «Летающие блюдца» Ф. Вольфа[200].

А. Скаландис мимоходом отмечает интересный факт, связанный со знакомством Стругацких с термином «двоемыслие» (Double think)[201]. Этоттермин вводит в литературный оборот Дж. Оруэлл, известный антиутопист, как позже стало известно – агент английской политической полиции, работавший в среде людей левых убеждений, запрещённый к печати в СССР. Б. Стругацкий использует этот термин в 1960-х гг., его знакомство с Оруэллом происходит через самиздат, популярный в эти годы, а А. Стругацкий – заметно раньше, по всей видимости, он читал книгу Оруэлла в подлиннике, на английском языке. Читал в оригинале и переводил А. Стругацкий неизвестные в СССР произведения Киплинга («Сталки и компания»), причём перевод отправлял затем брату.

В качестве специфического фактора формирования мировоззрения А. Стругацкого можно выделить японскую литературу, которой он увлекался всю жизнь[202].

В студенческие годы он переводил на занятиях Р. Акутагаву, которого в то время в СССР ещё никто не знал. В годы службы читал и переводил любые японские тексты, чтобы не забыть язык. А. Скаландис усматривает в элементах воспитательной теории Стругацких – в идее воспитания детей в интернатах – преемственность, в том числе и с японской военной педагогикой[203].

В письмах 1951 г. А. Стругацкий перечисляет брату книги, которые читает, среди них на японском: «Дон Жуан в Аду» Кикутикана, «До и после смерти» Арисимы Такео[204].

Не имеет смысла перечислять все переводы А. Стругацкого. Тем не менее, зная об этом обстоятельстве, можно предположить, что японская культура и философия оставили определённый отпечаток на формирование его мировоззрения.

Б. Стругацкий, отвечая на вопросы читателей, говорит о своём увлечении японской поэзией в 50-е гг.[205] В отличие от него А. Стругацкий именно к поэзии этой страны был равнодушен.

В 1960-е гг. А. Стругацкий часто высказывает брату желание писать «как Хемингуэй». Позднее на вопрос анкеты Р. Д. Орловой «Какую роль в вашей жизни сыграла американская литература?» А. Стругацкий отвечает: «Вы интересуетесь, какую роль сыграла американская литература в моей жизни… Боюсь, мне придётся Вас разочаровать. И в моём формировании как человека, и как литератора, американцы играли, по-видимому, весьма скромную роль. Во всяком случае, куда более скромную, нежели русская, английская и немецкая литературы. Исключение составляет, пожалуй, Хемингуэй… Я имею в виду… его «айсберговая методология»… И наряду с Гоголем, Щедриным, Достоевским, А. Толстым, Уэллсом, Фейхтвангером и Кафкой этот писатель был и остаётся моим учителем в литературе»[206].

За этой исключительно стилистической деталью скрывается целая философская система, характерная для эпохи 1960-х[207].

Первым следствием этих установок стала мода на грубость – отчетливо заметная не только в одежде, но и в языке Стругацких – как в письмах, так и в творчестве. Престижным становился антиинтеллектуализм, ученое рассуждение и книжное знание выглядели подозрительно. Смешиваясь с характерной для русской интеллигенции эрудированностью, это явление создавало «культ романтического невежества». Внешнее невежество требовало внутреннего багажа знаний. И в творчестве Стругацких

это приводит к «отказу от объяснений»[208] – отказу от классических канонов научно-технической фантастики, где каждый фантастический элемент требует обоснования.

Другое следствие – культ общения и культ пьянства. Так особое значение приобретает система определений «свой/чужой» в неформальных кружках и сами кружки, в частности – упомянутый кружок, сложившийся вокруг издательства «Молодая гвардия».

Хемингуэй задаёт моду на отрицание патетики, официальных лозунгов. Это отчётливо видно на примере двух произведений Стругацких – «Страна багровых туч» 1956 г., наполненная пафосом борьбы человека с природой, спокойным героизмом главного героя, и, к примеру, «Понедельник начинается в субботу». Положительные герои обоих произведений руководствуются одними и теми же моральными установками, но стиль «Понедельника» патетики уже лишён, и философские мысли выражаются повседневным языком.

Идущая от Э. Хемингуэя установка на отрицание и изначальная коммунистическая позиция Стругацких причудливо сталкиваются и комбинируются на протяжении первой половины 1960-х гг., вплоть до 1966 г., когда доминирующим фактором, влияющим на мировоззрение Стругацких, становятся политические проблемы.

Подводя итоги литературным увлечениям Стругацких, можно сказать, что они имели достаточно широкий круг чтения. Стругацкие были знакомы как с классическими произведениями, так и с приключенческими и фантастическими романами, а кроме того, как минимум один из них много времени уделял изучению философии. Когда Б. Н. Стругацкого просили назвать десять книг, который должен прочитать каждый, он составил следующий список[209]:

«1. Н. Гоголь «Нос». 2. М. Твен «Янки при дворе короля Артура». 3. Г. Уэллс «Машина времени». 4. Г. Уэллс «Война миров». 5. К. Чапек «Война с саламандрами». 6. М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита». 7. Д. Оруэлл «1984». 8. Р. Брэдбери «451º по Фаренгейту». 9. И. А. Ефремов «Туманность Андромеды», 10. С. Лемм «Солярис».

Определённое значение на формирование мировоззрения оказывала музыка.

Уже говорилось об увлечении Б. Стругацкого джазом. Ещё раньше он просил брата присылать ему тексты «блатных и морских песен». А. Стругацкий отвечал ему, что больше увлекается «военно-лирической тематикой»[210].

Таким образом, атмосферой, в которой формируются

политические взгляды А. Стругацкого на ранних этапах, является армия, японская литература, работа с секретными документам и близкое знакомство с практической деятельностью спецслужб СССР (в основном, в отношении военных преступников). Для Б. Стругацкого это обычный городской быт, школа, институт. В разном возрасте их застала Великая Отечественная война. Можно предположить, что характер встречи с ней оказал влияние на некоторое различие между братьями. А. Стругацкий встречает её почти совершеннолетним, детство его проходит в романтической обстановке 30-х гг. Б. Стругацкому в 1941-м 8 лет, и война поглотила большую часть его детства. Она для него просто стихийное бедствие, причины и истоки которого он в этом возрасте в полной мере не мог осознать. Конец 40-х – начало 50-х гг. А. Стругацкий проводит в армейских условиях, принимая участие в операциях, о которых, по его же признанию, не может рассказывать. Б. Стругацкий – в подростковой и студенческой столичной среде, с её специфическими увлечениями. Хотя под влиянием старшего брата их позиции со временем сближаются.

В более поздние периоды оба писателя развивались в идейном плане в параллельном ключе. После демобилизации А. Стругацкого они достаточно часто общаются, оба живут столичной жизнью, в Москве и Ленинграде, объединены совместным творчеством. Обоих интересуют, прежде всего, научные достижения СССР и в минимальной степени политика (до 1963 г.). Оба вращались в богемных кругах – кружках писателей, поэтов, критиков, художников. Тем не менее, круги общения их различны – А. Стругацкий живёт в Москве, Б. Стругацкий в Ленинграде. Оба круга далеки от Союза писателей и мэтров литературы, в том числе фантастики, их составляет молодое поколение писателей. В частности, вокруг А. Стругацкого и А. Громовой складывается новое течение философской фантастики. Многие из деятелей этих кружков впоследствии оказались диссидентами – эмигрировали или были арестованы.

Ко второй половине 50-х – началу 60-х гг. под влиянием ряда факторов политической и социальной истории, в среде советской интеллектуальной элиты оформляется и на первый план выступает специфическая форма мировоззрения – научно-технический романтизм. Эта форма становится плодородной средой для социального проектирования, так как интерес её носителей из области научно-технического прогресса быстро переходит на прогресс социально-политический. В этой среде Стругацкие формируются как писатели и как мыслители. Общественные настроения постепенно меняются к середине 60-х

гг., когда в сознании интеллектуальной элиты происходит разделение идеального советского проекта – объекта анализа научно-технического романтизма и утопической фантастики – и практического его воплощения.

Пик популярности Стругацких приходится на 60-е гг. XX века, то есть их творчество неразделимо связано с утопическим мышлением этого периода.

Наравне с официальным творчеством Стругацких, воплощавшим в образах советский проект, популяризируемый пропагандой в 1950–1960-е гг., необходимо выделить критически-утопическую направленность более поздних их произведений, распространявшихся в рукописях и перепечатках от читателя к читателю, и, как правило, не попадавших в печать. Эта группа произведений создаётся авторами в основном в 1970-е гг. и является аналитическим продолжением сформулированного ими в сборнике «Полдень, XXII век» модели советского проекта. Если «Полдень» воплощает в себе общественную идею 1960-х гг., с её верой в научный и социальный прогресс, коммунистическое будущее, то более поздние произведения отражают специфический поиск новой идеи, свойственный советской интеллектуальной элите 1970–1980-х гг.

Подводя итоги. Общественно-политические настроения периода 1956–1964 г. стали результатом взаимодействия комплекса специфических факторов: политических, экономических и социальных. В политической сфере это смерть И. В. Сталина, которая повлекла за собой возникновение психологического шока. Сложившаяся ситуация поставила вопрос о необходимости выработки новой политической стратегии. Последующая критика «культа личности» стала реакцией на него и одновременно новым общественно-политическим вызовом. В экономической сфере это рост уровня жизни, связанный с комплексом социальных реформ 1950–1960-х гг., в результате которого острые материальные проблемы еще больше отходят на второй план, и современники переключается с проблем текущего бытия на конструирование образа будущего. Фактор НТР, успехи науки, освоение Космоса как главный научно-технический прорыв эпохи придают конструированию будущего черты достижимой реальности.

Психологический шок в сочетании с актуализаций задачи формулирования новых установок формируют запрос на проект будущего во властных структурах, а общественные настроения формируют аналогичный запрос «снизу». Результатом взаимодействия этих двух запросов становится актуализация внимания к социальному проектированию, которое в этот период

выражается в двух формах: новая программа партии как результат государственного социального проектирования, и ряд коммунистических утопий, как результат социального проектирования в среде художественной интеллектуальной элиты.

Распространение социального проектирования в среде литераторов, в частности, писателей-фантастов, позволяет нам обратиться к их творческому наследию для изучения социального проектирования периода 1956–1964 г.

В качестве примера художественного социального проектирования для анализа были выбраны работы Стругацких. Этот творческий тандем играл заметную роль в формировании литературно-фантастических направлений 60-х гг. Среди современников были популярны, то есть оказались соответствующими представлениям читательской аудитории, различные социальные проекты этих авторов – как утопические, так и антиутопические. Таким образом, мы можем говорить о том, что на материале творческого наследия Стругацких мы можем выдвигать суждения о социально-политических интересах их современников.

Эти авторы отмечают существенное значение ряда исторических событий 50–60-х гг. для формирования их общественно-политических взглядов. Существует также ряд индивидуальных факторов, зачастую различных для Аркадия и Бориса Стругацких.

Среди таких факторов можно выделить три группы: биографический фактор, круг общения и круг чтения.

Первая группа включает специфические факторы формирования взглядов каждого из писателей Стругацких. В первую очередь разница в возрасте между братьями, которая обусловила различную роль Великой Отечественной войны в формировании мировоззрения А. и Б. Стругацких. Возрастное различие в значительной степени обусловило и отличия в отношении братьев к И. В. Сталину, идеологии и методам периода его правления. А. Стругацкий достаточно осознанно поддерживал последние, Б. Стругацкий испытывал «слепую веру» в И. В. Сталина в детстве, которая в юношеском возрасте сменилась сомнениями. Такое различие отчасти может быть обусловлено профессиональными и территориальными особенностями формирования мировоззрения каждого из писателей. А. Стругацкий после войны окончил ВИИЯ и до середины 50-х гг. служил военным переводчиком в отдалённых восточных регионах. Б. Стругацкий учился и жил в Ленинграде, где окончил математико-механический факультет ЛГУ и

аспирантуру Пулковской обсерватории, а затем работал в Пулково инженером-эксплуатационником по счётно-аналитическим машинам вплоть до перехода на профессиональную писательскую деятельность.

Специфика биографии обусловила и различные круги общения, характерные для каждого из писателей на разных этапах. Однако для нас наибольший интерес представляет круг общения писателей начиная со второй половины 50-х гг. Можно объединить людей, входящих в него, термином «столичная интеллектуальная элита», причём в данном случае имеется в виду элита как художественная, так и научная. Многие знакомые и некоторые родственники А. Стругацкого также имели тесные контакты в кругах партийной элиты. Представляется, что такой круг общения позволяет говорить о знакомстве Стругацких с новейшими идейными тенденциями как в среде власти, так и в творческой среде.

Круг чтения Стругацких во многом был обусловлен биографическими факторами. Он связан с несколькими библиотеками, включавшими редкие издания, которые были доступны Стругацким на разных этапах жизни (например, библиотека Н. Стругацкого, Канская библиотека А. Стругацкого). Круг литературных интересов Стругацких можно разделить на четыре группы: первая – философская и научная литература. Здесь в первую очередь надо отметить, что документально подтверждено знакомство Стругацких с работами К. Маркса, В. Ленина, И. Сталина и некоторых западных социалистов. Однако, анализируя творческое наследие Стругацких, можно установить их знакомство с японской, античной и классической немецкой философией. Вторая группа включает в себя классическую отечественную литературу. Среди авторов этой группы Стругацкие особо выделяют Н. В. Гоголя и Л. Н. и А. Н. Толстого. Третья группа включает в себя японскую классическую литературу, с которой по роду своих профессиональных интересов был тесно знаком А. Стругацкий. Четвертая группа – приключенческая и фантастическая литература. Среди приключений они отдавали предпочтение западным авторам, с увлечением читали отечественную фантастику.

Таким образом, круг влияний на формирование взглядов Стругацких оказался достаточно неоднозначным, что позволяет рассматривать их одновременно как представителей двух значимых направлений советской фантастики.

1.2.3. Художественно-политические модели будущего в советской фантастике 1950–1960-х гг.

Работы Стругацких появлялись в условиях, когда тема и вопросы будущего уже в силу официальных политических установок стали во многом центральным смысловым моментом политической жизни страны. Но такое положение создали не сами политические установки – скорее, они оказались выражением ожиданий общества. Очевидно, здесь действовало несколько взаимодополняющих друг друга моментов.

Первое: само советское общество в силу принятой идеологии было ориентировано на движение в будущее и создание Нового мира.

Второе: после победы в Великой Отечественной войне, восстановления экономики, освоения атомной энергии, запуска спутника и выхода человека в космос – страна испытывала определенное чувство могущества, уверенность в своей способности справиться с любыми задачами»[211].

Третье: в мире в целом наступает момент исчерпания индустриальной эпохи и нового запроса на изучение и предсказание будущего. Советская социальная научная фантастика как раз и оказывается в рамках этого запроса.

Созданная Стругацкими коммунистическая утопия «Мира Полдня», как и их иные, иногда рассматриваемые в качестве «антиутопических», модели будущего стали темой ряда работ, развивавших рассмотрение проблемы на протяжении трех десятилетий – последние вышли во второй половине 1980-х, а в 1991 году, в тридцатую годовщину принятия Программы строительства коммунизма и на фоне разрушения СССР умер Аркадий Стругацкий. Борис Стругацкий дожил до пятидесятилетия принятия данного документа и выхода в свет их книги, положившей начало этому циклу, но и он незадолго до смерти писал, что идеалы описанного ими мира для него остаются столь же значимыми, какими были и полвека назад.

Причем их утопия не была единственной.

В период 1950–1960-х гг. была создана целая серия произведений советской социальной фантастики, обращавшихся, к вопросам политической организации будущего. В них, применительно к будущему, предметом философской рефлексии становились политические процессы, представления о фундаментальных основах политики, основания и тенденции эволюции политического бытия, политических ценностей, политического действия и осуществлялось осмысление природы власти и условий реализации базовых политических идеалов.

Среди произведений советской фантастики того времени особо имеет смысл выделить следующие модели будущего: «Туманность Андромеды» И. А. Ефремова, «Полдень. XXII век»

Стругацких, «Гость из Бездны» («Встреча через века») Г. С. Мартынова, «Мы – из Солнечной системы» Г. И. Гуревича.

Все они посвящены описанию и конструированию черт коммунистического общества, все описанные в них общества можно в иной терминологии определить как постиндустриальные и эгалитаристские.

Первой была написана и опубликована книга И. А. Ефремова – и она же признается наиболее «канонической». Хотя первым к написанию подобного полотна приступил не И. А. Ефремов, а Г. С. Мартынов.

Г. Мартынов начал свою работу над романом «Гость из бездны» в 1951 году, и до сих пор определенной загадкой является вопрос о том, почему он внезапно прервал ее на половине. Известно мнение биографов его творчества о том, что если бы он не отложил написание романа, тот мог бы занять в отечественной литературе место «Туманности Андромеды» И. А. Ефремова[212].

Однако книга была дописана и издана только в 1961–1962 гг. Умерший в 1945 году участник Великой Отечественной войны оживляется потомками спустя тысячи лет. Книга описывает мир будущего его глазами – но в значительной степени его реакцию на этот мир – оказывающийся и желанным, и слишком непривычным. В технологическом смысле это развитое «постиндустриальное» и сверхтехнологичное общество с соответствующими атрибутами: антигравитация, телепатическое управление техникой, продление жизни до нескольких сотен лет, полное освоение Солнечной системы и выход за её пределы, освобождение человека от угнетающих видов труда и партиципаторное участие каждого в управлении общественными делами. Действие романа было отнесено ко времени через восемнадцать веков после XX века – и такую отдаленность Г. Мартынов объяснял тем, что подобное технологическое развитие казалось ему в 1951 году делом очень далекого будущего – тогда еще не была запущена первая атомная электростанция (1954 г.). Возможно – именно с этим был связан перерыв в работе над книгой. Но после научно-технических прорывов конца 1950-х, автор пишет в предисловии к публикуемому роману: «Жизнь доказала, что я был неправ. И теперь я также искренне убеждён, что наука и техника значительно раньше достигнут гораздо большего, чем описал я. Но изменять время действия романа кажется мне нецелесообразным… Пусть всё остаётся так. Читатель сам сумеет увидеть в описываемых событиях контуры не столь отдалённого будущего».

С точки зрения анализа определенных политико-

философских моментов, в данной утопии интересно иное. Когда общество Будущего принимает решение об оживлении главного героя, решение принимается путем всеобщего обсуждения всех граждан планеты, больше не разделенной на отдельные государства. И главным критерием верности решения становятся этические соображения. При описании восприятия героем будущего главным оказывается его психологическое восприятие, рождающее напряжение от непривычного, когда в результате герою так и не удается освоиться в дружественном и желанном для него мире.

Здесь можно выделить три момента, выходящие за рамки стандартной технократической утопии: а) партиципаторная политическая организация общества; б) провозглашение доминантными в обществе будущего соображений этического порядка; в) выдвижение тезиса о том, что каждый человек принадлежит своему времени, и если он сформировался в рамках одних привычных отношений и норм, он не будет чувствовать себя вполне комфортно в другом времени, даже если оно основано на принимаемых им же принципах, которые он сам защищал с оружием в руках и торжеству которых сам содействовал.

Наиболее знаменитая из названных утопий – «Туманность Андромеды» И. А. Ефремова выходит в свет в 1957 году (написан в 1955–1956). Здесь также описывается технологически высокоразвитый и высокоинтеллектуальный мир, единое человечество, масштабное межгалактическое освоение космоса, но собственно технических описаний предельно немного. Техника – это лишь созданный человеком инструмент его развития и творчества. Первоначально в замысле действие романа относилось ко времени спустя три тысячи лет после XX века, но при первой публикации придвинуто на тысячу лет, а во втором издании (1962 г.) все конкретные даты и хронологические привязки были заменены на условные, в которые, по мысли И. А. Ефремова, сам читатель вложит своё понимание и предчувствие времени – все в мире за пять лет меняется слишком быстро.

В социально-политической и социально-философском плане особый интерес в данной модели будущего привлекают две сферы.

Организация управления общества, построенная в виде дуги равноправных институтов: Академия Горя и Радости, Академия Производительных Сил, Академия Стохастики и Предсказания Будущего, Академия Психофизиологии Труда, координируемых Советом Экономики и равным ему Советом Звездоплавания. То есть основные политические институты – это научные центры,

соединенные в своей деятельности системой функциональной координации.

Сами же решения принимаются всеобщим голосованием в системе единой информационной коммуникации – здесь можно увидеть определенное соединение принципов «комплексной демократии» Лумана, классической прямой демократии, всеобщего участия и информационной демократии О. Тоффлера – только с опережением во времени к моменту разработки положений первой и третьей из них.

Вторая важная сфера – воспитание, производство человека. И, рассматривая эту систему как наиболее значимую, автор данной утопии выстраивает ее на принципах классических гуманистических педагогик: Томаса Мора, Яна Амоса Коменского, Песталоцци, Гельвеция, Жан-Жака Руссо[213].

«Полдень» Стругацких, как говорилось выше, публикуется в 1961 г. И он, охватывает два периода будущего: герои из начала XXI в. в результате сверхсветового перелета попадают в XXII век: из ближайшего будущего, в котором наряду с победившей ранней коммунистической системой сохраняются остатки отживающей и побежденной капиталистической, – в мир развитого и окончательно победившего коммунизма.

Ряд деталей и проблем организации Мира Полдня будут более подробно рассматриваться в последующих главах и подчас описаны в более поздний работах Стругацких. На данном этапе можно отметить, что в том виде, в каком он был описан авторами в исходной книге – в социальном плане это наиболее беспроблемный мир. Те проблемы, которые есть в нем – это проблемы научной увлеченности и творческого поиска, и способности посвятить этому большую часть жизни. Власть на Земле осуществляет Планетарный Совет, в первую очередь состоящий из врачей и педагогов. Мир развитых технологий, звездолетов, кибернетики – но в первую очередь – педагогики. Стругацкие многократно повторяли, что в первую очередь описывали мир, в котором было бы уютно и интересно жить.

Их утопия предельно близка утопии И. Ефремова – но одновременно противопоставлена ей: Стругацкие отстаивают тезис, что этот мир – не мир далекого будущего, и человек коммунистические общества – не отдаленная в своей реализации фантазия, это те люди, которые есть уже сегодня. По Стругацким, это люди творческие, всесторонне образованные, честные и ответственные за взятое на себя дело. И дело педагогики – сделать так, чтобы все люди стали такими: в первую очередь находящими высшую радость в труде и созидании.

Утопия Г. И. Гуревича – наиболее поздняя из названных

работ. Роман «Мы из Солнечной Системы» выходит в 1965 году. Точное время действия не определяется, но можно предположить, что речь идет примерно о XXI–XXIII веках: с одной стороны, человечество стоит на пороге межзвездных перелетов. С другой – хотя новое общество утвердилось уже на всей планете, в части стран сохраняется формальная национально-государственная организация, формально существуют денежные знаки – то есть полной интеграции в победившую коммунистическую систему еще не произошло. Как и в остальных утопиях – общество высокотехнологично, автоматика и электроника освобождают человека от угнетающих видов труда, люди имеют возможность посвящать себя творческим видам деятельности и новаторским проектам, проводятся фронтирные научные эксперименты, готовятся звездные экспедиции. Система воспитания ориентирована на формирование гармоничных людей: «пятилучевых», сочетающих склонность к спорту, науке, искусству и т. д. Пять лучей, делающих человека свободным и счастливым: – труд, – общественная работа, – личная жизнь, – здоровье и спорт, – увлечение.

Интригу создают не приключенческие сюжеты, а этика – соблюдение принципов собственно коммунизма, и политика – модель принятия решений и организации власти.

Ученым удается создать технологию, позволяющую в известном смысле обеспечить бессмертие хотя и не самого человека, но сохраняющейся в его восстановленном теле уникальности его личности.

Однако возникает проблема: энергетических и технических мощностей даже этого общества недостаточно, чтобы обеспечить это личностное сохранение каждому – только немногим. Одни ученые, создавшее изобретение, предлагают этот путь сохранение личностей лучших, наиболее достойных. В целом это представляется справедливыми естественным, но оказывается, что невозможно определить идеальный критерий достойности и заслуг. Прежде всего: невозможно, сохраняя личности гениальных ученых и композиторов, лишить права на сохранение других людей лишь потому, что последние посвятили себя более прозаическим специальностям.

Причем проблема заключается, с одной стороны, в том, что нет универсального критерия достойности и успеха. С другой – в том, что если принять предлагаемый подход, согласно которому главным признается степень профессиональной самореализации, то через некоторое время никто уже не будет соглашаться на относительно повседневные профессии. Никто не согласится иметь десять детей и посвятить свою жизнь их воспитанию.

Начнется конкуренция за более привлекательные специальности, сулящие возможность большей известности и большего успеха. С третьей – в том, что общество, которое вернется к принципу подобного распределения благ, то есть принципу распределения «по труду» – уже перестанет быть коммунистическим обществом, реализующим принцип «по потребности».

В качестве альтернативы выдвигается иной проект: отказаться от подобного продления жизни для кого бы то ни было на период, пока не будут созданы возможности для бессмертия личности каждого, – но при мобилизации всех ресурсов планеты и усилий людей для создания в обозримый срок необходимых для этого мощностей, при введении на это время режима сознательной экономии.

Два проекта выдвигают два близких человека, два ученых. И каждый выдвигает его в качестве своей программы развития планеты на всеобщих выборах Председателя координационного Совета Земли – с избирательной кампанией, штабами кандидатов, развернутой пропагандой, открытыми дискуссиями.

Три момента этой утопии представляются важными и нестандартными:

• проблема соблюдения базовых принципов справедливости в коммунистическом обществе;

• альтернативные выборы и борьба за власть ради осуществления альтернативных программ развития в этом обществе;

• и проблема самоопределения и выбора в вопросе о том, каким все же окажется коммунизм – обществом эгалитарным или обществом элитарным.

Принять участие в решении должен и имеет право каждый.

Утопия Гуревича была написана последней из четырех названных. Но предложенной ею проблематики не было ни в одной из остальных – хотя и более известных.

Из четырех представленных утопий две были отнесены ко времени будущих тысячелетий, две – к времени, почти рубежному со временем написания. Правда, две первые писались до научно-технического прорыва второй половины 1950-х гг., а две вторые – уже после. Причем авторы двух первых в 1960-е годы также пришли к выводу, что описанный ими уровень научно-технического развития может быть достигнут значительно раньше.

Все четыре модели сходятся не только в видении будущего как высокотехнологичного, но и в том, что главными проблемами этого мира будут этика и психология, а не вопросы потребления и досуга. Все они рисуют мир высокотехнологично обеспеченной

партиципаторной демократии, где достигнутое материальное изобилие – лишь фон обеспечения тенденции возвышения потребностей. И И. Ефремов, и Г. Гуревич, и Стругацкие ставят вопрос о переходе людей от соревнования в потреблении к соревнованию в творчестве. Особенностью утопии Г. Мартынова оказывается тема принадлежности человека своему времени, а утопии Г. Гуревича – сохранение в будущем конкуренции между элитарными и эгалитарными основами организации общества и проблема критериев успеха при коммунизме.

Все эти утопии, как и говорилось, в большем числе случаев опередили в рассмотрении проблем будущего классику западной футурологии – и потому они заслуживают серьезного политического и философского анализа.

Вместе с тем, произведения и социально-философская фантастика Стругацких обладают той особенностью, что уже с первых работ, после написания своего базового утопического произведения, Стругацкие перешли к более глубокому анализу:

• во-первых, противоречий моделируемой ими действительности, просто потому, что отсутствие противоречий само по себе означало бы остановку в развитии этого мира[214];

• во-вторых, тех препятствий, которые стоят на пути создания этого мира.

То есть, если всегда считалось, что характерная черта утопий – описание идеального мира при абстрагировании от вопроса о путях движения к нему и движущих силах этого движения, то Стругацкие явно вышли за пределы утопии, обратившись к теме о том, что стоит на пути ее создания. И практически первыми поставили вопрос о препятствиях на пути от социализма к коммунизму. Или, если описывать проблему в рамках несколько иной методологии: что стоит на пути перехода от индустриального общества к тем фазам, которые должны последовать за ним.

При этом следует особо обратить внимание на следующие моменты.

Встает вопрос, каковы должны быть особенности исследования политической мысли, существующей в такой форме. В первую очередь здесь имеет смысл обратиться к ранее упоминавшемуся тезису В. Г. Графского, относившего художественно-образную форму обсуждения проблем властных отношений именно к формам концептуально-упорядоченного обсуждения[215] – и именно так эту форму политической мысли при исследовании и нужно воспринимать.

Второй является проблема перевода текста автора на язык современного общества, о чем писал А. С. Алексеев. В ситуации с

анализом утопии она осложняется задачей перевода художественного языка на язык политической теории.

Существует определенная сложность: герои художественного произведения действуют как персонажи приключенческого романа и говорят не на языке теории. Сознанию, привыкшему оперировать обобщениями, сложно воспринять описываемые события, как проявление действия политических закономерностей.

Задача в том, чтобы увидеть в персонажах и моделируемых ситуациях социальной фантастики проявление закономерности политической теории.

В подобного рода научно-фантастическом произведении дается описание картины мира будущего (желаемой или отвергаемой), в которой описываются:

1) Предлагаемые обстоятельства – то есть в первую очередь политическое и социальное устройство данного мира, некая смоделированная политическая ситуация.

2) Акторы, поставленные в некое отношение с предлагаемыми политическими обстоятельствами – либо осуществляющие господство в описываемом мире, либо те, по отношению к кому господство осуществляется.

3) Система ценностей и идеалов данного общества и вытекающая из них оценка акторами данной ситуации и своего отношения к ней.

4) Характер действия данных акторов, их психология, цели, политический темперамент, используемый инструментарий и т. д.

5) Их отношения между собой, формы коммуникации.

Описание политического устройства мира дается либо в форме авторского текста, либо через реакции и внутренние монологи действующих лиц, формы взаимной коммуникации, диалоги, обмены репликами и монологи, акты действия.

В принципе картина, предлагаемая для восприятия читающему произведение, ничем не отличается от картины, которую он наблюдал бы при описании реальной политической ситуации в качестве ее действующего лица. При этом проблемы данного мира предлагаются как проблемы, стоящие перед действующими лицами либо как описываемая данность, либо в их осмыслении последними.

В этом отношении изучение и осмысление данных проблем мало отличается от изучения проблем реально существующей политической действительности и позволяет применять все имеющиеся методы политического исследования. Разница в анализе произведения подобного рода в сравнении с анализом

более традиционного политико-философского текста заключается в основном в том, что в последнем описание проблемы ведется как правило, от имени самого автора, а в первом – как от его имени, так и через восприятие действующих лиц.

Подводя итоги. Функция идеального конструирования действительности в разных условиях приобретает различные формы. Эта функция может осуществляться как в рационально-логическом виде, так и в художественно-образном, причем последний, в определенных условиях, может иметь свои преимущества.

Вместе с тем, все указанные функции в той ли иной ситуации могут осуществляться как в рационально-логическом виде, так и в художественно-образном, причем в определенных условиях, художественно-образные способы исполнения всех этих функций имеют свои преимущества не только как инструмент эмоционального воздействия, но и как средство научного освоения действительности.

Безусловно, наиболее завершенной формой политического сознания является политическая наука – но как таковая она является определенным этапом развития политической мысли, выполняющей и функции познания окружающего мира, и его конструирования на разных этапах разными способами. В частности, учитывая обоснованность утверждения, согласно которому в России процесс становления политической мысли достиг уровня политической науки лишь к 2000-м годам, а до этого прошел ряд предшествовавших этому этапов, мы можем говорить и о том, что в предыдущий период задачи политической науки решались в иных, как академических, так и неакадемических формах.

Одновременно нужно учитывать и то, что, во-первых, на разных этапах и в разных условиях разным может оказываться сам предмет политической науки, во-вторых, те или иные переходные периоды и поворотные моменты социального и политического развития требуют разных и особых методов и инструментов решения задач политического осмысления действительности.

Одной из таких форм в условиях конца 1950–1960 гг. стала советская научная фантастика. В первую очередь в своем варианте социальной философской фантастики, ставшей продолжением традиции политической утопии XVI–XIX веков. Имея в виду, что сама политическая мысль включает в себя и политическую теорию, и политическую философию, и политическую идеологию.

Поскольку запрос на такую утопию возникает в периоды

переходов между историческими эпохами, когда прежнего инструментария политической мысли оказывается недостаточно для познания и конструирования новой политической реальности, можно говорить, что такой запрос, имевший место в условиях перехода от аграрного общества к индустриальному, к эпохе Нового Времени, оказался объективно обоснован и на этапе перехода от индустриального общества к постиндустриальному.

Возникшая в этих условиях в СССР советская научная социальная фантастика, опираясь и на традицию отечественной фантастики и науки, и на опыт и достижения науки и политического сознания иных стран, оказалась формой осмысления политическим сознанием форматов и проблем этого перехода, причем в хронологическом плане опередив рассмотрение подобных проблем сформировавшейся позже, к концу 1960-х гг. западной футурологической литературой – последняя отличалась от нее по степени научности формы – но не превосходила ни полнотой, ни точностью прогностического анализа.

В период конца 1950–1960-х гг. в СССР был создан ряд развернутых политических утопий, рисовавших картины будущего общества, одной из наиболее развитых среди них был утопический «Мир Полдня», созданный Стругацкими. Особым отличием их концепции стало то, что они не ограничились описанием картины желаемого общества, а в последующих работах осуществили анализ как вытекающих из его развития проблем, так и проблем, встающих на пути у его создания – равно как и анализ последствий отказа от движения к обществу подобного типа.

Все это создавало не просто очередную утопию. Создавалось большее – новый вид утопии: критическая утопия.

Глава 2. Политическая философия будущего и «критическая утопия» братьев Стругацких. Научно-технический романтизм

В первой главе уже говорилось о том, что в ряду форм политического осмысления будущего наряду с утопией, научной фантастикой, прогнозированием и классической футурологией можно особо выделить такую форму, как политическая философия будущего, которая рефлексирует применительно к будущему всеобщие основания и тенденции эволюции политического бытия, политического познания, политических ценностей, политического действия, осуществляет концептуальные анализ и осмысление возможной властной организации, вытекающей из природы власти, желаемые и предполагаемые формы изменения государства, суверенитета, возможности реализации базовых политических идеалов, – и мы можем сказать, что политическая философия будущего решает эти же задачи при обращении их в будущее, в плоскость стратегического прогнозирования.

Выше говорилось и о роли в подобном осмыслении социальной фантастики, крупнейшими представителями которой в СССР и в мире были Стругацкие.

Особенностью их работ был переход к анализу противоречий будущего, казавшегося идеальным: как противоречий моделируемой ими действительности, так и препятствий, которые стоят на пути создания этого мира.

Если всегда считалось, что для утопий характерно описание идеального мира при абстрагировании от вопроса о путях движения к нему, то Стругацкие явно вышли за эти пределы, обратившись к теме препятствий и практически первыми поставив вопрос о препятствиях на пути от социализма к коммунизму.

Создавая образ будущего общества, воплощающего их базовые политические идеалы, Стругацкие рисовали картину, не противостоявшую современному им состоянию, а вытекавшую, по их мнению, из последнего. Их утопия играла роль не образа «того, чего нет, но что было бы привлекательным», а роль «того, что мы можем создать уже в скором времени». Иначе говоря, это была своего рода философская рефлексия по поводу обозримых результатов развития современных политических процессов,

сочетающая черты утопии как идеальной картины мира с элементами прогнозирования как определенного экстраполирования в будущее закономерностей настоящего.

Романы Стругацких создавались в определенное время и в определенных политических и социо-культурных условиях. Обращенные в будущее, они стали его политико-философским осмыслением – предвосхищающим как его проблемы, так и проблемы движения к нему. И реально их анализ приобретает концептуальное значение, актуальное и для общей политико-философской проблематики, и для нынешней эпохи «мира постмодерна», «мира дезинтегрированных ценностей» – и для насущных проблем современной России, своей реальностью слишком напоминающей не «Мир Полдня», описанный Стругацкими, а их «потерянные миры», миры, где утрачены цели и где в результате теряется импульс развития.

В своем основном произведении, сформулировавшем те черты будущего, которые воплощали базовые политические идеалы как их самих, так и современного им общества, – «Полдень. XXII век. Возвращение», – Стругацкие в художественной форме представили достаточно развернутую систему, воплощавшую в себе результат предполагавшегося ими оптимистического сценария общественного развития. Рассматривая созданную модель с диалектических позиций, они, описывая ее прогнозируемые противоречия, создают реалистический сценарий развития. В рамках последнего оптимистический результат может быть реализован только посредством осознанного выбора и деятельности человека, когда он встает перед дилеммой: согласие на преодоление препятствий, предсказываемых реалистическим сценарием – либо отказ от проблем, связанных с их преодолением. И тогда – движение по рисуемому Стругацкими пессимистическому сценарию, представленному в произведениях о своего рода «обреченных мирах».

2.1. Политические идеалы научно-технического романтизма Стругацких

Создавая, в соответствии со своим оптимистическим видением, модель мира, где реализуются базовые идеалы современного им общества, они, в отличие, скажем, от И. Ефремова, рисуют картину не просто должного и желаемого – а должного и реалистически возможного, являющегося относительно близким по времени результатом оптимистически-реалистического сценария развития современного им общества. Описанная ими система может быть рассмотрена с использованием AGIL-схемы Т. Парсонса, то есть можно выделить те стороны Мира Полдня, которые исполняют в этом мире четыре основные функции: а) интеграции, б) целедостижения, в) адаптации, г) производства латентных образцов.

Для Стругацких в представлении о будущем на первый план выходят моменты целедостижения, понимаемые и как смыслы, и как ценности данного социума, заключающиеся в свободном творческом труде, его самоценности и самозначимости.

Функцию интеграции, в отличие от парсоновской схемы, исполняет политическая система, точнее, система всеобъемлющего самоуправления, основанная на прямом участии граждан в управлении общественными делами.

Функцию адаптации выполняет система основных установок и приоритетов общества – ориентация на приоритеты Общества Познания, что позволяет прогнозировать его развитие и отвечать на вызовы, с которыми оно сталкивается в своем развитии.

Функцию производства латентных образов выполняет система воспитания, базирующаяся на, используя выражение авторов, «Великой Теории Воспитания».

2.1.1. Труд Рафаэля

Основным началом, обеспечивающим для человека его нормальное состояние, для Стругацких является творческий труд, как способ существования, самореализации и саморазвития человека.

Творческий труд, для Стругацких вообще рассматривается как основное начало, обеспечивающее для человека его нормальное состояние: «Марксизм прав: ни одно занятие не может идти на пользу, если оно не связано с интересами общества… Спасенье человека – в работе»[216].

Наиболее уважаемыми профессиями в «идеальном обществе» Стругацких становятся профессии врача и учителя. Мировой Совет, высший орган управления человечеством на шестьдесят процентов состоит именно из них. Причем это не профессии ограниченного доступа – напротив, повышенной востребованности, людей этих специальностей постоянно не хватает[217].

Люди заняты в основном в исследовательской работе. На усовершенствование методов хозяйствования работают практическая генетика, эмбриомеханическая ветеринария, продовольственный ряд экономической статистики, зоопсихология и астрологическая кибернетика.

Физический и непрестижный труд выполняют механизмы, таким образом освобождая человечество для интеллектуальной деятельности: «Коммунизм – это братство закаленных бойцов, знающих, жизнерадостных, честных. Да, будет изобилие. Да, будут машины, множество хитроумных машин, выполняющих всю неприятную и однообразную работу. Но не для того, чтобы человек заплыл салом от лени. Изобилие и машины нужны для того, чтобы освободить человека для выполнения высшего его назначения – для творчества»[218].

«Для героев ранних Стругацких работа – это высшее наслаждение, высшее счастье. Ничего более интересного они просто не знают. Они везде тащат с собой на развернутых знаменах лозунг: «Работать интереснее, чем развлекаться!» Потом, со временем, они начинают медленно понимать, что работа прекрасна и интересна только тогда, когда она получается. Иначе из наслаждения она превращается в муку»[219].

При описании этого общества, из двадцати глав романа две посвящены предыстории героев, из начал XXI века попадающих в XXII, семь – собственно описанию устройства жизни на планете в том виде, в каком они ее застали после возвращения. Одиннадцать – различным видам труда, которыми заняты граждане будущего общества.

Как уже на рубеже XX–XXI веков напишет Борис Стругацкий: *«Свобода не есть ЦЕЛЬ жизни человека. Свобода есть непременное УСЛОВИЕ полноценности и осмысленности жизни. Самое высокое наслаждение, доступное человеку, это творческий труд»*[220].

Стругацкие выделяют две черты будущего человека: любовь к труду (человек творческий) и интерес ко всему, что происходит вокруг (человек политический). Идеи об ограниченном рабочем дне в этом мире они решительно отвергают: «…странно было слышать разговор о 4-часовом рабочем дне. Уже сейчас есть люди, которым не хватает суток для творчества»[221]. Человек для

них является одновременно субъектом, воздействующим на мир – и объектом, изменяемым посредством изменения мира.

По их мысли, талант есть у каждого человека, и если развить его, человек неизбежно заинтересуется той деятельностью, к которой имеет способности, и сможет реализовать себя в созидании благо социума: «Это очень важный момент. Это фундаментальная проблема, стоящая перед Теорией Воспитания. Как найти в молодом человеке его талант, его умение делать что-то лучше других. Такой талант есть в каждом здоровом человеке, если иметь в виду все возможные сферы приложения рук, ума или души. Талант портняжить или слесарить, талант решать абстрактные задачи, просто талант к сопереживанию, равно необходимый и медработникам, и писателям. Подросток мучается, шарахается из стороны в сторону, всячески изгаляется и выдрючивается, прежде всего потому, что им владеет почти инстинктивное желание самоутвердиться, выделиться, стать самостоятельной и совершенно особенной личностью, но свой главный талант он, как правило, обнаружить в себе сам, без посторонней помощи, не способен. Вот он и ломится в открытые двери, толпой валит по проторенным дорожкам, хватает то, что ближе всего лежит: поярче и помоднее вырядиться; погромче заорать – желательно с применением технических средств; похлеще выразиться… Не в силах обнаружить в себе талант, он стремится заменить его каким-нибудь блестящим, ярко раскрашенным «протезом»»[222].

Сюда надо добавить ещё два соображения: первое – объекты духовного голода гораздо более разнообразны, чем материальные устремления, и второе – духовному голоду никогда не будет грозить пресыщение, ибо в отличие от хода удовлетворения материальных потребностей, удовлетворение духовных лишь ещё более разжигает и углубляет аппетит.

Стремление человека к развитию и созданию обществом условий развития становится фактором, гарантирующим социум от застоя, его возможность развиваться прогрессивно и с ускорением.

Творческий труд в их системе выполняет в значительной степени универсальную роль, почему мы и говорим об исполнении им функции целедостижения:

• с одной стороны, он сам является целью и общества, и отдельного человека – даже свобода, как мы видим, по мысли Бориса Стругацкого, значима лишь постольку, поскольку она создает условия для творческого труда;

• с другой стороны, труд является и условием, но не добывания средств потребления, а условием и средством

реализации способностей человека и удовлетворения уже иного уровня его потребностей – в саморазвитии и познании;

• с третьей, он ставит цели общественного развития, потому что самозначим его процесс как процесс развития человека – труд по существу поощряется возможностью доступа к более интересным видам труда, целью труда является создание возможностей для более увлекательного труда;

• с четвертой, он сам выступает как процесс познания, поскольку человек занят уже только в тех видах деятельности, где нужны новые решения и открытия – в этом мире уже нет не только различия между «физическим и умственным трудом», но и различия между трудом собственно производственным и научно-познавательным.

То есть по существу труд есть не обеспечивающая потребление деятельность, труд – форма непосредственного существования личности и общества: основным богатством является не рабочее, а свободное время, но рабочее время – и есть сфера свободы и наиболее интересная форма проведения свободного времени: «Коммунизм – это общество людей, наслаждающихся своей любимой работой, а не стадо пожирателей вкусной еды, для которых главное в жизни – поменьше думать и побольше развлекаться»[223]. Рассматривая труд как то, что способно доставить наибольшую радость в жизни, они, однако, никогда не утверждали, что ни от чего другого человек не может ее получать: в их понимании эта радость является наибольшей, но не единственной. При этом они понимают труд как любую творческую и осмысленную созидательную деятельность – от труда ученого и скульптора до труда матери по воспитанию ребенка[224].

2.1.2. Политика и экономика Общества Будущего

Политическая модель общества Полдня – партиципаторная система общественного и экономического самоуправления, где всеобщее участие граждан как субъектов политики в управлении сочетается с функциональной значимостью профессионалов, специализирующихся в той или иной сфере, и исследовательских центров, разрабатывающих общезначимые для всей планеты проекты, что в целом можно определить как своего рода профессионально-функциональное самоуправление.

Основными институтами власти здесь становятся представительные органы, избираемые из числа наиболее компетентных специалистов по вопросам экономики, социологии, психологии, науки и техники, медицины и прочих отраслей.

Высший орган власти, осуществляющий в обществе Полдня регулятивную деятельность на Земле и в её колониях[225], – Мировой Совет, определяющий их общую политику, а на Земле распределяющий ресурсы[226]. Заседания проводятся оперативно, большую часть времени его члены занимаются своей основной работой.

Ключевой профессией в обществе является профессия педагога: Мировой Совет в этой модели состоит большей частью из врачей и учителей.

При этом каждая колония имеет структуру схожую по составу и функциям с Мировым Советом, но состоящую из местного населения и функционирующую в локальных масштабах. На Земле (а также, вероятно, на других густонаселённых планетах) предполагается существование советов регионального и более низких уровней, занимающихся текущими вопросами управления на своих уровнях.

Стругацкие не отрицают существования в идеальном обществе законодательства, и профессиональных юристов, таким образом, закладывая в эту модель и возможность социальных конфликтов и правонарушений. При возникновении социальной необходимости в изменении законов сторонники таких изменений действуют традиционными для нашего времени способами: объединяются, подают коллективные петиции, проводят массовые акции (демонстрации, митинги), выделяют некоторый, обычно небольшой, юридический корпус для квалифицированного отстаивания своей позиции. Если требования в итоге признаются, в законы вносятся изменения.

Основой идеального общества у Стругацких должна стать интеллектуальная элита: «Для меня (да и для тебя тоже) коммунизм – это братство интеллигенции, а не всяких там «вонючих садовников». На солженицинских матренах коммунизма не построишь», – отмечает А. Стругацкий в одном из писем брату[227].

Однако это положение не означает элитарности общества Полдня. Оно элитарно постольку, поскольку состоит из людей, связанных с высшими формами интеллектуального труда, но эгалитарно в том плане, что в нем нет разделения на высших и низших. С высшими видами деятельности связаны все люди. О том, что опорой политической власти будущего общества, причём уже на современном этапе, становятся люди творческого труда, Стругацкие говорят неоднократно: «…Мы писали о… людях, которые, как мы тогда считали, уже сегодня несут в себе черты потомков из коммунистического завтра. О людях, для которых главная ценность бытия – именно в «приключениях духа»»[228].

При этом сама концепция Стругацких носит эгалитарный характер: общество опирается на «производителей знания» и оно из них состоит, поскольку нетворческие виды труда переданы для исполнения технике и механизмам, людям оставлены виды деятельности, требующие самостоятельного принятия творческих решений.

Общество здесь основано на плановой экономике, которая, по их мнению, станет неотъемлемой чертой его организации: «Несомненно, что при коммунизме плановость будет на самом первом месте. Но люди будут испытывать наслаждение в творческом труде. Их нельзя будет ограничить и навязать им безделье…»[229]. В этом можно усмотреть определенное противоречие: однако следует заметить, что именно это противоречие они видят как одно из главных и показательных в описываемом ими общественном устройстве: на место борьбы за потребление приходит соревнование в творчестве, по их мнению лишь конфликты подобного рода и сохраняются в данном обществе, конфликт соревнования в созидании, что и становится одним из стимулов развития социума.

В связи с этим большую роль в экономике идеального общества Аркадий и Борис Стругацкие отдают статистике: «Далее, огромное значение приобретает статистика, статистические предсказания и статистическое регулирование. Вероятно, при этом очень важным будет рациональное распределение проблематики: самой важной проблемой будет считаться та, которая по статистическим предсказаниям даст максимальный ливень новых проблем. Статистика будет заниматься и подготовкой кадров. Скажем, учёный Петров, для того чтобы к следующему году была решена какая-то задача с вероятностью выше 0,5, должен взять себе столько-то учеников. Что же касается материальной стороны жизни общества, то вся она, как наиболее легко алгоритмизируемся, будет целиком передана машинам».

Предполагается, что ресурсы Земля сможет черпать из планетарных колоний[230]. Стругацкие ставят, но оставляют открытым вопрос о том, следует ли рисковать человеческими жизнями для колонизации других планет или добывать ресурсы посредством автоматизированных заводов.

На Земле в этот период, по описанию Стругацких, около ста тысяч специализированных и профильных скотоводческих ферм. Все вместе они составляют основу изобилия – гигантский, предельно автоматизированный комбинат, производящий продукты питания: «Все, начиная от свинины и картофеля и заканчивая устрицами и манго».

Научно-технический прогресс приводит к устранению опасности стихийных бедствий, которые могут испортить урожай. Система изобильного производства поддерживается совершенно автоматически и развивается столь стремительно, что приходится принимать специальные меры против перепроизводства. Таким образом, проблема питания устранена полностью.

Фермы связаны с городом линией доставки, которая позволяет в течение получаса доставить на производство или в центр любой заказ.

2.1.3. Общество Познания

Одна из ключевых идей Аркадия и Бориса Стругацких заключается в том, что *прогресс сопровождается познанием,* и если у истоков его стоит «бесконечность тайн», то в конце человечество ждёт «бесконечность знаний»[231], в этом отношении их модель прогресса – это развитие знания и процесс познания.

Человеку в представлении Стругацких вообще свойственно стремление к познанию, выступающее и его основным жизненным интересом, и системой решения встающих перед обществом проблем, инструментом и институтом адаптации социума. До сих пор это стремление подавлялось животными инстинктами в связи с недостатком материальных благ, но на новом витке прогресса именно это стремление к познанию станет движущей силой прогресса: «Человек способен по самой природе своей (если это обусловлено известным минимумом социальных условий) стремиться совершенно бескорыстно к познанию. В широких массах общества до сих пор эта способность подавлялась тяжёлыми условиями существования, затем – разного рода социальными неустройствами, а в наше время она явилась причиной даже появления возможности к самоуничтожению. Но освобождённое человечество будет культивировать и лелеять эту способность, и она станет основой для движущих сил будущего общества»[232].

Хотя на первый взгляд потребность в познании не выглядит достаточным стимулом для современного человека, Аркадий и Борис Стругацкие, с одной стороны, приводят ряд исторических примеров, когда масштабные политические изменения становились следствием борьбы за духовные ценности: кровопролитные религиозные войны, Джордано Бруно, Галилея, Ньютона, Ломоносова, посвятивших всю свою жизнь (и смерть) бескорыстному служению духу.

С другой стороны, Аркадий и Борис Стругацкие уточняют, что для того, чтобы стремление к познанию стало достаточной

мотивацией для действий, человек должен измениться, а он меняется и прогрессирует вместе с социумом.

В основе социального оптимизма Аркадия и Бориса Стругацких лежала вера в возможности человеческого разума:

> *«Подразумевалось, что если человек разумен, значит, у него и с остальным все в порядке. Потому что если человек разумен, то ему ясно, что хорошо себя вести – правильно, а плохо себя вести – неправильно. Причинять вред людям – плохо, нести добро людям – хорошо. Это* ***разумно,*** *понимаете? Именно такова была наша начальная установка»*[233].

В основе Мира Полдня оказываются два начала: стремление к познанию, с одной стороны, обеспечивает технический и социальный прогресс; с другой стороны, он по природе является сапиенистическим, ориентированным, прежде всего, на создание разумного полиса, основанного на познании законов социального развития.

Для того, чтобы духовная потребность в труде, неотъемлемая черта человечества будущего, выдвинулась на первый план, по мнению Стругацких, человека необходимо освободить от гнёта материальных потребностей и от необходимости «добывать хлеб в поте лица своего»[234]. «И когда мы говорим об обществе будущего, мы имеем в виду именно такое общество, в котором материальное изобилие уже не проблема и материальные блага распределяются справедливо, то есть таким образом, что это распределение не может служить источником неприязни у одних членов общества по отношению к другим», – пишут Стругацкие в статье «Человек и общество будущего»[235].

Тогда, если не реализуется третья тенденция, т. е. общество не превратится в общество потребления, человек будет заниматься той работой, которая ему интересна.

Стругацкие расширяют понятие труда и работы, включая в него не только физический труд, но и работу домохозяек, и интеллектуальную деятельность: «Важно понимать: ситуация меняется. Лозунги, что труд облагораживает, а кто не работает, тот не ест, в экономически наполненном обществе теряют смысл. А если вы хотите созерцать, думать? А если вы хотите сидеть дома и воспитывать детей? Понятие работы меняется. Как меняются все понятия…»[236]

На этапе, когда будут решены проблемы материального благосостояния, есть опасность, что общество приобретет форму «общества потребления». Этой опасности должна быть противопоставлена воспитательная программа, которая будет с

младенчества прививать человеку любовь к труду и познанию:

> *«…для создания общества будущего недостаточно одного изобилия материальных благ. Необходима ещё и огромная воспитательная работа, чтобы помочь человеку подняться, наконец, с четверенек, освободить его духовные силы и умственную энергию, помочь ему осознать тот факт, что он по определению является существом, живущим для того, чтобы мыслить и познавать. А когда эта гигантская работа была закончена, когда умрут от несварения желудка и невыносимой скуки последние мещане на Земле, тогда и наступит то великолепное сияющее завтра человечества, которое мы называем второй фазой коммунизма»*[237].

2.1.4. «Высокая теория воспитания»

Помимо моделирования социальной структуры и политической системы коммунистического строя в творчестве советских утопистов 1950–1960-х гг. важное место занимает *проблема «нового человека» как единицы общества будущего, его политического субъекта и объекта.*

Ось полемики по этому вопросу проходит между И. Ефремовым и его последователями, Стругацкими. В утопии Ефремова новый человек выглядит абсолютно непохожим на людей современности. Стругацкие, проектируя человечество будущего, отталкиваются от психологии лучшей части человечества (советской его части) начала 60-х гг.

В будущем «медиана колокол образной кривой» распределения человеческих способностей в представлении Аркадия и Бориса Стругацких должна сдвинуться в сторону улучшения человеческих качеств.

Эту позицию Аркадий и Борис Стругацкие высказывают в докладе на тему «Человек нашей мечты» на встрече писателей-фантастов в 1964 г:

«Полюс талантливости, полюс гениальности переместится гораздо выше. И если взять отрезок времени порядка двухсот-трёхсот лет, то масса людей будет состоять из тех, которые сегодня рисуются как исключение из правила. Вот основная исходная мысль, которой мы руководствуемся в нашей работе»[238].

Однако данное противопоставление не носит непримиримого характера: если И. Ефремов обращается к теме того, каким станет коммунистическое общество и человек этого общества в

отдаленном будущем, для Стругацких важен вопрос о том, что люди, которые составят это общество, есть уже и в сегодняшней жизни – просто уже в недалеком будущем такими, как они станут все.

В будущем то, что сейчас является полюсом гениальности, по Стругацким, должно стать нормой, как сейчас является нормой то, что находилось на полюсе гениальности 200 лет назад. Этот процесс происходит постоянно, и результаты его, изменение человека в будущем – неизбежны.

Собственно, само будущее для них – это не любое будущее развитие событий – а, с одной стороны, результат всего предыдущего восходящего развития человеческого общества, с другой – результат сознательного действия людей, восхождения «от бесконечности тайн – к бесконечности познания».

В главе «Злоумышленники» их романа «Полдень. XXII век» характеризуются быт и методы воспитания, характерные для общеобразовательной школы Мира Полдня – по сути, основополагающие принципы теории воспитания Стругацких.

Ученики имеют достаточно большую свободу в занятиях, и по собственному желанию предпочитают тратить досуг на изучение новейших физических теорий, химические эксперименты, активные игры, плавание с аквалангами. Надо отметить, что в последующие десятилетия XX века имели место экспериментальные школы, в некоторых из которых, в частности, применялся следующий метод обучения: в период нахождения в школе детям давалась полная свобода творчества, и ученики сами определяли свой талант, занимаясь тем, что им больше нравится (в рамках образовательных дисциплин).

Обучение проходит как через диалоги с наставниками, так и через «телевизионные уроки», которые сопровождаются комментариями учителя. Так изучается экономика, география. Алгебру изучают вместе с учителем.

Учитель должен быть специалистом во всех дисциплинах. Он также занимается с учениками борьбой, проверяет сочинения. Он же занимается морально-этическим воспитанием детей.

О педагогических теориях Ш. Фурье и Р. Оуэна напоминает соединение обучения теоретического с прикладным – которым ученики занимаются в учебных мастерских.

Учитель досконально знает своих учеников, он в курсе не только их успехов в учёбе, но и того, как каждый проводит свободное время и какие привычки имеет в быту. Он не столько является преподавателем в современном смысле слова, сколько воспитателем и детским психологом. Он имеет свободный доступ в комнату учеников в любое время суток. Тем не менее, он не

ограничивает свободу учеников, его руководство в значительной мере остаётся опосредованным. Практически всегда такой учитель пользуется любовью и уважением учеников.

Тяжелейшим проступком считается ложь учителю, ученики руководствуются принципами: «Лжёшь учителю – солжёшь кому угодно» и «Всё самое плохое в человеке начинается со лжи»[239]. Триада недостойности для них «трусить, врать и нападать». Ученики являются сплочённой ассоциацией и помогают друг другу осваивать дисциплины.

В главе «Почти такие же» того же романа характеризуется быт и устройство высшей школы космогации. В высшей школе космогации четыре факультета: Командирский, Штурманский, Инженерный, Дистанционного управления.

В школе обучаются как юноши, так и девушки. В программу подготовки студентов входят спортивные занятия (тренировки на «Большой центрифуге» для юношей, занятия волейболом для девушек), работа на волноводном вычислителе ЛИАНТО на старших курсах (что с поправкой на эпоху можно считать занятиями по информатике). Физические занятия находятся под контролем врачей.

Каждый поток имеет своего старосту, ответственного перед начальником факультета за дисциплину на потоке.

Здание школы окружено просторным парком, где курсанты могут проводить свободное время. Одним из популярнейших развлечений являются четырёхмерные шахматы. Питаются студенты в общей столовой.

При существующей системе воспитания и социализации, как представляется Стругацким, вероятность появления людей, сознательно совершающих преступления против личности, исчезающе мала, преступления с целью обогащения не имеют смысла, поэтому противоправные деяния совершаются либо по небрежности, либо из лучших побуждений, либо в силу непреодолимых внешних обстоятельств (трагедия на острове Матуку, «Волны гасят ветер»). Функции следствия выполняют подразделения тех организаций, к компетенции которых относится неправомерная деятельность (например, КОМКОН-2 – в области проведения запрещённых научных разработок и чрезвычайных происшествий с невыясненными причинами), а функцию судебной власти при необходимости выполняют советы соответствующего уровня.

Нужно отметить, что этот момент также представляет интерес для осмысления: наличие самого института санкций, пусть и в таком виде – ставит вопрос и о механизме его реализации и тех организационных формах, в которых он может

быть реализован в обществе, не имеющем особого аппарата принуждения.

Наиболее серьёзным наказанием является запрет на профессиональную деятельность, которая является основным средством самореализации и достижения социального признания для человека.

Решающую роль в этом должна сыграть «Великая теория воспитания». Хотя теория воспитания – в первую очередь именно педагогическая концепция, связанная с воспитанием детей, определённое содействие развитию нравственности должна оказывать и литература.

Целями и задачами «Высокой (Великой) теория воспитания» являются воспитание людей, главным наслаждением которых и главной потребностью является творческий труд. Стругацкие ставят перед ней задачу не столько передачи наставлений, сколько обучения людей анализу: «Мы должны заставить людей думать глубже, мыслить шире, воспитывать отвращение к грязи и невежеству»[240].

По мнению Аркадия и Бориса Стругацких, педагогика должна научить людей контролировать слепые инстинкты, привить убеждение в том, что другой человек – его товарищ и друг, а цель его жизни – познавать на благо людей, дать как можно больше пищи для утоления духовного голода человечества[241].

Именно развитие педагогики, по мнению Аркадия и Бориса Стругацких, должно стать причиной изменений в политическом устройстве.

Ведущее значение ей, как науке, которая позволит создать нового человека, Стругацкие стали придавать ещё в 60-е гг.: «Это, может быть, покажется несколько необычным, но мы убеждены в том, что нет сейчас более важной науки, чем педагогика. Мы убеждены, что самое ближайшее время в ней должны произойти большие перемены. Ведь педагогика – наука о воспитании нового человека. Совершенствуя мир, человек должен совершенствоваться сам. В коммунистическом обществе люди не будут знать, что такое подлость, несправедливость, трусость, эгоизм…»[242]

По прогнозу Стругацких, создание «Великой Теории Воспитания» могло стать возможным к 2000 году, когда, по их мнению, должны были быть решены все международные конфликты и прекращены все войны, которые, судя по их произведениям, посвященным концу XX–XXI векам, должны были разрешиться победой стороны стран социализма. Однако в романе о Полдне они делают перерыв и переносят мир победившего коммунизма к XXII веку.

Задача педагогики, по их мнению, – развить потенциал каждого человека, определить его талант и не только:

> *«В огромном большинстве стран мира воспитание молодого поколения находится на уровне XIX столетия. Эта давняя система воспитания ставит своей целью, прежде всего и по преимуществу подготавливать для общества квалифицированного участника производственного процесса. Все остальные потенции человеческого мозга эту систему практически не интересуют. Неиспользование этих потенций имеет результатом неспособность индивидуума к восприятию гигантски усложнившегося мира, неспособность связывать примитивно-психологически несовместимые понятия и явления, неспособность получать удовольствие от рассмотрения связей и закономерностей, если они не касаются непосредственного удовлетворения самых примитивных и архаичных социальных инстинктов. Однако неиспользованные потенции остаются скрытой реальностью человеческого мозга, и в них залог грядущего прогресса человечества».*

«Теория Воспитания», по Стругацким, должна уметь находить талант в подростке и взращивать этот талант наиболее эффективным и естественным способом. «… Как быть с неприятными, традиционно малоаппетитными профессиями? Два обстоятельства внушают определенный оптимизм в этом вопросе. Во-первых, человеческие пристрастия и склонности воистину безграничны. А во-вторых, человек всегда делает хорошо ту работу, которая у него «идет», и чем лучше у него получается, тем с большим удовольствием и самоотдачей он трудится».

В основе реформы образования, которую предлагают Стругацкие, – идея того, что воспитанием детей должны заниматься профессионалы. Отдавая себе отчёт в том, что многие родители будут против, Стругацкие всё же выступают за создание качественных школ-интернатов[243]. Но этим реформа не ограничивается:

> *«Не менее одной десятой, а то и одной седьмой всего человечества будут преподавателями. Каждый преподаватель будет работать с небольшой группой учеников, которую он поведет с самого начала до самого конца. Методы – телевизионный, гипнопедический – предсказывать не берусь. Но вот то, что педагог станет вторым родителем, утверждаю. Потому что будет*

авторитетнее нынешних учителей, ибо прожил большую и, главное, интересную, значительную жизнь, потому что будет добрее, умнее, необходимее»[244].

Понятно, что вопрос о преимуществах воспитания в семье или в школах-интернатах является неоднозначным и сложным. Акцентируя внимание на системе общественного воспитания, Стругацкие исходили из нескольких моментов: наличия у педагогов профессиональной подготовки, отсутствующей в семье; преимущества воспитания в коллективе, среди таких же, как ты, и возможность усвоения норм взаимодополнения и взаимовыручки; создания условий для выявления и развития природных способностей.

Понятно также, что условия сегодняшнего дня и опыт современных детдомов ставят многие вопросы по поводу осуществимости и плодотворности данной идеи.

Ее оценка не входит в задачи данного исследования. Однако можно отметить, что, выдвигая и отстаивая эту идею, Стругацкие имели в виду не сегодняшнее общество и не сегодняшнее состояние интернатов: как однажды сказал уже в 2000-е годы Б. Стругацкий, если бы подобный опыт попытались осуществить сегодня, то в лучшем случае удалось бы наладить производство дисциплинированных солдат.

При этом, отстаивая свою идею, они имели в виду как условия общества, по их мысли, ставшего единой семьей, так и то, что в их интернат-системе предполагалось сохранение связи подростков с их родителями.

Безусловно, можно говорить и о том, что выдвигая ее, они во многом опирались на опыт успехов А. С. Макаренко и С. Т. Шацкого.

В целом Мир Полдня Стругацких является миром раскрывшего свои способности человека. Его в известном смысле можно было бы характеризовать знаком бесконечности: он начинается с человека, для которого в жизни нет большего наслаждения, чем его труд – и заканчивается им же, как продуктом этого труда, он раскрывает в нем свои способности и он развивает в процессе труда свои способности.

Мир для человека этого общества не носит характер враждебности в своей непонятности – но и не носит характер жертвы, «покоряемой человеком». Даже в более позднем произведении, посвященном этому миру, в романе «Обитаемый остров», Стругацкие показывают героя, попавшего на неизвестную ему планету постоянно улыбающимся. Проблемы встреченного гибнущего мира приводят к тому, что улыбаться он перестает, но

в данном случае для понимания того общества, которое описали авторы, важно, что для его представителя радостная и приветливая улыбка – это норма его состояния: он дружелюбен, потому что его общество – это общество дружелюбия. И Дружелюбие – то состояние, с которым воспитанный в нем человек встречает все неизвестное.

Сказанное не означает, что мы не можем отметить те или иные проблемные и противоречивые моменты в описанной Стругацкими картине Мира Полдня, в частности, связанные с описанием системы воспитания: вопрос о возможности воспитания из каждого ребенка талантливого творца, о соотношении семьи и школы в условиях, где все дети воспитываются в интернатах и ряд других. Представляется, что эти и другие проблемные моменты утопии Стругацких заслуживают отдельного изучения в контексте всего их творческого наследия. Однако важно, что сами по себе моменты противоречивости созданная Стругацкими модель содержала, и более того, они и сами не считали свой мир лишенным конфликтов, противоречий и стимулов к развитию – и как раз исходя из этого, последующие свои произведения о Мире Полдня посвятили именно осмыслению таких противоречий.

Собственно, воспитание для них, наряду с трудом и самореализацией человека, является одним из главных моментов, характеризующих общество Полдня. Говоря о создании в описываемом обществе «Высокой Теории Воспитания», они имели в виду новое состояние педагогической системы, главным в которой должно было стать умение раскрыть и развить в каждом человеке присущий ему талант, в результате чего он получал бы возможность реализовать его в своем свободном и доставляющем ему радость труде.

2.2. Критическая Утопия – противоречия идеального

Описание общества Полдня у Стругацких, по сути, оказалось новым типом Утопии – «Критической Утопией», которая и создала основу для их реалистического сценария. Суть предлагаемого термина и понятия заключается в том, что, если – а) традиционная утопия рисует мир, с одной стороны, предлагаемый в качестве альтернативы существующему, с другой – являющийся неким желаемым идеальным миром, а, – б) антиутопия – рисует социум, где все проблемы и противоречия сегодняшнего дня доведены до своего крайнего, пугающего состояния, то в) критическая утопия рисует желаемый мир – но показывает и анализирует его возможные противоречия. При этом она не отрицает данный мир, не призывает от него отказаться, а констатирует, что все историческое движение заключается в разрешении противоречий – и каждое начало должно нести их в себе в силу самой диалектической логики развития.

Создание любой новой утопии – это сознание и конструирование новых противоречий, новые противоречия – создание условий для реализации еще более совершенной и высокой утопии, как меняющей мир реальности.

В этом отношении критическая утопия Стругацких, как описание будущего мира в его противоречивости и проблемах, может быть соотнесена с «практопией» О. Тоффлера, который в своей «Третьей волне» предлагает описание цивилизации будущего, каковое, по его словам, «…вряд ли можно назвать утопией. Она столкнется с серьезными проблемами… Все это и многое другое вызовет бурю страстей. Но цивилизация Третьей волны – это также и не антиутопия. Это не «1984» и не «Прекрасный новый мир», воплотившиеся в реальность»[245].

В рамках реалистического сценария Стругацкие описывают мир в его несовершенстве и проблемности – и потому это описание не является классической утопией. Но эти проблемы не таковы, чтобы представить этот мир худшим в сравнении с существующим – что отличает его от антиутопии. Это в обоих случаях остается общим – своего рода несовершенство описываемого мира.

Однако существенным различием является по-разному понимаемая природа этого несовершенства. Для О. Тоффлера проблемы его практопии – это в основном так и не решенные проблемы современного мира или усугубившиеся проблемы: «Не

лучший и не худший из возможных миров, но мир практичный и более благоприятный для человека, чем тот, в котором мы живем. В отличие от утопии в практопии есть место болезням, грязной политике и дурным манерам…». Стругацкие, напротив, описывают мир, где проблемы сегодняшнего общества в основном решены. Для них описываемое общество было венцом всего предыдущего исторического развития, но, являясь диалектиками и марксистами, они полагали, что описанный ими мир, в котором будут разрешены противоречия сегодняшнего дня, сам не может не содержать новых противоречий.

Исследование их творчества позволяет говорить как минимум о четырех выделяемых ими группах проблем, с которыми в будущем могло бы столкнуться прогнозируемое ими общество: l) ограничения технократического типа развития; 2) несоответствие между уровнем развития Мира Полдня, овладевшего законами общественного развития, и теми отсталыми обществами, с которыми он гипотетически должен был столкнуться при освоении Вселенной; 3) противоречие между увеличивающимся могуществом человека и природой; 4) противоречие между моральной ответственностью за судьбу тех обществ, которые находятся на более низкой стадии развития, – и невозможностью навязать последним свой опыт, ценности и свое понимание исторического прогресса.

При этом прогнозирование проблем будущего у Стругацких опиралось на осмысление тех или иных современных им проблем, но развивалось и прогнозировалось в их последующем развитии.

2.2.1. Тупики технократизма

Рассматривая будущее общество как общество познания и высоких технологий, в работах 1960-х гг. Стругацкие описывают этап его развития и освоения мира, основанный на звездоплавании; в работах 70-х уже активно используется телепортация – именно эксперименты в ее области привели к катастрофе на Далекой Радуге. С одной стороны, можно было бы сделать вывод о том, что произошедшая катастрофа и возможные жертвы были не напрасны, но именно в этих романах описываются наиболее глубокие моральные и политические проблемы, встающие перед людьми будущего.

В 1990-е годы Б. Стругацкий напишет, что идея автоматического порождения научно-техническим прогрессом социального, зародившаяся в недрах XIX века, «века пара и электричества», не имеет определенного автора и порождена успехами «первой НТР и головокружительными победами

второй». И скажет, что, по его мнению, эта идея казалась простой и доступной, что и сделало ее привлекательной, но уже в XX веке она не оправдала себя.

Собственно, и о самом этом веке Борис Стругацкий пишет, как об уходящем, оставляющем «руины великих идей и прекрасных иллюзий. Новых идей и новых иллюзий он, кажется, не породил. Зато породил много новых страхов»[246].

В какой-то момент Стругацкие, по его словам, задумались над вопросом: «Возможно ли стабильное общество, в котором высокий уровень благосостояния сочетается с полным отсутствием свободы слова и мнений»[247].

Более того. Именно такое общество им казалось хотя и имеющим свои ограничения и в чем-то им не импонирующим – но наиболее вероятным и эффективным. Однако они констатировали, что хотя оно и выглядит наиболее разумным – ни в какую эпоху его создать не удавалось.

По мысли Стругацких, одно лишь развитие естественных наук и технического прогресса не является достаточным условием для прогресса социального. Оно грозит переходом в стадию диктатуры технократизма, с одной стороны, и отставанием культурной и моральной сфер развития социума с другой. Необходимым условием прогресса для Стругацких является познание обществом законов собственного развития. Только осознав их, «прогрессоры» получают возможность целенаправленно воздействовать на развитие общества, уберегая его от возможных тупиков истории и направляя на основной путь прогресса.

Мир Полдня не только желателен – он естественен как продукт прогресса. Но он не может быть его конечным пунктом. Это стадия, которая будет длиться достаточно долго, но которая сама будет иметь свои проблемы и свое будущее: «Коммунизм – это последняя и вечная битва человечества, битва за знание, битва бесконечно трудная и бесконечно увлекательная. И будущее – это не грандиозная богадельня человечества, удалившегося на пенсию, а миллионы веков разрешения последнего и вечного противоречия между бесконечностью тайн и бесконечностью знания»[248].

Постоянное поступательное развитие в этом обществе гарантируется тем, что предметы познания в отличие от предметов потребления бесконечно разнообразны, и насыщение ими произойти не может.

Для выхода из стадии диктата технократизма Аркадий и Борис Стругацкие предлагают усилить гуманитарный акцент в «Великой Теории Воспитания». Система образования должна

готовить не будущих работников, не энциклопедистов и не учёных-естественников. Хотя двигателями научно-технического прогресса в первую очередь являются математика, физика, биология, химия, чистого научного прогресса недостаточно для создания идеального общества. Необходимо воспитание морали и нравственности людей, а такое воспитание может дать только культура[249].

2.2.2. Человека и природа – могущество и бессилие хайтека

К проблеме *отношения человека и природы* (экологическая проблема в собственном смысле слова, проблема последствий воздействия на природу человека, достигшего технического могущества) в высокотехнологическом обществе будущего Стругацкие обращаются уже в 1962–1963 гг. при написании повести «Далекая Радуга». Формально поводом для нее стала демонстрация в июле 1962 года в Москве фильма Стенли Крамера «На берегу» («Конец света»), в котором описывалось медленное умирание остатков человечества после окончания ядерной войны.

В повести они выстраивают прогностическое размышление о ситуации в пространстве описываемых ими трех проблем: отношений «машина-человек», «техническое могущество человека и природа», «человек и человек» в условиях человеком же порожденной катастрофы.

«Далекая Радуга» – комфортная и благоустроенная планета, превращенная человечеством одновременно в нечто среднее между Академгородком, санаторием творчества и пионерлагерем. Не полигон, а комфортная творческая зона, в которой предполагается проведение экспериментов, но экспериментов заведомо не несущих в себе опасности для там же находящихся детей и отдыхающих.

Все проводимые эксперименты – изначально заведомо безопасны, поэтому и возможно их проведение на данной планете-курорте. Но все они – эксперименты, и как таковые – вторгаются в пространство для человека непознанное. Все они проводятся с использованием надежной и безопасной техники, причем ее безопасность гарантируется научным и техническим могуществом человечества. Однако именно поэтому данная техника способна к вторжению в область непознанного во всем объеме своего могущества. И результатом эксперимента с использованием существующего потенциала становится пробуждение катастрофического ответного действия не менее могущественных и на тот момент непознанных сил.

Стругацкие предсказывают и описывают ситуацию, при которой соединение трех в отдельности позитивных начал: стремления к познанию, научно-технического могущества и, казалось бы, гарантированной им безопасности приводят к превращению их из инструмента овладения силами природы в инструмент уничтожения природой человека.

В ходе повети описывается и один из ранее проведенных экспериментов – попытка симбиоза человека и машины, технобиологического соединения интеллекта группы добровольцев с возможностями мощной электронно-вычислительной машины. Эксперимент вышел из-под контроля: считается, что он был остановлен – и был засекречен. Судьба его участников неизвестна, но в повести действует один из них. Парадоксом данного интеллектуального синтеза становится то, что он, неся в себе начало человеческого сознания и возможностей ЭВМ, в этом отношении может все – и все знает. Все может рассчитать, предсказывает будущее, но уже ничего не хочет. И неограниченность средств соединяется с полным отсутствием целей и способностей их ставить.

Соединяя и сопоставляя две проблемы обретения могущества, авторы обрисовывают дилемму двух вариантов его последствий. В одном оно оказывается ограничено им же вызванной катастрофой, в другом, став неограниченным, становится бессмысленным, поскольку не имеет цели своего применения.

Одновременно катастрофа и угроза общей гибели выявляет то, в чем человек остается человеком и что оказывается для него главным. По сюжету повести у населения планеты есть два, причем маловероятных, шанса на спасение. Одни – в короткие сроки вырыть глубинную шахту, где удастся спасти всех – но успеть вырыть ее практически невозможно. Второй – на небольшом звездолете попытаться спасти немногих – явное меньшинство. И нужно выбирать между спасением наиболее талантливых и ценных для науки и искусства (на планете – санатории творчества) и результатов их труда, или детей (на планете – пионерлагеря).

Повесть заканчивается решением спасать детей и постулируемым Стругацкими тезисом о приоритетности будущего, которое важнее созданных богатств в настоящем, даже если это богатства науки. Судьба оставшихся на планете оказывается за рамками повести: они могут рассчитывать только на создание укрытия, успеть создать которое – невозможно.

В последующих работах Стругацких появляются некоторые из тех, кто по логике вещей был обречен на гибель: неявно авторы констатируют, что укрытие было построено, то есть

постулируется, что люди, оставшиеся людьми и имеющие цель, способны ее достичь даже тогда, когда по любым формальным оценкам не имеют средств ее достижения.

И здесь они проводят еще одно сопоставление: между теми, кто не имеет средств и шансов достичь цели, но имеет саму цель – и теми, кто обладает всеми средствами для достижения любой цели – но оказывается бессильным, не имея цели, отдавая моральный и исторический приоритет первым.

2.2.3. Отсталые общества: вмешательство и невмешательство

Вслед за проблемами отношений человека с природой в рамках его преобразующей и научно-исследовательской деятельности («Далекая радуга») они подходят к проблематике *отношений будущего общества с цивилизациями,* находящимися на более ранних ступенях развития. К вопросам вмешательства или невмешательства в их историю, к вопросам отношений с властью, становящимися для них одним из основных моментов исследования человека как субъекта и объекта в политике.

Тема взаимодействия общества Полдня со встреченными им и его представителями цивилизациями анализируется Стругацкими начиная с 1962–1963 гг. Проблемы вмешательства-невмешательства в историческую судьбу других культур рассматривается в серии произведений: «Попытка к бегству» – где герои случайно сталкиваются с планетой на раннем феодальном этапе развития, повести «Трудно быть богом» – где свой выбор приходится делать сотруднику Института экспериментальной истории, находящемуся в обществе примерно адекватном уровню европейского развития XV–XVI века, в романе «Обитаемый остров» – где герои действуют на планете и в стране, пережившей атомную войну на этапе развития, схожем с серединой земного XX века, и аналогично – в повести «Парень из Преисподней» – причем в последних двух произведениях речь идет уже о том, что они называют термином «прогрессорство», – сознательная профессиональная деятельность по ускорению исторического прогресса отсталых обществ.

Сначала эта тема звучит в «Попытке к бегству», где показывается, что импульсивное вмешательство может нести гибель и несчастье тем, кому субъект действия пытается оказать помощь. И уже развернуто показывается в одном из их центральных романов – «Трудно быть богом».

Художественными средствами Стругацкие создают четыре модели ситуаций, позволяющих им рассмотреть четыре разных

уровня проблемы.

Первая – модель вмешательства в существующие политические отношения при пренебрежении изучением реальных обстоятельств, с которыми сталкивается вмешивающаяся сторона. Движимые лучшими побуждениями люди полагают, что спасают безусловно нуждающихся в спасении каторжников, но на самом деле лишают их близкой свободы. Люди, столкнувшись с бесспорно варварским обществом, пытаются вмешаться в жизнь его обитателей – каторжников, которых в мороз и полуголых запрягают в сани и заставляют везти их надзирателя. Но надзиратель везет документы об их освобождении, и после того, как они достигли бы заставы – они должны были получить свободу, не довезя – будут обречены на вечную каторгу.

Стругацкие ставят вопрос о том, что незнание норм, ценностей и обычаев общества, представителям которого носитель добра хочет помочь, оборачивается трагедией в первую очередь для тех, кому, казалось бы, и оказывалась помощь.

Проблема имеет два аспекта, в разной степени связанные с темой прогресса.

В первую очередь – возможно ли изменить исторический путь общества? После выхода «Попытки к бегству», они вступают в полемику с К. Андреевым, утверждавшим, что возможно и ускорение прогресса, и перешагивание через его этапы. Так среднеазиатские республики вступили в период строительства социализма, минуя капиталистический период развития. Молодые африканские государства уже не повторяют пути, пройденного народами Европы.

К. Андреева в данном случае можно считать выразителем общепринятой позиции, но герой Аркадия и Бориса Стругацких действует по собственной логике, потому что авторы стоят на позиции ограниченной возможности форсирования прогресса, а в период написания «Попытки к Бегству», возможно, задаются вопросом о гипотетической невозможности такого форсирования[250].

В первую очередь проблема вмешательства ставит вопрос о том, возможно ли изменить исторический путь общества. Стругацкие отвечают скорее отрицательно. В этом отношении прогресс для них инвариантен и конечной точкой его является «идеальное общество».

Вторая описываемая ими модель – соблюдение добровольно принятого запрета на вмешательство при понимании происходящих в обществе процессов и осознании трагичности последствий своего невмешательства («Трудно быть богом»).

Анализ ситуации, при которой человек, обладающий знанием и законов истории, и существующих отношений в обществе профессионально наблюдает за развитием событий – и понимает, что оно ведет к катастрофе. Но, с одной стороны, наблюдателям с Земли просто запрещено вмешиваться в ход событий, хотя их мораль коммунаров требует от них вмешательства, с другой – они все время стоят перед проблемой того, насколько результативным окажется их вмешательство.

Концентрированно эта проблематика изложена в диалоге представителя Земли (Румата), со спасенным им ученым Будахом: и вопрос о том, что любое вмешательство в местную историю либо приведет к кровопролитию, но не улучшит ситуацию, либо обречено лишить людей своей истории – уничтожит одно человечество и создаст на его месте новое.

В третьем случае («Обитаемый остров») Стругацкие моделируют отношения, когда вмешательство осуществляется и при наличии средств воздействия на ситуацию, и при понимании проблем сложившейся ситуации. Однако, с одной стороны, встает вопрос о подлинной и мнимой субъектности вмешивающегося актора, с другой – об отсутствии понимания и прогнозирования последствий решения задач, оказывающихся лишь проявлением более глубокой проблемы. Оказавшись в социуме, где олигархическая военная диктатура пытается ликвидировать последствия проигранной войны, используя систему лучевого воздействия на психику, землянин Максим Каммерер не понимает происходящего и включается в борьбу против явно репрессивного режима. Цель борьбы кажется понятной – уничтожение системы излучения. И ее удается достичь. Но, во-первых, оказывается, что на каждом этапе он становился орудием противоборствующих сил.

Как говорит ему местный философ, «советую Вам помнить: не знаю, как в вашем мире, а в нашем – никакая сила не остается долго без хозяина. Всегда находится кто-нибудь, кто старается приручить ее и подчинить себе – незаметно или под благовидным предлогом…»[251].

Человек, предполагающий, что является субъектом политического действия, на самом деле оказывается объектом чужой манипуляции.

Во-вторых, в результате становится ясно, что ситуация куда тяжелее, чем кажется: уничтожение излучения, сохранявшего остатки управляемости, лишь провоцирует центробежные процессы и внешнюю агрессию, а надежды на революцию – наивны и строятся на непонимании сложившейся ситуации:

«Ты многое забыл, – проворчал Странник. – Ты забыл про передвижные излучатели, ты забыл про Островную Империю, ты забыл про экономику… Тебе известно, что в стране инфляция?.. Тебе вообще известно, что такое инфляция? Тебе известно, что надвигается голод, что земля не родит?.. Тебе известно, что мы не успели создать здесь ни запасов хлеба, ни запасов медикаментов? Ты знаешь, что это твое лучевое голодание в двадцати процентах случаев приводит к шизофрении? А? – Он вытер ладонью могучий залысый лоб. – Нам нужны врачи… двенадцать тысяч врачей. Нам нужны белковые синтезаторы. Нам необходимо дезактивировать сто миллионов гектаров зараженной почвы – для начала. Нам нужно остановить вырождение биосферы…».

А надежды на революцию – наивны и строятся на абсолютном непонимании сложившейся ситуации:

«А дальше должна начаться революция. – Чего это ради? – Но Центр-то ведь разрушен, излучения больше нет… – Ну и что же? – Теперь они сразу поймут, что их угнетают, что жизнь у них дрянная, и поднимутся… – Куда они поднимутся? – сказал Странник печально. – Кто поднимется? Неизвестные Отцы живут и здравствуют, Гвардия цела и невредима, армия отмобилизована, в стране военное положение… На что вы рассчитывали?..

…Улица была пуста. Вдоль тротуаров катили навстречу бронетранспортеры с гвардейцами, а далеко впереди, там, где был поворот к департаменту уже стояли поперек дороги машины и перебегали фигурки в черном. И вдруг в колонне бронетранспортеров объявилась до тошноты знакомая ярко-оранжевая патрульная машина с длинной телескопической антенной. – Массаракш… – пробормотал Максим. – Я совсем забыл про эти штуки!»[252].

Второй, менее значимый аспект «проблемы вмешательства» – это вопрос о возможности и допустимости экспорта революции. Этот вопрос был практически значим в среде советской интеллектуальной и политической элиты, хотя и проистекал из проблемы отстранённой, вопроса об инвариантности прогресса и возможности его ускорения. Аркадий и Борис Стругацкие выступают против экспорта революции, но за экспорт идеологии[253].

В четвертой модели («Парень из преисподней») Стругацкие рассматривают вариант успешного, казалось бы, вмешательства в ход развития, но оборачивающегося ценностной катастрофой. Страны спасают от взаимоуничтожения в войне – и спасают, вывезя на Землю, погибающего бойца из этой страны, для которого спасение и пребывание в почти идеальном обществе Земли оборачивается кризисом и катастрофой гибели всех прежних ценностей и смыслов жизни.

Как представляется, можно говорить о четырех постулатах, содержащихся в политической философии Стругацких:

1) недопустимо вмешательство, даже с самыми лучшими намерениями, в жизнь общества, нормы и ценности которого тебе непонятны и неизвестны;

2) недопустимо и бессмысленно силовое вмешательство;

3) недопустимо вмешательство в политические отношения, являющиеся производным от неизвестных тебе и не понимаемых тобой процессов, даже если формальные контуры этих отношений для тебя ассоциируются с не отрицаемыми тобой образцами;

4) недопустимо вмешательство, приводящее к нравственной катастрофе и утрате ценностей для тех, чью жизнь ты желаешь улучшить.

2.2.4. Проблема «прогрессорства» и моральный выбор прогрессоров

Обозначив эти проблемы, Стругацкие оказались перед новым противоречием: *получалось, что общество будущего, познав законы социального развития и научившись управлять им, оказывается не в силах помочь обществам, с ними еще не знакомым.* Знание оказывается не универсальным – им может воспользоваться только тот, кто пришел к нему на своем опыте.

Тогда получается, что описанный ими Мир Полдня оказывался обречен на своего рода трагедию Кассандры: понимание путей возможной помощи отстающим и того, как они могли бы оптимизировать свое развитие – при невозможности передать им это знание.

И следующий вопрос, который встаёт перед Аркадием и Борисом Стругацкими: что же в этих условиях возможно сделать, чтобы способствовать ускорению развития общества? В «Трудно быть богом» они предлагают метод «бескровного воздействия», анализируют – и одновременно ставят его под сомнение. Этот метод заключается во всяческом содействии развитию культуры, спасении мыслителей от преследований, то есть в сохранении и развитии интеллектуального фонда человечества, его

достижений. В то же время метод «бескровного воздействия» исключает силовые воздействия и попытки уничтожения реакционных сил, действующих в обществе.

Отсюда рождается идея «прогрессорства», которую они развивают в последующих работах. В широком смысле это понятие подразумевает любого человека, стремящегося внести в общество позитивные изменения и приблизить его к стадии «идеального общества». В середине 60-х гг. в переписке с Генрихом Альтовым относительно сущности фантастики и методов борьбы с художественной халтурой Аркадий и Борис Стругацкие высказывают, по сути, адаптированную версию этого метода – необходимо писать хорошие книги и читать хорошие книги – и тем самым осуществлять экспансию искусства и знания, того, что они называют «экспортом идеологии».

В обращении к данной проблеме можно увидеть определенную аналогию с темами, поднимавшимися в свое время ведущим теоретиком евразийства Н. С. Трубецким в работе «Европа и человечество». Отмечая, что провозглашение превосходства европейской культуры над остальными является лишь формой своеобразного «германороманского шовинизма», он в качестве одного из основных выводов давал отрицательный ответ на вопрос о возможности полного приобщения целого народа к культуре, созданной другим народом.

Собственно, и Стругацкие постулируют тезис о том, что привить автоматически ценности одного общества другому – либо невозможно, либо означает уничтожить одно человечество и создать на его месте другое. Вместе с тем в этих двух позициях есть и существенное отличие. Н. С. Трубецкой скорее считал, что разные народы развиваются разными путями, и уровни их развития, в конечном счете, не подлежат сравнению по неким общим критериям. Стругацкие исходят из идеи об общих законах исторического развития, единых для всех обществ, – но ставят вопрос о проблеме совмещения действий по ускорению исторического прогресса того или иного общества с сохранением системы его ценностей и культуры.

Политические идеи Аркадия и Бориса Стругацких этого периода базируются на социальном оптимизме. Но, сформулировав метод «бескровного воздействия», они тут же ставят его под вопрос: «прогрессор» вынужден наблюдать, как реакционные силы уничтожают людей как средних, так и лучших, потому что спасти каждого невозможно, не применив насилия.

Это их первое обращение собственно к проблеме прогресса, и они ставят вопрос о средствах, которые допустимо использовать в чужой среде, о целях, которые должно ставить более развитое

общество при встрече с отсталым. Соответственно – возникает и проблема целей власти и средств, используемых ею, но и морального выбора, стоящего перед тем, кто принял на себя ответственность помощи отсталым обществам.

В 2000-е годы, разъясняя свою позицию, Б. Стругацкий в ответах на вопросы пишет: «Прогрессоры – это одна из профессий этого мира. Нам было совершенно ясно, что обязательно найдутся люди, которые по зову сердца займутся «спрямлением истории» других гуманоидных цивилизаций.

Внимательный читатель без труда обнаружит, что наши Прогрессоры – люди не слишком счастливые, и хлеб их не сладок. Братья-земляне их не любят и побаиваются, они – парии в Мире Полдня»[254].

По мысли Бориса Стругацкого, противоречие в том, что шансов помочь отсталым обществам почти нет, но стоять в стороне и смотреть на их проблемы люди тоже не могут:

> «Невозможно честному и доброму человеку спокойно существовать на этом свете, когда где-то льют кровь и мучают детей. Надо что-то делать. Спасать. Помогать… Уменьшить количество крови и грязи в этом мире, а там – будь что будет: таков был эмоциональный порыв каждого землянина, готового пойти в прогрессоры»[255].

При этом авторы видели две стороны прогрессорства – моральную, описанную выше, и более масштабную, «штабную», основанную на анализе ситуации с точки зрения познания исторических законов и разумности: большей или меньшей гуманности того или иного строя, степени его разумности, возможности утверждения и возможной будущей перспективы.

Но, главным, по мнению Б. Стругацкого, в профессорах является талант к сопереживанию и устойчивое стремление к справедливости – все остальное производив и влияет лишь на роль, которую нужно исполнять в общем процессе и непосредственное место работы: «Один, грубо говоря, идет в тыл врага разведчиком, а другой – в медсанбат, санитаром».

В его представлении «прогрессоры», выбрав свое место, обрекали себя и на отчужденность от общества Полдня (методы их работы общество не готово принять, хотя и готово понять), и на собственную моральную травмированность (невозможно видеть боль других и не пытаться помочь им, а помогая – необходимо использовать методы и средства, которые для их же морали малоприемлемы). При этом действовать там, где можно действовать только теми средствами, от использования которых

они и хотят эти общества избавить.

И в результате – возвращаться на Землю чужими для того общества, ценности которого прогрессор взялся утверждать в других мирах:

> «Ежегодно десятки прогрессоров возвращаются с чужих планет – свирепые зверюги, жесткие и шершавые как перчатки из акульей кожи. Каждый проходит рекондиционирование, заново приспосабливается к условиям Мира Полдня, где ему ничто не грозит и где он тоже не должен кому-либо грозить. По сути – та же проблема «нравственных уродов», причем – в массовых масштабах».

Помочь нельзя – но и не помогать невозможно. Стругацкие, выявляя проблему ответственности людей перед отстающими обществами и перед своей совестью, показывают, что в этом отношении возникала серия моральных парадоксов: мораль требовала избавить других от отрицаемых ею социальных практик, – но для избавления от них было необходимо погрузиться в мир этих практик. Вмешиваясь, они оказывались париями для тех, кто жил по ими же разделяемым нормам, не вмешиваясь – становились париями для самих себя.

Во всех произведениях, начиная с «Трудно быть богом», Стругацкие приходят к выводу о недопустимости силового вмешательства в жизнь иных сообществ – но, отвечая на вопрос, почему Румата, герой этого романа все же обнажил оружие в борьбе против существующей в этом мире диктатуры, Б. Стругацкий замечает: вопрос не в том, почему он это сделал – вопрос в том, почему он вмешался так поздно.

И здесь – некая перекличка со скрытыми моментами итога «Далекой Радуги»: все расчеты показывают, что успеть создать укрытие от катастрофы невозможно. Но невозможная цель становится возможной, если те, кто посвящает себя ей, не признают ее невозможности. Точно так же, как писал М. Вебер: возможное часто становилось возможным благодаря тому, что стремились к невозможному.

2.3. Прогресс и человек

Исследование работ Стругацких дает основания говорить, что в их рефлексии и их модели политического прогресса соединяются три мировоззренческие и ценностные начала:

• антропологический оптимизм;

• признание значимости и ценности исторического прогресса;

• представление о познаваемости и познанности законов исторического развития (в романе «Обитаемый остров» они используют термин «Теория исторических последовательностей»).

Ход истории для них является сочетанием:

• оптимистического сценария – поскольку прогресс, с их точки зрения, неодолим;

• реалистического: прогресс осуществляется через трагедии для человека и преодоление им препятствий;

• и пессимистического, который грозит осуществиться в случае, если человек откажется от прогресса из страха перед трудностями преодоления препятствий.

Представление о факторе прогресса как последовательного и неизбежного восхождения человеческого общества от низших стадий развития к высшим, для Стругацких является само по себе неоспоримым. Однако, в то же время, строя свою модель будущего мира именно на этой основе, они и его рассматривают не как беспроблемный процесс улучшения, а как сложный и рождающий свои противоречия путь восхождения и преодоления встающих на его пути препятствий. В своих работах они не дают отдельного определения данного термина, судя по всему, рассматривая его как интуитивно очевидный. Однако, исходя из общей логики их работ и представлений, можно сказать, что для Стругацких прогресс заключается в создании условий для освобождения и саморазвития человека, возможности для него посвятить себя свободному труду, становящемуся и для него, и для всего общества высшей целью и смыслом.

В целом, в понимании Стругацкими прогресса можно выделить четыре аспекта:

• представление о нем, как непреодолимом историческом процессе;

• проблема встречи человека с будущим, готовности его узнать, как по определению изначально незнакомого, не познанного состояния;

• проблема морального выбора человека, встающего перед ним в условиях такого соприкосновения с прогрессом;

• проблема последствий отказа от движения в будущее,

рожденного страхом перед встающими на этом пути проблемами.

2.3.1. Непреодолимость прогресса

И атмосфера времени, в которое сформировались философско-политические представления Стругацких, и основные постулаты идеологии, носителями и сознательными приверженцами которой они являлись, и присущий им антропологический оптимизм определяли естественность для них идеи инвариантности и неизбежности социального прогресса: «… через сто, двести лет действительно наступит время, когда – от каждого по способностям, каждому по потребностям, когда – изобилие материальных благ, нет необходимости вцепляться друг другу в глотки, когда – разработана теория воспитания, и с детства человека выращивают добрым и хорошим, а значит, мир постепенно населяют только добрые и хорошие люди, когда, наконец, будут реализованы вещи, казавшиеся разумными еще тысячелетия назад»[256].

В начальный период их творчества, когда они пишут цикл о «Ближайшем будущем» – конце XX – начале XXI века и исходный роман о Мире Полдня, идея прогресса существует для них в своего рода «снятом виде» – новое, коммунистическое общество, по их мысли, утвердится просто потому, что это естественно и быть иного не может. Прогресс присутствует в результате – и сам по себе не подвергается анализу.

Однако как только картина будущего становится для них законченной в ее позитивном содержании, они обращаются к ее углубленному анализу, встают перед проблемами противоречий будущего и контакта с обществами прошлого. Противоречия будущего ставят перед выбором либо их преодоления, либо остановки развития, встреча с прошлым – перед проблемой возможности ускорить движение отсталых обществ к будущему. В обоих случаях речь идет об отношении к прогрессу, и он сам становится для них объектом рассмотрения.

Уже в первой их проблемной повести о будущем, «Попытке к бегству», кроме затронутой выше темы недопустимости произвольного вмешательства в непонятный тебе социум, присутствуют два проблемных образа. Первый – «дорога машин» по которой идет бесконечное движение непонятных движущихся механизмов, абсолютно несоответствующих раннефеодальному этапу существующей на планете цивилизации и который является символом «неуклонности хода Истории, который (ход) задан не нами и не нам его изменить»[257]. Второй – образ одного из землян, попавших на эту планету вместе с людьми будущего,

Саула, сумевшего бежать с гитлеровской каторги и оказаться в будущем. В конце повести он осознанно возвращается обратно и гибнет в схватке с преследующими его нацистами, придя в прочтении Стругацких к мысли, что никто не имеет права на подарок в виде счастливого идеального будущего – не «отстреляв последнюю обойму в бою с прошлым»[258].

В прологе «Трудно быть богом» есть образ старой заброшенной дороги («анизотропное шоссе») с дорожным знаком запрета движения («кирпичом»), по которой герой произведения пошел. Пошел, чтобы не прийти никуда. Этот же сюжет вспоминается и в эпилоге, когда его друзья обсуждают его действия в стране, где он был земным наблюдателем и где сделал попытку вмешаться в события: «Я теперь часто вспоминаю это шоссе, – сказал Пашка. – Будто есть какая-то связь… Шоссе было анизотропное, как история. Назад идти нельзя. А он пошел. И наткнулся на прикованный скелет»[259].

По мысли Стругацких, развитие человеческого общества осуществляется через решение тех проблем, которые в современной ему действительности не позволяют человеку в полной мере реализовать все свои потенциальные способности.

> *«Проблемы эти, как и многие другие, старые и новые, легче всего было бы решить в результате утверждения и полной победы во всей массе человечества новых, коммунистических представлений»*[260].

Но и постулируя это положение, Стругацкие вставали перед новой проблемой: что станет основой развития человеческого общества Мира Полдня:

> «Где у Мира Полдня стимул к развитию? И есть ли он вообще, такой стимул? Мы не нашли ответа на этот вопрос. Мы только придумали Вертикальный Прогресс, как символ выхода человечества из плоскости привычных представлений и задач в некое новое пространство (оставшееся для нас вполне таинственным)»[261].

Понятие «Вертикальный Прогресс» упоминается во многих случаях, но все время авторы подчеркивают, что оно не имеет позитивного определения и означает одно: иной тип прогресса, по сравнению с существовавшим до этапа описанного ими мира. Последний имеет грубый стимул к выживанию, внутреннюю или внешнюю агрессию – общество, избавленное от этих угроз, должно развиваться на иных началах, что единственно и

подчеркивается авторским термином[262].

Но вводя понятие, которое они по изначальному определению признавали непознанным, и одновременно признавая его родство с прогрессом прежнего типа, Стругацкие по существу обозначали определенный момент непознанности в самом общем понятии: известно в чем Прогресс заключался до сих пор, известно – что он будет и в будущем – но неизвестно, каким он будет и что будет его двигателем. То есть, они в общем констатировали, что для человека оказываются известны проявления законов, действующих на данный момент – и в ближайшем будущем – но могут оказаться неизвестны их проявления в будущем.

Данная констатация ставила и новую проблему – способности уже не только к познанию, но к узнаванию будущего.

2.3.2. Узнаем ли Будущее

Не зная законов прогресса, люди могут оказаться не готовы определенно признать прогрессом или регрессом то событие, с которым сталкиваются в исторической и политической жизни.

Эта нота присутствует уже и в повести «Трудно быть богом», в споре работающих на планете сотрудников Института экспериментальной истории:

> «Павел, друг детства, эрудит, видите ли, знаток, кладезь информации… пустился напропалую по историям двух планет и легко доказал, что серое движение есть всего-навсего заурядное выступление горожан против баронов»[263]; – «Он никак не может понять, что нормальный уровень средневекового зверства это счастливый вчерашний день Арканара. Дон Рэба для него – это что-то вроде герцога Ришелье, умный и дальновидный политик, защищающий абсолютизм от феодальной вольницы. Один я на всей планете вижу страшную тень, наползающую на страну, но как раз я и не могу понять, чья это тень и зачем…».

Проблема будущего и его узнавания в метафорическом форме становится центральным вопросом повести, считающейся до сих пор не до конца понятой и одной из центральных в творчестве Стругацких – «Улитка на склоне». Здесь в метафорической форме моделируется противостояние, как начал, стремления в будущее – и самого будущего.

В повести две части и два объекта описания: Управление и

Лес. Основная функциональная цель, на достижение которой направлена деятельность Управления – это изучение Леса. При этом его сотрудники за Лесом наблюдают – в основном за внешними проявлениями его жизни – но абсолютно не понимают, что перед ними находится. Лес – живет своей жизнью, и разделен на живущих по обычаю и постепенно вымирающих жителей деревень и проводящих экспансию и переустройство лесной жизни женщин-амазонок, «боевых подруг».

При этом управление по не артикулируемой в повести мысли авторов – это Настоящее. Лес – Будущее. Не потому, что оно таковым прогнозируется: в этой работе Стругацкие не пытаются описать его черты. Речь идет о том, что, даже стремясь познать и понять будущее, настоящее может оказаться не в силах это сделать: они различны. Главный герой части об управлении все время стремится попасть в Лес-Будущее, главный герой части о Лесе-Будущем – все время пытается вернуться в Управление, но оба они оказываются не способны добиться своего.

Более того – каждый не понимает, с чем он имеет дело. Для авторов суть проблемы заключается в том, что, даже стремясь в будущее и пытаясь его исследовать и прогнозировать, можно оказаться неспособным его узнать при встрече.

В целом проблема оказывается существующей в трех плоскостях:

– может ли человек познать будущее;

– окажется ли он способен его узнать;

– как ему позиционировать себя по отношению к будущему, которое полностью расходится с миром его моральных ценностей.

Борис Стругацкий выделял в этом отношении два основных тезиса. Первый – что люди стремятся в будущее, ждут его и пытаются его познать – но в решающий момент могут его не узнать в том необычном, с чем сталкивает их жизнь.

Второй – что «вал прогресса» неизбежен и неотвратим. Он наступает – и ему во многом безразлично, что в своем наступлении он погребает под собой чьи-то жизни, судьбы и ценности. Противостоять ему, в конечном счете, бесполезно. И одновременно – с неизбежностью возникают ситуации, когда человек оказывается обречен пытаться ему противостоять[264].

При смене эпох на смену прежним социальным группам и политическим структурам приходят другие. В период их сосуществования они пребывают в неизбежном конфликте. Если разрушение политических структур приводит к хаосу, то уничтожение социальных групп уже называется репрессиями. Тем не менее, существование людей, которым не будет места в новом социуме, неизбежно. Так, не оказалось места в новом

социалистическом обществе российской аристократии. Какие социальные группы окажутся непригодными для будущих форм общества – неизвестно. Можно предположить, что для общества потребления будет непригодна интеллигенция. Относительно идеального общества предположения делать труднее.

В любом случае такие группы будут, и они неизбежно будут бороться с прогрессом: для них он не всегда является изменением к лучшему.

И в своих ответах на вопросы в 2000-е годы Б. Стругацкий особо подчеркивал, что реальное будущее просто будет. Причем будет – чуждым нашим сегодняшним представлениям, непонятным и лежащим за пределами понятий «хорошо-плохо» – что, собственно, они и пытались проиллюстрировать Лесом из «Улитки»[265].

При этом, впрочем, он не считал то, что не познано или не узнано принципиально непознаваемым или не вытекающим из сегодняшнего состояния общества: «По-моему, отказаться от принципа причинно-следственной связи означает отказаться от науки вообще. (Если мы только понимаем под этим принципом одно и то же.) Свобода же воли, как мне кажется, никак этому принципу не противоречит»[266].

То есть в любом случае прогресс и будущее человечества – это результат деятельности человека и его сознательного самоопределения в своих целях, – равно как и его морального выбора. Свобода, по его мысли, реализуется вдоль причинно-следственной цепочки, и свобода воли – это именно лишь возможность выбрать ту или иную цепочку.

Однако, что постоянно подчеркивали Стругацкие, вопрос разумности и обоснованности рационального выбора и рационального поведения – никогда не оказывается полностью свободен от вопроса о соотношении *разума и морали.*

2.3.3. Прогресс и Мораль

Прогресс и мораль – один из основных постулатов «Улитки на склоне». Его проблема и противоречие в том, что в своем наступлении прогресс безразличен к морали, он вообще вне морали – потому что моральные нормы всегда конкретно-историчны. Но человек, чью судьбу он затрагивает, не может находиться вне морали, он существует в рамках той или иной морали и той или иной системы ценностей. И представители социальных и культурных групп, связанные с прошлым, оказываются перед дилеммой. Они могут осознавать, особенно на уровне рационального суждения, что наступающая волна

изменений – и обоснована, и неодолима. Но в моральном плане – отказаться от своих ценностей для них оказывается невозможно и аморально, означает предательство своего мира и своей личности. Стругацкие видят в этом трагедию выбора, который приходится делать, и возможна, по их мнению, ситуация, когда для того, чтобы остаться самим собой и просто остаться человеком, последний должен пытаться противостоять прогрессу – хотя это и трагично, и бесполезно, и реакционно.

Думается, что Стругацкие здесь формулируют свое представление о глубинном противоречии человеческого развития.

По их мысли, человек не может воспрепятствовать ходу исторического прогресса, но он обладает свободой воли. Он детерминирован законами истории и политики, но он детерминирован и законами принятой для него морали. Законы истории направлены на разрешение проблем сегодняшнего дня, и они заставляют идти в будущее. Законы морали выражают отношения сегодняшнего дня и предыдущего опыта – и они, по мысли Стругацких, во многом обречены на разрыв друг с другом.

Мораль человека всегда выражает мораль его окружения и шире – его общности, его мира. Прогресс ведет к созданию нового мира, можно спорить, лучшего или худшего, но – другого. И человеку всегда приходится выбирать между двумя этими мирами.

Стругацкие подчеркивали, что само понятие прогресса находится вне морали. Но прогресс рождает будущее, которое, как и настоящее с неизбежностью характеризуется какой-либо системой нравственности, которая на деле меняется достаточно медленно. Для утверждения христианской морали Европе понадобились тысячелетия – и сложно прогнозировать сроки смены этой морали в данной цивилизации. Мораль отражает опыт прошлого, который систематически передается от родителей к детям. По мысли Бориса Стругацкого, этот опыт, конечно, не всегда отрицательный – просто потому, что люди в массе своей вовсе не всегда плохи, но отрицательным он оказывается непозволительно часто.

Об этом противоречии в выборе человека между его моральными ограничениями и требованиями разума Стругацкие писали в «Обитаемом острове», в одном из центральных эпизодов – монологе выводимого ими философа этого мира:

> *«Нетерпение потревоженной совести! – провозгласил Колдун. – Ваша совесть избалована постоянным вниманием, она принимается стенать при малейшем*

неудобстве, и разум ваш почтительно склоняется перед нею, вместо того, чтобы прикрикнуть на нее и поставить ее на место. Ваша совесть возмущена существующим порядком вещей, и ваш разум послушно и поспешно ищет пути изменить этот порядок. Но у порядка есть свои законы. Эти законы возникают из стремлений огромных человеческих масс, и меняться они могут тоже только с изменением этих стремлений… Итак, с одной стороны – стремления огромных человеческих масс, с другой стороны – ваша совесть, воплощение ваших стремлений».

И как сами добавляют в этом же фрагменте Стругацкие:

«Это смешно и антиисторично». И когда Максим, в ответ на большой монолог, фрагмент из которого автор считает важным привести в контексте рассматриваемого вопроса, возражает: «Не могу с вами согласиться… Совесть своей болью ставит задачи, разум – выполняет. Совесть задает идеалы, разум ищет к ним дороги. Это и есть функция разума – искать дороги. Без совести разум работает только на себя, а значит – в холостую», – Колдун отвечает: «Верно… Но идеалы потому и называются идеалами, что находятся в разительном несоответствии с действительностью… Я ведь только это и хочу сказать…: не следует нянчиться со своей совестью, надо почаще подставлять ее пыльному сквознячку новой действительности и не бояться появления на ней пятнышек и грубой корочки…»[267].

Выбор между моралью и прогрессом, моралью и разумом по мысли Стругацких всегда тяжел и создает для человека состояние некой пограничной ситуации – обе детерминанты близки к абсолютности, и на самом деле нет возможности априорно утверждать приоритет той или иной из них. На самом деле, вопрос, очевидно, в неком соотношении одного и другого начал, причем в каждом конкретном случае это соотношение может оказаться различным. Но именно ситуация этого выбора и позволяет человеку оставаться человеком, его состояние человека сохраняет именно то напряжение, та пограничность, в которую он попадает, оказавшись в ситуации выбора. Когда в 2000-е годы Б. Стругацкому задали вопрос о том, не стал ли бы герой «Трудно быть богом» отверженным на Земле, если бы не вмешался в события на той планете, где он работал, причем вмешался поздно и скорее с негативным результатом, автор ответил: «Не знаю. Но знаю точно: сам себе он бы такого невмешательства не

простил»[268].

Проблема в том, что, как полагали Стругацкие, выбор всегда осуществляется в конкретной ситуации, его всегда приходится делать заново, и в разных ситуациях он разный. Общий ориентир один: оценка велений совести по их соответствию воле и интересам миллионов. Стругацкие переводят противостояние морали и прогресса в плоскость противостояния совести, направленной внутрь себя и на свои приоритеты – и совести, направленной вовне – на устранение боли и сострадание к миллионам.

2.3.4. Страх перед будущим. «Проклятые миры» – удел убоявшихся

В каждом из рассмотренных выше сюжетов можно увидеть что ни будущее, ни сам ход прогресса Стругацкие не видели беспроблемными. Как уже отмечалось, по их мысли, прогресс и приход будущего – неотвратимы. Но эта неизбежность может осуществиться только через действия людей. Нельзя попасть в будущее, не выполнив свой долг в прошлом[269]. В повести «Гадкие лебеди» они показывают людей, оказавшихся не готовыми к будущему – и просто исчезающими вместе с уходящим прошлым. Поставленный новым поколением эксперимент прогоняет тучи, но в новом солнечном мире, перекликающемся своей солнечностью с «Утопией» Кампанеллы и названием основной книги самих Стругацких, для поколения родителей уже нет места – они исчезают вместе с дождем. В будущем, по мысли Стругацких, может найти себе место только тот, кто не будет его бояться.

Цикл Полдня насчитывает десять произведений. Из них описанию этого общества в его исключительно позитивных чертах посвящен лишь первый: «Полдень. XXII век. Возвращение». Девять остальных[270] посвящены анализу тех или иных проблем и противоречий описанного ими, казалось бы, идеального мира.

Однако, параллельно с описанием проблем будущего, в этих же работах и иногда – не входящих в данный цикл – описываются иные миры, которые носят явные черты антиутопии – условно автор определи бы их как «Обречённые миры», миры, которые постигла катастрофа, ставящая под вопрос саму возможность их дальнейшего развития.

Это Арканар в «Трудно быть богом», где средневековая власть приступила к сознательному уничтожению любых ростков близящегося Возрождения и его носителей, Сарракш в «Обитаемом острове», где стабилизация после атомной войны

достигнута подчинением людей гипнотическому излучению, которое сумела создать анонимная олигархическая диктатура, мир «Гадких лебедей», фашистско-традиционалистский режим Алайского герцогства в «Парне из преисподней», покинутая планета Надежда, жители которой ушли, уведенные представителями иной цивилизации, отказавшись самостоятельно ликвидировать последствия экологической катастрофы.

И особо – Город из «Града обреченного», ставший результатом непонятного эксперимента. Город, развивающийся без памяти о прошлом и без целей в будущем, где отсутствие смысла и целей было возведено в смысл проводимого эксперимента, бросающий старые кварталы и строящий новые на лежащем впереди него болоте, между обрывом с одной стороны, и стеной с другой.

Можно видеть в этом просто антиутопии Стругацких. Но главное в политико-философском плане, что все их объединяет – это не существующие в большинстве из них диктатуры, а отсутствие целей развития, отказ от прогресса. Используя понятие «отказ от прогресса» автор имеет ввиду не некое утверждение консерватизма и невосприимчивость к новому – речь идет именно о более или менее осознанном отказе от прогресса как такового, от целей движения в будущее. В разных из описанных социумов это вызвано разными непосредственными причинами и происходит по-разному – но обобщение материала заставляет делать вывод, что в данных описаниях Стругацкие, подобно тому, как в мире Полдня они моделировали образы будущего и его проблемы – здесь моделировали последствия отказа от будущего, вызванного страхом перед его проблемами и сложностями движения по пути прогресса.

Логика авторов представляется следующей: мир будущего – сложен и противоречив. И чем больше будут возможности и могущество человечества, тем с большими угрозами и проблемами оно может столкнуться в этом будущем. Сам прогресс в полной мере не познан, создаваемые им проблемы и для человека, и для природы, и для морали – опасны и непредсказуемы. Отсюда – риски слишком велики. В этом случае возникает соблазн не рисковать и от прогресса и будущего отказаться.

И Стругацкие средствами художественной метафоры моделируют: а что получится, если выбор социума окажется таким? И, как и в «Граде обреченном», оказывается, что отказ от движения вперед ведет к бесконечному движению по кругу, напоминающему движение в кругах ада, где человек с

неизбежности совершает нисходящий путь по пути превращения в животное. И одновременно с этим, в определенной ситуации тот же человек – не может не сопротивляться наступающему прогрессу без риска также перестать быть человеком.

Здесь проблема, к которой Стругацкие с той или иной степенью определенности обращаются постоянно и которая, как представляется, имеет для них особое значение и заслуживает отдельного изучения: «Дороги вспять история не знает, что бы ни говорили профессиональные пессимисты»[271].

Если изначальная модель «Полдня» отразила видение Стругацкими следующей общественной формации, то миры, смоделированные позднее – Сарракш, Арканар, Тагора, как и картины, нарисованные в «Хищных вещах века», «Улитке на склоне», «Гадких лебедях» – ответвления от основного пути прогресса, где победили те или иные препятствия, успешно преодолённые Миром Полдня.

Они утверждают, таким образом, что прогресс неотвратим не потому, что может осуществиться без воли людей и помимо их воли, а потому, что если люди, безусловно обладающие свободой воли, делают выбор в пользу отказа от него – они делают выбор в пользу собственного расчеловечивания, испугавшись проблем Мира Полдня, оказываются обречены на регрессивное существование в сумраке тупиков исторического развития.

2.4. Что стоит между нами и будущим?

Традиционно считается, что политические Утопии по самому своему жанру не включают в себя анализ путей, которыми можно достичь создания описываемого ими нового мира.

С одной стороны – это и не входит в их задачу, позволяя сосредоточиться на том, каким их авторы и современное им общество или его часть хотели бы видеть мир, альтернативный существующему. С другой – всегда вызывало понятную критику и упрек в недостижимости их идеализированных описаний. Строго говоря, этот упрек можно считать и обоснованным. И не обоснованным – поскольку задачей утопии как таковой не является поиск средств, ее задачей является описание целей, к которым, по их мнению, должно стремиться общество.

Стругацкие в своем художественно-политическом моделировании не только предприняли попытку анализа противоречий описанного ими Мира Полдня, но и обратились к теме анализа препятствий, преграждающих путь к нему, сосредоточив внимание если не на пессимистических прогнозах как таковых, то на пессимистических предупреждениях в рамках реалистического сценария. Большую часть последних можно обобщенно представить в виде трех основных препятствующих созданию описанного ими общества начал.

Первое – опасности, связанные с гипертрофией значимости потребления и созданием общества потребления; второе – развитие и утверждение в обществе массовой культуры; третье – новые социальные группы, неспособные к созданию нового общества и не заинтересованные в последнем.

2.4.1. Тупики «Общества Потребления»

Частично проблема общества потребления затрагивается ими еще в вышедших в 1962 году «Стажерах» – там речь идет об остаточных элементах такого общества на одной из межпланетных станций, созданной в рамках международного сотрудничества, но со структурами еще существующего, но уходящего капиталистического мира – и эти элементы в данном случае носят характер явного атавизма.

В 1964 году выходит повесть Стругацких «Понедельник начинается в субботу: Сказка для младших научных работников», при полусказочности сюжета посвященная именно теме людей, «ни от чего не получающих большего удовольствия, чем от любимой работы», которые, по мнению Стругацких, и должны

составить основу будущего коммунистического общества. Ставится эксперимент по созданию идеального человека, обладающего абсолютными возможностями и, соответственно, абсолютными потребностями и обреченного оказаться абсолютным потребителем, который хочет одного – абсолютного обладания материальными ценностями и абсолютного потребления.

В развернутом виде Стругацкие обращаются к анализу этой же проблемы в повести «Хищные вещи века», основной идеей которой становится утверждение, что обеспеченное материальное благополучие, не подкрепленное возвышением потребностей и увлеченностью трудом, оборачивается изощрением наиболее примитивных потребностей, в итоге лишающих человека его человеческого начала.

Разъясняя замысел работы, Б. Стругацкий уже в начале XXI века пишет: «Работая над ХВВ, авторы имели в виду примерно следующее… Подымем-де жизненный уровень на недосягаемую высоту, и у нас сразу же, автоматически, наступит благорастворение воздухов под названием «коммунизм». Так вот – НЕ наступит. А наступит вот что: читайте эту книжку, думайте… **Коммунизм – это общество людей, наслаждающихся своей любимой работой, а не стадо пожирателей вкусной еды**[272]**, для которых главное в жизни – поменьше думать и побольше развлекаться»**[273].

Исходя из реальных тенденций «современного буржуазного общества, и более всего из свойства его идеологии разлагать души людей, воспитывать отупелых потребителей, ищущих во всём широком мире только сытости и наслаждения», Стругацкие создают модель «воображаемой страны, где многое условно, где люди имеют все – еду, одежду, развлечения – и, тем не менее, опускаются до состояния наслаждающегося животного, лучшие из них мучаются и погибают»[274].

В этой повести Стругацкие относят опасность возникновения общества потребления к западным странам, но в личных источниках неоднократно повторяют, что возможность формирования такого общества они видели как угрозу и в СССР.

Возможность формирования общества потребления при всеобщем материальном благосостоянии Аркадий и Борис Стругацкие долгое время считали наиболее опасной и при определенном развитии событий – высоко вероятной. Главное, на что они обращали внимание, – возникновение массовой психологии потребления ради потребления, как цели существования[275].

> *«Потребность потребления – есть ли что более страшное, хотя* ***у*** *нас, к счастью, это не достигло того уровня, как на Западе, но опасность очень велика. Суетность убивает. Это не значит, что надо предаваться лишь абстрактным раздумьям о судьбах мира. Человек, прежде всего, должен быть одет, обут и сыт, но при этом он должен помнить, что он Человек, должен идти вперед, а не стоять на месте»*[276].

В публицистических статьях и интервью они утверждали, что само социокультурное явление мещанства[277] является страшной силой и страшной угрозой на пути к новому обществу:

> *«Более страшная, может быть, чем водородная бомба. Мещанство – это сущность всего тёмного и животного в человеке. Оно мешает человеку подняться с четвереньек. Оно мешает человеку поглядеть на звёзды. Оно мешает человеку верить в друга. Оно заключает страсти человека в узкий замкнутый круг: половые отправления, деньги, водка»*[278].

По их мнению, путь мещанства – по сути своей неизбежно ведет назад, «в пещеры», означая движение по пути исторического регресса. И когда будет разрешена проблема угрозы ядерной войны, гипертрофия потребления, свойственная мещанству станет главной проблемой на пути создания общества будущего.

При этом, по их мнению, путь преодоления опасности создания «общества потребления» заложен в самом понятии цивилизации, так как, по словам А. Стругацкого, главной функцией любой цивилизации является создание кардинально новых потребностей:

> «Мое определение простое: цивилизация есть социальная система, которая наличествующими производительными силами непрерывно создает новые потребности и тут же создает способы их удовлетворения… Главная функция любой цивилизации, товарищи, – это создание новых потребностей… Небывалых…»[279]

Иначе говоря, путь к преодолению опасности создания «общества потребления» заложен в том, что главной функцией любой цивилизации является создание кардинально новых потребностей: цивилизация сама должна создать альтернативу материальным потребностям по мере их удовлетворения.

Как метод борьбы с обществом потребления Стругацкие видят и систему воспитания: «Мещанин в человеке будет уничтожен. Он не выдержит борьбы с развивающейся экономикой и наукой о воспитании человека в человеке»[280].

Связано это с тем, что человечество (под которым Аркадий и Борис Стругацкие на тот момент понимают Советский Союз и реалии советской действительности) уже способно вполне удовлетворить материально каждого из своих членов. И если это не имеет место, то только благодаря укоренившемуся способу несправедливого распределения (имеет место только в странах, где ещё не построен социализм). Аркадий и Борис Стругацкие исходят из того, что эта несправедливость не вечна. Придёт час[281], когда материальные блага перестанут быть объектом борьбы. Уровень науки этого периода и темпы её развития позволяют писателям предполагать, что это состояние будет необходимо достигнуто при условии, что человеческую историю не прервёт военная катастрофа. В этом они видят единственную угрозу развитию наметившихся политических тенденций[282].

При этом их позиция не означала проповеди нищеты и недопотребления, они считали необходимым условием движения к новому обществу параллельное развитие экономики и культуры, считая, что только оно может считаться нормальным, при условии лицейской, надежно обеспеченной государством системы.

2.4.2. Массовая культура, как препятствие на пути в Будущее

Второе препятствие на пути к идеальному обществу – истребление интеллектуального фонда человечества.

Эта опасность грозит обществу до формирования общества всеобщего благосостояния и на этапе материального благосостояния. Опасность гипертрофии потребительских ценностей в первую очередь в создании определенного вида культуры – массовой культуры, опускающий ее до минимизированного и легкодоступного уровня, когда ее достижения начинают работать не на развитие духовного мира и интеллекта человека, а на его примитивизированное развлечение.

Опасность, которая может получить распространение в случае, если развитие культуры и морали будут отставать от развития материального благополучия и материальных потребностей:

«Сравнительно недавно маститые моралисты были

убеждены, что как только массовый человек будет полностью удовлетворен материально, он неизбежно и автоматически начнет отдавать все силы беспредельному духовному развитию. Но оказалось, что это не так. В схеме «работа – материальное насыщение – духовный рост» был упущен (или проигнорирован) чрезвычайно существенный момент. Дело в том, что пределы материального насыщения есть функция не только и не столько физиологии, сколько психологии. Аппетит к материальным благам человек получает при рождении. Аппетит к благам духовным возникает только при правильном воспитании. Скачок в уровне материального обеспечения, вызванный НТР, не был подкреплен колоссальной и кропотливой воспитательной работой и застал население многих развитых стран врасплох. Так появился Массовый Сытый Невоспитанный Человек»[283].

По их мнению, пришло время от решения материальных проблем обратиться к решению культурных, а от удовлетворения физиологического голода к удовлетворению голода духовного, превращающегося в устремление большинства.

«Преимущество духовного голода» перед материальным Аркадий и Борис Стругацкие видели в двух аспектах: во-первых, объекты духовного голода гораздо более разнообразны; во-вторых, удовлетворение духовных потребностей лишь разжигает и углубляет тягу к ним – новому обществу не будет грозить никакой застой, и оно будет развиваться прогрессивно и с ускорением[284]. Эту же мысль они повторяют в статье «Знакомые черты будущего»[285].

Угроза массовой культуры ставит для них под сомнение и их антропологический оптимизм. В какой-то момент они приходят к выводу, что представлявшаяся им картина не так проста, как казалось. Возник вопрос, насколько обоснован научно был их тезис о том, что с течением времени человек обязательно будет становиться добрее, не говоря о том, что изначально было ясно отсутствие прямой зависимости позитивного развития человека от увеличения количества материальных благ на душу населения.

Более того, они стали фиксировать обратное – повышение уровня благосостояния, по их наблюдениям, вело к снижению уровня культурного – причем это происходило и в других странах, и в СССР.

Для себя они все более отчетливо начинают приходить к выводу, что нужна, как они определят в своих произведениях, «позитивная реморализация» – постепенная подготовка

пересмотра философских, социальных и моральных представлений, осуществляемая с нарастающей активностью. Задачей такой «реморализации» должно было стать предупреждение отставания массовой психологии от «гигантских изменений, происходящих в мире». И для ее осуществления они считают необходимым «сосредоточить все усилия общества на воспитании Завтрашнего Человека, Космического Человека, Человека Коммунистического»[286].

Собственно, это была та же самая идея бескровного воздействия, которая подразумевает только содействие развитию культуры без попыток борьбы с реакционными политическими элементами, о которой они писали в «Трудно быть богом» применительно к ситуации в Арканаре. Хотя нужно отметить, что позднее, в «Хищных вещах века» они намечают, а в «Обитаемом острове» развивают идеи допустимости воспитания и даже манипулирования массами потребителей в целях усовершенствования политической системы.

Поводом к выделению этой тенденции послужила борьба Н. С. Хрущева с абстракционистами, которую Аркадий и Борис Стругацкие восприняли как борьбу необразованности с культурой[287]. Особенно опасной становится эта тенденция, когда противники культуры, вернее, люди, не понимающие её, оказываются у власти.

Единственный путь преодоления этой опасности, по Стругацким, – поддержка культуры и создание «Великой Теории Воспитания». Собственно, отчасти именно для борьбы с противниками интеллектуального развития общества Стругацкие и вводят понятие профессоров, т. е. людей которые в этом, уже земном понимании, сознают ситуацию и, функционируя в рамках заданных социумом правил, меняют его к лучшему, корректируют путь социального прогресса и ускоряют его.

Стругацкие рассматривают возможность «активного воздействия добра»:

> *«Коммунары облегчают прогресс общества путём сохранения его лучшей части, его совести и разума. А не дать ли им ещё и функцию устранения самых страшных врагов общества?.. Это бы впечатлило. Активное воздействие добра»*[288].

Но по каким-то причинам отвергают его. Ответ Б. Стругацкого на это письмо не сохранился. Больше к теме «активного воздействия добра» Аркадий и Борис Стругацкие не возвращались.

В трагически-притчевом финале сюжета «Града обреченного»,

они дают своеобразный ответ на вопрос о том, как и каким путем можно было бы преодолеть ситуацию отсутствия смыслов и целей развития в этом социуме – герой повести вспоминает «рецепт жизни», заключающийся в необходимости обращения к культуре.

И в итоговых интервью Б. Стругацкий вновь скажет то, что для него останется главным и в 2000-е годы: *«Создание и реализация Великой Программы Воспитания Человека – единственный путь в Мир Полдня»*[289].

Опасность общества потребления и распространения массовой культуры для Стругацких имеет и свое социальное выражение: тех, кого они определяют как «Массового Сытого Невоспитанного Человека», «мещанина» или «кадавра, не удовлетворённого желудочно». Люди получили доступ к материальным благам, но культура их осталась на прежнем феодальном уровне. На протяжении 1960-х гг. распространение этой социальной группы Стругацкие считают главной угрозой на пути построения коммунизма, с которой призывают активно бороться[290].

2.4.3. Бюрократизация, как угроза для движения к Обществу Полдня

«Массовый сытый человек» в представлении Стругацких – социальная опора общества потребления и носитель массовой культуры как двух основных препятствий на пути реализации идеального конструкта Стругацких. Их устранение требует целенаправленной политики – в первую очередь, по просвещению и воспитанию со стороны общества и власти.

Подобная политика возможна, если носители власти являются носителями идеала, противоположного двум названным явлениям – и, с одной стороны, обладают целями, с другой – способностями противостояния данным началам.

Однако нарастание критических тенденций в отношении Стругацких к существовавшей власти как раз и было вызвано ее несоответствием данным требованиям, для них впервые в острой форме проявившееся в упомянутом конфликте в Манеже. При этом нет оснований самих Стругацких считать поклонниками авангардизма, равно как и многих деятелей культуры, в поддержку которых они неоднократно подписывали письма. Например, они с осуждением отнеслись к процессу над Синявским и Даниэлем[291] – но, они же, потом, в воспоминаниях писали, что конкретно для них путь публикации на Западе неизданных на Родине произведений – был неприемлем с морально-политической точки зрения.

Нарастание критичности отношения Стругацких к существовавшей власти и было вызвано ее несоответствием данным требованиям, вызванным, с одной стороны, недостатком бережного отношения к культуре, с другой – воспроизведением в ней названных препятствовавших строительству коммунизма начал.

«Массовый сытый человек» выражал и воплощал эти препятствия «снизу»; носители власти, то, что можно назвать «бюрократической тенденцией» в политическом и управленческом классе – «сверху».

В середине 1980-х гг. эта позиция найдет выражение в их первоначальном восприятии «перестройки» как «борьбы коммунистов с бюрократами»[292]. Термин «бюрократия» они использовали сравнительно редко, но начала, подпадающие под его трактовку, показывали в ряде своих работ[293].

«Трудно быть богом» анализирует аспект противостояния власти и культуры, «Второе нашествие марсиан» – предупреждает о незримой бюрократизации, как неосязаемом, почти не проявляющемся, но окутывающем все начала.

По их мысли бюрократизации повергается и сам коммунистический идеал, и процесс движения в будущее. Первый – в том отношении, что идея свободного труда, как естественной потребности человека превращается в идею готовности исполнения любых указаний власти. Второй – в обессмысливании самой организации такого движения: противопоставление в повести «Улитка на склоне» Леса, как метафоры непознанного будущего и Управления – как пытающегося его постичь настоящего. Управление в повести создано для познания Леса, но не может решить свою задачу, отчасти и потому, что в большей степени занимается не ее решением – в это включены только наблюдательные станции, на которые даже при желании сложно попасть тому, кто хочет там работать, большая часть работы связанна с абсолютно нерациональной внутренней деятельностью, претендующей на рациональность, но лишенной какого-либо смысла.

Целью деятельности Управления становится существование Управления, а не выполнения им задач, ради которого оно создано.

«Сказка о Тройке» формально была продолжением повести «Понедельник начинается в субботу», посвященной людям, для которых ничто в жизни не приносит большей радости, чем любимая работа, которую начинает подвергать ревизии и «рационализации» Комиссия чиновников, полностью лишая смысла деятельность тех, кто хочет работать и превращая работу

из радости в мучение.

В произведении «За миллиард лет до конца света» Стругацкие моделируют ситуацию своеобразного «сопротивления прорывам». В нем каждый человек, увлеченный интересной работой, выходящий на порог достижения принципиально нового, оказывается объектом непереносимого давления (формально – совокупности случайных факторов, не имеющих разумного объяснения), заставляющего его выбирать: отказаться от работы или оказаться раздавленным. Субъект давления оказывается не определен, но общей идеей остается факт противостояния начала, хранящего существующую упорядоченность всему, что может эту упорядоченность изменить – в каком бы направлении это изменение не осуществлялось. Атака защищающейся энтропии.

Можно говорить, что применительно к другим обстоятельствам вновь актуализируется мысль из «Трудно быть богом»:

> *«Возник какой-то новый, систематически действующий фактор. И выглядит это так, будто дон Рэба сознательно натравливает на ученых всю серость в королевстве. Все, что хоть ненамного поднимается над средним серым уровнем, оказывается под угрозой»*[294].

Бюрократия для Стругацких выступает политическим выразителем противодействия созданию коммунистического общества: она отражает идеал и культуру «массового сытого человека», опирается на него, агрегирует его интересы и, артикулируя их в образе расширенного потребления – стандартах общества потребления – воспроизводит только идеалы последнего.

Стругацкие, так или иначе, ощутили и поставили вопрос о том, что описываемое ими властное начало, даже когда субъективно ощущает необходимость движения общества к более высокому уровню общества познания, объективно не может этот переход обеспечить, потому что само стремление создать общество, где каждому человеку созданы все условия для все более полного развития, осознает только как общество, где человеку создаются условия все большего потребления. Не понимая, что человек может работать и приносить пользу обществу потому, что ему это интересно и отвечает его потребности – оно уничтожает данное делание и данную потребность.

Результатом совместного действия описанных угроз, по мнению Стругацких, становится опасность осуществления пессимистического сценария развитии общества.

Подводя итоги: Стругацкие к началу 1960-х гг. создали развернутую художественно-политическую модель коммунистического будущего, общества, где реализуются современные им базовые политические идеалы. Создали, используя методы исторического материализма и диалектики, отражая и требования этапа завершения индустриального развития, и прогрессистские ожидания современного им общества.

Модель включала в себя основные ценности данного общества, параметры его целедостижения, интегрирующие начала, инструменты адаптации. По политической форме описанный ими мир имел черты партиципаторной демократии при ведущей роли профессионально-функциональных институтов. В целом он имел характер сциентистского гуманистического мира с развитой системой этической регуляции, активистской составляющей и антропологическом оптимизмом прогрессистского типа.

Данное общество, в их понимании, должно было иметь основным своим элементом свободный труд человека как высшую ценность, способ его самореализации, являющийся целью и процессом достижения этой цели. Приоритет общества познания и ориентация на постоянный творческий поиск обеспечивали адаптацию социума к требованиям времени и внешней среды, система данных установок и латентных образцов воспроизводилась как развитой педагогической системой при центральной роли профессии педагога в жизни общества, так и самим процессом трудовой деятельности, обеспечивавшей производство и сохранения политической культуры участия.

При этом, являясь диалектиками и рассматривая описанный ими социум в качестве развивающегося состояния, а не идеального завершения истории, Стругацкие осуществили анализ возможных проблем и противоречий общества данного типа, в первую очередь – противоречие между увеличением научно-технического могущества человека и рисками, которые порождает это могущество, как в отношении опасности доминирования технократизма над моральными и гуманистическими сторонами жизни, так и в плане опасности, которую оно может представлять для окружающего мира.

В то же время они видели проблематику, связанную с неизбежными отношениями Мира Полдня с отсталыми обществами и противоречие между стремлением и возможностью помочь им ускорить свое развитие – и ответственностью за вмешательство в ход их истории, целями вмешательства и методами, которыми его приходится осуществлять.

Представляется, что это дает основание говорить о создании ими особого вида политической мысли – критической утопии, в рамках которой они дали свой ответ на вопрос: какова будет политическая организация будущего, его природа и цель, как отвечающие их базовым политическим идеалам, представлениям о справедливости и целесообразности. То есть – сделали предметом философской рефлексии политические процессы, основы политического устройства и смыслообразующие аспекты будущего общества, систему его ценностей и идеалов.

Данная проблема приводит их к анализу и изложению своего политико-философского представление о характере прогресса в человеческом обществе, включающем в себя четыре основные вывода: – а) прогресс неодолим – но реализуется только посредством деятельности человека; – б) прогресс открывает двери в будущее – но даже стремясь к нему, общество чаще всего не узнаёт и не понимает будущее, когда на деле встречается с ним; – в) прогресс, движение в будущее – находится вне морали, но человек, которого затрагивает движение прогресса, не может быть вне морали и оказывается часто обречен на выбор между содействием прогрессу и сохранением своей приверженности значимой для него морали; – г) страх перед проблемами будущего и отказ от прогресса и создания нового общества не сохраняет старое, а ведет его в тупики исторического развития, обрекает на бессмысленное воспроизведение предыдущих фаз развития без разрешения накапливающихся в обществе проблем.

Анализируя препятствия на пути реализации данных базовых политических идеалов, Стругацкие выделяют в них четыре начала: – а) приоритеты общества потребления, воспроизводящего свою социальную основу; – б) «массового сытого человека», не имеющего иных ценностей и целей, кроме гипертрофированного потребления; – в) массовую культуру, препятствующую воспитанию, развитию и возвышению потребностей человека; – г) разрыв власти и культуры, бюрократизацию идеалов коммунизма и процесса движения к нему, опирающуюся на «массового сытого человека» и воспроизводящую его своей политикой, ориентированной на приоритеты удовлетворения материальных потребностей.

Взгляд с другой стороны 4: Кому мешала философская фантастика? И кто хотел уничтожить Утопию?

С середины 60-х гг. для Стругацких наступает период противостояния с издательствами, который продлится 15 лет – теперь их произведения обвиняют в основном в упаднических настроениях.

Уже в 1989 г. Борис Стругацкий, вспоминая об этих годах, совершивших перелом в сознании не только Аркадия и Бориса Стругацких, но и многих их современников, писал: «Наиболее отвратительным в мире, открывшемся перед нашими глазами, была ложь. Все можно понять: перегибы, несправедливости, даже казни; то, что у власти стоят люди недостойные и ведут они нас черт знает куда, – все можно понять и исправить можно, но при одном условии: скажите людям правду, хватит врать».

Для Аркадия и Бориса Стругацких реалии советской действительности в этот период приходят в противоречие с романтически-коммунистическими убеждениями молодости. Аркадий Стругацкий реагирует спокойнее, его брат – более эмоционально. Но самое главное, что, анализируя это противоречие, Аркадий и Борис Стругацкие начинают разделять «коммунизм», который существует как идея, и коммунистический режим, который «подвергает репрессиям» их товарищей-писателей, то есть сущностный советский проект и искажения его практического воплощения.

Говоря о переломных моментах, исследователи творчества Стругацких называют разные события. В. Кайтох констатирует, что к 1966 г. в отношениях Стругацких и власти наступает резкое похолодание[295]. Б. Стругацкий в «Комментариях» называет первой датой, связанной с этим процессом, 1962 г. – выставку в Манеже и следующей ключевой датой 1968 г. – события в Чехословакии. Реже среди переломных для Стругацких событий они упоминают процесс Синявского-Даниэля.

Если говорить о документальных подтверждениях такого перелома, то, прежде всего, необходимо отметить, что в личных источниках периода 1960-х гг., главным образом в письмах А. Стругацкого, речь идёт о том, что, несмотря на изменение отношения Стругацких к личности Н. С. Хрущёва, действия Первого Секретаря, направленные против абстракционистов и повлёкшие возмущение всей интеллектуальной элиты, непосредственно против фантастики направлены не были. То есть

проблема эта лично Стругацких не коснулась, но она изменила формат диалога власти и интеллигенции – и это было отмечено Стругацкими.

Отношения Стругацких с властью всегда развивались неровно, даже основное утопическое произведение «Полдень, XXII век» в процессе публикации столкнулось с длительной редактурой – хотя и абсолютно не связанной с политическими и идеологическими моментами. Поэтому сложно выделить начальный момент конфликта Стругацких с властью отталкиваясь от частоты публикаций или наличия положительной или отрицательной критики. Хронологически следующие после «Полдня» по срокам написания романы «Трудно быть богом» и «Хищные вещи века» прошли в публикацию относительно легко, несмотря на то, что содержали явный элемент критического предостережения и аллюзии с современностью, которые через несколько лет, в связи с изменившейся конъюнктурой, были замечены критиками.

Следующая повесть «Улитка на склоне», которую часто приводят как пример запрещённых произведений Стругацких, изначально не предназначалась для публикации, но, даже не смотря на это, была опубликована в конце 1966 г. в сопровождении множественной отрицательной критики. При этом достаточно гладко прошла публикация сатиры на современность – повести «Понедельник начинается в субботу», однако при попытке опубликовать её продолжение – «Сказку о Тройке» – Стругацкие столкнулись с большими трудностями.

Таким образом, во-первых, не существует строгой хронологической последовательности нарастания конфликта в отношениях Стругацких с властью. Во-вторых, прохождение произведений в печать зачастую не отражает степени их критической направленности в отношении практики советского проекта. Тем не менее, можно выделить исторические события, с которыми хронологически совпадает ужесточение цензуры в СССР.

И в большей степени здесь следует говорить не о последних годах правления Н. С. Хрущёва и его борьбе с абстракционизмом, а о первых годах власти Брежнева. При этом следующий этап нарастания конфликта действительно совпадает с Чехословацким кризисом, но имеет и внутренние причины.

К середине 1960-х гг. рассказы и повести писателей-фантастов всё ещё публиковались в основном на страницах молодёжных журналов – «Смена», «Вокруг света», «Техника – молодёжи», «Искатель»». Вопрос об учреждении «профильного» издания обсуждался начиная с 1954 г.[296] После этого он

поднимался писателями-фантастами неоднократно, однако к 1966 г. так и остался нерешённым. Отношение А. Стругацкого к такому изданию отражено и в многочисленных письмах 1964–1966 гг., с подобными предложениями он несколько раз обращался в Союз писателей, пробовал писать прошение в Главлит[297].

Именно с постановки вопроса о специализированном журнале научной фантастики начинается обсуждение проекта постановления о фантастике ЦК ВЛКСМ в 1965 г.[298]

Контекст, в котором А. Стругацкий рассказывает Б. Стругацкому о своей борьбе за права фантастики, позволяет говорить о том, что в тот период фантастика ещё находится под покровительством власти, однако критикой, издательствами и Союзом писателей зачастую отодвигается в сторону как развлекательная литература[299]. Эта ситуация достаточно парадоксальна, тем не менее она выглядит именно так. Можно предположить, что решения идеологических структур не всегда или не в полном объеме реализуются на местах, т. е. в издательствах.

Издательства и журналы в этот период находятся не только под влиянием партии. Важное значение также имеют мнение Союза писателей, признанных мастеров пера, публицистов. Позиция последних определяется как субъективными литературными вкусами и установками, так и социальными факторами.

Так, одним из важных факторов конфликта внутри писательского сообщества стала смена поколений, конфликт маститых писателей и «начинающих». Хотя к 1965 г. Стругацкие к последним относились уже с натяжкой, они работали бок о бок с такими мэтрами фантастики как Ефремов и Казанцев. Произведения Стругацких, написанные более простым языком, основанные на сюжетах нового типа, часто оказывались для современного читателя более привлекательны. Если И. А. Ефремов относился к подобным вещам с пониманием, то Казанцев был настроен против молодых писателей достаточно агрессивно. Хотя старшее поколение имело влияние в СП, редакциях и в среде литературных критиков, но его представители относились к уже непопулярной у читателей школе научно-технической фантастики.

Подобные конфликты были характерны и в отношениях фантастики с «большой литературой», которая в данном случае играла роль «старшего», более признанного в среде редакторов и критиков течения.

Ситуация назревшая в отношении недостаточной площадки

для публикации научной фантастики стала первым импульсом, потребовавшим к 1965 г. вмешательства ЦК ВЛКСМ.

Сигналом к активизации отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ послужило письмо, подписанное писателями-фантастами А. Колпаковым, Ю. Котляром, Г. Чижевским[300].

Фамилия Г. Чижевского не встречается в документах, связанных с конфликтами предыдущего десятилетия в среде фантастов. А. Колпаков, автор романа «Гриада», неоднократно критиковался подсекцией фантастики и приключений МО СП в 1958–1964 г. и обвинялся в плагиате.

Таким образом, к середине 60-х гг. сложилось несколько конфликтных линий, в которых принимали участие писатели-фантасты. На протяжении более чем десяти лет существовал конфликт за издательские площадки фантастики с «большой литературой». С 1956 г. назревал и постепенно разворачивался конфликт между представителями различных течений внутри фантастики, в котором ось противостояния проходила между философским и научно-техническим направлениями. Набирал обороты конфликт между поколениями фантастов, представители старшего поколения занимали решающие должности внутри Союза писателей, а «молодые» уже завоевали собственную аудиторию и консолидировались на базе издательства «Молодая гвардия». Последние две конфликтных линии во многом совпадали. На фоне указанных конфликтов отдельные писатели, не пользовавшиеся покровительством ни одной из группировок, не попадавшие в рамки течений, оказывались за бортом издательской деятельности, однако достаточно свободно публиковали в газетах критические статьи. Среди таких наиболее заметным оказался Ю. Котляр.

Деятельность критиков в этот период имеет смысл проанализировать отдельно. В этой среде к середине 60-х гг. так же сложилось несколько групп. Е. Брандис и В. Дмитриевский, Р. Нудельман, В. Ревич, а так же сами писатели-фантасты (А. Громова, Стругацкие, А. Днепров) активно публиковали статьи в поддержку философского направления фантастики. Особое внимание следует уделить статьям А. Громовой, которые являются своеобразной программой, декларацией принципов философской фантастики.

В 1964 г. философское направление ещё поддерживается и представителями ЦК ВЛКСМ, и июля 1964 г. в журнале «Коммунист» была опубликована статья И. Сеничкина «Журнал молодых коммунистов» в поддержку научной фантастики.

Критикой этого направления занимались в основном маститые публицисты, специализирующиеся на «большой

литературе», такие как Л. Коган или А. Бочаров. Деятельность последней группы авторов приводила к постановке вопроса о необходимости профессионализации критики в области фантастики на собраниях СП, потому как критики широкого профиля, как правило, ничего не понимали в различиях между фантастическими течениями и не интересовались её содержанием, критикуя лишь формальные стороны – язык, научность, соответствие установкам партии. При этом к фантастике применялись те же мерки, что и к «большой литературе», без учёта различий в методе отображения реальности.

Научно-техническое направление в критике к моменту начала работы над проектом постановления представлено слабо, в 1964 г. не было опубликовано ни одной статьи В. И. Немцова и А. П. Казанцева. Активно публикуются два автора-одиночки – Г. Альтов и Ю. Котляр.

Г. Альтов, сам будучи писателем-фантастом, придерживается критической позиции по отношению ко всему этому жанру, считая, что современная фантастика не производит образцов, достойных называться «большой литературой». В связи с этим он выступает против организации специального журнала. Основным объектом критики для него являются халтура и плагиат в фантастике, в первую очередь его выступления направлены против А. Колпакова, Ю. Котляра, М. Емцева и Е. Парнова.

Ю. Котляр объектом критики выбирает практическую деятельность группы фантастов философского направления, сложившейся вокруг издательства «Молодая гвардия».

Конфликт философского направления с Ю. Котляром, по-видимому, имеет истоки в заседаниях Совета по научно-фантастической литературе 1964 г. Тогда А. Стругацкий, перечисляя начинающих авторов-фантастов – В. Михайлова, Г. Голубева, М. Емцова и Е. Парнова, А. Днепрова, Ю. Котляра, назвал произведения Ю. Котляра «единственной неудачей» среди них. Его поддержала А. Громова, а Е. Парнов выступил в защиту Ю. Котляра. Тем не менее в ноябре того же года Ю. Котляр публично обвинил именно М. Емцова и Е. Парнова в искажении идеи коммунизма. Конфликт получил развитие уже в виде писем в ЦК ВЛКСМ.

Ю. Котляр несколько раз обращался в ЦК ВЛКСМ с просьбами ускорить принятие решения о фантастической литературе, что позволяет предположить, что именно он был инициатором первого письма. Ю. Котляр характеризовал ситуацию, сложившуюся в среде фантастов как монополию группировки, объединившейся вокруг отдела фантастики и приключений

«Молодой гвардии»: «С каждым годом тематика книг по фантастике, выпускаемых этой редакцией мельчает, а их идеологическая направленность становится всё более неясной. Деловой партийный принцип отбора произведений был заменён протекционизмом. Печатают в основном Громову и Стругацких»[301].

Об этой же ситуации, но в других терминах вспоминают многие соратники Стругацких и сам Б. Стругацкий. Они говорят о многочисленных творческих кружках, сложившихся в 1960-х гг., одним из которых и стала группа сотрудников, критиков и писателей, работавших в отделе фантастики и приключений издательства «Молодая гвардия». Лидерами этого кружка выступили А. Громова и А. Стругацкий. В публицистике представители этого кружка активно отстаивали положение фантастики как философской литературы. Находясь у рычагов управления публикациями в одном из крупнейших издательств фантастической литературы в СССР, они ставили себя в положение своеобразного фильтра, который пропускал в печать только фантастику нового, философского типа. При этом они, с одной стороны, отвергали научно-техническую фантастику, в которой фантастический элемент был самоцелью, и находились в конфликте с представителями старого поколения фантастов, таких как В. И. Немцов. С другой – они вступали в конфликт с независимыми писателями, которые, так же как и представители философского течения, хотели свободно публиковать свои произведения.

Ю. Котляр многократно упоминается А. Стругацким в письмах как представитель враждебного направления научно-технической фантастики и специалист по «фантастической халтуре». Безусловно, необходимо иметь в виду, что это мнение является субъективным.

В своём письме 1965 г. (более точную дату установить не удалось) Ю. Котляр характеризует действия редакции «Молодой гвардии» как неэтичные, сообщает, что произведения, которые издаются в редакции, рецензируются не профессиональными критиками, а представителями той же группы, таким образом, создаётся круговая порука, при которой авторы пишут взаимноположительные рецензии, но не допускают в печать тех, кто не состоит в кружке. По его мнению, художественная ценность произведений в этом процессе не имеет значения. При этом он приводит как пример рецензии на повести Емцева и Парнова, состоящих в кружке, и на собственный рассказ. Обе рецензии написаны А. Стругацким. Несмотря на то, что художественная сторона рецензируемых произведений А.

Стругацким оценивается примерно одинаково, произведение М. Емцева и Е. Парнова им рекомендовано к печати, а работа Ю. Котляра – нет.

«Обстановка в редакции «ФПП» создаётся нездоровая, – пишет Ю. Котляр. – Все авторы, не мыслящие одинаково с группой Стругацких-Громовой, отлучаются. Одних отлучают по вкусовым соображениям, других – за принципиальные критические выступления против идейной путаницы или литературных недостатков в творчестве Стругацких, Парнова, Громовой». Ю. Котляр обвинял А. Стругацкого в протекционизме для родственников (жена писателя работала в «Молодой гвардии»); Р. И. Нудельмана – в недостаточном профессионализме, а Объединение молодых писателей-фантастов называет «вотчиной А. Громовой»[302].

Более подробно Ю. Котляр и соавторы разбирают идеологическую направленность произведений оппонентов, подводя итог такому анализу следующими словами: «Мы далеки от мысли обвинить Стругацких в преднамеренной идеологической диверсии. Они могли скатиться в идеологическое болото и по неведенью, и по ошибке. Но зато не могут ссылаться на неведенье т. Жемайтис и аппарат редакции… по должности «ведать» обязаны». В конце письма писатели просят ЦК ВЛКСМ «разобраться в том, что происходит в редакции «ФПП» «Молодой гвардии».

Позже Ю. Котляр ещё неоднократно обращался в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ с просьбой ускорить рассмотрение дела (в архиве сохранились несколько писем и почтовых карточек за апрель-август 1965 г.). В одном из писем автор пишет, что группировка Стругацких «в издательствах порочит Котляра как доносчика»[303].

Подобные конфликты внутри писательской среды (в том числе среди писателей-фантастов) в 1960-е гг. не редкость. Так, на одном из заседаний Союза писателей В. И. Немцов на несколько лет отлучил от печати Г. Альтова, публично объявив его в склонности к абстракционизму. Неоднократно вступали в конфликты В. И. Немцов и А. Стругацкий. Активно развивалась борьба между старым и новым поколением фантастов, между представителями философского и научно-технического течения. Большая часть таких столкновений проходила на заседаниях Союза писателей, на различных конференциях и в печати – в виде критических статей. Ю. Котляр выводит внутренний конфликт на политический уровень, обращаясь за помощью в ЦК ВЛКСМ.

Письма А. Стругацкого и Ю. Котляра рассматривались в ЦК ВЛКСМ в комплексе. В течении более чем года велось

расследование по этому вопросу. В архивном деле сохранились вместе с проектом будущего постановления о фантастике рецензии на произведения Стругацких, А. Громовой, Ю. Котляра, М. Емцева и Е. Парнова, справки о гонорарах писателей. Эти документы в целом подтверждают фактическую часть письма Ю. Котляра. Среди изданий «Молодой гвардии» преобладают публикации группы сторонников философской фантастики.

Среди проектов постановления о фантастике встречаются черновики трёх вариантов. Проекты решений и подготовительные документы не имеют подписи, потому установить их авторство не представляется возможным.

Можно выделить четыре группы проблем, которые поднимаются в проекте. Первая – это проблемы, связанные с учреждением специализированного периодического издания научной фантастики. Признавая возрастающее влияние научной фантастики на «формирование сознания и идейной убеждённости молодого поколения»[304] в первом варианте постановления поручается Отделу пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ подготовить предложения о «возможности преобразования приложения к журналу «Вокруг Света» «Искателя» в самостоятельный ежемесячный журнал научной фантастики».

Во втором варианте постановления отмечается ведущая роль авторов утопической фантастики – И. Ефремова («Туманность Андромеды»), А. Днепрова («Уравнение Максвелла»), Стругацких («Путь на Амальтею») – в этом процессе. Позиция об учреждении журнала остаётся неизменной.

В третьем варианте перечисление заслуг утопической фантастики снова отсутствует. Остаётся неизменным пункт об учреждении журнала.

Таким образом, можно говорить о том, что необходимость учреждения журнала не вызвала острых дискуссий, однако для философского направления этот пункт стал поражением. Редакция журнала «Искатель» их взглядов на фантастику не разделяла и, по всей видимости, была полностью подконтрольна ЦК ВЛКСМ.

Ко второй группе проблем, отражённых в проекте постановления, относится анализ идейного содержания произведений философской фантастики. Среди произведений, в которых допущены идейные «просчёты и ошибки»[305] в первом варианте проекта фигурируют повесть Стругацких «Хищные вещи века» (1965), повести М. Емцева и Е. Парнова «Уравнение с бледного Нептуна» и «Душа мира» (1964).

«Весьма расплывчата философская концепция этих произведений. Они лишены чёткой классовой окраски, в них

много чистого фантазирования без достаточной научной аргументации», – отмечается в документе. Авторы критикуются за то, что они «сходят с позиции философии, допуская проявления признаков идеализма, мистики, теоретических положений, не обоснованных наукой».

Практически дословно эта позиция повторяется во втором и третьем варианте постановления.

Третья группа проблем – издательская деятельность «Молодой гвардии» и её сотрудников. В первом варианте постановления деятельность редакции фантастики, приключений, путешествий при «Молодой гвардии» оценивается положительно. В проекте отмечаются заслуги редакции в развитии научно-фантастической литературы, а также деятельность сложившегося при редакции литературного объединения. Вместе с тем делается оговорка, что «в последние годы в издательстве вышло несколько произведений, идейное содержание которых вызывает серьёзные возражения».

Как «явно ненормальная» характеризуется практика издательства, когда «ограниченный круг лиц выступает в качестве авторов, составителей, переводчиков и рецензентов». Второй и третий вариант постановления повторяют эту позицию с минимальными изменениями. Необходимо заметить, что практика рецензирования произведений ближайших коллег была обусловлена недостатком критиков, специализирующихся на фантастике.

Четвёртая группа проблем – конкретные меры, которые следует принять в отношении авторов и сотрудников издательства, упомянутых в документах.

В первом варианте постановления за выпуск «слабых в идейном отношении книг» предлагается «строго указать» главному редактору «Молодой гвардии» Осипову. Также предлагается «обязать руководство издательства принять необходимые меры по укреплению редакции подготовленными и высококвалифицированными кадрами». Редакциям газеты «Комсомольская правда», журналов «Смена», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Техника – молодёжи», «Вокруг света» предписывается впредь «более строго подходить к отбору произведений научной фантастики для публикации на своих страницах, глубоко и принципиально оценивать каждое новое произведение этого жанра, адресованное молодому читателю».

Во втором варианте постановления помимо этого предлагается объявить выговор заведующему редакцией фантастики, приключений, путешествий при «Молодой гвардии» С. Г. Жемайтису. Снимается, а затем восстанавливается часть

постановления, обязывающая руководство издательства «принять необходимые меры по укреплению редакции подготовленными и высококвалифицированными кадрами». При работе над третьим вариантом постановления снимается пункт о наказании по отношению к В. Осипову.

Таким образом, во всех вариантах остаётся практически неизменным решение об учреждении специального журнала. Основные разночтения можно видеть в оценках деятельности «Молодой гвардии» (признании её заслуг перед литературой или полном их отрицании) и также идеологических характеристиках утопической фантастики как жанра. Кроме того в разных вариантах текста варьируются кадровые меры по отношению к «Молодой гвардии».

К проекту постановления прилагаются также справка о состоянии фантастики на 1966 г.[306] и письмо редакции «Молодой гвардии» в ЦК ВЛКСМ. Эти два документа становятся своеобразной декларацией позиций литобъединения при «Молодой гвардии» и их противников в ЦК ВЛКСМ.

Справка в значительной мере повторяет коллективное письмо в ЦК ВЛКСМ писателей Ю. Котляра, А. Колпакова и Г. Чижевского. В отличие от последних составитель справки признаёт, что положение в фантастике меняется и фантастика «теперь занимает довольно заметное место в литературе многих стран мира, повышается её роль в духовной жизни общества».

Этот фрагмент текста, повторяющийся практически во всех документах дела, носит двоякий характер. Указывая на повышение роли фантастики, авторы проекта постановления не столько отмечают её положительную роль, сколько констатируют, что теперь фантастику необходимо включить в зону внимания партии.

Автор справки отмечает возникновение и развитие клубов любителей научной фантастики в Москве при Доме детской книги, при Доме учёных в Харькове, в Доме пионеров г. Баку и в некоторых других городах.

Характеризуя заслуги «Молодой гвардии», составитель справки положительно оценивает романы И. Ефремова «Туманность Андромеды», «Юрта ворона», «Лезвие бритвы»; «Уравнение Максвелла» и «Формула бессмертия» А. Днепрова, «Путь на Амальтею», «Стажёры», «Далёкая радуга» Стругацких; «Ошибка Алексея Алексеевича», «Падает вверх» А. Полещука; «Звёздные дневники Ийона Тихого» Ст. Лема; сборники «Фантастика, 1963» и «Фантастика, 1964» под редакцией А. Стругацкого и некоторые другие произведения. Таким образом, можно говорить о том, что признание получают авторы всех трёх

направлений.

Среди достоинств изданий «Молодой гвардии» в справке отмечается, что «значительная часть посвящена грядущему коммунистическому обществу, грандиозным достижениям науки будущего», а «во многих произведениях делается, и весьма успешно, попытка создать образ человека будущего».

Положительно оценивается деятельность объединения фантастов при редакции «Молодой гвардии». «Ядром» объединения составитель справки называет А. Г. Громову, А. Н. Стругацкого, С. Ф. Гансовского, А. П. Днепрова (Мецкевич), А. Л. Полещука, Е. И. Парнова, М. Т. Емцева. Отмечает он и тот факт, что литобъединение действует в союзе с «Комсомольской правдой» и журналом «Техника – молодёжи».

Однако далее составитель переходит к критике того же круга лиц (А. Громова, А. Стругацкий, А. Полещук, А. Мецкевич, Е. Парнов, М. Елизеев, Р. Нудельман, Н. Гальперина, В. Равич, С. Гансовский) за нарушение профессиональной этики. Он отмечает, что помимо названых фамилий в литобъединение входит около 40–50 человек, в т. ч. 25 активно пишущих литераторов. Таким образом, речь в документе идёт о критике лишь части активистов объединения.

Подвергая детальной критике произведения писателей философского направления, автор справки противопоставляет их работам тех же авторов. При ближайшем рассмотрении оказывается, что философская фантастика – оборотная сторона фантастики утопической.

Критике подвергаются повести М. Емцева и Е. Парнова «Уравнение с бледного Нептуна» и «Душа мира» за «налёт мистицизма, неясность философских идей». Повести «Попытка к бегству» и «Трудно быть богом» Стругацких критикуются за «декларацию позиции «невмешательства», исторический пессимизм». Отмечается в справке недостаток кадров в редакции, и необходимость создания специализированного периодического издания, и существования вражды поколений внутри писательского сообщества[307]. В целом справка выглядит достаточно выдержанной, не содержит прямых выпадов против философского направления в фантастике.

В ответ на критику со стороны ЦК ВЛКСМ редакция «Молодой гвардии» формулирует принципы философской фантастики и своей издательской политики. Частично эти принципы уже излагались в публицистике А. Громовой и Стругацкими:

1. «Советская фантастика есть часть литературы социалистического реализма, использующая классический приём

введения в произведения элемента необычного и небывалого или невозможного с точки зрения современных представлений о мироздании».

2. «Философская фантастика занимается разработкой в художественных образах вопросов научного коммунизма и диалектического материализма».

3. «В силу огромного интереса к упомянутым темам и вопросам, разрабатываемым фантастикой, со стороны широкого читателя и в особенности молодёжи, фантастика является мощным оружием идеологической борьбы и воспитания нового человека. Она учит молодёжь бороться, искать, мечтать, ненавидеть всё косное, консервативное, мелкое, восстанавливает против себялюбия, потребительства и эгоизма. Именно поэтому редакция считает своим долгом всячески способствовать развитию этого вида литературы».

4. Целью литобъединения при «Молодой гвардии» является создание условий для свободного и компетентного обсуждения теоретических и практических вопросов современной фантастики, для обмена мнениями по поводу новых, ещё не опубликованных произведений и для приобщения редакционных работников Москвы к фантастической литературе»[308].

Постановление ЦК ВЛКСМ о научно-фантастической литературе было принято и марта 1966 г. В его окончательном варианте утопическая фантастика не упоминается[309]. Заслуги «Молодой гвардии» перечисляются в сокращённом варианте. Кроме того меняется название постановления – вместо постановления Секретариата ЦК ВЛКСМ «О выпуске научно-фантастической литературы издательством «Молодая гвардия»» появляется постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ «О недостатках в выпуске научно-фантастической литературы издательством «Молодая гвардия». Таким образом, характер решения меняется с нейтрального на негативный.

В постановлении выносится выговор С. Г. Жемайтису и предупреждение В. О. Осипову, руководству издательства поручается укрепить редакцию подготовленными и высококвалифицированными кадрами. Сохраняются рекомендации к периодическим изданиям, публикующим фантастику.

При этом пункт об учреждении специального журнала исчезает, а на его месте появляется поручение Отделу пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ подготовить и внести в бюро ЦК предложения по усилению контроля за опубликованием научно-фантастической литературы в комсомольских газетах и журналах и выпуском книг издательством «Молодая гвардия».

Очевидно, на каком-то этапе рассмотрения дела материалы его были переданы в Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, потому что Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, очень близкая по содержанию к постановлению Секретариата ЦК ВЛКСМ, появляется 5 марта 1966 г., за 6 дней до вынесения окончательного решения[310].

Записка очерчивает близкий круг проблем. Она критикует, по выражению А. Яковлева, «социальную» или «философскую» фантастику. То есть категория утопической фантастики (ранее считавшаяся идеологически выверенной) здесь уже не рассматривается.

А. Яковлев так характеризует фантастику в СССР, какой её хотели бы видеть в ВЛКСМ: «Советская научная фантастика всегда отличалась своими прогрессивными тенденциями, твёрдо стояла на основах научного мировоззрения, смело вторгалась в сложные и малоизученные жизненные проблемы». Он также присваивает ей такие качества как высокий гуманизм, глубокая вера в силу человеческого разума, «оптимистический взгляд в будущее человечества, неизменно связанный с победой и торжеством коммунистических идеалов».

Нужно сказать, что такой идеальный образ является смешением установок разных периодов, дававшихся разным направлениям фантастики. Хотя гуманизм и антропологический оптимизм можно увидеть в научно-технической фантастике 30–50-х гг., эти ценности выражены в ней достаточно формально. Что же касается утопической фантастики, то по мере усиления внимания на социальном конструировании она всё более отходит от требования соблюдения научности, обозначенного в первой части характеристики А. Яковлева. Таким образом, произведения, полностью соответствующие данному описанию достаточно немногочисленны – это в основном такие крупные коммунистические утопии как «Туманность Андромеды» И. Ефремова и «Гость из бездны» Г. Мартынова. Но даже и эти авторы в более поздних работах отступали от заданного Отделом пропаганды и агитации канона.

Фантастику середины 60-х гг. Яковлев упрекает в отдалении от реальных проблем науки, техники и общественной жизни. Здесь можно наблюдать то же смешение требований: фантастики, близкой одновременно и к проблемам техники, и к проблемам общественной жизни не существовало практически никогда. Он так же считает, что «идеологическая направленность» советской фантастики стала всё более притупляться. Это обвинение наиболее спорно и на сегодняшний день, по-видимому, справедливость его принципиально не разрешима.

Действительно, произведения Стругацких середины 60-х гг. можно трактовать по-разному. Проектируя общественные модели, они сознательно или бессознательно оставляют открытым вопрос – является ли эта модель иносказательным воплощением социалистического общества, капиталистического, или вовсе абстрактна. Этот вопрос Б. Стругацкий частично проясняет в «Интервью длинною в годы»[311], где он даёт расшифровку ряду задумок писателей 60-х гг. Однако более поздняя интерпретация не меняет того факта, что читательская аудитория определенных узких социальных групп в значительной мере присваивала попыткам осмысления проблем общественного развития статус критики социалистического общества в их произведениях в 60-е гг., и пыталась использовать их в своей деятельности по разрушению системы ценностей тогдашнего советского общества. Таким образом, формально обвинение А. Яковлева можно считать частично обоснованными. Следующее обвинение А. Яковлева – в антропологическом пессимизме. По его мнению, философская фантастика показывает «бесперспективность дальнейшего развития человеческого общества, крушение идеалов, падение нравов, распад личности»[312]. То есть статус антропологического пессимизма присваивался как раз попыткам философской фантастики предупредить и преодолеть возможные энтропийные процессы общественного сознания. Антропологическим пессимизмом объявлялось именно то, что было направлено на борьбу с ним. Здесь можно было бы говорить о непонимании автором записки задач, которые ставит перед собой философская фантастика. Если бы не приведенное выше его последующее признание, что он и группа близких ему лиц в партийном аппарате уже после XX съезда поставила перед собой задачу и выработала план разрушение системы ценностей советского общества. «Жанр научной фантастики для отдельных литераторов стал, пожалуй, наиболее удобной ширмой для легального протаскивания в нашу среду чуждых, а иногда и прямо враждебных идей и нравов» – резюмирует А. Яковлев, под видом защиты чистоты идеологии нанося удар по самому актуальному средству пропаганды коммунистических идеалов.

Список лиц, причастных к публикации философской фантастики, оказывается заметно сокращён. Среди соратников течения философской фантастики А. Яковлев называет А. Громову, Р. Нудельмана, З. Файнбурга, Стругацких, а её основателем считает С. Лема. Последнего он остро критикует за социальный пессимизм, неверие в силу человеческого разума и обвиняет его и его последователей во вступлении «в противоборство с идеями материалистической философии».

Посвятив критике творчества С. Лема два абзаца (приблизительно 10 % полного текста документа), А. Яковлев основное внимание уделяет подробному рассмотрению идейных недостатков произведений Стругацких. Повести «Попытка к бегству» и «Трудно быть богом» подвергаются критике за антропологический пессимизм, По мнению А. Яковлева, неспособность коммунаров решить проблемы других цивилизаций должна отвратить советского человека от задач построения спроектированного Стругацкими будущего. Кроме того, условный политический строй антиутопического проекта обрисованного в повести «Трудно быть богом» А. Яковлев упрекает в отсутствии классового подтекста. Особое внимание уделяется критике повести «Хищные вещи века». Модель общества потребления, спроектированная Стругацкими, критикуется за «высокомерное пренебрежение к материалистической философии», бесклассовость, «неуважение к… Человеку». Отдельно подвергается критике конструкт «массовой идеологии», который во введении к повести Стругацкие обозначают как ключевой для понимания текста.

В Записке определяется комплекс практических мер, по сути штрафных санкций, по отношению к авторам и издателям научно-фантастической литературы (все они войдут в текст постановления ЦК ВЛКСМ). В целом эти меры повторяют предложенные в Постановлении.

Как отмечают в своих воспоминаниях Д. Пушкарь и С. Чарный, на практике меры были в значительной степени смягчены С. Мелентьевым и И. Чхиквишвили (завсектором издательств Отдела пропаганды ЦК КПСС в 1966 г.)[313].

Тем не менее, временные рамки создания обоих документов – «Записки», подписанной А. Яковлевым, и постановления ЦК ВЛКСМ «О недостатках в выпуске научно-фантастической литературы издательством «Молодая гвардия»», а также сравнительный текстологический анализ их содержания позволяют говорить о том, что «Записка» появилась незадолго до или вскоре после создания последнего проекта постановления. Можно реконструировать следующую схему взаимодействия двух инстанций: Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ и Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. Первый и второй варианты проекта постановления создаются в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ под влиянием писем Ю. Котляра и А. Стругацкого, затем (до или после создания третьего варианта проекта), материалы передаются для одобрения А. Яковлеву. Под влиянием Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС характер постановления меняется с компромиссно-нейтрального на карательный (относительно сотрудников «Молодой гвардии»

и представителей направления философской фантастики), и окончательное постановление принимается в соответствии с мнением А. Н. Яковлева и его сторонников, действовавших от имени Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС.

Таким образом, принципиальный поворот в развитии фантастики в СССР был совершён в 1966 г. и непосредственное влияние на него оказала «Записка» А. Яковлева. Причем удар по творчеству Стругацких был нанесен тогда, когда ими не было создано еще ни одного произведения, в которых можно было бы усмотреть пессимизм и идеологическую двусмысленность. То есть группа Яковлева наносила удар именно по явно выраженной коммунистической и популярной фантастике.

Уже в последующие годы произошло ещё два столкновения Стругацких с партийным аппаратом, в 1968 г. в связи с публикацией повести «Сказка о Тройке» в альманахе «Ангара» и в 1972 г. в связи с публикацией в эмигрантском издании «Грани», хотя они не имели поворотного значения и явились скорее локальными конфликтами.

Разработка проекта постановления сопровождалась бурными дискуссиями относительно сущности фантастики.

В защиту Стругацких выступает А. Громова со статьёй «Молнии будут служить добру»: она оспаривает обвинение в антинаучности повести «Трудно быть богом». Стругацкие и их сторонники декларируют уже названные принципы философской фантастики в статьях «Главное – на земле», «О чём пишут фантасты?», «От фантастики научной к фантастике художественной» (И. Соловьёв), «Художественная «душа» и научные «рефлексы» (В. Ревич), «Почти такие же…» (К. Андреев).

Достаточно объективным выглядит анализ тенденций развития фантастики, который дают А. Урбан и В. Коптилов[314]. В ответ Емцов и Парнов публикуют статью «Наука и фантастика» в журнале «Коммунист»[315].

В № 10 журнала «О литературе для детей» публикуется подборка статей о фантастике, включившая в себя материалы представителей различных направлений: Е. Брандиса, М. Лазарева, В. Журавлёвой, Стругацких, Г. Гора, Е. Званцевой, И. Майзеля, А. Шалимова[316]. Подборка оказывается достаточно представительной. Можно предположить, что таким образом ВЛКСМ производит своеобразное «зондирование», пытаясь определить положение вещей внутри писательского и читательского сообщества.

В конце 1965 г. выходит ещё несколько статей о фантастике: О. Битова, В. Травинского, М. Ляшенко, И. Соловьёва, Е. Брандиса

и В. Дмитриевского[317]. В целом в 1965 г. издания ещё открыты для публикации различных литературных позиций.

Надо отметить, что полемика в статьях зачастую обращена к спорам относительно литературных качеств произведения – язык, научность повествования, достоверность использованных фактов и возможность использовать фантастические допущения. Вокруг последнего вопроса, в частности, дискуссии разворачиваются на протяжении всей первой половины 60-х гг. Не отходит он в сторону и после принятия постановления 1966 г., однако ряд исследователей считает, что литературоведческие споры имеют политический подтекст.

Ситуация в критике меняется в январе 1966 г. 12 января «Известия» публикуют статью Д. Еремина «Перевертыши» с критикой деятельности А. Синявского и Ю. Даниэля, и в следующем номере – статью В. И. Немцова «Для кого пишут фантасты», в которой автор критикует образ будущего человечества, созданный Стругацкими в повести «Попытка к бегству». Кроме того, он считает негативные стороны человеческой натуры, показанные писателями в повести «Хищные вещи века» излишне привлекательными, а «Трудно быть богом» критикует за наличие натуралистично изложенных интимных сцен. Подводя итоги, он констатирует отсутствие идейного и художественного роста Стругацких в течение десятилетия.

Климат в издательствах резко меняется.

В ответ на выступление В. И. Немцова в «Известия» направляется поток статей (Володин «Фантастика не пророчество», Р. Нудельман «Фантастика и современность») и писем (Н. Галь, В. Ревич, Ю. Манин) в защиту Стругацких и их соратников, однако ни одно из них не публикуется.

В поддержку Стругацких выступает «Комсомольская правда» и ряд других изданий, публикующих научную фантастику. «Комсомольская правда» планирует провести дискуссию между фантастами, однако идея так и не осуществляется. В защиту Стругацких в январе 1966 г. в «Комсомольской правде» выступает И. Ефремов. Ещё одна его статья выходит в газете «Литературная Россия» в начале февраля. И. Ефремов опровергает обвинения в адрес ранней повести Стругацких «Далёкая радуга», которая на общем фоне переосмысления отношения к философской фантастике упрекалась в «антигуманизме». Кроме того он вступает в прямую полемику с В. Немцовым, оспаривая каждый из пунктов его обвинений в адрес повести «Трудно быть богом».

«Комсомольская правда» и другие молодёжные издания стараются обходить стороной идейно-политическое содержание работ Стругацких. Поддержка, которую они оказывают писателям,

опосредована – так, например, несколькими месяцами позже, в мае 1966 г. издательство «Комсомольской правды» предлагает Стругацким опубликовать крупную статью о Жюль Верне в ситуации, когда их произведения отказываются публиковать многие издательства, и даже настаивают на публикации этой статьи.

Е. Брандису и В. Дмитриевскому удаётся опубликовать статью в «Литературной газете», в которой они пытаются раскрыть сатирический смысл повести «Хищные вещи века». Ранее В. Немцов высказал обвинение в преклонении Стругацких перед материальными благами в этом же произведении.

За статьёй Е. Брандиса и В. Дмитриевского тут же следует разгромная статья М. Федоровича, где творчество Стругацких критикуется с позиций экономики и идеологии[318]. Автор считает недостаточно проработанным социальное устройство антиутопического общества, смоделированного Стругацкими в повести «Хищные вещи века». Впрочем, эта статья уже не производит должного эффекта, как и последующая статья Ю. Францева в газете «Известия», автор которой упрекает Стругацких в противоречии основам исторического материализма – он считает неприемлемым при моделировании антиутопического общества из повести «Трудно быть богом» объединять в нём элементы феодализма и фашизма[319].

Стругацким предлагается возможность реабилитироваться, которую они отчасти и используют, публикуя или подготавливая ряд лишённых политической и идеологической проблематики статей[320].

К маю 1966 г. курс партийных изданий в отношении фантастики снова меняется. Опала полностью снимается. Публикуется ряд статей в поддержку философской фантастики (А. Громовой, Ю. Кагарлицкого), подписана в печать повесть Стругацких «Улитка на склоне».

Равновесие сохраняется до 1968 г. когда наступает новый переломный момент в диалоге власти и интеллектуальной элиты – Чехословацкий кризис.

Первым следствием этих событий лично для Стругацких стала приостановка съёмок фильма «Трудно быть богом»[321]. Вскоре после этого был остановлен выпуск двух номеров альманаха «Байкал», 1 и 2 за 1968 г. В обоих номерах по частям должна была публиковаться «Улитка на склоне». Хотя причиной остановки номеров была статья А. Белинкова «Сдача и гибель советского интеллигента», публиковавшаяся в том же номере, «Правда Бурятии» отозвалась на инцидент критикой «Улитки на склоне».

Вслед за этим произошёл более масштабный скандал с альманахом «Ангара», в четвёртом и пятом номере публиковавшим «Сказку о Тройке» Стругацких. Главный редактор «Ангары» Самсонов был уволен, сменили редколлегию, сняли главного редактора Восточно-Сибирского книжного издательства Фридмана[322]. Номера альманаха практически исчезли с прилавков и из библиотек.

Начиная с 1968 г. произведения Стругацких переходят на уровень неподцензурной литературы. Широко тиражируются три непубликуемых в государственных издательствах произведения Стругацких – «Сказка о Тройке», «Улитка на склоне», «Гадкие лебеди». Как пишет Б. Стругацкий в письме брату, к сентябрю 1968 г. их можно найти по пять рублей за машинописную копию на одесском «толчке»[323].

Технику распространения таких копий подробно описывает А. Скаландис, биограф и старый поклонник творчества Стругацких: «… копировали их всеми доступными средствами. Множительная техника в то время была весьма громоздкой… сделать, например, синьки (светокопии) со страниц их книг или оттиски на ротапринте (малотиражной офсетной машине). <…> В конце 1970-х, когда уже широко пошёл в массовое использование ксерокс (это я сам помню), люди, за него отвечавшие, очень чётко разделяли: есть зарубежные издания или машинопись (тут хоть Брежнева перепечатай и всё пойдёт по ведомству КГБ); а есть книги-журналы, вышедшие в СССР в последние двадцать лет и даже не изъятые из библиотек (копирование таких считалось не более чем использование служебного оборудования в личных целях). А в «доксероксную» эпоху, разумеется, основным средством размножения являлась пишущая машинка, и это, как мы уже говорили, было опасно: распространение рукописей, не прошедших Главлит, есть явная идеологическая диверсия. Безобидным, но не всеми освоенным, был фотоспособ; появлялись уже печатающие устройства на больших вычислительных машинах; ну и, конечно, существовал самый древний и надежный метод – переписывание руками.

В. Гопман вспоминает, как в 1970 г. в библиотеке им. Ленина в несколько приёмов переписал от руки всю «Улитку на склоне» с двух номеров «Байкала». Потом дал почитать брату, тот – ещё кому-то, и ещё кому-то, пока, наконец, рукопись не пропала. Подобную же историю рассказывает А. Измайлов: получив на один день «Гадких лебедей», он решил записать их на магнитофон, что бы сохранить для себя.

Хотя книги Стругацких в этот период считались всего лишь «упаднических», а не антисоветскими, факт распространения

текстов через самиздат уже ставил Стругацких под подозрение как неблагонадёжных для органов идеологического контроля, и с другой стороны, повышают интерес к ним диссидентских кругов.

Как следствие, в конце 1970 г. выходит первая несанкционированная авторами публикация их повести «Сказка о Тройке» во Франкфурте-на-Майне в эмигрантском журнале «Грани» издательства «Посев» Народно-трудового союза.

Что бы установить подробности этого эпизода, А. Скаландис взял интервью у М. Лемхина – широко известного фотографа-портретиста, публициста и писателя, написавшего множество статьей о Стругацких, опубликованных в основном в газетах и журналах русского зарубежья. В 70-е М. Лемхин тесно общался с Б. Стругацким в секции фантастики Союза писателей, в клубе филателистов, который посещал Б. Стругацкий и в компаниях общих друзей (С. Лурье и М. Хейфеца). М. Лемхин в 1967 г. написал предисловие к рукописному варианту «Сказки о Тройке» и лично запустил в самиздат четыре экземпляра повести. Во Франкфурте публиковалось другое издание, скопированное из «Ангары», но М. Лемхин, как оказалось, знаком с механизмом передачи подобных текстов за рубеж: «Зачастую никто и ничего не передавал в конкретное издательство специально. Просто при малейшей возможности переправить через границу «товар» (а это именно так принято было называть) рукописи уплывали в другую страну и начинали там жить своей жизнью. В одном чемодане могли быть вещи самых разных авторов, случайно оказавшиеся у данного «курьера», который сам мог не только не читать их, но даже не интересоваться названиями. А уж господа издатели потом выбирали, что из этого следует печатать, а чего не стоит. Подход к вопросу был очень личный, иногда труднообъяснимый, коммерческого смысла в издании на русском языке в Европе и Америке почти не было – тиражи маленькие, аудитория узкая…»[324].

Стругацкие пытаются опубликовать опровержение своей причастности к инциденту в «Посеве», но это не им не удаётся.

Борис Стругацкий вспоминал в 2000-е годы, с какой ненавистью и презрением к издательству и организаторам ненужной им публикации они с братом писали свой ответ.

Спустя два года, в октябре 1972 г., такая же рукопись, теперь уже повесть «Гадкие лебеди», оказывается на Франкфуртской книжной ярмарке на одном стенде с книгами А. И. Солженицына, В. С. Гроссмана и Б. Окуджавы, что довольно быстро становится известно зампреду Госкомиздата Ю. С. Мелентьеву. На сей раз Стругацким удаётся опубликовать оправдательное письмо в «Литературной газете» 13 декабря 1972 г.

Каждая такая публикация всё более отдаляет Стругацких от официальной печати. По тому же пути идёт и всё философское направление советской фантастики. Но перелом произошёл ещё в 1966–1968 г.

Помимо упомянутых политических и литературных событий, в 1966–1968 гг. изменились общественные настроения. В конце 1967 г. трагически погибает космонавт В. Комаров. Годом позже – Ю. Гагарин. Со смертью В. Комарова космические полёты перестают восприниматься чередой праздников, побед и поводов для гордости[325].

В 1966–1968 гг. отношение власти к фантастике меняется, а фокус внимания общества с социального проектирования смещается на борьбу за свободу слова. Впрочем, неточно говорить, что изменился фокус внимания общества, как такового – просто определенная, активно действовавшая и ставившая своей задачей борьбу с советской системой группа настойчиво навязывала обществу свою повестку дня, используя естественный интерес к запретному, полузапретному или просто необычному. В своей деятельности она пользуется полномасштабной финансовой и информационной поддержкой геополитических конкурентов СССР, причем она не только навязывает свою повестку дня, но и максимально пытается философской и проблемной фантастике советских писателей придать характер оппозиционной и выдать осмысление проблем развития за критику самого вектора этого развития. Таким образом, и фантастика уже выдается за представляющую интерес только как иносказательная критика советской действительности, что ведёт к её разделению на официальную, внимание которой оказывается обращено к истории, и подпольную, которой удаётся встроиться в систему общественных мнений, но не в практику государственных издательств.

Философское направление, связанное с именами Стругацких и занимавшееся социальным проектированием в рамках коммунистической утопии, в 1966 г. потерпело поражение и было отодвинуто в сторону. В дальнейшем фантастика разделилась на официальную и самиздатовскую. Официальная существовала под контролем ЦК КПСС. Её изданием занимался вновь созданный научно-фантастический журнал «Искатель» и новая редакция «Молодой гвардии». Неподцензурная фантастика распространяется в форме рукописей, передаваемых из рук в руки. В частности, так получила известность антиутопия Стругацких «Град Обреченный». Хотя в целом, в этой «полуподпольной фантастике» на деле практически больше не оказалось проблемных и значимых произведений.

Если «Град Обреченный» Стругацких, написанный в 1972 году, действительно был опубликован только в 1988, то в 1970-е годы публикуется целая серия их не менее значимых книг; 1969 год – «Обитаемый остров», «Отель "У Погибшего Альпиниста"», 1971 год – «Малыш», 1972 год – «Пикник на обочине», 1974 год – «Парень из преисподней», 1976–1977 годы – «За миллиард лет до конца света».

Неверно было бы говорить о запрете философской фантастики в СССР и полном уничтожении этого течения. В 1966 г. А. Стругацкий ещё успевает возглавить вновь созданное подразделение Союза писателей, предназначенное для работы с писателями-фантастами. В течение 1970-х гг. продолжают существовать семинары фантастов под руководством Стругацких. Одновременно общий объём издаваемой научно-фантастической литературы уменьшается. Ряд романов Стругацких после 1966 г. были опубликованы в официальной печати – среди них «Обитаемый остров», «Парень из преисподней» и др., хотя их появление и сопровождалась острой критикой[326]. Публицистика Стругацких в 70-е гг. теряет социальный характер.

Таким образом, окончанием первого этапа художественного социального проектирования можно считать 1966 г., второй этап начинается в 1985 г., но носит уже совсем иной характер. Если первый этап социального проектирования характерен для значительной части советской фантастики и поддерживается государственной властью, то второй идет, по сути, в независимом ключе. В 80-е гг. Стругацкие возвращаются к разработке мира Полдня, хотя активные и влиятельные, пусть и малочисленные группы в обществе уже стремятся навязать всему обществу предельно негативистское отношение к коммунистической утопии.

Глава 3. Научно-технический романтизм. Реальная политическая философия братьев Стругацких

Обращение к формату реалистического сценария развития смоделированного Стругацкими общества и пессимистических опасений в отношении проблем на пути его создания поставили перед писателями вопрос осмысления ряда базовых политологических категорий. Поскольку, по их мнению, создание общества, воплощавшего их базовые политические идеалы, требовало активного участия власти, осмысленно ориентированной на цели его создания и не могло осуществляться без сознательного выбора и согласия людей на встречу со связанными с этим проблемами, Стругацкие встали перед проблематикой политико-философской рефлексии по поводу самой природы ряда сущностных явлений политической жизни, что привело их к анализу природы власти, соотношения целей и средств в политике, политики и морали, роли идеологии в политическом развитии.

3.1. Власть в концепте Стругацких

Как оказывает анализ работ Стругацких, система их политических идей, обладая рядом общих, характерных для нее черт, описанных в предыдущей главе, в разные периоды сохраняла в себе главное – приверженность базовому идеалу и ценности общества, где труд для каждого станет главной ценностью и главной радостью жизни.

Не говоря о заявленной в романе «Полдень. XXII век. Возвращение» позиции, уже в 1987 году, когда в общественной жизни страны начинается период антикоммунистического критицизма, Б. Стругацкий пишет: «И чем дальше, тем больше добрых и хороших людей будет в мире, а потом добрых и хороших людей станет подавляющее большинство, и наступит коммунизм – светлое будущее всего человечества…»[327].

В 1993 году, уже после раздела СССР и официального отказа руководства страны от коммунистической идеологии и социалистического строя, он подтверждает: «Мир, в котором высшим наслаждением для людей является их деятельность, в принципе возможен»[328].

В 2000 и 2007 гг. уже много позже кончины брата, Борис Стругацкий повторяет: «Мир Полдня, мир-в-котором-мне-хочется-жить, остался для меня так же притягателен, как и сорок лет назад»[329].

В 2007 году с его согласия вновь публикуется строки: «Я много раз уже об этом писал, но считаю необходимым здесь повторить снова и снова, что я ничего не имею против коммунизма, как общества свободных людей, занятых свободным творческим трудом и воспитанных в представлении о том, что наивысшим человеческим наслаждением является именно этот свободный творческий труд»[330].

Вместе с этим, начиная с 1960-х гг., Стругацкие негативно оценивают ряд действий и решений существовавшей власти, рассматривая их как отход от провозглашаемых базовых принципов: собственно, и перестройку на ее раннем этапе они воспринимают как «борьбу коммунистов с бюрократами»[331].

С определенного момента они, с одной стороны, начинают сомневаться в способности существовавшей власти обеспечить решение задач воплощения описанного ими коммунистического идеала, с другой – начинают все большее внимания уделять анализу самого феномена и природы политической власти. Отправной точкой данного анализа становится упомянутый конфликт Н. С. Хрущева в Манеже, что выливается в их

произведениях в достаточно постоянное обращение к проблеме конфликта власти и культуры.

Однако, шаг за шагом развивая анализ проблемы власти, в разных произведениях они рассматривают разные варианты соотношения власти с обществом, ее средств и целей, приходя на определенном этапе к выводу, что даже наиболее эффективная власть в итоге ведет к упадку, если не имеет целей и смыслов осуществления своего господства, которые могут быть, по их мнению, обеспечены лишь сферой культуры.

3.1.1. Власть versus культура

Первой работой, посвященной этой проблеме, стала повесть «Трудно быть богом»[332]. Острая и болезненная реакция Стругацких на конфликт в Манеже и последовавшие события повлияли на замысел романа, который ранее мыслился исключительно как произведение о приключениях на другой планете «в духе Дюма». В центр книги в результате была поставлена тема конфликта власти и культуры, развившаяся в сложную философско-политическую тему сути власти и методов ее осуществления.

Стругацкие постулируют тезис о том, что в определенной ситуации власть, не сумевшая решить проблемы общества и оказавшаяся неэффективной, в качестве средства обеспечения своей популярности начинает тяготеть к уничтожению носителей культуры, играя на предрассудках многочисленных малозатронутых культурой социальных групп: в первую очередь тех, кого можно было бы условно определить как мещанско-мелкобуржуазные слои.

Стругацкие прямо проводят в этом аналогию с гитлеровской ставкой на мелкую буржуазию, «лавочников», что в итоге оборачивается диктатурой наиболее реакционных групп общества, уничтожающих использованные в качестве ударной силы «серые роты» мелкой буржуазии: «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные».

К теме власти и культуры они обращались в произведениях «Сказка о Тройке» (1968), «Град обреченный» (1972), «Отягощенные злом» (1988), эту тему Б. Стругацкий постоянно комментирует в созданных уже в 1990-е и 2000-е гг. «Комментариях к пройденному», «Интервью длиною в годы».

На первый взгляд, значимость данной темы для авторов можно было бы объяснить шаблонной реакцией представителей интеллигенции на ту или иную степень пренебрежения, проявляемую по отношению к ней власти.

Однако в данном случае вопрос более сложен и носит более концептуальный характер.

Как отмечалось во второй главе, проблематика культуры, просвещения и воспитания играла для Стругацких принципиальную роль в их картине будущего общества: приоритеты общества познания для них выполняют роль обеспечения способности общества к адаптации, система образования – роль производства латентных образцов.

Конфликт власти и культуры вызывает их беспокойство не с точки зрения неприязни к стилю и средствам носителей власти: они всегда были реалистами в отношении к вопросу моральной оценки политической практики[333]. Однако они прогнозируют более опасные последствия подобного конфликта. Анализ художественных произведений и публицистики Стругацких позволяет сделать вывод, что, по их мнению, власть, разорвав с культурной составляющей и находясь в конфликте с ней, не могла обеспечивать создание условий для выполнения двух указанных из четырех функций системы будущего общества: оказывалась функционально не способна его построить.

К концу 1960-х гг. у Стругацких складывается стойкое впечатление, что они расходятся с властью в самом понимании категории «коммунизм»:

> *«Для нас всегда коммунизм был общественным устройством, обеспечивающим каждому гражданину возможность свободно заниматься любимым трудом… В отличие от идеологов КПСС, для которых коммунизм был таким обществом, где весь народ с радостью и удовольствием исполняет предначертания партии и правительства»*[334].

В «Граде обреченном» моделируется ситуация антикризисной диктатуры, создавшей эффективную власть, обеспечившей достойную жизнь жителей – но столкнувшейся с признаками надвигающегося тупика и непонятными моментами в жизни социума:

> *«Ни до Поворота, ни после в Городе не появилось ни одного сколько-нибудь значительного литературного произведения. Одна макулатура. В чем дело?.. – Писателей выдающихся – нет, – продолжал Гейгер. – Художников – нет. Композиторов – нет. Этих… скульпторов тоже нет. – Сам я, лично, не знаю, зачем все это нужно, но я слыхал, что в каждом порядочном обществе все это есть. А раз у нас этого нет, значит,*

что-то не в порядке…»[335].

Главный вывод, к которому приходит правитель, отражая размышления Стругацких: чтобы понять, как избежать приближающегося тупика, нужно изучить и понять, в чем причины того, что Град, созданный в качестве эксперимента, создан так, чтобы в нем не возникала и не развивалась полноценная культура.

Через полтора десятилетия, в разгар Перестройки, авторы в книге «Отягощенные злом» своеобразно синтезируют аспекты проблемы отношения культуры и власти, затронутые в названных выше произведениях. Они строят модель общества, в которой можно выделить три действующие начала: 1. Власть и поддерживающее и ждущее от нее решения своих проблем общество, 2. Вызревающая система будущего в виде созданной талантливым педагогом образовательной системы и 3. Антисистема, или, может быть, система антипросвещения – Флора, отвергающая цивилизацию и создающая лагеря альтернативных форм существования, где отказывающиеся от цивилизации люди начинают вести растительный образ жизни. Антисистема, выступающая как носитель регресса и разрушения социума, противостоит и обществу, и развивающейся образовательно-просветительской системе, вызывает протест общества, требующего от власти ее уничтожения любыми методами, вплоть до силовых.

Однако в результате радикальных действий защиты цивилизованной жизни вместе с антисистемой власть уничтожает и систему культуры и просвещения. Стругацкие в метафорической форме декларируют положение о том, что не понимающая и не являющаяся носителем культуры и просвещения власть, даже пытаясь их защитить, ведет к уничтожению начал, которые как раз должны были бы обеспечить ее развитие и создать систему производства образцов, не позволяющих тенденциям регресса разрушать ее достижения.

В данном случае, на наш взгляд, Стругацкие как раз и пытаются выразить основную, по их мнению, опасность: власть, допустившая разрыв с культурой, даже стремясь создать «общество познания» и необходимую для этого Великую Теорию Воспитания, не сможет достичь своей цели, среди прочего и потому, что не сможет адекватно оценить характер вызовов. И, стремясь защитить себя от того, что угрожает достигнутому цивилизационному уровню, начинает защищать себя и от того, что от него отличается как его же новое состояние и система реализации им же исповедуемых целей.

Таким образом, можно высказать предположение, что классическая проблематика соотношения политических целей и средств для Стругацких приоритетно обладает значимостью не столько в своей этической составляющей, сколько для анализа проблемы эффективности власти при тех или иных ее отношениях с теми или иными целями ее функционирования.

3.1.2. Власть, как самоцель

Первый вариант соотношения власти и целей, анализируемый Стругацкими – *власть, не имеющая целей вне себя самой.* В данном случае речь идет о власти, как самоцели для к ней стремящегося или ей обладающего. В значительной степени такой тип власти моделируется и рассматривается в романе «Трудно быть богом».

Стругацкие рисуют власть, целью которой становится само обладание властью. Последняя превентивно уничтожает начала, потенциально представляющие угрозу для её существования, в результате приводя страну к глубокому кризису, всеобщей неграмотности, хаосу. От уничтожения реальных противников власть переходит к уничтожению потенциальных, затем – к уничтожению союзников, а затем и самоуничтожению. Власть без целей работает на самоподдержание и уничтожает все начала, обладающие отличной от нее субъектностью. Но цели обрекаются на поражение при отсутствии средств или неготовности их использовать.

Первый министр королевства, быстро и почти случайно возвысившись, пытается для закрепления своего положения осуществить ряд программ, – от войны до масштабного строительства – но не может справиться ни с одной. Его позиции слабеют, им недовольны почти все группы в обществе, и тогда он находит для себя новую опору – ненависть городской мелкой буржуазии к феодальной аристократии. На их основе он создает отряды охраны Короны, «Серые роты», однако ориентируется не на выражение собственно экономических интересов последних, а на их предрассудки и направляет политическую активность этих групп против носителей Просвещения, поощряемых аристократией. Разворачивается антипросветительский террор, переходящий в антиаристократический переворот, свергающий монархию.

Однако уход власти от выполнения содержательных требований используемой ею силы приводит к конфликту с лидерами последней, а их отряды становятся опасны самой власти, и для избавления от своей опоры власть вступает в союз с

еще более реакционной силой – клерикально-теократическими группами, в перспективе делая себя не нужной и ей:

> «Мы здесь ломаем головы, тщетно пытаясь втиснуть сложную, противоречивую, загадочную фигуру орла нашего дона Рэбы в один ряд с Ришелье, Неккером, Токугавой Иэясу, Монком, а он оказался мелким хулиганом и дураком! Он предал и продал все, что мог, запутался в собственных затеях, насмерть струсил и кинулся спасаться к Святому Ордену. Через полгода его зарежут, а Орден останется. Последствия этого для Запроливья, а затем и для всей Империи я просто боюсь себе представить»[336].

Стругацкие рисуют власть, целью которой становится сама власть. Такая власть безжалостно уничтожает всё, что может стать угрозой для её существования, тем самым приводя страну к глубокому кризису, всеобщей неграмотности, хаосу. В результате от уничтожения врагов власть переходит к уничтожению союзников, а затем и самоуничтожению. Власть без целей – работает на самоподдержание, уничтожает все вокруг. Но цели обрекаются на поражение при отсутствии средств или неготовности их использовать.

Здесь можно увидеть определенное соотношение со сравнением могущества без целей с целями, не имеющими средств, которое Стругацкие в неполитической ситуации проводили в «Далекой Радуге».

Разница в том, что власть, обращенная в своем целедостижении сама на себя, имеет единственный ресурс достижения цели – собственный интерес. Однако интерес лишь того или иного персонифицированного носителя власти недостаточен для противостояния иным интересам, существующим в обществе. В этой ситуации решать свои задачи он может, лишь вступая в серию союзов с носителями иных целей и иных ресурсов.

Если, таким образом, самоподдерживающая власть достигает непосредственно поставленного результата, поддержанная групповыми агентами политического действия с иными интересами, она оказывается перед выбором: либо быть уничтоженной собственным союзником, целью которого является достижение целей, вытекающих из его интересов и которому теперь не нужен тот, кто помог ему победить его политического противника – либо найти нового социального и политического союзника, уже для освобождения от зависимости от старого.

Вероятность успеха такого маневрирования будет снижаться

к каждому следующему случаю, тогда как каждый новый привлекаемый союзник уже будет являться обладателем предыдущего опыта своего партнера и, следовательно, будет готов к повторению подобной ситуации.

«Что он ни задумывал, все проваливалось… За такие промахи любой министр был бы повешен за ноги на верхушке Веселой Башни, но дон Рэба каким-то образом остался в силе»[337].

Стругацкие описывают ситуацию, при которой власть, олицетворяемая ими в данном персонаже, не имея стратегических целей, должна подтверждать смысл своего существования их имитацией, но не имеет именно потому, что не отражает тех или иных значимых тенденций, не отражая их – не может и в своих текущих целедостижениях им соответствовать; если и ставит те или иные частные цели, то оказывается не способна обеспечивать их достижение.

Эффект от нарастающих неудач покрывается постоянной нарастающей декларацией новых целей:

> *«Он упразднил министерства, ведающие образованием и благосостоянием, учредил министерство охраны короны, снял с правительственных постов родовую аристократию и немногих ученых, окончательно развалил экономику, написал трактат «О скотской сущности земледельца» и, наконец, год назад организовал «охранную гвардию» – «Серые роты»».*

Стругацкие показывают, что власть, не соответствующая запросам системы и не решающая ее проблем, до какого-то момента может покрывать свою недееспособность указанием на иные проблемы, объявляя их более приоритетными, и вытеснять из фокуса внимания системы свои неудачи. Однако раньше или позже она оказывается перед угрозой отторжения системой, и для обеспечения самосохранения ставит цели, носящие уже антисистемный характер, начиная описанное маневрирование уже между антисистемными интересами.

Она остается элементом системы, но ее попытки привлекать к противостоянию с отторгающей ее системой такие силы, только ей представляются игрой с последними, на самом деле являясь игрой этих сил с ней. И, используя их для разрушения системы, которую она представляет, она уже и для них создает запрос на уничтожение себя самой, как части разрушаемого целого.

Власть без целей оказывается властью, не способной исполнять присущие ей функции и лишает себя уже и смыслов своего существования.

3.1.3. Власть и смыслы власти

Тема власти и ее смыслов ставится Стругацкими в центр внимания в их, возможно, наиболее политизированном и оказавшимся во многом пророческом романе «Обитаемый остров» – романе о стране, которая «некогда была значительно обширнее», но, по словам Бориса Стругацкого, «проигравшей войну»[338].

После выхода романа и позже он подчас трактовался негативно относившимися к советской действительности группами как сатира на современное Стругацким советское общество. То, что действие романа не может быть соотнесено со временами его написания, показано в современных исследованиях[339].

Хотя важнее приведенное указание Бориса Стругацкого, говорящее о том, что авторы показали, что будет, если СССР противоборство систем проиграет. Однако нам, в данном сюжете более важны именно моменты анализа проблематики власти и именно в обозначенном контексте – соотношения власти и смыслов.

В представляемом исследовании не ставится задача анализа всего объема политических аллюзий и сопоставлений, имеющихся, в частности в данном произведении, хотя, как нам кажется, здесь есть обширное пространство для политико-философских размышлений, и в последующих разделах исследования некоторые из них еще будут затронуты.

Если говорить о рассмотрении Стругацкими в данном произведении самих аспектов их видения проблематики власти, можно констатировать наличие некого треугольника отношений, в котором содержится определенная комбинация власти, как соединения ее носителя (или претендента на нее), ее средств и ее смыслов и целей.

Стругацкие представляют и рассматривают модель политических отношений, обеспечивающих стабилизацию – но лишенную целей развития, включающую отношения между следующими началами.

Собственно власть, выступающая в двух ипостасях: 1) официальная власть официальных институтов и 2) реальная власть стоящих за ними провозглашаемых высшими носителями власти, но сохраняющих анонимность Неизвестных Отцов, целью которых является поддержание стабильности в стране, находящейся в посткризисном состоянии и под постоянной угрозой внешней агрессии.

Власть опирается в своем господстве на силовые структуры,

но главное – на покрывающую страну систему излучения, лишающую население способности критически осмысливать окружающую действительность. Цель анонимных правителей – собственная власть, но для нее необходима стабильная и относительно благополучная страна, они вывели страну из хаоса, рожденного падением «Старой Империи», осуществляя господство бесчеловечными методами, несут стабилизацию, но лишены целей развития.

Ей противостоит подполье (оппозиция), составленное из множества групп с противоречивыми интересами, противоположными идеалами и расходящееся в своих целях – от намерения просто занять место нынешних правителей до стремящихся уничтожить всю систему гипнотизирующего излучения и вообще всю систему управления, обеспечивающего поддержание жизнеспособности страны.

И на стороне власти, и на стороне оппозиции, в силу сложившихся обстоятельств, действуют представляющие Землю силы, олицетворяющие разное понимание ситуации и разные политические стратегии: оказавшийся на планете в результате катастрофы Максим Каммерер, ставший самостоятельной силой в силу особенностей подготовки и развития землянина XXII века, и резидент Галактической службы безопасности Рудольф Сикорски.

Первый исходит из присущего человеку коммунистического общества неприятия любой диктатуры, тем более осуществляемой посредством электронного подчинения воли людей. Второй – из целей долго подготавливаемого плана спасения планеты, включающего в себя использование существующего в стране гипнотического излучения.

Более важной, чем сама борьба за власть, показывается проблема допустимости использования средств, явно признаваемых бесчеловечными.

Стругацкие описывают, казалось бы, классическую дилемму: «нетерпение потревоженной совести» – и долговременный расчет, предполагающий использование существующих институтов с латентным направлением их деятельности на цели «прогрессорства». Однако они показывают, что первая позиция оказывается столь же безразлична к используемым средствам, как и вторая.

Позиция противостояния деспотии ставит своей целью изменение местного политического устройства, не соответствующего ее представлениям об идеальном мире. Для представляющей ее силы средства вторичны, при определении решения имеет значение только цель – и сама она оказывается определенным типом власти, противостоящей официальной. Но в

своем внешнем противостоянии и она, и существующая деспотическая власть оказываются едины в своей готовности использовать любые средства. Последние вторичны для обеих сторон: смысл действий одной – сохранение ситуации стабильности при допустимости бесчеловечных средств, смысл действий другой – уничтожение практики использования бесчеловечных средств – и уничтожение тоже любыми средствами.

И оба варианта власти обречены на поражение, потому что для успешного функционирования необходим баланс двух компонентов.

Одни предотвращают катастрофу ценой лишения людей их воли, другие защищает свободу воли последних, обрекая страну на катастрофу.

Антитезой «прогрессорству потревоженной совести» Каммерера выступает уже особое начало власти: «прогрессорство разума» резидента Земли, осуществляющего скрытое воздействие на ход политического процесса, рассчитанное на выведение и страны, и планеты из тупика развития.

Здесь средства и цель находятся в равновесии, средства подчинены цели, и её существование всегда на первом плане, однако выбор средств практически не ограничен. Сикорски противостоит и власти, и активизму Каммерера, но авторы ставят вопрос: насколько морально при решении судеб людей руководствоваться только сухим разумом. Разум здесь приводит к возможности и необходимости уничтожения воли людей и манипулированию массами.

По сути, показано столкновение трех политико-философских начал.

Первое: «Власть Отцов» демонстрирует занижение роли цели при завышении роли средств. Второе: «прогрессорство Совести», олицетворяемое Максимом, для которого характерно завышение цели при занижении роли средств. Третье: «прогрессорство Разума», предполагающее и несущее в себе баланс, соответствие избранных средств ранее определенным целям.

И здесь, как представляется, у Стругацких можно усмотреть еще одну постановку вопроса: о соотношении уже не целей и средств – а целей и смыслов. Если под целями иметь в виду то, чего субъект действия хочет добиться, а под смыслами – то, ради чего он хочет этого добиться – в совокупности с определенными ценностными аспектами: что он считает для себя допустимым в достижении тех или иных целей.

Рэба в «Трудно быть богом» имел целью сохранение своей власти, что, в конечном счете, оказывалось бессмысленным и для

системы, и для него самого. Неизвестные Отцы в «Обитаемом Острове» своими целями имеют и сохранение своей власти – но для этого им нужна стабильность в обществе – то есть в их власти появляется смысл для системы.

В первом случае прогрессор (Румата), представляя Землю, переживал трагедию потому, что в своей деятельности также не видел смысла, не имея возможности повлиять на ситуацию. Во втором прогрессор (Каммерер), не имея запретов первого, оказывается способен на нее повлиять. Уничтожая, как кажется, систему управления сознанием людей, он не только достигает цели борьбы, но видит ее смысл в защите права на свободу. Однако, уничтожая средство подавления, в политическом плане не свергает диктатуру, а в системном, уничтожая адаптивные возможности системы, приносит в жертву правам человека его интересы.

Разница между носителями противостоящих стратегий, между Каммерером и Сикорски, оказывается в том, что один отстаивает права, а другой – жизненно важные интересы. Это, на взгляд исследователя, позволяет говорить и о том, что в данном контексте Стругацкие поставили как минимум две особые проблемы. Первая – о соотношении прав и интересов человека. Вторая – та, что любая цель, находящаяся вне смыслов и ценностей, перестает быть целью и снижается в статусе до уровня средства.

«Обитаемый остров» был написан в 1967–1968 гг. и завершен в ситуации, когда Стругацкие, в силу ряда политических и исторических причин, вступили в период, который сами определяли как «идеологический вакуум». Эта проблема будет особо рассмотрена в третьем разделе данной главы, как и ряд моментов, соприкасающихся в этом отношении с темой смыслов власти и властвования, поставленных ими уже в романе «Град обреченный».

Однако из рассмотренного выше, в основном контексте проблематики власти в политических идеях Стругацких, вытекает и еще один аспект рассмотрения: *вопрос о власти как ответственности.*

3.1.4. Власть, как ответственность

Проведенное исследование дает основание говорить, что при сложном отношении к власти как реально действующему политическому началу 1960–1970 гг., Стругацкие относились к ней не как к абстрактной категории или некой внешне существующей политической силе, а как к началу в первую

очередь функциональному. Власть для них не метафизический традиционалистский абсолют, но и не «наемный менеджер» ряда современных теорий.

Судя по всему – и по контексту анализа, и по характеру их критических отзывов о власти 1960–1970-х гг. – они рассматривают власть как средство, инструмент и институт создания будущего общества. Поэтому один из главных моментов и критерий оценки власти – ответственность за решение задач и поставленных ею целей. При этом, как можно видеть из использования ими образов прогрессоров и Неизвестных Отцов, власть для них не связана в первую очередь с официальными государственными институтами. Власть для них внеинституциональна и осуществляется субъектами, опирающимися не на права и полномочия, а на реальные политические возможности, средства и цели.

В их произведениях реальные носители способности к политическому действию по ходу событий всегда доминируют над официальными должностными лицами.

> Для них во всем доминирует момент ответственности. Представляет, среди прочего, интерес концовка ранее упоминавшегося диалога Руматы и Будаха из «Трудно быть богом». Когда в его ходе становится ясно, что ни один, ни другой не могут предложить приемлемого варианта действий, *«Будах тихо проговорил: – Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными… или еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой. – Сердце мое полно жалости, – медленно сказал Румата. – Я не могу этого сделать. И тут он увидел глаза Киры. Кира глядела на него с ужасом и надеждой»*[340].

В неком метафорическом плане названное сочетание эмоциональных реакций: жалость, ужас, надежда – для Стругацких и является художественно концентрированным выражением субстрата ответственности. В этом отношении важным представляется и еще один сюжетный момент «Трудно быть богом».

Акция силового вмешательства в политическую действительность происходит как раз после того, когда посланные Рэбой солдаты убивают Киру – человека, смотревшего на него с «ужасом и надеждой». Думается, речь идет не о мести за возлюбленную: признается неприемлемой ситуация, когда при наличии достаточного ресурса вмешательства – допускается гибель того, кто поверил носителю этого ресурса. Дело не в том,

что убит тот, кого Румата любит: дело в том, что убит тот, кто в него верил – и кого он не смог защитить.

Все ключевые, носящие характер сократовских, диалоги их произведений: между Саулом и героями в «Далекой Радуге», между Руматой и Будахом в «Трудно быть богом», между Максимом и Странником в «Обитаемом острове», между комиссаром и Симоной в «Отеле "У погибшего альпиниста"», между Ворониным и Гейгером в «Граде обреченном», между Сикорски и Бромбергом в «Жуке в муравейнике» – это притчевые диалоги об использовании властных полномочий и о последствиях использования для тех, кого оно коснется.

В «Граде обреченном» Андрей Воронин, пытаясь разобраться в смысле происходящего с ним и их социумом, становится свидетелем того, кто и как ведет игру, предположительными объектами которой они все являются и понимает:

> *«Великий стратег стал великим именно потому, что понял (а может быть, знал от рождения): выигрывает вовсе не тот, кто умеет играть по всем правилам; выигрывает тот, кто умеет отказаться в нужный момент от всех правил, навязать игре свои правила, неизвестные противнику, а когда понадобится – отказаться и от них»*[341].

Здесь фигурируют два словосочетания, оказывающихся центральными в сформулированном наблюдении: «Великий стратег» и «отказ от правил». По сути, речь идет о том, что у власти – нет правил. То есть – нет ограничений: у нее есть стратегия – осознанное целедостижение и наполняющие его смыслы. Власть, по мысли Стругацких, ответственна за следование целям и следование смыслам, которые она приняла. Но если цели и можно поставить по своему желанию (хотя, как мы видели, их нельзя достичь, если эти цели не приняты группами иных интересов), то смыслы являются смыслами только если разделяются твоим обществом или его значимой частью, и соответствуют базовым ценностям последнего.

В концепции власти Стругацких главным требованием к ней выступает ответственность перед смыслами и целями ее деятельности. Но, как видно было из приведенного выше монолога Колдуна, смыслы, цели и задачи, перед которыми несет ответственность власть, в первую очередь значимы как принимаемые существующим обществом: моральное негодование, о котором говорится в данном монологе, оказывается «антиисторичным и смешным», в первую очередь не потому, что не соответствует требованиям разума, а потому, что

противопоставляется «желаниям миллионов».

Выстраивая черты идеальной организации власти в своем видении общества будущего, Борис Стругацкий, специально оговаривает:

> *«Как бы ни было замечательно устроено общество, какие бы прекрасные и воспитанные люди его ни населяли, если в этом обществе возникает тайная полиция – не избежать смерти ни в чем не повинных людей.*
>
> ***– Но тайная полиция будет существовать до тех пор, пока в обществе будут тайны.***
>
> *Б. С: – Вы правы! И поэтому тайная полиция будет существовать всегда. Я не могу представить себе общество без тайн. Но сама мысль о том, что можно построить такое общество, когда от всего нашего мрачного бытия останется только тайная полиция, – эта мысль оптимистична»*[342].
>
> *«Всякое общество, создавшее внутри себя тайную полицию, неизбежно будет убивать (время от времени) ни в чем не повинных своих граждан, как бы ни было совершенно это общество и как бы высоконравственны и глубоко порядочны ни были сотрудники этой тайной полиции»*[343].

Взгляд с другой стороны 5: Стругацкие и секретные службы («бывших» военных переводчиков не бывает)

Один из исследователей творчества Стругацкий, специалист по русской философии и политолог Б. Межуев прослеживает в их работах («Обитаемый остров») аналогии со стилем и биографией Ю. В. Андропова[344]. Причём речь здесь идёт не о написании сатиры на политического лидера. В 1960-е гг. роман был представлен диссидентскими группами как пародия на современную им советскую действительность, хотя как уже в 2000-е годы в ответах на вопросы писал сам Борис Стругацкий, ни в малой степени в намерения авторов подобное не входило: напротив, они на деле писали роман-предостережение о будущем, о том, что случится со страной, если СССР откажется от своей борьбы с капиталистическим миром или проиграет ее.

В 1990-е гг. ряд аналитиков (Кургинян С., Межуев Б.) отметили эту черту «Обитаемого острова», как сбывшегося пророчества. В театральной постановке Кургиняна приводится ряд аналогий между событиями романа – взрывы вышек в романе и пожар в Останкино, прозвище главного героя «Горец» и призыв к штурму Останкино Хасбулатовым в начале 90-х.

Интересны также более глобальные совпадения. Действия романа происходят в стране, «которая некогда была значительно обширнее», теперь же её бывшие провинции угрожают ей войной. В конце романа оппонент главного героя говорит ему о том, что взрывы башен излучения, решавших в романе задачу идеологического контроля над обществом, приведут «к инфляции и хаосу». Последние два элемента в конце 1960-х гг. когда началась работа над романом, и в начале 1970-х, когда он был опубликован, выглядели не слишком актуально и не имели аналогий в советской действительности. Тем не менее, в 90-х гг. смысл образов раскрылся довольно легко.

Б. Межуев, в свою очередь, пишет о том, что впервые этот и другие романы Стругацких привлекли его внимание не только в связи с совпадениями, приведёнными Кургиняном. Как политолога, его заинтересовала причинно-следственная связь событий. Как оказалось, романы написаны со знанием, возможно интуитивным, теории политических технологий. Ряд совпадений причинно-следственных связей с реальными событиями 90-х заставил его задуматься о правдоподобности дальнейшего политического анализа в произведениях. Отчасти эта мысль

стыкуется с той точкой зрения, что аналитической задачей фантастики является моделирование альтернативной истории на основе рассмотрения тех или иных господствующих в обществе либо угрожающих обществу социальных и политических тенденций. Сама достоверность прогноза зависит уже от профессионализма и кругозора авторов, но это верно не только для фантастического или футурологического, но и для любого другого прогноза. Как показала практика постсоветской России, достоверность ряда прогнозов Стругацких достаточно велика.

Наряду с этим Межуев высказывает интересную гипотезу о связи Стругацких с Андроповым.

Говоря о ней, необходимо упомянуть о бытующем в среде недоброжелателей Стругацких, но не упоминаемой обычно в официальной печати версии о сотрудничестве Стругацких[345] со спецслужбами. В защиту этой версии можно привести несколько доводов.

Как можно видеть из биографии А. Стругацкого, базовой профессией его была профессия военного переводчика. Стоит отметить, что сегодня представителями этой профессии в высшей элите страны являются ближайшие соратники В. В. Путина: глава Администрации Президента РФ Сергей Иванов и глава корпорации «Роснефть» Игорь Сечин, оба – прошедшие длительную службу в КГБ и ФСБ.

Долгое время он служил на границе с Японией, в качестве переводчика участвовал в Токийском процессе, читал солдатам лекции об опасности ядерного оружия, и при этом проявлял осведомлённость в сфере вопросов секретного содержания. Затем был переведён из Канска на новое место службы, адрес которого оставить брату не мог (как видно из писем начала 1950-х гг.). В дальнейшем, уже как гражданское лицо, он часто в своих письмах брату упоминал новости, не попавшие в официальную печать, например некие реформы газет и журналов в 1964 г. Вызывает вопросы также привычка А. Стругацкого уничтожать переписку (письма Б. Стругацкого брату по этой причине не сохранились) и несерьёзное отношение его к угрозе карательных санкций к ним с братом со стороны власти. Как вспоминают современники, читая письма и рецензии по делу 1966 г., предоставленные ему друзьями, он лишь смеялся. И в последующем, читая у себя дома(!) написанные в КГБ СССР на него доносы (дома!) – также громко хохотал. Неоднократно в «Интервью длинною в годы» и «Комментариях к пройденному» Б. Стругацкий упоминает о том, что А. Стругацкий часто становился задумчив и молчалив, о том, что он часто не мог говорить всего, что знает, и испытывал от этого затруднения. Кроме того, заметное место в произведениях

Стругацких последних лет («Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер») занимают спецслужбы, и, по всей видимости, авторы симпатизируют их представителю Р. Сикорски – о чем, кстати, Борис Стругацкий в 2000-е годы будет писать прямым текстом.

Не одно из доказательств не является прямым, но все они в комплексе позволяют признать гипотезу о связи Стругацких со спецслужбами имеющей право на жизнь.

Далее, если говорить об отношениях Стругацких с Андроповым, необходимо углубиться в деятельность последнего в конце 1960-х гг.

«Стругацкие приступили к написанию «Острова» в 1967 году. В тот год случилось два важных для понимания сюжета произведения события. В мае 1967-го, после бегства Светланы Аллилуевой на Запад, со своей должности был снят глава КГБ Владимир Семичастный. Его сменил Юрий Андропов (установил «шефство над контрразведкой», говоря языком «Обитаемого острова»). Назначение Андропова и отставка Семичастного стала крупным поражением так наз. «шелепинской партии», выступавшей за прекращение политики «мирного сосуществования» с Западом и за активизацию политических взаимоотношений с Китаем.

Новый удар по этой партии был нанесен Брежневым в июне 1967 года, когда после успешной для Израиля шестидневной войны шелепинцы попытались перехватить инициативу, и в лице первого секретаря Московского горкома Николая Егорычева выступили за военную поддержку Египта и Сирии, а после разгрома арабских стран обвинили Политбюро в недостаточных усилиях по поддержке обороноспособности страны. Некоторые историки даже считают, что Министерством обороны СССР готовилась высадка советского десанта в Хайфе и бомбардировка израильского атомного центра в Димоне. Отдаленным последствием вовлечения СССР в ближневосточный конфликт могла стать новая мировая война с применением ядерного оружия. Поражение арабских стран в войне с Израилем окончательно подорвало могущество «партии войны»: Егорычев был снят со своего поста, Шелепин брошен на профсоюзы.

Когда Стругацкие приступали к созданию «ОО», Андропов был для московских либералов не столько главой КГБ, сколько либеральным руководителем Отдела по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран ЦК КПСС, основным идеологическим противником партии «холодной войны» с ее ставкой на пролетарский интернационализм и мировую революцию. Отдел ЦК, который возглавлял Андропов, включал в качестве «подотдела»

знаменитую группу консультантов – «заповедник либералов». В нее входили будущие творцы перестройки: Александр Бовин, Георгий Шахназаров, Олег Богомолов, Федор Бурлацкий, Георгий Арбатов.»[346]

Такие факты приводит Б. Межуев. В свою очередь появляется вопрос, не могли ли Стругацкие привлекаться к работе в этой группе. Их влияние на общество в этот период находится на пике. Интересы от фантастики, по сути, переходят в социальную сферу. Начинаются проблемы с публикациями, которые отчасти связаны с тем, что Стругацкие теряют интерес к приключенческому роману, и пытаются писать философские монологи в форме литературных произведений («Улитка на склоне»). По крайней мере, туда, по всей видимости, вошли люди из их окружения, так как ряд описаний Департамента специальных исследований в романе «Обитаемый остров» в деталях совпадает с описаниями отдела Андропова.

Сама фигура Р. Сикорски, по мнению Межуева имеет ряд общих черт с Андроповым, а создание романа имело целью формирование мифа об Андропове, с которым на протяжении последующих лет были связаны надежды на умеренные реформы. Таким образом, Стругацкие, в большей степени А. Стругацкий, выступают в его понимании сторонниками и защитниками «просвещённого авторитаризма». Б. Стругацкий же в этом и других произведениях часто выступает в роли его оппонента.

Как отмечает Б. Межуев, «Андроповская тема в творчестве Стругацких отнюдь не завершается «ОО». Она косвенно присутствует в последующем по времени написания крупном сочинении братьев – романе «Град обреченный», который они поспешили утаить от публики и компетентных органов в 1970-е, чтобы выпустить лишь в период «перестройки». Опять же – после всеобщей либерализации и при благодушии поклонников Стругацкие поспешили выдать явно антидиссидентский роман за диссидентский. На самом деле, определенные детали этого произведения (именно виселицы у мэрии города во время путча Фрица Гейгера) вызывают в памяти так наз. «венгерское восстание», активное участие в подавлении которого принял Юрий Андропов. В романе показывается, что изменилось бы в стране социалистического эксперимента в случае торжества националистического и антикоммунистического переворота. Разумеется, читателя подталкивают к выводу, что не произошло бы ничего хорошего. Но, вероятно, в это время Андропов уже не чувствовал необходимости в положительном пиаре среди либеральной интеллигенции и о публикации романа (при этом в отличие от «00» явно не обреченном на читательскую

популярность) на время пришлось позабыть. Но к теме Странника братья вернулись в 1979 году в «Жуке в муравейнике». Как бы не трактовать финал этой повести, одной из лучших в творчестве Стругацких, – нельзя не заметить отразившегося в ней сложного отношения к описанному ими персонажу.

3.2. Цели и средства в научно-техническом романтизме

Своеобразным концентратом двух классических проблем: соотношения целей и средств в политике и взаимодействия политики и морали в политической рефлексии Стругацких выступает проблема взаимоотношения морали и политической ответственности, во многом перекликающаяся с веберианским различением «этики убеждения» и «этики ответственности», но в то же время и отличающаяся от него.

Обращаясь к проблеме ответственности как главного критерия и ограничителя власти в понимании Стругацких, можно обратить внимание на ряд важных моментов, выводящих проблематику власти в иную плоскость рассмотрения. Первый – отсутствие системы принуждения и наказания в мире Полдня, во всяком случае, отсутствие институализированной системы. Второй – постоянное выведение во всех произведениях на первый план морального выбора. Третий – постоянно существующая дилемма: приоритет должного или приоритет ответственности.

Нужно подчеркнуть, что речь идет именно о моральной ответственности, не за последствия для себя, а за последствия для социума или минисоциума. Человек в политическом действии у Стругацких существует не в его отношениях с оценкой окружающих, а в отношениях со своей совестью и результатом своих действий для тех людей, с кем он взаимодействует.

Когда уже в 2005 году Борису Стругацкому был задан вопрос: «Как в мире Полдня решен вопрос ответственности за общественно опасные и общественно вредные проступки?», – он ответил: «Предполагали, что высшим (и самым эффективным) наказанием (расплатой) за дурной поступок для воспитанного человека будут муки совести»[347].

Основной регулятор поведения людей в описанной ими утопии, которая сама по себе является сциентистской утопией, – мораль. При этом, говоря о роли морали и совести, Стругацкие в разных ситуациях неявно как бы подразделяют саму совесть на два ее проявления: «совесть как моральное негодование» и «совесть как ответственность за проблему». В этом отношении можно определить общую проблему, поднимаемую Стругацкими в качестве проблемы соотношения морали и ответственности в том смысле, и имея в виду, что в первом случае речь идет о своего рода узком понимании морали как должном, во втором – об ответственности как аспекте более широкого явления морали.

В этом отношении представляется наиболее значимым рассмотрение следующих срезов данной проблемы в понимании Стругацких: l) взаимоотношения «морального негодования» и ответственности; 2) соотношение совести и разума; з) проблема ответственности за безопасность; и кроме этого 4) вопрос о применимости норм отношения человеческого общества к тем, кто его представителями не является.

3.2.1. Ответственность versus «моральное негодование»

Наиболее ярким обращением к проблеме ограниченности действия, диктуемого «моральным негодованием», является монолог Колдуна в «Обитаемом острове» в той его части, где речь идет о «нетерпении потревоженной совести», готовой заплатить за свое нетерпение войной и миллионами человеческих жизней:

> *«Нетерпение потревоженной совести! – провозгласил Колдун. – Ваша совесть избалована постоянным вниманием, она принимается стенать при малейшем неудобстве, и разум ваш почтительно склоняется перед нею, вместо того, чтобы прикрикнуть на нее и поставить ее на место. Ваша совесть возмущена существующим порядком вещей… пусть лесовики будут растоптаны, пусть русло Голубой Змеи запрудится трупами, пусть начнется большая война, которая, может быть, приведет к свержению тиранов – все для благородного идеала».* [348]

Собственно, в том или ином виде этот вопрос присутствует во всех их значимых работах. Сочувствие землян к каторжникам в «Попытке к бегству» лишает последних надежды на освобождение. В диалоге сотрудников Института экспериментальной истории в «Трудно быть богом» вспоминаются поддавшиеся моральному протесту их коллеги, которых они называют «спринтерами с коротким дыханием», внедренные для изучения ситуации, пытавшиеся поднять восстание против отторгаемых ими средневековых порядков и заплатившие за это ухудшением как раз той ситуации, которую они пытались исправить:

> *«Румата криво усмехнулся и без особой надобности принялся подтягивать ботфорты. Спринтеры. Да, спринтеры были. Десять лет назад Стефан Орловский, он же дон Капада, командир роты арбалетчиков его*

императорского величества, во время публичной пытки восемнадцати эсторских ведьм приказал своим солдатам открыть огонь по палачам, зарубил имперского судью и двух судебных приставов и был поднят на копья дворцовой охраной. Корчась в предсмертной муке, он кричал: «Вы же люди! Бейте их, бейте!» – но мало кто слышал его за ревом толпы: «Огня! Еще огня!..»

Примерно в то же время в другом полушарии Карл Розенблюм, один из крупнейших знатоков крестьянских войн в Германии и Франции, он же торговец шерстью Пани-Па, поднял восстание мурисских крестьян, штурмом взял два города и был убит стрелой в затылок, пытаясь прекратить грабежи. Он был еще жив, когда за ним прилетели на вертолете, но говорить не мог и только смотрел виновато и недоуменно большими голубыми глазами, из которых непрерывно текли слезы…

А незадолго до прибытия Руматы великолепно законспирированный друг-конфидент кайсанского тирана (Джереми Тафнат, специалист по истории земельных реформ) вдруг ни с того ни с сего произвел дворцовый переворот, узурпировал власть, в течение двух месяцев пытался внедрить Золотой век, упорно не отвечая на яростные запросы соседей и Земли, заслужил славу сумасшедшего, счастливо избежал восьми покушений, был, наконец, похищен аварийной командой сотрудников Института и на подводной лодке переправлен на островную базу у Южного полюса…». [349]

В последнем романе «Отягощенные злом» почти вся проблема построена вокруг предупреждения о том, что даже оправданный и понятный протест против уродливых тенденций в жизни общества может обернуться уничтожением не только регрессивных, но и нарождающихся прогрессивных тенденций.

Можно сказать, что, по мысли Стругацких, то явление, которое они называют «нетерпением потревоженной совести», оказывается стремлением не решить проблемы несовершенной действительности, а оправдать себя в своих собственных глазах, очистить не окружающих от той реальной боли, которую испытывают они, а себя от своей внутренней моральной боли, не отвечая за то, какими для окружающих будут последствия собственного морального успокоения. Румата в «Трудно быть богом» с ужасом останавливает себя:

«..Мы же были настоящими гуманистами там, на Земле, гуманизм был скелетом нашей натуры, в

преклонении перед Человеком, в нашей любви к Человеку мы докатывались до антропоцентризма, а здесь вдруг с ужасом ловим себя на мысли, что любили не Человека, а только коммунара, землянина, равного нам…». И он вынужден говорить себе: «Стисни зубы и помни, что ты замаскированный бог, что они не ведают, что творят, и почти никто из них не виноват, и потому ты должен быть терпеливым и терпимым…».

Здесь можно говорить об определенной соотнесенности их позиции с проводимым М. Вебером в знаменитой работе «Политика как призвание и профессия» различении «этики убеждения» и «этики ответственности». Однако в различении, проводимом им, и анализе Стругацких можно увидеть и существенные отличия, о которых речь пойдет ниже.

«Потревоженная совесть», по мысли Стругацких, потревожена несовершенством мира и болью людей, страдающих от этого несовершенства, – и оказывается неспособна увидеть и соотнести, что окажется для людей большим страданием – рожденное существующим несовершенством или оказавшееся последствием борьбы за его исправление.

И здесь есть аналогия с приводимым М. Вебером образом синдикалиста: *«Исповедующий этику убеждения чувствует себя «ответственным лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например, пламя протеста против несправедливости социального порядка. Разжигать его снова и снова – вот цель его совершенно иррациональных с точки зрения возможного успеха поступков».*

Возвращаясь к вопросу о последствиях действия исключительно «по велению совести», они ни в одном из сюжетов не показывают позитивного для ситуации разрешения последней. И все время подчеркивают, что «моральное негодование» способно только в той степени выполнять полезную роль, в какой ограничено ответственностью за последствия: *«…Настоящая взрослость человека, по-моему, возникает у него тогда, когда появляется чувство ответственности»*[350]. М. Вебер в этом отношении вспоминает слова о тех, для кого *«величие отчего города важнее, чем спасение души».*

Можно обратить внимание, что для двух, в реальной политической жизни часто противостоящих, начал: власти и «потревоженной совести» они видят необходимость одного и того же ограничения – ответственности, рассматривая и первое, и

второе как сами по себе ограниченные и несущие в себе тенденцию к абсолютизации и разрушению.

И для них абсолютизация и неограниченность морального императива выглядит столь же развращающим началом, как и абсолютизация неограниченной власти.

Возможно, поэтому, говоря о путях совершенствования мира, Борис Стругацкий отмечал: *«…Мы не собираемся разрушать старый мир, пусть он существует сам по себе. С мещанством, с хиппи, со всем. А мы будем строить свой, параллельно, ничего не разваливая. Но и себе мешать не позволим»*[351].

3.2.2. Совесть и Разум в политическом действии

Разрешение противоречия между совестью как «моральным негодованием» и совестью как ответственностью за результат и за последствия, Стругацкие видят в опосредовании совести разумом.

Они противопоставляют два типа взаимоотношения последних. Первый тип – разум, подчиняющийся совести, выполняющий роль ее слуги: *«Разум ваш почтительно склоняется перед нею, вместо того, чтобы прикрикнуть на нее и поставить ее на место… разум послушно и поспешно ищет пути изменить этот порядок»*[352].

Здесь разум служит идеалу, не учитывает цену, которую нужно платить за успокоение «потревоженной совести», равно как и не регулирующий ее оценки и ее требования. По мнению авторов, это отношение ущербно, они видят задачу разума не только в том, чтобы служить совести, но в том, чтобы выполнить функцию ее ограничения. Оппонирующее мнение – в позиции Максима, разводящего функции совести – ставить задачи и разума – искать дороги к их решению: *«Разум ищет к ним дороги. Это и есть функция разума – искать дороги».* И это положение Стругацкими не оспаривается; выдвигая его как антитезис, они с ним как таковым соглашаются. Но они выдвигают в качестве противостоящего типа отношения между совестью и разумом другой, где разум не подавляет совесть, но ограничивает ее от абсолютизации, желания подчинить стремления миллионов собственным этическим требованиям и осуществить над ними диктат своего идеала. Их позиция, излагаемая Колдуном объемнее:

> *«…У порядка есть свои законы. Эти законы возникают из стремлений огромных человеческих масс, и меняться они могут тоже только с изменением этих*

стремлений… Итак, с одной стороны – стремления огромных человеческих масс, с другой стороны – ваша совесть, воплощение ваших стремлений».

Причем названное первое состояние – *«оглушенный совестью разум»* – будучи *«оглушенным»,* оказывается неспособен указать и эффективные пути к достижению цели, сам предложенный план оказывается неудачен. И поэтому они выдвигают в качестве противостоящего первому типу отношения между совестью и разумом другой, где разум не подавляет совесть, но огранивает ее от собственной абсолютизации. От субъективистского желания подчинить стремления миллионов собственным этическим требованиям и осуществить над ними диктат собственного политического идеала.

«Совесть действительно задает идеалы. Но идеалы потому и называются идеалами, что находятся в разительном несоответствии с действительностью. И поэтому, когда за работу принимается разум, холодный, спокойный разум, он начинает искать средства достижения идеалов, и оказывается, что средства эти не лезут в рамки идеалов».

По их мысли, совесть и разум всегда оказываются в противоречии: совесть задает идеальные цели. Но разум приходит к выводу, что достижение этих политических целей возможно только средствами, которые этим же идеалам и противоречат. И здесь выступает его регулирующая, адаптирующая по отношению к совести функция.

Здесь можно уже увидеть существенное расхождение в постановке вопроса М. Вебером и Стругацкими. Первый противопоставляет этики «убеждения» и «ответственности» и, противопоставляя, говорит об ограниченности каждой из них и одновременно – об относительности такого противопоставления. Для Стругацких обе эти этики скорее вмещаются в понятие велений «потревоженной совести»: от «этики убеждения» в нем есть установка на протест, но в отличие от нее указанное состояние ориентировано не на «процесс протеста», а на достижение требуемого результата, что скорее относится к «этике ответственности».

Для них противостоящим состоянием является скорее *состояние «адаптирующего совесть разума»,* цель которого не сам по себе результат, а совокупность изменений, которые становятся его последствиями.

Совесть в противостоянии действительности осуществляет

идеальное целедостижение, однако встает перед и этической, и функциональной проблемой – какова ее подлинная цель: осуществить адаптацию окружающего мира к собственным латентным образцам или к требованиям его миллионных масс.

Решение первой задачи оказывается адаптацией к собственным образцам уже не просто не соответствующей им действительности, но интересов и желаний основной массы общества. Решение второй требует интеграции собственных образцов с интересами этой массы и интеграции самих этих интересов.

Можно сказать, что для них идеал оказывается моральным и имеющим право на попытку адаптации к себе действительности, когда он опирается на интеграцию существующих в нем интересов или, во всяком случае, основной массы представителей данного социума. Остальное, по их мнению: «Смешно и антиисторично».

Центральным требованием к соотношению приоритетов совести и разума является их равновесие. Это понятие открывает монолог, который формально относится к равновесию существующих в обществе сил. Но, учитывая его содержание, он относится, возможно, в большей степени, к равновесию начал совести и разума, каждое из которых не должно подчинять себе другое:

> *«Пусть ваша совесть не мешает вам ясно мыслить, а ваш разум пусть не стесняется, когда нужно, отстранить совесть…».*

Таким образом, можно говорить, что Стругацкие выводят своего рода формулу ответственности, которую они рассматривают как определенное развитое состояние совести: совесть как

> *моральное негодование («потревоженная», «неразвитая», лишенная ответственности совесть) – разум – совесть-2 (ответственность/обогащенная разумом совесть).*

Представление о такой «обогащенной разумом» совести как релевантном основании политического действия, как мы можем видеть, сближает позицию Стругацких с пониманием И. А. Ильиным категории «правосознания», существо которой последний определял как «живое чувство ответственности».

Ответственность, по мнению Стругацких, является элементом совести, но невозможна вне опосредования разумом. Как таковая,

она включает в себя разумность, но не существует вне требований совести. Здесь можно увидеть связь с названным во второй части их же тезисом:

«Прогресс вне морали. Но человек не может быть вне морали».

И как таковая она образуется в процессе перехода из сферы совести в сферу разума – и из сферы разума – в сферу совести[353].

То есть, в отличие от М. Вебера, они ведут речь не о противопоставлении совести и разума, а о противопоставлении, скорее, совести не опосредованной разумом и совести, им опосредованной. Ответственность для них есть не аналог противостоящего совести разума, а *«совесть, опосредованная разумом»,* в известном смысле выступая по отношению к «совести-1» в той роли, в какой в классическом психоанализе «супер-эго» выступает по отношению к «эго».

3.2.3. Ответственность за безопасность

Проблема и категория ответственности оказываются в известной степени интегрирующими все произведения Стругацких. На фоне этого, как говорилось выше, она не имеет институализированного измерения – в мире Полдня нет государства как такового, нет формальной высшей политической власти, борьбы за власть и институтов подавления – как минимум в базовом произведении «Полдень, XXII век. Возвращение».

Однако, во-первых, по определению виделось, что моделируемое ими общество не беспроблемно. Если же в обществе есть проблемы, в нем всегда должны быть и структуры, отвечающие за решение этих проблем, во всяком случае, если в этом обществе одним из интегрирующих начал является ответственность. В «Далекой Радуге», где описывается угроза, связанная с утратой ответственности за научно-техническую мощь человечества, еще не фигурируют службы, связанные с предотвращением этой угрозы. О них не говорится и в «Попытке к бегству», где ставится вопрос об ответственности за отношения с другими цивилизациями. Но уже в «Трудно быть богом» идет речь об особой структуре, ведущей работу с отсталыми цивилизациями – Институте экспериментальной истории – при безусловной академичности своего названия, по существу, ведущей разведывательную работу на других планетах и изучающей возможности воздействия на их, в частности, политическую жизнь. И в той или иной мере такое воздействие осуществляющей.

Земля описанного Стругацкими этапа развития почти забыла

о войнах прошлого, – герои не могут с точностью вспомнить имя Гитлера – но она существует не изолированно и находится в контакте с рядом других цивилизаций разного уровня развития: существенно отставшими от нее, примерно равными и, как становится ясно в романе «Жук в муравейнике», есть основания подозревать существование цивилизации более высокого уровня, но обнаружить саму ее не удается.

Это с неизбежностью предполагает существование структур, несущих ответственность за безопасность, как минимум, рискованного использования достижений науки и техники, внешнюю разведку, контрразведку и т. д.

В «Обитаемом острове» один из главных героев является сотрудником Службы глубокого поиска – это еще не спецслужба, но система, осуществляющая поиск неизвестного в Космосе. В финале книги он встречается с противостоявшим его бурной деятельности, продиктованной «нетерпением потревоженной совести», резидентом ГСБ – Галактической службы безопасности. В следующей книге они оба являются сотрудниками КОМКОНа-2, «комиссии по контролю» – о которой сами жители мира Полдня имеют приблизительное представление.

В целом в книгах о мире Полдня упоминаются следующие структуры подобного рода: КОМКОН – Комиссия по контакту с иными цивилизациями[354]; КОМКОН-2 – Комиссия по контролю научных достижений, в задачи которой входит противодействие возможному вмешательству в развитие Земли извне[355], дата создания которой символически приходятся на 2137 год; Совет Галактической Безопасности (СГБ)[356]; Институт экспериментальной истории[357], а также упоминавшиеся, но более подробно не описывающиеся Группа свободного поиска и Галактическая служба безопасности.

Это, как можно увидеть из ряда комментариев Бориса Стругацкого, осознанная позиция – самое идеальное общество не может существовать без спецслужб: признание центральной категорией ответственности за свои действия включает ответственность и за позитивные, и за негативные действия.

Проблема ответственности за безопасность поднимается Стругацкими в трех книгах о мире Полдня[358] и, частично, в отдельной повести «Отель у „Погибшего Альпиниста“». В каждом случае речь идет о разных аспектах безопасности – риска опасных научных экспериментов, возможной угрозы извне, угрозы вызревающей внутренней опасности.

В наиболее сконцентрированном виде проблема оказывается прописана в «Жуке в муравейнике». В силу ряда обстоятельств, КОМКОН-2 получает основания подозревать, что один из

работавших на другой планете прогрессоров является биороботом неизвестной и более могущественной, чем Земля, цивилизации и прорывается на Землю, а именно – в центр, где хранится устройство, теоретически способное оказать на него некое неизвестное воздействие. Неизвестно, существует эта цивилизация или нет. Неизвестно, имеете к ней отношение Лев Абалкин, которого подозревают в том, что он искусственно создан ею или нет. Неизвестно, по какой причине он рвется в названный центр и знает ли он что-то о данном устройстве или нет. Неизвестно, что произойдет, если он им овладеет.

Возможно, опасности нет, возможно – она есть. Насколько серьезная – неизвестно. Но если все обстоит так, как подозревают на основании имеющихся фактов, которые можно трактовать и иначе, опасность может оказаться смертельной. Рудольф Сикорски, «Странник», бывший когда-то резидентом Земли на Сарракше в «Обитаемом острове» и возглавляющий сегодня КОМКОН-2, курирующий эту проблему с момента ее возникновения, стоит перед выбором между верой в возможность благоприятного развития и в то, что угроза мнима и негативным сценарием, в котором угроза смертельна. Он пытается прояснить ситуацию, контролировать ее, но когда Абалкин входит в контакт с хранящимся устройством – убивает его.

По последующему пояснению Бориса Стругацкого, авторы имели ввиду, что Абалкин действует абсолютно из иных побуждений и никакой опасности не представляет. Сикорски действует на основании известных ему фактов и событий и отвечает за безопасность Земли: может быть, человек абсолютно безопасен – может быть он смертельно опасен.

И Стругацкие показывают, что он неопасен, но Сикорски – не может, не имеет права его не убить.

Данный сюжет и данная проблема одна из наиболее обсуждаемых в творчестве Стругацких, тем более, что в романе авторы не дают на нее ответа – они предлагают искать его читателю.

> Авторами имелось в виду: опасности нет, но решение должен принять тот, кто этого не знает и, действуя на основании известных ему фактов, отвечает за безопасность Земли. В последних интервью Борис Стругацкий говорит: ***«Либо берешь на совесть груз крови и стыда, но зато разом отрезаешь от человечества неконтролируемую угрозу. Либо ставишь под удар человечество, а сам при этом – весь в белом»***[359].

И они показывали, как тяжело принимать решение в этой ситуации:

> *«… Очень хорошо его (Сикорски) понимаю и вполне ему сочувствую… Спецслужбам нужны и такие люди, как Сикорски (к которому авторы всегда относились с большим уважением и симпатией) – тоже».*

Как писал Борис Стругацкий, «было совсем не интересно писать… боевик о разоблачении и уничтожении супердиверсанта сверхцивилизации». Совсем другая идея представлялась им и более плодотворной, и менее тривиальной:

«Всякое общество, создавшее внутри себя тайную полицию, неизбежно будет убивать (время от времени) ни в чем не повинных своих граждан, – как бы ни было совершенно это общество, и как бы высоконравственны и глубоко порядочны ни были сотрудники этой тайной полиции».

И, по мнению Стругацких, такие службы должны существовать вечно. Причем, можно увидеть, что для них последнее утверждение вытекало из трех неоспоримых обстоятельств: вечно будут существовать тайны; вечно будет существовать проблема безопасности человечества и цивилизации; вечно будет существовать проблема ответственности человека. В частности и потому, что для авторов способность к ответственности – показатель зрелости и состоятельности человека, и потому, что, не имея ответственности, человек, по их мысли, просто погибнет, не справившись с им же созданными силами цивилизации.

> И для организации, отвечающей за безопасность, ситуация определяется одним: ***«…Нам. одного не простят, если мы недооценили опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы обязаны предположить, что где-то рядом, объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах***»[360].

Человек, по мысли Стругацких, способен к тому, что они называли Вертикальным Прогрессом: новому типу прогресса, основанному не на борьбе за существование, а на поиске и стремлении к познанию. Но пока он остается человеком, он всегда будет вынужден нести бремя ответственности, и чем больше его могущество, тем за большее он должен отвечать, и

всегда он будет стоять перед проблемами морального выбора.

3.2.4. Нормы человечества и представители нечеловечества

Однако если речь идет о моральном выборе и моральной ответственности человека, в основе его лежат нормы и ответственность перед человеческим обществом. Проблема Сикорски, среди прочего, заключалась и в том, что он не знал, человек ли перед ним. Не в том отношении, что «другого» нужно или можно уничтожить просто потому, что он другой, а потому, что нормы отношения к последнему оказывались неопределенны в неопределенности его отношения к людям. Неизвестность определяла как вопрос, опасен ли он, так и вопрос – распространимы ли вообще на него нормы взаимоотношений между людьми.

И этот вопрос ставится Стругацкими еще ранее: в упомянутой повести «Отель "У погибшего Альпиниста"». Инспектор полиции должен решить: перед ним либо преступники, которых нужно задержать, либо инопланетяне – и если последние, то они, возможно, враги – и тогда их тоже нужно задержать, либо не враги, и их нужно спасти от охотящихся на них преступников. И никакой информации нет, но нужно принимать ответственность на себя и им поверить.

> Только: «В том-то и дело, черт возьми, что я верил. Я не первый год работаю, я чувствую, когда люди говорят правду. Но ведь люди же, люди! А если я поверил, то они для меня уже не люди!.. Да я просто не имею права верить. Это просто самоубийство – верить! Это значит – взять на себя такую ответственность, на которую я не имею никакого права…»[361].

Логический парадокс: судя по всем человеческим оценкам – им можно верить. Но если им верить, нужно признать, что они – не люди. Тогда к ним не применимы те самые параметры, которые требуют им поверить.

Более того: тот же вопрос ставится в скрытой форме Стругацкими уже и в «Трудно быть богом», когда Румата начинает бояться, что привитый сотрудникам Института экспериментальной истории, как и всем людям Земли, гуманизм распространяется не на всех – только на них, на коммунаров:

> *«Да полно, люди ли это? Неужели они способны*

стать людьми, хотя бы со временем?»[362] *И звучащие у него в голове мысли при общении с жителями планеты: «Протоплазма, – думал Румата. – Просто жрущая и размножающаяся протоплазма».*

Сравним с эпитетами самого Аркадия применительно к антисоветчикам-поселенцам по месту его службы: ««уголовники, дерьмо, ссыльные кулаки» и оценивает следующим образом: «Сволочьё! Воспитывай их, таких вот мерзавцев»[363].

Землянам удается воздерживаться от насильственного вмешательства именно самоуверением в том, что перед ними люди, такие же, как они, но еще не ведающие, что творят. Но когда начинают убивать на их глазах тех, кто уже стал в их понимании человеком[364], – человек оказывается вынужден определить, в ком он видит людей: в тех, кто является ими биологически, или в тех, кто является ими морально:

«У него больше не было сомнений. Он точно знал, кто во всем виноват, и он точно знал, чего хочет: рубить наотмашь, предавать огню, сбрасывать с дворцовых ступеней на копья и вилы ревущей толпы…»

Поставив вопрос о применимости или неприменимости человеческих норма к тем, кто не является человеком, они определили его – человека – как в первую очередь идентифицируемого не биологически, а морально. Однако тем самым заложили определенное противоречие между признанием, идентифицирующим человека началом морального, «полисного», – и собственным признанием недопустимости навязывания человеку своих латентных образцов.

Однако именно этого противоречия – как любое противоречие и рождало развитие их политической философии и заставляло анализировать проблему права на вмешательство в жизнь иного полиса, иной культуры и истории с разных точек зрения, признавая, с одной стороны, и ответственность и обязанность на воздействие – с другой. Запрещая уничтожать базовые ценности любого человека, обязывая включать их в ту ценностную и идеологическую систему, которую предполагалось ему передать.

3.3. Идеология versus обреченность

3.3.1. Семидесятые: идеологический вакуум

«Обитаемый остров» Стругацких был закончен в сентябре 1968 г. Отвлекаясь от всего разнообразия трактовок его политических аллюзий, мы можем говорить о двух достаточно определенных и имеющих значение для данного исследования вещах.

Первое. Этот роман стал концентрированным изложением позиций и размышлений авторов о политической власти, ее методах, характере, целях и последствиях политической борьбы, и наступающем подчас разительном несоответствии романтических мотивов этой борьбы с реальными ее разрушительными последствиями.

Второе. Именно после написания этого романа Стругацкие оказываются в состоянии определенного идеологического кризиса. Основой его было нарастающее расхождение, как они полагали, в их представлениях о коммунизме и противоречивой практикой власти, которая формально объявляла строительство коммунизма своей целью[365]. Это расхождение накапливалось постепенно, от болезненной реакции на ***известные решения XX съезда КПСС, который они, по признанию Б. Стругацкого, относили к «странным событиям»***

> *– «ничего более странного представить себе не могу»: «Я был именно таким: …был уверен, что в 37-м уничтожали врагов народа («и правильно делали»); блокаду перенес благополучно (никогда не жаловался – ни во время, ни после); Сталина считал величайшим человеком Вселенной и был готов отдать за него жизнь в любую секунду… «органы не ошибаются» и «все, что делает Сталин, – делается правильно», —*

что было тогда сглажено реакцией на запуск первого космического спутника, полет Ю. Гагарина и отражавшую их мечты и представления о мире «Программу строительства коммунизма»[366] и конфликта Н. С. Хрущева в Манеже до конфликтных чехословацких событий 1968 года.

Кроме того, стала меняться атмосфера в гражданском обществе: на место идеям форсированного строительства коммунизма стала приходить идея длительного «планомерного поступательного движения». Одновременно некоторые, скажем

так, «стилистические особенности» поведения власти вызывали определенное недоумение и непонимание как раз у многих из тех, кто в полной мере разделял романтику и пафос «прорыва в будущее», коммунистического «мира Полдня».

В этой ситуации Стругацкие приходят к выводу о невозможности таким путем обеспечить реализацию коммунистической идеологии, но одновременно для них неприемлемым оказывается переход на позиции антикоммунистической и буржуазной идеологии, *«понимая все ее убожество. Так мы оказались в идеологическом вакууме, без какой-либо опоры под ногами»*[367].

Парадокс позиции Аркадия и Бориса Стругацких заключается и в том, что, не отказываясь от идеи коммунизма как конечной точки развития человечества, начиная с конца 60-х гг. они все более критично относятся к действиям существовавшей в тот момент власти, полагая, что последние скорее затрудняют движение к коммунизму, чем его приближают. И не считают естественным путём к нему то состояние социалистического общества, каким оно было в СССР в 1970-е гг.

Идеологический кризис, в котором они оказались, можно охарактеризовать в следующих параметрах:

– Первое. Они сохраняют веру в идеалы коммунистического общества, которые были описаны ими в их мире Полдня – но не видят средств достижения этих целей;

– Второе. Одним из принципиальных отличий утопии Стругацких от утопий большинства других авторов того времени становится как раз представление о возможности создания подобного мира в ближайшем будущем на основе уже тех людей, которые были их современниками. Предположение, что в ближайшем будущем задачу решить не удастся, означает не просто ошибку в предсказании сроков, а возможную ошибку в исходной оценке человека как субъекта политики;

– Третье. Сомнение в реализуемости целей не в силу неверности целей, а в силу отсутствия средств их реализации, приходит в противоречие с одной из основных их идей о значимости целей, и о том, что человек, имеющий достойную цель, всегда окажется сильнее имеющего средства, но не имеющего цели. То есть, наносится удар и по основам их антропологического оптимизма, и по базовому представлению о могуществе человеческой способности к созиданию.

Судя по многим последующим их высказываниям о роли интеллигенции, они испытывают разочарование не только в способностях власти, в которую раньше верили, строить коммунизм, но и в способности тех, на кого они надеялись,

«массового научного сотрудника», быть основой нового общества: «Мы не раз писали и об интеллигенции тоже – без особой жалости и пристрастия. Возьмите, например, «Хромую судьбу». Или «Град обреченный». Или «Жиды города Питера». Я уж не говорю о «Поиске предназначения». Мы очень давно перестали идеализировать интеллигенцию». И далее: «Она (интеллигенция) на деле доказала, что в таких вопросах, как подсиживание друг друга и выбивание дачных участков (а равно – внеочередных квартир, бесплатных путевок и безвозвратных ссуд), не уступит никакой другой прослойке общества».

Кризис уверенности в достижимости целей ставит Стругацких перед проблемой возможности или невозможности существования человека и социума вне какой-либо идеологии: в их глазах это проблема власти и гражданского общества, не имеющих целей. Сами Стругацкие никогда не отказывались от коммунистической идеи, однако теперь для них подорвана уверенность в носителях коммунистической идеи, вера в средства ее достижения и возможность ее достижения в ближайшей перспективе – но человек, видевший победы «Рассвета», не может не верить в «Полдень».

Кризис уверенности в достижимости целей одной идеологии при ценностном отторжение ей противостоящей ставит Стругацких перед проблемой возможности существования человека и социума вне какой-либо идеологии. Перед Стругацкими встаёт проблема идеологического вакуума – проблема власти и гражданского общества, не имеющих целей.

В дальнейшем эта тема проходит через все их работы, в первую очередь «Град обреченный» и «Парень из преисподней», написанные в начале 1970-х гг.

3.3.2. Чуждые ценности versus отсутствие ценностей

Проблема тяжести утраты идеалов оказалась главной в повести «Парень из Преисподней». Сами авторы первоначально рассматривали ее как написанную исключительно по финансовым соображениям, но, как позже отметил Б. Стругацкий: «…Сейчас я готов признать, что повесть, скорее, получилась. Особенно, если учесть, что я до сих пор так и не понял сам, нравится мне Гаг (как человек, как личность) или нет. Такая неоднозначность – важный признак удачи»[368].

Прибавление. Утрата ориентиров.

Тем не менее, как считали Стругацкие, теория и практика коммунистического строительства в СССР в основе своей были различны.

В статье 1987 г. Аркадий Стругацкий рассказывает об атмосфере этих лет, но не называет ни дат, ни конкретных событий:

«В начале шестидесятых уже стало ясно, что все не так просто. Было абсолютно непонятно, кто это светлое будущее создаст… где эти люди? Нет, они были вокруг, но их было очень мало – как раритеты, как редкие марки. Десятки из тысяч, десятков и сотен тысяч. Стало ясно, что тех, кто мешает, гораздо больше тех, кто помогает. Наступил естественный период разочарования. Мы потеряли ориентировку тогда…»[369]

Осмысливая проблему утраты ценностных оснований, Стругацкие постулируют положение о том, что утрата ценностей и идеалов страшна сама по себе, вне зависимости от того, истинны или не истинны последние.

Прогрессоры Земли, проводя спецоперацию по прекращению уничтожительной войны на планете Гиганда, спасают из-под пламени огнемета и эвакуируют на Землю курсанта элитного училища, брошенного на ликвидацию прорыва противника[370]. Условная страна, за которую воевал «боевой котенок» Гаг, находится по земным меркам под властью традиционалистской диктатуры. Земляне пытаются остановить взаимное уничтожение двух стран, и для обеспечения этого готовят и осуществляют свержение власти – не вызывающей ни у них, ни у читающих повесть ни малейших симпатий.

Но это с точки зрения коммунистической Земли и читателя, а Гаг воспитан иначе: он верит тем идеалам, которые ему внушались с детства и разделяет существующие в обществе ценности, и хотя принадлежит не к элите своей страны, а попадает в училище после смерти небогатых родителей, – он верит в свою страну, в справедливость ее борьбы и величие ее правителя.

На Земле он оказывается в обществе несравнимо более совершенном и добром, чем родное для него, но не может не быть в нем чужим. Все вызывает отторжение – и стиль жизни, и система ценностей, и скептическое отношение к преданности, внушенной ему с детства. Единственное, что ему позволяет начать это общество уважать, – старые фильмы о советских солдатах, остановивших фашизм:

> *«За что они там дрались, с кем дрались – этого я толком не понял, но как они дрались – я видел. Дай бог нам всем так драться в наш последний час»*[371].

Кризис сознания героя проходит две фазы: сначала ему плохо от того, что его система идеалов пренебрежительно оценивается

его спасителями – и он пытается сопротивляться. Тогда ему неопровержимо доказывают неадекватность объектов его идеализации, его представлениям о них. Но это приводит не к ценностной переориентации, а к разрушению и морально-психологическому шоку.

В конечном счете, он добивается возвращения в свой мир, стремясь уже к одному: самому определять, каким будет этот мир и во что он хочет верить – а во что не хочет. И люди коммунистического общества признают за ним это право, поскольку, по мысли Стругацких, для этого общества в принципе не может быть приемлемо навязывание своих ценностей другим людям – каждый сам имеет право на свои ценности – и ценности мира Полдня могут быть реально принятыми, только если сами люди признают их значимость.

Стругацкие ставят себя на место человека, воспитанного в условиях жёсткой, но способной вдохновлять на подвиги идеологии, и моделируют близкую им самим ситуацию крушения этой идеологии. Идеология героя повести заведомо чужда читателю. Это идеология солдата, привыкшего вести беспощадную войну, притом не оправданную никакими моральными установками. Но ценен сам факт существования идеологии – сила идеи, которая пронизывает всю его жизнь, для него дороже самой жизни, и это позволяет ему выжить в любых обстоятельствах. Не столь важно для авторов, какая идеология верна. Идеология, в известном смысле слова, вообще не может быть верной или нет, она может быть лишь эффективной, может давать ту или иную степень внутренней силы её носителю. Реалии коммунистического мира постепенно ломают идеологические установки героя, но мир Полдня не способен предложить ему замену. По большому счёту, кажется не решённым вопрос, насколько можно заменить чужой идеологией ту, которую человек впитывал с рождения, но авторы достаточно полно показывают свой вывод – попытка уничтожения ценностей человека всегда оказывается не их исправлением, а уничтожением этого человека.

Анализируя проблематику утраты ценностных оснований, они постулируют положение о том, что утрата ценностей и идеалов страшна сама по себе, вне зависимости от того, истинны или не истинны последние.

И в этом отношении, как представляется, в подходе Стругацких к данному вопросу можно выделить следующие значимые моменты:

– первое: человек не может существовать вне значимого для него ценностного мира;

– второе: ни при каких благих намерениях, в том числе намерениях освобождения человека, свержения угнетающей его тирании, «раскрытия правды» никто не имеет права ломать его ценностный мир[372];

– третье: человек сам имеет право на выбор своих ценностных оснований, целей и смыслов;

– четвертое: попытка уничтожения ценностных оснований человека и общества ведет не к просвещению последних, а к их уничтожению, навязывание не вызревших ценностей в принципе неосуществимо;

– пятое: состояние разрушения исповедуемых идеалов или их отсутствия значительно деструктивнее преданности спорным идеалам, даже если они могут быть оспорены со стороны лучших и более прогрессивных.

По мысли Стругацких, более высокий и совершенный идеал или ценностный мир должен не уничтожать предыдущий, а включать в себя, «снимая» и «преодолевая» в признании его позитивного содержания.

3.3.3. Обреченность деидеологизированного общества

Вывод о недопустимости разрушения ценностного мира человека и существования ценностно-близкого ему социума для Стругацких оказывается частью рефлексии по поводу *возможности существования общества без идеологии.* Размышления Стругацких об идеологическом вакууме выстраиваются в цельную концепцию, которую авторы излагают в романе «Град обреченный». Как пишет Б. Стругацкий: *«Мы оказались в идеологическом вакууме, без какой-либо опоры под ногами. Об этом и «Град»»*[373].

В смоделированном городе эксперимента, для которого из разных стран и лет XX века собраны разные люди, существует «власть муниципалитета» – власть, вполне демократическая и гуманная, но существующая по инерции. Она не имеет целей для мобилизации людей, но не имеет силы и для их принуждения.

Жители города знают, что участвуют в эксперименте, но не знают, в чем заключается этот эксперимент. Применительно к разным частям романа можно предположительно говорить о разных социально-политических устройствах, в рамках которых развивается действие: – а). общество с преобладанием уравнительных установок и политической системой, напоминающей популистскую демократию, – б). общество с преобладанием установок на борьбу с внутренними врагами, – в). общество с преобладанием установок на политические свободы, –

г). общество с установкой на порядок и рациональность.

Стругацкие моделируют общество, лишенное идеологии, – и в его рамках предлагают модели разных политических устройств, так или иначе оказывающихся бесперспективными в силу отсутствия смыслов развития.

Акторы действия во всех случаях одни, каждый тип общественного устройства является этапом в развитии их жизни. На первых трех этапах сохраняется демократическое политическое устройство – власть муниципалитета, причем каждый из них оказывается этапом нисходящего развития представленной системы. На четвертом – утверждается власть диктатора.

Уравнительное общество популистской демократии оказывается неспособно бороться с внешними угрозами, условно описанными в «нашествии павианов»[374].

Общество уравнительного типа с демократической властью оказывается неспособно противостоять угрозе. Граждане города пытаются оказать сопротивление нашествию, но муниципалитет объявляет недопустимым применение насилия по отношению к павианам, провозглашает их приход частью эксперимента и законодательно провозглашает обязанность граждан разобрать пришельцев по домам, заняться их воспитанием и окружить заботой – хотя те из-под опеки постоянно сбегают и заселяют городские бульвары.

Общество, ориентированное на выявление и обезвреживание врагов, сохраняющее одновременно демократическое устройство, оказывается обществом не подчиняющихся официальной власти органов охраны правопорядка. И приходит в тупик, не понимая, в чем нужно видеть враждебную деятельность, если само оно и его граждане не знают целей и смыслов его существования.

Следователи не знают, что собственно им нужно расследовать – и в результате начинают выявлять и преследовать все то, что кажется недоступным пониманию. Но наблюдая те или иные артефакты жизни города, они не знают как их оценивать – и, пытаясь расследовать, в чем же смысл происходящего в городе эксперимента, объектами следствия и преследования делают своих же друзей, пытающихся самостоятельно понять то же самое. Общество борьбы вслед за обществом уравнения не может реагировать на угрозы, не имея ценностной системы координат их оценки.

Следующий тип устройства оказывается неким подобием «либеральной демократии» с независимой прессой, многопартийной системой и всем набором известных политических прав, что, в условиях отсутствия ценностных и

идеологических доминант, ведет к хаотизации и усилению радикальных сил.

Как только у власти появляется оппозиция и конкурент в лице Фрица Гейгера (по предыстории – «бывшего унтер-офицера вермахта»), проявляющего минимум организованности и решительности, демократический муниципалитет гибнет при первом же кризисе.

Стругацкие показывают, что даже самое примитивное начало, ориентированное лишь на само стремление к власти, оказывается сильнее существующей власти, не имеющей целей и смыслов своей деятельности. И здесь можно увидеть интересное, возможно, лишь косвенно обозначенное положение, предлагаемое Стругацкими: *«Утрата цели ведет к фашизму»,* в более развернутом виде выглядящее как парадоксальный тезис: *«Утрата идеологии ведет к фашизму».*

«Либеральная» организация оказывается наиболее неэффективной и приводит к хаосу, и только приход к власти «фашиста» Гейгера позволяет навести порядок. Но Гейгер – не фашист. Он своего рода деидеологизированный технократический радикал, стремящийся уничтожить в обществе идеологическую рознь и противостояние. Поднимая горожан на восстание против давно уже ставшего неэффективным муниципалитета, он декларирует свою позицию и своеобразные, но яркие и увлекающие постулаты, которые можно было бы считать классикой политической мобилизующей риторики. И которые, на наш взгляд, заслуживают достаточно подробного цитирования для лучшего понимания мысли Стругацких:

> **«Я буду беспощаден! Во имя народа! Я буду жесток! Во имя народа! Я не допущу никакой розни! Хватит борьбы между людьми! Никаких коммунистов! Никаких социалистов! Никаких капиталистов! Никаких фашистов! Хватит бороться друг с другом! Будем бороться друг за друга!.. Никаких партий! Никаких национальностей! Никаких классов! Каждого, кто проповедует рознь, – на фонарь!**
>
> **…**
>
> **– Если бедные будут продолжать драться против богатых! Если коммунисты будут продолжать драться против капиталистов! Если черные будут продолжать драться против белых! Нас растопчут! Нас уничтожат!.. Но если мы! Встанем плечом к плечу! Сжимая в руках оружие! Или отбойный молоток! Или**

рукоятки плуга! Тогда не найдется такой силы, которая могла бы нас сокрушить! Наше оружие – единство! Наше оружие – правда!

Какой бы тяжелой она ни была! Да, нас заманили в ловушку! Но, клянусь богом, зверь слишком велик для этой ловушки!..

Вспыхнуло солнце.

Впервые за двенадцать дней вспыхнуло солнце, запылало золотым диском на своем обычном месте, ослепило, обожгло серые выцветшие лица, нестерпимо засверкало в стеклах окон, оживило и зажгло миллионы красок»[375].

Гейгер утверждает технократически-бюрократический режим, стабилизирует ситуацию, разрешает накопленные проблемы, делает общество благополучным и сытым – и встает перед проблемой духовного кризиса, «сытого загнивания». Его порядок лишен целей – и лишен развития. У «спасителя Города» полная власть и она даже не слишком репрессивна, но он не знает, что делать дальше, не знает, какие цели ставить перед обществом и как обеспечить его развитие. Не имея цели, эта власть также обречена, обречено общество «идеологического вакуума».

Стругацкие, оказавшись в ситуации идеологического кризиса, наблюдая «остывание идеологии» в советском обществе, и в силу этого поставив в центр своего внимания проблему возможности существования «общества идеологического вакуума», приходят к выводу, что любое общество, при любом общественном устройстве и любой политической системе не может полноценно существовать без утвердившейся в нем идеологии.

Причем, может быть, самым главным оказывается обращение данного тезиса к явно успешному и рациональному обществу, сумевшему решить, казалось бы, все накопившиеся проблемы. На предыдущем фоне, в рамках логики романа, диктатура Гейгера явно выглядит спасительно. Она действительно решает все имеющиеся проблемы, Стругацкие сознательно рисуют вариант умеренной и удачной диктатуры человека, с которым «можно пойти в разведку». Как пишет Б. Стругацкий:

> *«Гейгер умелый вояка, не трус, не склонен к подлянке, хороший товарищ – что еще требуется от человека, с которым тебя отправляют в разведку»*[376].

Вопрос для Стругацких в том, что все описанные проблемы на самом деле суть проявления одной и базовой, занимавшей их: все это неизбежные атрибуты *«общества без идеологии»*.

Если раньше Стругацкие одну из основных угроз на пути прогресса видели в «обществе потребления», то в 1970-е гг., возможно, главную угрозу для человеческого общества и его развития они видят в угрозе *«общества без идеологии»,* по их мнению, способного лишь к деструкции. Самая в тактическом смысле эффективная власть, сумевшая остановить хаос и накормить общество, окажется в итоге стратегически неэффективной, если не сможет опереться на идеологию, то есть на цели и ценности, принимаемые обществом.

3.3.4. Идеология versus манипуляция

Свою «базовую утопию» – описанный ими мир Полдня – Стругацкие создали в рамках целостной идеологии, которой придерживались. Одним из основных, если не главным условием ее они считали создание Великой Теории Воспитания. Столкнувшись с сомнениями в возможности реализации описанных идеалов в ближайшем будущем, они обратились к теме «общества без идеологии» и пришли к выводу о бесперспективности и ущербности последнего. И даже в 1990-е годы, объясняя, почему он все время поддерживает наиболее рыночные партии и голосует за них (что, по идее, явно расходилось с его идеалом будущего) Б. Стругацкий объяснял, что поддерживает создание рыночной экономики для вывода страны из экономического кризиса, обеспечения материального производства, которое, однако, не решит проблем общества, если в последнем не будет создана Великая Теория Воспитания, способная обеспечить возвышение человеческих потребностей и открыть возможность для создания описанного ими общества Полдня. Общества, где человек ни от чего не будет получать большего наслаждения, чем от свободного творческого труда.

Это позволяет утверждать, что Стругацкие рассматривали человека как продукт общественного воздействия, причем и в качестве объекта воспитательной деятельности, и в качестве субъекта, развивающегося в процессе своего воздействия на мир.

Однако они видели и опасность расширения возможностей такого воздействия общества на человека, способных привести не к его превращению в человека свободного труда, а в манипулируемый объект.

Говоря о талантливом педагоге, в «Парне из преисподней» воспитывающем преданных солдат правителя, Б. Стругацкий пишет: «Фигура Гепарда – свидетельство того, что «настоящие учителя» возможны среди людей и противоположных убеждений»[377]. Отвечая на вопросы о его оценке мира

Геометров, описанного одним из его последователей С. Лукьяненко в книге «Звезды – холодные игрушки», по некоторой атрибутике напоминающего мир Полдня, он замечает, что сегодняшние педагоги, попытайся они воспитать людей по «лекалам мира Полдня», создадут только дисциплинированных солдат[378].

Комментируя один из центральных эпизодов их творчества, спор о том, что более оправданно – уничтожение центра гипнотического излучения или его использование в целях спасения страны, Борис Стругацкий пишет, что понимает одну сторону, но не может спорить и со второй.

> Вопрос не в методах – вопрос в целях: *«Что есть воспитание мировоззрения, как не (принудительное) воздействие на сознание? А воспитание вообще? Излучение ПБЗ кажется нам отвратительным прежде всего потому, что производится помимо воли «воспитуемых», втайне от них и служит достаточно гнусной цели – сохранению власти Неизвестных Отцов. Нетрудно сформулировать другие цели и другие способы применения излучения, которые не будут вызывать у нас нравственного отторжения. Так что это вопрос – не такой уж и простой»*[379].

Вопрос не в методах – вопрос в целях.

Воздействие на сознание оценивается не допустимостью или недопустимостью воздействия – оно оценивается по тому, что оно затрагивает в человеке и по тому, каким оно его делает.

Таким образом, можно говорить о наличии у Стругацких одновременно нескольких тезисов, касающихся темы воздействия на сознание:

– Разрушать ценностный мир человека и заменять его ценности иными, ему не свойственными, нельзя – никто не имеет на это права, и привести это может лишь к разрушению сознания человека;

– Общество в состоянии идеологического вакуума существовать не может, и деидеологизированное общество способно лишь к самодеструкции;

– Соответственно, воздействовать на сознание, формируя у человека идеологию, можно и нужно.

Речь идет о диалектическом противоречии, когда все эти тезисы находятся в развивающем отношении друг к другу. Отчасти об этом уже шла речь выше, когда делался вывод о том, что, по мнению Стругацких, более высокие и более прогрессивные ценности и смыслы могут быть приняты человеком и оказаться

для него органичными, если не разрушают, а включают в себя его прежние ценности, снимая и преодолевая последние, но сохраняя в себе их позитивное содержание.

Одновременно можно сделать вывод, что Стругацкие различали два типа воздействия на сознание, соответственно – два явления: идеологию и манипуляцию.

Идеология для них может быть отчасти характеризована тезисом из их известного киносценария, высказанным в шутливой форме: *«Что значит проходить сквозь стены: видеть цель, верить в себя, не замечать препятствий».*

Она включает в себя мир ценностей человека, его моральные и методологически познавательные принципы, способность познавать мир, оценивать ситуацию, ставить цели и обеспечивать их достижение. Здесь можно напомнить их тезис о сложном, но обязательном взаимодействии совести и разума, высказываемом в монологе Колдуна. То есть, идеология для них – определенная комбинация отношений совести и разума и ее воспитание учитывает оба компонента, сохраняя базовые основания ценностного мира человека, но обеспечивая, с одной стороны, их возвышение, с другой – способность к их воплощению в жизнь.

Манипулирование разрушает либо искажает присущие человеку ценности и его познавательную способность, ориентируя их так, чтобы последний шел к заданным ему целям, не осознавая, к каким целям ориентировано его действие.

Иными словами, манипуляция предполагает как раз разрушение ценностного мира человека, создание у него способности кратковременно воспринимать любые предложенные ему ценности как свои и в соответствии с ними осуществлять действие по достижению чужих целей.

Фриц Гейгер в «Граде обреченном» потому и мог, по мысли Стругацких, увлечь за собой граждан города, что имел дело с людьми деидеологизированного социума. Более того, мысль о неподверженности ни Каммерера, ни Странника излучению на Сарракше только формально обосновывается соображениями об особенностях земной биологии – по существу, они не подвержены излучению в первую очередь потому, что являются носителями идеологии, защищающей человека от любых манипулятивных воздействий.

И, как представляется, одна из угроз деидеологизированного общества, по мысли Стругацких, это как раз его подверженность манипуляциям сознанием.

То есть, общество без идеологии – общество, беззащитное перед манипулятивными политическими воздействиями, наличие же идеологии в обществе означает его защищённость от таких

воздействий.

Взгляд с другой стороны 6: Политические взгляды Стругацких – казалось бы… Конечная точка?

Проповедники коммунизма. – Бескровное воздействие. – Идеологический кризис. – Между «социализмом застоя» и катастрофой перестройки. – «Куда ж нам плыть?»: Стругацкие в рефлексиях на тему коммунизма и капитализма. – Они и современность.

Как уже было сказано, основой историко-политических и морально-этических представлений Стругацких являлось учение марксизма. Многим для создания их теории идеального общества стала Третья программа КПСС. Хотя многое из наработанного ими было создано и опубликовано раньше ее появления.

Таким образом, Стругацкие изначально были адептами коммунизма.

В то же время, многие исследователи и читатели обращают внимание на их близость к диссидентским кругам. Поздние их работы часто трактуют как антиутопии или критику советского общества, описанную «эзоповым языком».

Объективно принадлежность Стругацких к диссидентскому движению пока так же недоказуема, как и их антикоммунистическая позиция. На разных этапах своего творчества они высказывали приверженность идеям и марксистов, и либералов. (Впрочем, не нужно забывать, что исторически идеи либерализма коммунизму достаточно близки). Кроме того, как можно видеть из достаточно редких публичных выступлений кого-то из братьев отдельно от другого, их позиции всё же подчас различались. Назвать Б. Н. Стругацкого диссидентом, а Аркадия Стругацкого коммунистом было бы неверно. Выше приводились выдержки из интервью, в которых Б. Н. Стругацкий выражает поддержку идеям исторического материализма (считает основным двигателем социальных изменений производственные силы), а Аркадий, напротив, достаточно критически высказывается о реальности своего времени. Можно найти примеры и обратных ситуаций: молодой Аркадий Стругацкий высказывает в письмах остро просталинские положения, а Борис Стругацкий с ним спорит.

Таким образом, проведение идеологической границы между Аркадием и Борисом Стругацкими так же не обосновано, как и

попытки причислить их к одному из идеологических лагерей.

Автор исследования придерживается той точки зрения, что общественно-политические, морально-этические, историко-социальные и любые другие взгляды Стругацких являются комплексом уникальных положений, которые хотя и проистекают из обозначенных философских учений, являются ценными сами по себе. Эти взгляды развивались с течением времени под влияниями исторических событий. Большая часть этих изменений уже проанализирована в этой работе. Тем не менее, для комплексного понимания этих взглядов имеет смысл обозначить основные ценности Стругацких, их приоритетность внутри их мировоззренческой системы и их место в отношениях с основными ценностными понятиями современников Стругацких.

Проповедники коммунизма

В 1960-е гг., на волне «оттепели», Стругацкие являются сторонниками «просвещённого коммунизма». Под последним термином автор подразумевает классические коммунистические взгляды, насыщенные верой в возможности воспитательного воздействия на человека и сугубо гуманистическую составляющую просветительского действия.

Эту позицию подтверждает Б. Н. Стругацкий: «О Стругацких ранних произведений можно было сказать, что это люди, которые свято и безусловно верят в близкое коммунистическое будущее…»[380]

В основе социального оптимизма Стругацких лежала вера в человеческий разум и его возможности:

«Сердце, душа были для нас функциями разума. Подразумевалось, что если человек разумен, значит, у него и с остальным все в порядке. Потому что если человек разумен, то ему ясно, что хорошо себя вести – правильно, а плохо себя вести – неправильно. Причинять вред людям – плохо, нести добро людям – хорошо. Это разумно, понимаете? Именно такова была наша начальная установка».

Из этого антропологического оптимизма уже проистекала идея инвариантности исторического процесса и неизбежности прогресса социального:

> *«Отсюда получается, что через сто, двести лет действительно наступит время, когда – от каждого по способностям, каждому по потребностям, когда – изобилие материальных благ, нет необходимости*

вцепляться друг другу в глотки, когда – разработана теория воспитания, и с детства человека выращивают добрым и хорошим, а значит, мир постепенно населяют только добрые и хорошие люди, когда, наконец, будут реализованы вещи, казавшиеся разумными еще тысячелетия назад».

Как и всё их поколение, такой оптимистичный вариант будущего они связывали, прежде всего, с понятием коммунизма: «И чем дальше, тем больше добрых и хороших людей будет в мире, а потом добрых и хороших людей станет подавляющее большинство, и наступит коммунизм – светлое будущее всего человечества…»

Со временем социальный оптимизм Стругацких сталкивается с реалиями современности, которые, тем не менее, ни на этом, ни на последующих этапах не приводят к отказу от концепции идеального коммунистического общества, но углубляют и развивают её. Так в 1968 году Стругацкие пишут: «Вот почему, на наш взгляд, трудности в вопросе о Контакте, вызванные распространенностью социально-атавистических представлений, следует в определенном и немаловажном отношении рассматривать в одном ряду с трудностями в вопросе о разоружении (следствие вековых социально-атавистических страхов и вожделений определенных классов) и с трудностями, связанными с детской преступностью (следствие векового социально-атавистического пренебрежения духовным миром подростка). Проблемы эти, как и многие другие, старые и новые, легче всего было бы решить в результате утверждения и полной победы во всей массе человечества новых, коммунистических представлений»[381].

Вскоре под сомнением оказывается их антропологический оптимизм:

«Да… Очень скоро мы поняли, что вся эта картина не так проста, как нам кажется. Ниоткуда, скажем, не следует, что гауссианы сдвигаются, ниоткуда не следует, что с течением времени человек обязательно будет становиться добрее, ниоткуда не следует, наконец, главное – что увеличение количества материальных благ на душу населения приводит к улучшению человека. Мы сплошь и рядом наблюдали картину обратную. И в нашей стране, и в других странах. Количество материальных благ на душу населения растет, а души лучше не становятся. И чем дальше, тем больше нам приходилось задумываться о том, что, если даже всего будет навалом, найдутся люди, которым вечно будет чего-то не хватать. Поэтому, в частности, выпуская второе

издание «Полдня» (1967 г.), мы сделали к нему специальное предисловие, в котором оговаривали, что общество, изображенное нами в этой повести, совсем не обязательно будет именно таким для всего человечества. Это просто общество, в котором нам хотелось бы жить»[382].

Важным изменением в мировоззрении Стругацких стала потеря веры в существующую власть и последующее разочарование в ее способности реализовать задачи, декларированные в Третьей программе КПСС, как документе, фиксирующем метод достижения стадии идеального общества:

«Оказывалось совсем непонятно, как из окружающего мира вырастет мир Полдня. Куда денутся миллионы и миллионы окружающих нас людей, совершенно негодных для жизни в мире Полдня? А потом мы спросили себя: господи, куда же девать тогда тех людей, которые, в общем-то, хорошие, но не без червоточинки? И не смогли себе ответить. Так что, действительно, в этом смысле сегодняшние Стругацкие, наверное, гораздо большие скептики, чем Стругацкие пятидесятых».

В ситуации конфликтов с редакциями в 1970-е гг., когда фантастика потеряла поддержку властей, Стругацкие частично разочаровываются в труде как в двигателе прогресса: «Оказалось, что труд, даже любимый, совсем не всегда приносит радость. Это открытие очень серьезное».

«Для героев ранних Стругацких работа – это высшее наслаждение, высшее счастье. Ничего более интересного они просто не знают. Они везде тащат с собой на развернутых знаменах лозунг: «Работать интереснее, чем развлекаться!» Потом, со временем, они начинают медленно понимать, что работа прекрасна и интересна только тогда, когда она получается. Иначе из наслаждения она превращается в муку».

Бескровное воздействие

В качестве первого метода преодоления препятствий на пути к идеальному обществу Стругацкие выдвигают идею бескровного воздействия. Он является воплощением не только гуманистической идеи во взглядах Стругацких: они видят его практическое преимущество перед методом революции в том, что при использовании метода бескровного воздействия моральные ценности будут развиваться синхронно с социальными институтами, а согласно концепции Аркадия и Бориса Стругацких такое синхронное развитие является необходимым элементом для достижения стадии «идеального общества»:

«Мы совершенно убеждены в том, что пересмотр философских, социальных и моральных представлений надо готовить исподволь, с нарастающей активностью. Не позволять массовой психологии так далеко отставать от гигантских изменений, происходящих в мире. Сосредоточить все усилия общества на воспитании Завтрашнего Человека, Космического Человека, Человека Коммунистического»[383].

Изначально идея бескровного воздействия подразумевает только содействие развитию культуры без попыток борьбы с реакционными элементами в обществе. Но позднее Стругацкие идут на компромисс. В «Хищных вещах века» они намечают, а в «Обитаемом острове» развивают идеи допустимости воспитания и даже манипулирования массами в целях усовершенствования общества.

Но по-прежнему неэффективным они считают силовое воздействие. Последнее становится позднее решающим фактором при выборе политической позиции Стругацких.

Они выдвигают идею социального компромисса: «… мы не собираемся разрушать старый мир, пусть он существует сам по себе. С мещанством, с хиппи, со всем. А мы будем строить свой, параллельно, ничего не разваливая. Но и себе мешать не позволим»[384].

Идеологический кризис

1970-е гг. становятся для Стругацких периодом сомнений. Невозможность публиковаться ставит под удар их социальный оптимизм. О социально-политической позиции Стругацких этого периода известно очень мало. Единственным источником являются романы, так как переписка этого периода пока не опубликована, а статьи Стругацких этого периода посвящены в основном частным литературным вопросам.

Романы же – в первую очередь «Град обречённый» и «Хромая судьба», позволяют говорить о том, что Аркадий и Борис Стругацкие находятся в состоянии идеологического вакуума. Они теряют связь с коммунистической системой ценностей, но принять капиталистическую не могут.

Между «социализмом застоя» и катастрофой «перестройки»

К началу периода «перестройки» в сознании Стругацких существует три основных модели общественного устройства (если

не рассматривать в данном случае модели «проклятых миров»):

• Коммунизм – идеальное общество Стругацких.

• Реальное советское общество, в частности, развитой социализм – советское общество периода правления Брежнева и Андропова.

• Капитализм – западная модель общественного и экономического устройства.

В дальнейшем развитии их социально-политических взглядов важное место занимает сравнение этих систем.

«Куда ж нам плыть?»: Стругацкие в рефлексиях на тему коммунизма и капитализма

Более сложно складывается процесс внутреннего выбора между ценностями капитализма и коммунизма как такового. Сравнение здесь идёт по двум направлениям: достижимое и желаемое.

Достижимость «идеального общества» в 1990-е гг. для Б. Стругацкого находится под сомнением, в связи с разрушением СССР и дискредитацией плановой экономики: «Единственная существующая теория перехода к обществу справедливости оказалась никуда не годной, а никакой другой теории на социологических горизонтах не усматривается»[385].

«Идея коммунизма не только претерпевает кризис, она попросту рухнула в общественном сознании. Само слово сделалось бранным – не только за рубежом, там это произошло уже давно, но и внутри страны, оно уходит из научных трудов, оно исчезает из политических программ, оно переселилось в анекдоты».

Но сама концепция коммунизма как «идеального общества» для Стругацких продолжает существовать, и перспектива реализации их ранних прогнозов остаётся более желательной, чем строительство «капитализма» в России:

> *«Однако же коммунизм – это ведь общественный строй, при котором свобода каждого есть непременное условие свободы всех, когда каждый волен заниматься любимым делом, существовать безбедно, занимаясь любимым и любым делом при единственном ограничении – не причинять своей деятельностью вреда кому бы то ни было рядом… Да способен ли демократически мыслящий, нравственный и порядочный человек представить себе мир более справедливый и желанный, чем этот? Можно ли*

представить себе цель более благородную, достойную, благодарную? Нет. Во всяком случае, мы – не можем.

В этом мире каждый найдет себе достойное место.

В этом мире каждый найдет себе достойное дело.

В этом мире не будет ничего важнее, чем создать условия, при которых каждый может найти себе достойное место и достойное дело. Это будет мир справедливости: каждому – любимое дело, и каждому – по делам его.

Об этом мире люди мечтают с незапамятных времен. И Маркс с Энгельсом мечтали о нем же. Они только ошиблись в средствах: они вообразили, что построить этот мир можно, только лишь уничтожив частную собственность. Ошибка, надо признаться, вполне простительная по тем временам, если вспомнить, сколько яростных филиппик в адрес частной собственности произнесено было на протяжении веков. И если вспомнить, каким ореолом святости на протяжении веков окружена была идея раздать свое имущество бедным и уйти к Богу…»

Эти слова были написаны Стругацкими на рубеже 80–90-х гг., когда, по их собственному признанию, слово «коммунизм» стало бранным, а Аркадию Стругацкому оставалось жить меньше двух лет.

Основной осью полемики с классиками марксизма для Стругацких в эти годы становится вопрос метода: «Маркс с Энгельсом, стремясь к замечательной цели, ошиблись в средствах. Эта ошибка носила чисто теоретический характер, но те практики, которые устремились ко всё той же цели вслед за классиками, продемонстрировали такие методы, что теперь и сама цель смотрится не привлекательнее городской бойни. А новой цели пока никто еще не предложил…»

Но на позднем этапе (1990–2000-е гг.) Б. Стругацкий уже не предлагает нового метода, ограничиваясь признанием того, что два существовавших в XX в. метода построения идеального общества оказались дискредитированы в массовом сознании:

«Первая.

Идея построения справедливого общества через отказ от частной собственности – она же марксистская, она же ленинская, она же социалистическая. «Упразднить раз и навсегда частную собственность на средства производства; передать эти средства производства в собственность производителям – все остальные проблемы социологии и экономики решатся тогда

автоматически» – так можно сформулировать суть этой идеи.

Вторая.

Идея построения справедливого общества посредством безграничного развития науки, совершенствования техники и создания второй природы. «Научно-технический прогресс автоматически порождает прогресс социальный» – эта технократическая идея зародилась в недрах XIX в., века пара и электричества, у нее нет определенного автора, она порождена успехами первой НТР и головокружительными победами второй.

Обе эти идеи достаточно просты и доступны любому человеку в очень широком социальном диапазоне, что делает их в высшей степени соблазнительными. Нам удалось дожить до того момента, когда социалистическая идея дискредитировала себя полностью – выяснилось, что при попытке ее практического воплощения она заводит своих фанатиков, а с ними и все остальное человечество в кровавый тупик.

Уже сейчас ясно, что и технократическая идея, взятая в чистом виде, ущербна и опасна – она с неизбежностью породит экологическую катастрофу и заведет человечество в неприветливые джунгли второй природы, в мир, где все будет искусственное, даже, может быть, и сами люди. Впрочем, этого мира мы с вами, скорее всего не успеем увидеть. И слава богу.

XX в., уходя, оставляет руины великих идей и прекрасных иллюзий. Новых идей и новых иллюзий он, кажется, не породил. Зато породил много новых страхов»[386].

В 1990-е гг. Б. Н. Стругацкий высказывает другой общественный идеал либерального характера, также смоделированный в работах Стругацких в 1960-е гг.: «Избавившись от иллюзий, братья Стругацкие пришли к другой идее – так называемого справедливого общества. В середине 60-х мы написали роман «Хищные вещи века», в котором, как нам тогда казалось, заклеймили бездуховное общество потребителей-мещан. И только спустя добрый десяток лет мы вдруг поняли: у нас получился мир скорее хороший, чем дурной. Мир, в котором каждому – свое. Каждому по его воспитанию, по его понятиям чести и совести, по его представлениям о свободе личности. Единственное ограничение: «Твоя свобода кончается там, где начинается свобода соседа»[387].

Но это скорее этап развития общественно-политических взглядов Стругацких, чем его результат.

Одной из осей полемики между либералами и коммунистами является вопрос о выборе между политической свободой и социальной справедливостью… Этот вопрос анализируют и Стругацкие. Однозначного выбора между этими ценностями они

не делают. Их рассуждения скалываются следующим образом: «Лет пятнадцать назад, – пишут они, – мы впервые задумались над вопросом: возможно ли стабильное общество, в котором высокий уровень благосостояния сочетается с полным отсутствием свободы слова и мнений. Нам представлялось тогда, что наше общество движется именно в этом направлении – во всяком случае, с инакомыслием у нас было уже покончено, а достижение благосостояния казалось делом техники (как в переносном, так и в прямом смысле этого выражения).

Безусловно, такое состояние общества выглядело бы идеальным с точки зрения любой административно-командной системы (АКС).

Самые широкие народные массы материально полностью ублаготворены; научно-технический прогресс денно и нощно поддерживает достигнутый материальный уровень и, более того, всячески норовит его повысить; хорошо оплачиваемые деятели литературы, кино, театра и прочей культуры воспевают существующий порядок и развлекают почтеннейшую публику высоконравственными притчами, поучительными историями и точно выверенными по глубине экскурсами в прозрачные рощи души Нового Человека… Господи, да это же Эдем – в натуральную величину и притом рукотворный, созданный по мановению и благодаря АКС! Всякий инакомыслящий, всякий противник существующего порядка вещей, всякий критик АКС выглядит в этой системе попросту чучелом гороховым, он, собственно, даже не опасен, он смешон.

Мы до сих пор толком не понимаем, почему, но такой мир, видимо, невозможен. Во всяком случае, ни одной АКС в истории человечества создать такой мир не удалось ни в античные времена, ни в эпоху НТР»[388].

Таким образом, может казаться, что Стругацкие не принимают ни сторону российских демократов, ни сторону советских коммунистов. Они не связывают существование жёсткой системы с материальным изобилием, наоборот, на основе своего социального опыта говорят о том, что отсутствие свободы не приносит изобилия. Сам выбор теряет смысл. Тем не менее, они говорят о том, что материальное изобилие не может быть результатом исторического прогресса: «Ведь из самых общих соображений ясно, что колбасное изобилие не может быть венцом исторического процесса. Венцом должно быть нечто другое. Вообще – венцом истории не может считаться то, что уже существует сегодня… Надо полагать все-таки, что впереди нас ждет что-то еще, кроме колбасного изобилия. Так что же?».

В 1987 г., в разгар «перестройки», Стругацкие пишут, что слияние культур, и формирование новой культуры, которая может стать основой для коммунистического общества, идёт полным ходом[389].

Анализируя ситуацию, сложившуюся в России, Аркадий Стругацкий говорит, что слияние её с этой метакультурой неизбежно: «До сих пор ни одна страна в изоляции не выживала. Хотя нынче мы от коммунизма дальше, чем кто-либо. Потому что коммунизм – это квинтэссенция нормального бытия».

«Нет никакого критерия для разумного определения нравственных норм, – говорит Аркадий Стругацкий в ходе той же дискуссии. Всем сердцем своим он на стороне прогресса, как каждый интеллигентный человек. Но в том мире прогресс выступает в такой форме, когда ничего, кроме отвращения, вызвать не может. Мы говорим: человечество отягощено огромным количеством пороков и язв, зла. Но оно просуществовало сто тысяч лет и доказало, что оно жизнеспособно. Через мор, глад, гибель культуры – через все проходило человечество. И я не говорю, что будет хорошо. Я говорю – будет. Будущее существует. Вот это и есть оптимизм конца XX века».

Что меня сейчас интересует? Да, в общем-то, то же, что и раньше. Завтрашний день. Послезавтрашний день. Почему они так похожи иногда на вчерашний и позавчерашний? «Куда ж нам плыть?» И так далее. Просто сейчас, когда исчезла цензура, когда можно писать ВСЕ, мысли, естественно, крутятся исключительно в пределах реального мира, а образы более не норовят уйти в пучины подтекста. Зачем писать о выдуманной Океанской империи, когда перед глазами – дымящиеся и опасные руины империи совершенно реальной? Этот реальный мир, который грузно и страшно ворочается сегодня вокруг, как потревоженное чудовище, гораздо интереснее. И никто не знает, что может произойти завтра – при том, что, в общем-то, понятно, что будет через 30–40 лет. Какая «парадоксальная планета Морохаси» может сравниться по загадочности своей и непредсказуемости с невероятной планетой Земля?»[390]

В 2000 г. Б. Н. Стругацкий даёт однозначно негативную оценку результатам перестройки и возвращается к идее социального оптимизма:

«… период «дикого капитализма» преодолеем без особого труда. Причины для такого оптимизма: огромный потенциал (не только и не столько сырьевой, сколько духовный), весьма

значительный уровень урбанизации, высокий уровень индустриализации, очень высокий образовательный уровень».

Тем не менее, его концепция идеального общества видоизменяется. По его мнению, абсолютной интеллектуальной свободы в будущем обществе не быть не может: «Поймите, господа фантасты: будущее, в котором нам хотелось бы жить, невозможно. Оно противоречит устройству человека, его генотипу. Так же, как противоречат ему Десять заповедей. Должно быть, они написаны для какого-то другого мыслящего существа. Хотя какое-то приближение к идеалу возможно. Мир, в котором высшим наслаждением для людей является их деятельность, в принципе возможен»[391].

Формирование взглядов Стругацких началось в 50-е гг. XX в. Ведущей идеей в этих взглядах начиная с 1963 г. и до сегодняшних дней является «концепция идеального общества». В 2000-е годы Б. Н. Стругацкий во многом возвращается к тем социально-политическим позициям, которые были поколеблены у него с братом в 1980–1990-е гг. Он по-прежнему остаётся приверженцем концепции «идеального общества», и до последних дней жизни был склонен считать, что эта стадия общественного развития наступит, правда намного позднее, чем предполагалось в первоначальных прогнозах КПСС.

Так первому этапу формирования общественно-политической концепции Стругацких соответствуют 1953–1963 г. В этот период Стругацкие находятся под влиянием «Проекта Третьей программы КПСС» и успехов СССР в освоении космоса.

Второму этапу соответствуют 1964–1968 гг., этот период можно назвать «критическим». Он начинается со скандала в Манеже на выставке абстракционистов, связанного с именем Н. С. Хрущёва и заканчивается двумя событиями разного плана – Чехословацким кризисом с одной стороны, и переломом в развитии фантастики с другой.

Третий этап развития общественно-политической концепции Стругацких можно назвать периодом «идеологического вакуума» и он связан с замедлением развития общества в 1970-е гг. с одной стороны, и поворотом на западный путь развития в 1980-е гг. с другой. Выход из кризиса идеологии Стругацкие так и не нашли.

Параллельно с этим с 1963 г. развивалась парадигма «идеального общества» Стругацких. Ядро этой парадигмы осталось неизменным, но было проработано множество деталей, которые усложнили структуру этой социальной модели.

С 60-х гг. XX века и до последних дней жизни Стругацкие соотносят эту модель с термином «коммунизм». Историко-

философская база парадигмы «идеального общества» основывается на постулатах марксизма.

В то же время, если в 1960-е гг. практическая и теоретическая составляющие «советского проекта» в общественно-политической концепции Стругацких эквивалентны, то к концу 1980-х гг. они полностью расходятся. Если первую Стругацкие остро критикуют, то вторая остаётся для них актуальной до конца.

Соотношение реальных социальных моделей и модели «идеального общества» в понимании Стругацких рассмотрено в третьем параграфе третьей главы. По результатам этой части исследования можно сделать выводы, что общественно-политическая концепция Стругацких является уникальной с одной стороны (потому как ценностная пирамида писателей не соответствует ценностной пирамиде ни одной другой популярной общественно-политической концепции), и характерной для всего поколения, с другой.

3.4. И тем не менее. Политическая концепция братьев Стругацких и их прогнозы: что сбылось?

3.4.1. Протестно-истерический активизм как уничтожение Будущего

Последняя книга Стругацких о будущем как современной им эпохи, так и будущем мира, который они описали, «Волны гасят ветер», выходит в 1985–1988 г. Основным вопросом ее стал вопрос, который существовал для Стругацких, как диалектиков, всегда. В нем можно выделить три составные: l) что будет источником и стимулом развития будущего общества; 2) кто окажется носителем прогресса в мире осуществленной утопии; 3) каким окажется будущее созданного ими Будущего.

Однако во второй половине 1980-х годов в центр внимания общества были поставлены другие вопросы: начинался трагический процесс, получивший название «Перестройки», результатом которого, по существу, стала реализация пессимистических опасений Стругацких. Для них самих и во время «Перестройки» их политические представления остаются прежними: «Потому что коммунизм – это квинтэссенция нормального бытия»[392].

Политико-философское осмысление этого процесса нашло выражение в ряде развитых ими тем исследования, одни из которых носили характер текущей оценочности, другие – привели к глубоким политико-философским выводам, развившим систему их идей.

Первоначально, на фоне оглашаемой политической риторики и активизации общественной жизни, они воспринимают происходящее как начало движения к осуществлению их идеалов. На каком-то этапе Аркадий и Борис Стругацкие считают перестройку закономерным продолжением политического развития СССР. Для них она единственно возможна и необратима. Впервые эту мысль высказывает Аркадий Стругацкий в 1987 г. в интервью «Жизнь не уважать нельзя»[393]. Причем в тот момент они воспринимают ее именно в формате восстановления курса коммунистического развития.

Борис Стругацкий высказывается осторожнее и пишет Б. Штерну: «Делать прогнозы на год вперёд, как известно, гораздо труднее, чем на век вперёд. Особенно в переломные моменты

истории. А мы, видимо, переживаем именно такой момент. Сейчас неясно даже, сохранится ли существующая тенденция»[394].

Главным в этой вызывавшей их оптимизм надежде на тенденцию было ожидание, что общество сумеет преодолеть зафиксированный ими разрыв между значимым для них пониманием коммунизма как общества свободного труда и пониманием власти его как «общества выполнения решений власти».

Реальное развитие ситуации после 1985 г. вызывает у Стругацких все большую обеспокоенность, и, наблюдая нарастание в обществе напряженности, они уже в 1988 году издают роман «Отягощенные злом» (1988), в котором, по сути, предсказывают, что нарастание общественной истерии в благих намерениях «борьбы с недостатками» чревато разрушением вызревающих в обществе начал будущего. Действие произведения отнесено ко времени спустя сорок лет после публикации – но узнается как современное, в котором, наблюдая происходящее в обществе, Стругацкие предсказывают опасность того, как активный и неумеренный энтузиазм общества, переходящий в политическую истерию и направленный против действительно спорных и негативных явлений, оборачивается попутным разрушением исподволь вырастающей системы элементов и основ нового общества.

Узнаваемость прибавляет и характеризует отношение к известной части общества и брошенная вскользь при описании происходящего фраза: **«И уже заболботали, зачуфыкали, закашляли наши родимые хрипуны… последние полвека познающие жизнь лишь по газетным передовицам да по информационным телепередачам, старые драбанты перестройки, коим, казалось бы, сейчас правнуков своих мирно тетешкать да хранить уют семейных очагов, – нет, куда там! Вперед, развернувши старинные знамена, на которых еще можно разобрать полустертые лозунги»**[395].

В 1989 году, наблюдая происходившее со страной в период начинающегося заката «Перестройки» и предугадывая будущую трагичность этого процесса, они пишут: «Наше государство – не искусственное порождение. Это общество, находящееся в аномальном состоянии. Вот мое мнение: Россия, или, вернее, СССР, как правильнее говорить, свернула с торной дороги цивилизации…»[396]. Опасаясь за страну, Стругацкие опасаются, что будет утрачена ее роль ведущего в современности носителя прогресса. В качестве первой особенности социального развития Стругацкие выделяют особое положение СССР на пути прогресса,

связанное с попыткой его ускорить, которая легла в основу советской государственности.

Тем не менее, это не нарушает инвариантности прогресса: **«Но я вас уверяю, что мы непременно опять выйдем на ту самую торную дорогу – потому что она одна. Это единственная дорога».**

Через год он же записывает: **«Мы пишем эти заметки осенью 1990 года. На дворе истекает сентябрь, все тускло, сумрачно, беспросветно. Ленсовет никак не может договориться с Собчаком, Ельцин – с Горбачевым, пришла зима – очень, может быть, голодная и холодная»**[397].

Оценку этих людей Стругацкие дают в пьесе «Жиды города Питера» (1990), придя к выводу, что люди и группы, активно вовлеченные в перестройку: l) неспособны на созидательную работу, 2) конъюнктурны, действуют под влиянием политической моды и смелы лишь в той степени, в какой им позволяют проявлять активность скрытые от показа в пьесе силы в высшей политической элите. И, 3) неспособны защищать то, чему на словах присягают: и прекратят борьбу по первому сигналу элитных групп[398]. Показывают неспособность «перестроечной интеллигенции» взять на себя ответственность за судьбу страны, ее вторичность и неготовность существовать иначе, как с позволения власти – и потенциальную готовность предать все провозглашаемые ею идеалы за личное благополучие и безопасность. Равно как и готовность предать страну за личное благополучие и безопасность.

Сегодня несложно заметить, что оба эти опасения, высказанные Стругацкими и обусловившие их появившийся скепсис в отношении «перестройки», сбылись.

Закономерным итогом такого развития событий стали ликвидация власти КПСС и распад СССР, разрушение единого союзного государства, что уже в 2000-е годы было охарактеризовано В. В. Путиным в качестве «крупнейшей геополитической катастрофы XX столетия».

Тем не менее, Б. Стругацкий и в 1991 году говорит: **«Однако же коммунизм – это ведь общественный строй, при котором свобода каждого есть непременное условие свободы всех… Да способен ли демократически мыслящий, нравственный и порядочный человек представить себе мир более справедливый и желанный, чем этот? Об этом мире люди мечтают с незапамятных времен»**[399].

3.4.2. Подведение итогов: последние интервью Бориса Стругацкого

Осенью 1991 года умер Аркадий Стругацкий, и, по словам Бориса Стругацкого, не стало теперь и писателя по имени «братья Стругацкие»[400]. Взгляды собственно Бориса Стругацкого нашли выражение во многих интервью, его гражданская и политическая позиция была достаточно сложной и заслуживает отдельного анализа. Вышел сборник бесед «Невеселые беседы при свечах», его «Комментарии к пройденному» и, что особо важно: «Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью»[401].

В значительной степени эта книга стала и разъяснением позиции Стругацких в отношении тех или иных общих мировоззренческих вопросов, замысла и толкования ряда их совместных работ, систематизацией и подведением итоговых контуров системы их политико-философских воззрений.

Безусловно, особый интерес представляют его неоднократные указания на то, что идеалы общества Полдня, описанные ими в 1961 году, оставались для братьев Стругацких и для Бориса Стругацкого, в частности, столь же привлекательными и значимыми, какими они были во времена принятия Программы строительства коммунизма.

На этом фоне интересны и его оговорки о том, что он не считает, с точки зрения общего хода исторического прогресса, необратимыми изменения, произошедшие в обществе. Когда в 2001 г. ему был задан вопрос, как в книге «Отягощенные злом» они не угадали изменений, которые произойдут в обществе с конца 1980 до начала 2010-х гг. и описали в качестве близкого будущего общество, напоминающее середину 1980-х, но уже кажущееся устаревшим полтора десятилетия спустя, Б. Стругацкий ответил: «…Если подумать… Партия (единственная) … никаких вам олигархов – верно, не то, совсем, вроде бы, не то, что мы видим. И, однако! Ведь действие романа происходит в конце 2020-х годов («сорок лет спустя»). Подождем. Что-то мне подсказывает: все это вполне еще может реализоваться!.. И Единственная партия… и полное отсутствие могущественных олигархов…». Тем более, если сопоставить с высказыванием 1987 г.: «…Коммунизм – это квинтэссенция нормального бытия»[402] – и учесть, что в 2000 г. Борис Стругацкий даёт однозначно негативную оценку результатам «Перестройки» и возвращается к идее социального оптимизма[403].

В контексте этого представляют интерес его оценки В. И. Ленина, которого он в 2003 г. называет, в первую очередь, «гениальным профессиональным революционером»[404]. Величайшими деятелями истории, по его мнению, были «люди, создавшие «новые миры»: Ленин, Рузвельт, Мао Цзэдун»[405]. В эту же книгу 2007 г. Б. Стругацкий помещает свои слова[406], что

«идея коммунизма – мира чистых, добрых, бескорыстных людей, главной целью и главным наслаждением которых является творческий труд, – эта идея так же бессмертна, как и идея Бога».

Диапазон представленных в издании сюжетов очень широк и затрагивает, кроме истории и разъяснения замысла и трактовки книг Стругацких, общие вопросы литературы, культуры и искусства, России в современном политическом измерении, сущности и понимания человека и судьбы человечества.

Политическая позиция разнообразна и в чем-то противоречива, в ней отражаются и базовые политико-философские постулаты и принципа их мира Полдня, влияние пропаганды периода «перестройки» – и того окружения, с которым, по ряду причин, Борис Стругацкий оказался лично связан – к нему постоянно обращались за подписью, его имя использовали политические группы, в основном вестернизированной ориентации.

Хотя нужно иметь в виду, что различие его постулатов и идеалов и ценностей представителей этих групп было настолько велико, что заставляет искать особый смысл в его словах о том, что «сволочь – лучше иметь союзником».

> И еще: *«Ты ведь Бойцовый Кот, Гаг? – … – Так точно! – Гаг приосанился. – А Бойцовый Кот есть боевая единица сама в себе, – в голосе сухопарого зазвенел уставной металл, – способная справиться с любой мыслимой и немыслимой неожиданностью, так? – И обратить ее, – подхватил Гаг, – к чести и славе его высочества герцога и его дома!».*

Когда-то брат сказал ему:

> *«Если ты считаешь себя способным помочь государству… ты должен стать контрразведчиком, тем более, что тебя найти достойным доверия. Делай то, что прикажет тебе партия». Партии не стало – и одновременно не стало брата. Но остались слова: «Бойцовый Кот есть боевая единица в самом себе». И он делал то, что считал нужным в этой ситуации делать. Не забывая: «сволочь – лучше иметь союзником».*

Так или иначе, при учете всей неоднозначности его политического позиционирования, в отношении общей идеологической и политико-философской позиции Б. Стругацкого можно сделать в первую очередь следующие выводы:

Первое: сущностно основной чертой ее оказывается

уверенность в безальтернативности стремления общества к коммунизму, понимаемого как мир свободного труда. Мечта о нем вечна – и вопрос лишь в путях и сроках ее реализации.

Второе: мир Полдня, коммунизм – это не конец истории, в нем будут свои проблемы, и перед ним встанут проблемы своего возвышения и развития. И проблемы эти для нас могут оказаться неожиданными.

Третье: альтернативой этим проблемам может быть лишь отказ от развития. И тогда либо мир потребления и духовной деградации, либо мир манипулирующей диктатуры, либо мир без цели и идеологии – мир «идеологического вакуума» и исторической деградации.

И этот вывод ставит вопрос и о том, что выход найти можно. Как отмечает, говоря о потенциально рождающемся сегодня новом запросе на новую утопию С. В. Евдокимов: «Современный кризис общественного развития порождает как неуверенность в окружающем мире, так и потребность в его (кризиса) преодолении. В этом смысле перспективы возрождения политического утопизма в той или иной форме кажутся сегодня довольно оптимистичными…»[407]

3.4.3. Футуристика Стругацких и современная Россия

В одном из последних интервью, уже в 2011 году, Борис Стругацкий, дав очень точный анализ ситуации в России. Он предсказал неизбежность возвращения Путина к власти, наивность и бессилие людей, называющих себя оппозицией, назвал приговор М. Ходорковскому и П. Лебедеву таким, каков он должен быть и единственно осмысленным[408], и в ответ на вопрос, к какому бы из своих миров он отнес современную Россию – ответил: «Это Город эпохи Фридриха Гейгера»[409].

Город Фрица Гейгера – это мир эффективной технобюрократической автократии, успешно решивший проблемы катастрофического кризиса, наладивший текущую жизнь людей – и столкнувшийся с проблемой отсутствия смыслов его существования, отсутствием идеологии и целей развития.

Однако этот мир был предсказан Стругацкими за сорок лет до названного интервью.

Картины и притчевые прогнозы, созданные Стругацкими посредством художественно-политического моделирования в рамках их модели политического развития, носят в существе своем политико-философский характер. Создав свою оптимистическую утопию Полдня и показав реалистически, что она не будет в полном смысле слова безоблачной, Стругацкие

создали и пессимистический сценарий: серию политических прогнозов альтернативного характера, попытались проанализировать, что может быть альтернативой миру Полдня.

Страна, которая когда то была значительно обширнее, но приведена к катастрофе выродившейся прежней имперской элитой; страна, потерпевшая поражение и пытающаяся сохранить порядок на границах, изнутри пораженная нехваткой врачей, учителей и инфляцией[410].

Веривший в свою страну герой, у которого из благих побуждений его освобождения отняли все, что он ценил в жизни[411].

«Сталкеры», собирающие и продающие то, что осталось от ненадолго посетившей Землю великой цивилизации, торгующие случайно доставшимся им наследством, происхождения которого они не могут понять[412].

Общество, лишенное идеологии, не знающее смысла и целей своего существования и вывод об обреченности общества без идеологии стали предвидением многих проблем последующего, предвидением трагедии, которая постигает общество, отказавшееся от своих ценностей и стратегических целей[413].

Страна, уничтожающая свою культуру, где знание большего, чем необходимо для составления счета за товар, стало предосудительным[414].

Страна, подведенная к катастрофе представителями чужой цивилизации, которые теперь под видом спасения выманивают и увозят к себе ее детей и всех, кто сохраняет способность к рациональному действию[415].

Все это можно рассматривать как художественно-поэтические образы. Можно – как философские притчи.

Однако с позиций знания политических процессов современной России, хотя и можно спорить о степени соответствия этих образов картинам политической жизни современности, приходится признать, что степень узнаваемости этих моделей достаточно велика. В то же время мы знаем, что все эти политические картины были созданы в период с начала 1960-х по середину 1970-х гг.

Как отмечал в своем исследовании С. В. Евдокимов: «Деидеологизация политики и культ политического прагматизма привели к тому, что общество сегодня живет без внятного мировоззренческого представления о перспективах своего развития»[416].

В таком случае приходится признать, что мы имеем дело с некой вариативной прогностической моделью, в рамках которой удалось предугадать возможные варианты угроз и тупиков,

которые оказались в последнюю четверть века в той или иной степени реализованы в политической действительности. Осуществленным оказался пессимистический сценарий, об опасности которого предупреждали авторы.

Не говоря о более позднем, но в не меньшей степени оправдавшемся предупреждении 1986–1987 гг., что упоение эмоционально-протестным активизмом в борьбе с теми или иными негативными сторонами реальности может привести к подмене конструктивных задач созидания будущего уничтожением того, что могло бы составить его основу[417].

Если мы имеем перед собой систему решений, узнаваемые из которых мы можем оценить как верные, сбывшиеся, значит, мы можем сделать выводы:

во-первых, данная система решений может содержать в себе как иные верные, возможно, сбывшиеся, но для нас еще непонятные, так и еще не сбывшиеся, но могущие сбыться в недалеком будущем;

во-вторых, если мы имеем негативные предсказания, которые в значительной степени оказались обоснованными, мы можем предположить и обоснованность позитивных прогнозов;

в-третьих, если так – мы имеем основания предполагать наличие в данной системе описания решений, дающих ответ на вопрос о предполагаемых способах нейтрализации негативных вариантов развития и активизации позитивных;

в-четвертых, мы должны принять к рассмотрению возможность того, что в данной системе содержатся и более долговременные прогнозы.

в-пятых, даже если не относиться к имеющимся перед нами образцам прогностики как к имеющим высокую точность, мы, как минимум, должны задуматься о тех проблемных темах, которые они обозначили.

Как резонно замечает и доказывает в своем диссертационном исследовании Е. В. Цветков: «Научная фантастика является способом конструирования социальной реальности»[418].

Тем более что, по мнению Б. Стругацкого, в тех их картинах, которые явно можно рассматривать как сбывшиеся, «мне всегда смешно, когда читатели восхищаются: «Как это вам удалось… предсказать то, что мы имеем сегодня…» Но ведь все перечисленное – ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ… мы и имеем то, что должны иметь. Здесь нет пророчества, здесь – только логика».

В любом случае мы можем говорить, что все, казалось бы, фантастические произведения Стругацких 1960–1970 гг. оказались описывающими политические процессы, актуальные для сегодняшнего дня.

Подводя итоги: анализируя комплекс фундаментальных явлений политики в рамках созданной ими конструкции, отображающей содержание и развитие политических процессов в рамках предложенного ими реалистического сценария, Стругацкие сформулировали подходы и положения, включающие ряд ключевых вопросов политической философии и представляющие во многом авторскую концепцию.

Центральными моментами ее стали концепция власти, проблема взаимоотношения моральных ограничений и требований ответственности, концепция порочности «идеологического вакуума», невозможности полноценного существования «общества без идеологии», понимание человека как субъекта политики, развивающегося в процессе своего воздействия на мир.

Анализируя взаимоотношение морали и ответственности, и рассматривая их противостояние как определенное инобытие противостоящего, Стругацкие рассматривают соотношение а) «морального протеста» и ответственности за результат; б) соотношения совести и разума в политическом действии; в) проблему ответственности власти за безопасность общества, как императив политической морали; г) вопрос о возможности распространения норм человеческой морали на тех, кто не является его представителем и о том, насколько несоответствующий нормам человеческой морали может претендовать на отношении себе как к человеку.

Ответственность представляется им как не принадлежащая ни исключительно морали, ни исключительно разуму, а образующаяся в процессе перехода из сферы совести в сферу разума и из сферы разума – в сферу совести.

Одновременно они сталкиваются с определенным противоречием между признанием недопустимости навязывания человеку тех или иных моральных представлений, противоречащих его ценностям и признанием человека в качестве такового на основании не биологической, а моральной идентификации.

И одновременно они показывают как недопустимость разрушения мира ценностей человека вне зависимости от отношения к его ценностям и обреченность на загнивание и деструкцию любого общества, не имеющего идеологии и отказавшегося от обладания смыслами и целями своего развития.

Стругацкие, первоначально позитивно восприняв «перестройку», одними из первых поняли лежащие в ее основе пороки и в притчевой форме предупреждали, что увлеченность эмоционально-протестным активизмом, в конечном счете, может

привести не столько к ликвидации негативных явлений, сколько к разрушению начал прогрессивного, рождающегося в существующем обществе.

После смерти Аркадия Стругацкого в 1991 году Борис Стругацкий избирал разное политическое позиционирование, в определенных обстоятельствах оказывая поддержку людям, явно диссонировавшим с идеалами описанного ими общества, однако он неоднократно в последние годы подчеркивал свою приверженность этим идеалам, как и надежду на их реализацию.

Как показывает политологический и политико-философский анализ произведений Стругацких, описываемые ими десятки лет назад последствия отказа общества от движения по пути прогресса и создания того общества, развернутую модель которого они рисовали в своих работах, явно близки реальной ситуации сегодняшнего мира и сегодняшней России, а их политические наблюдения и выводы о природе власти, ответственности и роли идеологии, как и многие иные моменты их работ явно представляют интерес с точки зрения анализа политических процессов современности.

Заключение. Последнее письмо

В руки автора частным образом попал документ, который он считает примечательным и интересным.

Это поздравление Борису Стругацкому с днем рождения в апреле 2012 года, направленное ему одним из почитателей творчества АБС, и ответ Бориса Натановича на письмо.

Документ частный, и автор испытывает некоторую неловкость, упоминая о нем в книге. Но, как представляется, он важен и показателен. Поэтому привожу его – без комментариев, оставляя за каждым право на его самостоятельное осмысление и интерпретацию.

* * *

Дорогой Борис Натанович!

Поздравляю Вас с Вашим Днем Рождения.

Считал и считаю Вас великим политическим философом и гуманистом.

При этом, понимая, что у Вас могут быть определенные оговорки – считаю Вас и Аркадия Натановича одними из крупнейших коммунистических мыслителей, по своему масштабу сопоставимому с известными и ранее часто поминавшимися классиками коммунистической теории.

С моей точки зрения, ваши имена должны стоять в одном ряду с именами Вольтера, Франклина, Дидро, Руссо.

Скорее всего, Вы сочтете это неким поздравительным преувеличением, граничащим с шуткой. – Но я полагаю, что пока ни Вы, ни, к сожалению, наше общество, даже при том уважении, которое вашим именам оказывает часть его, еще в полной мере не осознали масштабности идей Братьев Стругацких – и еще лишь в будущем осознают вашу роль и в развитии нашего общества, и в развитии политической мысли человечества.

В этом году и полвека выхода в свет «Полдня».

Да, история не тротуар Невского проспекта – но убежден, что мир, который Вы описали – состоится.

Для меня – именно это воплотило в себе образы мира, о котором мечтали Мор и Кампанелла. Который предсказали Маркс и Энгельс. Для которого осуществлялась Великая Октябрьская социалистическая революция, который защищали солдаты Великой Отечественной, в мечте о котором люди 50-60-х отправляли в Космос первые корабли.

Знаком с вашей политической позицией последних двух десятилетий.

Но мое видение Вас как великих политических философов, гуманистов и коммунистических мыслителей такого – и думаю, что именно таким оно останется в истории. Тем более, в том мире, в котором Вам и Аркадию Натановичу будут стоять монументы на центральных площадях Москвы, Ленинграда и других столиц мира.

Здоровья Вам, долголетия и воплощения ваших надежд на Новый мир.

С огромным уважением

Черняховский Сергей Феликсович

* * *

Уважаемый Сергей Феликсович!

Больше спасибо за поздравления и пожелания. Было очень приятно читать Ваше любезное письмо. Не слишком уверен, что главное из Ваших пожеланий:

увидеть Полдень, – сбудется. Не успею. До XXII, а на «Таймыр», если бы вдруг и полетел – не взяли бы. Но думаю, что Полдень – будет. Будет «Возвращение». Может быть и раньше – но в XXII точно будет.

Наверное, что-то тогда подсказало – что будет перерыв. Но будет и Возвращение.

Желаю и Вам здоровья – от всей души.

Успехов!

Ваш БНС

Был такой писатель – «Аркадий и Борис Стругацкие». Писал на темы будущего коммунистического общества и многих проблем будущего и настоящего человечества. И оказалось, что его книги завладели вниманием многих людей, он стал сверхпопулярен и на становлении многих оказал огромное влияние.

Аркадий умирает осенью 1991 года. Одновременно с поражением социализма, распадом СССР и, как тогда казалось, крушением идеи коммунизма, в которую он так верил. И одновременно с тридцатилетием принятия Третьей программы КПСС – «Программы строительства коммунизма».

Борис Стругацкий умер в ноябре 2012 года, в год пятидесятилетия выхода в свет их исходной, базовой книги «Полдень, XXII век» – развернутой утопии, создав которую братья стали писать и о том, какие проблемы могут возникнуть в этом

«мире Полдня» – мире построенного коммунизма.

Это – ход эволюции и изменения их взглядов под воздействием событий истории.

Но встает вопрос о том, каким оказался рубеж их эволюции. Какие идеалы остались для них верными – и остались ли.

Здесь основное. Что для них остается неизменным:

1. Идеалы и представление о будущем.

1.1. Это, в первую очередь, – коммунизм, как мир свободного труда. Мечта о нем вечна и вопрос лишь в путях и сроках ее реализации.

1.2. Мир Полдня, коммунизм – это не конец истории, в нем будут свои проблемы и перед ним станут проблемы своего возвышения и развития. И проблемы эти для нас могут оказаться неожиданными.

1.3. Но каковы альтернативы этим проблемам? – Отказ от движения к коммунизму – а это означает отказ от развития. И тогда либо мир потребления и духовной деградации, либо мир манипулирующей диктатуры, либо мир без цели и идеологии – мир «идеологического вакуума» и исторической деградации. «Миры-уроды». «Проклятые миры».

2. Проблемы исторического процесса и исторического прогресса. Отказ от прогресса – смерть общества.

2.1. Взгляды Стругацких на исторический процесс, по сути дела, стыкуются с историческим материализмом и научным коммунизмом. Прогресс неизбежен. Вопрос в сроках и в цене. Прогресс – вне морали. Тот, кто этого не поймет – отстанет от истории и обречен.

2.2. Социальная фантастика – это история будущего. Увы, многие предсказания и предупреждения Стругацких сбылись. И то, что определенные группы выдавали тогда как «пародию на советскую действительность», сегодня воспринимается как умело написанная картина современного российского общества: и «Обитаемый остров» с его манипулируемым населением и Неизвестными Отцами, спасшими остатки страны после крушения великой империи, и «Град обреченный» в своей последней фазе – Фриц Гейгер, положивший конец разложению города, стабилизировавший ситуацию и накормивший страну, давший ей благополучие, но не знающий, каковы цели и каково будущее, к которому он эту страну ведет. Кстати, в одном из последних интервью такое сравнение привел сам Борис Стругацкий.

2.3. Роль личности в истории. Кто прав: борющийся за справедливость и готовый к разрушению или медленно подготавливающий спасение? И Стругацкие не дают

окончательного ответа, но чувствуется в общем контексте, что склоняются ко второму варианту. Прогрессор – это человек, который принимает вызов, соглашаясь на попытку ускорить прогресс и сознающий при этом как малы его шансы и каковы его риски. А еще – понимающий, что если ему что-либо и удастся, то это будет достигнуто такими средствами, которые могут оказаться никогда не одобренными его современниками – и все равно идущий на это для спасения чужих миров.

3. Проблем власти и свободы в произведениях Стругацких.

3.1. Стругацкие почти с самого начала своих произведений и до конца своего творчества ставят вопрос о том, что власть, располагающая самыми мощными средствами принуждения бессильна в исторической перспективе, если она не ведома стратегическими целями. Но и власть, верная великим целям, но боящаяся омрачить их негодными средствами, обрекает свои цели на гибель. По их мнению нужен баланс. Баланс целей и средств. Совесть, по их мнению, ставит цели. Разум – предлагает средства. И совесть не должна быть слишком привередливой, когда окажется, что ее коробит от тех средств, которые нужны для достижения ее целей.

3.2. Особой темой для Стругацких становится проблема цивилизационной безопасности. И вывод, что ответственность за безопасность – это самая большая ноша. Потому что ты всегда обязан предполагать самый худший вариант. Они формулируют тезис о том, что даже самое идеальное общество, вынужденное, по тем или иным причинам, пойти на создание тайной полиции, даже если оно поставит во главе ее самых честных, бескорыстных и ответственных людей, должно примириться с тем, что эта тайная полиция будет убивать абсолютно невиновных людей. Это для них ужасный парадокс и ужасный вывод – но либо рухнет цивилизация, либо будут невинные жертвы.

3.3. И, тем не менее, главным для них и в коммунизме, и в их идеалах остается одно – Свобода. Свобода человека. Без свободы не может быть коммунизма – его нельзя без нее ни создать, ни удержать.

Без свободы – нет развития. Нет движения вперед.

Свободы нет без идеологии. Свобода может отчасти быть сохранена в мире манипулируемого управления, но свобода абсолютно уничтожается в мире идеологического вакуума, хотя внешне он может представляться самым свободным из миров.

И самое главное в свободе – и в коммунизме, как мире свободы, это – свобода труда. Стругацкие не отказываются от этого до конца, Три компонента свободы: заниматься любимым трудом, заниматься им свободно (свобода творчества), быть

свободным в занятии им и от этого получать самое большое удовольствие в жизни. Это и их общий вывод, и их общий рефрен.

Таков концептуальный абрис работы. Разумеется – здесь невозможно было охватить все видящиеся повороты, в частности, ту или иную связь появления их работ и эволюции их взглядов под воздействием событий, но применительно к каждой идее и каждому роману так или иначе это обрисовать можно.

Я не останавливаюсь и на некоторых нюансах, достаточно важных, например, некоторые романы к изданию тормозили не потому, что в них имелся политически неблагонадежный материал, а потому что считали излишне сложными (некоторые рецензенты полагали, что читатели не поймут слова «кибер»). Или – классический роман «Трудно быть богом» был задержан потому, что одна инстанция усмотрела наличие пропаганды экспорта революции, а при коллективном рассмотрении другая заявила, что экспорта недостаточно. Это было в середине 1960-х и отразило борьбу разных течений в руководстве КПСС – условно говоря, Шелепинской и Брежневской групп. Таких моментов много.

Научная фантастика как вид литературы и новая историческая форма утопии, представляющая альтернативу существующему миру в рамках допущений, не выходящих за рамки научного восприятия действительности, также выполняет функции познания и идеального конструирования действительности, как и другие формы политической мысли, а также и формы научного сознания. Она отличается от строго научных произведений использованием образной формы и метафор – то есть приемами, а не природой анализа, поскольку одной из определяющих ее характеристик является отсутствие противоречия между существующими научными представлениями, выступая как инструментом научного познания в определенных ситуациях – так и способом его осмысления, рефлексии.

По сути признанной можно считать исполнение ею социально-конструирующей роли. Тем более это относится к социальной и философской научной фантастике и ее отношениям с политическим сознанием, как одной из своеобразных форм политической мысли.

Использование образов и метафор не снижает ее ценности, а является приемом совместимого с научными данными познания в условиях, когда анализируется относительно новое явление или новые стороны действительности, не имеющие для своего отражения устоявшейся и общепринятой терминологии.

Подобная ситуация складывается, в частности, в условиях тех

или иных переходных периодов, например – переходов между историческими эпохами. Очевидно, что это имело место в эпоху смены Средневековья Новым временем, наступления эпохи индустриального производства, ставшей временем появления ряда классических утопических произведений – время Первого утопического запроса. Утопии, являясь формой концептуально-упорядоченного осмысления действительности, в том числе и политической действительности, определенной формой развития политической мысли, соединяющей черты протонаучного образа с чертами теоретической модели, отражают определенные социальные и познавательные запросы, особенно межэпохальных переходов, но и сами меняют свои формы в зависимости от условий и накопленного обществом научно-познавательного багажа.

Аналогичная ситуации сложилась и с наступлением эпохи, когда исчерпание общества индустриального производства поставило вопрос о прогнозировании новых контуров общественного развития, что можно определить как время второго в истории утопического запроса.

В этот период, в 1950–1960-е годы, прогнозирование будущего, его основных контуров, путей движения к нему стало одним из центральных вопросов политического сознания, а в условиях, когда переход политической мысли к политической науке еще не был завершен, повысило ценность осмысления политической проблематики будущего в форме художественно-политических утопий.

Нужно отметить, что советская научная фантастика как особая форма политической мысли в СССР сумела предложить осмысление данной проблематики раньше и не менее обоснованно, нежели сформировавшаяся несколько позже, ко второй половине 1960 гг., западная футурологическая литература.

Одни из наиболее ярких художественно-политических моделей будущего были созданы в произведениях классиков советской научной фантастики Стругацких, вышедших за рамки классической утопии, представлявшей себя завершением и итогом исторического развития. Стругацкие в своей, имеющей художественно-политическую форму, политико-философской рефлексии современных им политических процессов, создали развернутую модель политического развития будущего общества, поставили вопрос о его проблемах, противоречиях и источниках развития, препятствиях на пути движения к нему. Ими же была создана модель проблем, возникающих в ходе исторического и политического прогресса, моральном позиционировании по

отношению к нему человека как его субъекта и объекта.

В рамках осуществленного ими художественными средствами комплексного осмысления проблем политики они, не вступая в противоречие с существующими научными представлениями, по существу развили и дополнили представления политической мысли, что на сегодня остается во многом недооцененным и не проанализированным.

Как показано в работе, их рефлексию политического можно условно разделить на две части.

Первую можно, с некоторой долей условности, определить как «политическую философию будущего», включающую в себя: а) модель и идеальный конструкт будущего общества; б) учение о его противоречивости и анализ его гипотетических противоречий; в) авторскую трактовку исторического прогресса как явления и проблем отношения с ним человека; г) анализ социальных препятствий, встающих на пути создания описанного ими мира Полдня.

Вторую можно условно определить как «реальную политическую философию» (в контрасте с «политической философией будущего») политико-философскую рефлексию современных политических процессов. В том смысле, что к ней относится проблематика, касающаяся не столько будущего, сколько проблем политической действительности настоящего и, в общем-то, прошлого – то есть общую проблематику политической жизни, в которой можно выделить: а) учение о власти; б) политическую этику – проблематику соотношения морали и ответственности, совести и разума в политике, что можно в известной степени считать их учением о политической этике; в) концепцию невозможности полноценного развития деидеологизированного общества.

В целом можно сделать вывод о многомерности и диалектической сложности политической философии Стругацких.

С одной стороны, они создают утопию, мир Полдня, выражающий их базовые политические идеалы, мир, о котором сами говорят, что это то общество, в котором им хотелось бы жить. С другой стороны, указывают на неизбежные в этом мире противоречия.

С одной стороны, они рисуют явно сциентистский образ этого мира, с другой – главным его регулятором делают этические начала. С одной стороны, это мир гражданского участия, с другой, авторы говорят о наличии в нем тайной полиции и ее оправданной неизбежности. Пишут, что там, где есть тайная полиция, она неизбежно будет убивать невиновных, не скрывают своей отрицательной оценки этого – и это же оправдывают.

Они постулируют неодолимость прогресса и его неизбежность – и одновременно указывают на то, что он всегда вне морали. Признают, что прогресс вне морали, но утверждают, что осуществляется он только посредством деятельности человека, который не может быть вне морали.

Отмечают, что разум должен быть инструментом совести – и указывают, что он должен ограничивать совесть.

Пишут, что ускорить историческое развитие общества невозможно, но тут же отмечают, что не пытаться его ускорить – также невозможно по человеческим соображениям.

Таких моментов противоречивости достаточно много, но они не носят характер эклектичности: Стругацкие все время показывают, что движение и развитие общества осуществляется только в результате существования и действия таких противоречий.

Представив новый тип утопии, соединяющей в себе черты опережающего идеального политического конструирования желаемого с началами прогнозирования как экстраполяции в будущее тенденций настоящего, Стругацкие выстроили свое конструирование в рамках как оптимистического, так и реалистического и пессимистического прогнозов. Показав, на примерах выстроенных ими моделей, что мир, который они видели в качестве своего идеала, будет нести в себе множество новых проблем и не будет идеален, они осуществили прогностический анализ последствий возможного отказа от движения к нему и от сложностей движения по пути прогресса, сделав вывод, что последнее ведет к социальной деградации и неизбежному регрессу.

Прогностические картины, созданные ими, представляют особый интерес в силу того, что хотя были созданы задолго до событий конца 1980-х – начал 1990-х гг., они оказываются близки контурам нынешней политической действительности и во многом выглядят сбывшимися предсказаниями.

Представляется, что более детальный анализ политической философии и прогностики Стругацких мог бы в значительной степени содействовать пониманию сегодняшнего политического процесса и, возможно, перспектив его развития. Интересным представляется и то, что начав свое описание будущего с картин конца XX – начала XXI века, Стругацкие уже в своей главной работе 1961 года переносят существование описанного ими победившего коммунистического общества в XXII век – и практически все их работы обходят молчанием политические процессы и историю XXI столетия, а полное название этой книги звучит как «Полдень. XXII век. (Возвращение)» равно как одним

из постоянно пронизывающих их произведения положений является тезис о том, что в истории попятные движения невозможны, прогресс неодолим, он всегда прокладывает себе дорогу.

Данная работа – попытка политологического исследования произведений Стругацких, и автор оказался вынужден оставить за рамками исследования ряд представляющих интерес с точки зрения политической науки вопросов, так или иначе затронутых Стругацкими.

Среди них можно назвать моменты анализа противоречивости и спорных сторон экологического движения, которые затрагиваются в повести «Беспокойство», той же повести «Улитка на склоне», «Отягощенные злом». В «Обитаемом острове» и «Граде обреченном» даны интересные штрихи анализа феномена политической оппозиции, условий, порождающих авторитарные перевороты, активизации городского среднего класса как опоры реакции, отрывающей дорогу деспотии своим протестом против умеренного политического режима, роли олигархических групп и практики анонимных правлений. Последние крупные произведения Стругацких – «Волны гасят ветер» и «Отягощенные злом» – показывают механизм возникновения и нагнетания социальной истерии, причем первое из этих произведений описывает и ситуацию ее искусственного создания и управляемого развития в интересах стремящихся к доминированию меньшинств.

Здесь же показано, что происходящее в такой ситуации фанатичное отстаивание и защита того или иного права, значимого для абсолютного меньшинства, на деле может вести к системному разрушению безопасности для большинства и всего общества в целом. Возникает предположение, что авторы в этих книгах (1985–1986 и 1988 гг.) пытались донести до политического сознания страны предупреждение о нависшей над ней угрозе.

Отдельного исследования заслуживает версия Б. В. Межуева о сознательном идеологическом противодействии Стругацких деятельности диссидентских движений в СССР, которые, по его оценке, они рассматривали как неизбежно деструктивные и ведущие к социальной катастрофе.

Представляет интерес исследование жанра и политического языка политико-философских диалогов, в разных произведениях используемых Стругацкими, анализ типов политических культур, существующих в описываемых ими социумах.

Разработка политико-философского и политологического багажа данных произведений заслуживает внимания и с точки

зрения изучения истории политической мысли и политической культуры и России и других стран.

1. На сегодня практически отсутствует практика изучения произведений научной фантастики с точки зрения высказываемых в ней и посредством ее приемов политических идей и политико-философских концепций, хотя ряд ее авторов и признается носителем оригинальных политико-философских подходов. Между тем романы того же Жюля Верна подчас носят черты явно выраженного политического и социального моделирования. Точно также обращение не только к политическим, но и политико-философским сюжетам свойственно как для многих советских фантастов периода расцвета советской художественно-политической утопии 1950–1960-х гг., так и современных российских авторов.

По мнению автора, разработка политико-философского и политологического багажа данных произведений заслуживает внимания и с точки зрения изучения истории политической мысли и политической культуры и России, и других стран.

2. Имеет смысл обратиться к ряду вышеупомянутых сюжетов произведений Стругацких, несущих политико-теоретическую нагрузку, среди которых особо следует выделить анализ явления политической оппозиции и системы анонимной власти.

3. Особый интерес составляет и политико-философское, и идеологическое содержание книг Сергея Лукьяненко, в силу того, что подчас в них можно увидеть изложение политических и политико-идеологических постулатов, которые в момент создания данных произведений считались неодобряемыми в пространстве публичной политики и политической науки, но предугадывали последующие тренды общественных настроений и позитивно воспринимались читателями.

4. Заслуживает внимания изучение вопроса о влиянии соответствующих направлений научной фантастики на политическую культуру общества и их вклад в развитие политической идеологии.

5. Требует прояснения сама роль социальной научной фантастики как формы политического сознания в исполнении им функций познания, осмысления и конструирования мира и ее соотношение с такими формами политического сознания, как политическая идеология, политические мифы и политическая утопия.

6. Кроме того, как полагает автор, в любом случае нужно продолжение комплексного исследования политико-философской концепции Стругацких, равно как и их непосредственной политико-идеологической позиции.

7. Возможно, имело бы смысл задуматься об исследовании влияния произведений Стругацких на появившиеся после выхода ряда их произведений футурологические работы западных авторов, анализировавших в иной форме проблемы, ранее поставленные Стругацкими.

Во многом политико-философское и политико-теоретическое содержание и значение произведений Стругацких на сегодня остается недооцененным, тогда как наследие политических мыслителей такого масштаба является достоянием отечественной политической науки, сохраняет свое значение и для ее истории, и для ее сегодняшнего развития.

notes

Примечания

1

Насколько мы можем судить по знакомству с ходом работы автора, она хорошо знакома с интересной книгой Г. Прашкевича и Д. Володихина, но сочла что в фактическом плане последняя в основном воспроизводит фактуру книги А. Скаландиса и не содержала новой информации. При этом она стремилась уйти отличной полемики, признавая за названными авторами право на своей видение, но стремилась заменить полемику позитивным изложением своей выношенной версии. – Прим. Издателя.

2

Обыденный уровень политического сознания характеризуется отрывочными, бессистемными знаниями, где смешаны слухи, мифы, результаты воздействия СМИ. // Щербинин А. И. Вхождение в политический мир (теоретико-методологические основания политической дидактики) / А. И. Щербинин // Полис. 1996. № 5. С.137.

3

См. напр. опросы Клуб Любителей Фантастики МГУ «От Москвы до Витима» // Фантастика, 1967. М., 1968.

4

Существует два различный написания. В академической среде «Мир Полдня», в публицистической – «Мир Полудня». Автор использует академическое. – *Ю. Ч.*

5

См.: Графский В. Г. Представления о власти в историко-теоретической перспективе // История политической мысли и современность. М., 1983. С. 44–45.

Сартр Ж.-П. Что такое литература? // Зарубежная эстетика и теория литературы. XIX–XX. С. 322.

7

См. *Манжора О.Б.* Художественное и политическое сознание: проблемы взаимодействия. Дисс… д. ф. н. 09.00.04. Саратов, 1994. – С. 155–156.

Polak F. The image of future. Vol.1, Leyden, N.Y., 1961. PP. 389, 386–388.

Франк С. Л. Ересь утопизма // Квинтэссенция: философский альманах, 1991. М., 1992. С.1990.

Манжора О. Б. Указ. Соч. – С. 222

11

Евдокимов С. В. Политическая утопия в эпоху модерна и постмодерна: диссертация… кандидата политических наук: 23.00.01. – М., 2001. С. 5.

Шацкий Е. Утопия и традиция. М.,1990. – С.181.

Евдокимов С. В. Указ. соч. 2003. С. 5.

14

Тоффлер Э. Шок будущего (Future Shock), 1970. – М.: АСТ, 2008.

15

«Политическая утопия – это представление о несуществующем в реальности и локализованном в истории (в прошлом или будущем) обществе, построенном на основе альтернативной политической гипотезы; которое организовано на уровне социального и политического устройства более совершенно, чем существующее. Политическая утопия отражает чаяния индивидуумов, социальных групп, прослоек и классов на изменение характера мировоззрения и принципов политического руководства, господствующих в политике». См. *Евдокимов С. В.* Указ соч. С. 9.

Милославская В. В. Творчество А. и Б. Стругацких в контексте эстетических стратегий постмодерна. – Ставрополь, 2008. – с. 3.

17

Там же. – с. 30.

Фетисова А. Н. Научная фантастика в условиях модерна и постмодерна: культурно-исторические аспекты. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 125.

19

Суэнвик М. Постмодернизм в фантастике: руководство пользователя // Вакуумные цветы. – М., 1997. – с. 433–472.

Фетисова А. Н. Научная фантастика в условиях модерна и постмодерна: культурно-исторические аспекты. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 127.

21

Ионин Л. Г. Новая магическая эпоха // Постмодерн – новая магическая эпоха: Сб. Ст. /Под ред. Л.Г. Ионина. – Харьков, 2002. – с. 222.

Тимошенко Т. В. Научная фантастика как социо-культурный феномен. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 5.

23

К работам «ранней футурологии» можно отнести «Предвиденья о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль» *Г. Уэллса* (1901), «Будущее Земли и человечества» *К. Э. Циолковского* (1928), «Предвидимое будущее» *Дж. Томсона* (1955). Во 2-й четверти XX в. – развитие технологического прогнозирования: работы *В. А. Базарова-Руднева, Дж. Бернала, Н. Винера, Р. Юнгка.* В серии статей (1924–1928 г.) В. Базаров предлагал путь перехода от «размышлений о будущем» к его исследованию: проблемно-целевой подход (генетическо-телеологический), который впоследствии лёг в основу научного прогнозирования.

Бесстужев-Лада И. В. Впереди – XXI век. Антология современной классической прогностики. – М. 2000. – С. 7.

25

Бестужев-Лада И. В. Что мы знаем о XXI веке? И каким образом? // Впереди – XXI век. Антология современной классической прогностики. – М. 2000. – С. 23–51.

Кузин В. В. Футурология: триумф и трагедия // Впереди – XXI век. Антология современной классической прогностики. – М. 2000. – С. 5.

Базаров В. Каким быть плану: дискуссии 20-х гг. М., 1989.

Тимошенко Т. В. Научная фантастика как социо-культурный феномен: дисс… канд. ф.: 09.00.13 Ростов-на-Дону, 2003.

Цветков Е. В. Указ. соч. С. 10, 134.

Ахременко А. С. Сценарный метод прогнозирования политических процессов. Дисс…к. полит. н.: 23.00.02. М., 1999. С. 13.

Федорова М. Н. Классическая политическая философия. М., 2001. С. 7.

Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М., 2003; *Моисеев Н. Н.* О необходимых чертах цивилизации будущего // Наука и жизнь, 1997, № 12. С. 12–20; *Панарин А. С.* Глобальное политическое прогнозирование. М., 2002.

Кузин В. В. Указ соч. С. 5–6.

Несколько ранее выходили и другие работы по исследованию будущего: исследования «РЭНД Корпорейшн» и других исследовательских центров США по прогнозу ожидаемого состояния США и мира в целом после выполнения программы «Аполлон», Бертрана де Жувенеля («Искусство предположения», 1964), Ж. Фурастье («40000 часов: инвентаризация будущего», 1965) да и ряд статей Д. Белла, к которым отсылают авторы «Года 2000-ого», используя его термин «постиндустриальное общество».

35

Кан Г., Винер А. Двухтысячный год – база для размышлений о следующих тридцати трех годах. М., 1969. С. 38–39.

Бестужев-Лада И. В. Что мы знаем о XXI веке? И каким образом? // Впереди – XXI век. Антология современной классической прогностики. – М. 2000. – с. 30.

Панарин А. С. Указ соч. – С. 200.

Прудникова Е. Берия – последний рыцарь Сталина. – М. 2007.

39

«1956 год, XX съезд. Слушаю радио, чешу репу и думаю в некоторой растерянности: да-а, а Ленка-то права!.. Впрочем, к этому моменту мне и так уже понятно, что она права, а я – зелёный идиотик. Вот он – первый, малый, перелом. «Малый» – потому что и пять лет спустя я всё ещё зелёный идиотик, со слабыми только проблесками здравого смысла.» // Стругацкий Б. Справедливое общество – мир, в котором каждому своё. // Московский Комсомолец – СПб.: 1998. – № 15.

Вишневский Б. Аркадий и Борис Стругацкие. Двойная Звезда. – М., 2004., с. 96.

41

Стругацкий А. Письмо брату от 6 октября 1957, М.-Л. / / Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. – М.: 2008. – С. 297.

42

Стругацкий Б. Офлайн-интервью 26.10.04 // Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. – М.: 2008. – С. 297.

43

Стругацкий А. Письмо брату от 13 октября 1958, М.-Л. // Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. – М.: 2008. – С. 341.

Стругацкий А. Исполнение мечты // Литература и жизнь. – 16 сентября 1959 г.

Стругацкий А. Исполнение мечты // Литература и жизнь. – 16 сентября 1959 г.

46

Войскуновский Е. Письмо Стругацкому А. от 14 февраля 1961 г.//Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. – М.: 2008. -С. 444.

47

Стругацкий А. Новые человеческие типы. (Выступление на «круглом столе» «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР»). Первопубликация, фрагмент авторизованной стенограммы: Вопросы философии. – 1976. – № 10; Вопросы литературы (М.). – 1976. – № 11.

Например, таким призывом является роман «Хищные вещи века».

49

Стругацкий А., Стругацкий Б. О советской фантастике // Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. – М.: 2008 – с. 585.

50

Проблема мещанства одна из центральных проблем в концепции А. и Б. Стругацких. Под «мещанством» А. и Б. Стругацкие понимают такую социальную группу и комплекс присущих ей поведенческих установок, которые возникают при опережении духовного прогресса материальным. Эта группа, также в художественных произведениях именуемая А. и Б. Стругацкими «кадавром, неудовлетворённым желудочно». «Мещанину» А. и Б. Стругацких свойственно, получив неограниченный доступ к материальным благам, продолжать стремиться к их поглощению, вместо того чтобы выйти на новый уровень антропологического развития и перейти к удовлетворению духовных и познавательных потребностей.

51

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1986 – т. 9. – С. 90.

Кайтох В. Братья Стругацкие // Стругацкий А., Стругацкий Б. Бессильные мира сего. – Донецк, 2003. – С. 428.

53

Там же. – С. 457.

54

Стругацкий А. Письмо брату от 12 апреля 1962, М.-Л. // Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. – М.: 2008 – С. 539.

Стругацкий Б. Справедливое общество – мир, в котором каждому своё. // Московский Комсомолец – СПб.: 1998. – № 15.

Милославская В. В. Творчество А. и Б. Стругацких в контексте эстетических стратегий постмодерна. – Ставрополь, 2008. – С. 30.

При этом необходимо отметить, что хронологические границы не являются абсолютно чёткими. Произведения более соответствующие первому и третьему периоду появлялись и во второй период, и наоборот. Речь идёт об общем направлении развития диалога.

Кузнецова А. В. Рецепция творчества братьев Стругацких в критике и литературоведении (1950-1990-е гг.): Дис… канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2004. С. 35.

Полтавский С. Пути и проблемы советской научной фантастики // Вопросы детской литературы. М., 1955. С. 106–162.

Стругацкий Б. Н. Мы пишем о земном человеке. // Интервью записал П. Огус. Семипалатинск: Иртыш. 1983 – 16 апреля. – С. 4.

61

Стенограмма проведённого вечера-дискуссии «Наука и литература». 3 ноября 1958 г..// РГАЛИ Ф. 2464 Оп. 1. Д. 356.

62

Стенограмма обсуждения творчества Н. Н. Шпанова и произведений последних лет. 13 мая 1959 г. Комиссия по приключенческой и научно-фантастической литературе // РГАЛИ Ф. 2464 Оп. 1. Д. 365.

63

Стенограмма обсуждения романа И. А. Ефремова «Туманность Андромеды». 21 октября 1959 г. // РГАЛИ Ф. 2464 Оп. 1. Д. 366. Л. 1–3.

Выступление А. П. Казанцева. // Сборник материалов Всероссийского совещания по приключенческой и научно-фантастической литературе (выступления участников совещания, машинопись с правкой), т. 2. // РГАЛИ Ф. 2464 Оп. 1. Д. 145 Л. 81.

Кайтох В. Братья Стругацкие. // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Бессильные мира сего. С. 429.

Стругацкий Б. Н. Мы пишем о земном человеке. // Интервью записал П.Огус. – Семипалатинск: Иртыш. 1983 – 16 апреля. – С. 4.

67

В тексте слово «любой» зачеркнуто и исправлено на «интересный, захватывающий».

Вставлено «и помогать».

69

Доклад А. Аджубея на Всероссийском совещании по научно-фантастической литературе // Сборник материалов Всероссийского совещания по научно-фантастической литературе (Выступления участников совещания. Машинопись с правкой). Т. 1 /Ф. 2464. Оп. 1.Д. 144. Л. 65–68.

70

Протокол № 11 заседания комиссии по научно-фантастической и приключенческой л-ре. 8 марта 1960 – 16 декабря 1960 г. // РГАЛИ. Ф. 2464 Оп. 2 Д. 31. Л.1.

Там же. Л. 2.

Кайтох В. Братья Стругацкие. // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Бессильные мира сего. С. 437.

Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970. С. 268.

74

Стенограмма семинара молодых авторов, работающих в научно-фантастической литературе (пленарное заседание). 15 мая 1961 г. // РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 3. Д. 777. Л. 11.

75

Протокол 18 заседания комиссии по научно-фантастической и приключенческой литературе. 4 мая 1961 г. // РГАЛИ. Ф. 2464 Оп. 3 Д. 776. Л. 6.

76

Стенограмма семинара молодых авторов, работающих в научно-фантастической л-ре (пленарное заседание). 15 мая 1961 г. // РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 3. Д. 777. Л. 11.

Ефремов И. Туманность Андромеды. М., 1988. С. 61–67.

78

«Огромный остров, окружённый тёплым океаном, природный рай в примитивных, религиозных представлениях человека – счастливое посмертное убежище без забот и труда. ОЗ – убежище для тех, кого уже не увлекает напряжённая деятельность большого мира, кто не хочет работать наравне со всеми. Они проводят остаток жизни, занимаясь примитивным первобытным трудом. Тем не менее, хозяйство острова не обеспечивает населению полной страховки от голода, поэтому большой мир постоянно отдаёт часть своих запасов острову Забвения. В три порта – на северо-западе, юге и востоке – острова доставляется продовольствие, законсервированное на долгие годы, медикаменты, средства биологической защиты и другие предметы первой необходимости. Три главных управляющих островом живут на севере, востоке и юге и называются начальниками скотоводов, земледельцев и рыболовов». // Ефремов И. Туманность Андромеды. М., 1988. С. 211.

Хронологические рамки второго и третьего периодов пересекаются, в связи с тем, что проникновение нового «критического» направления в утопическую фантастику происходит постепенно. Так, например, повести А. и Б. Стругацких «Попытка к бегству», «Стажёры», «Трудно быть Богом», опубликованные в период с 1964 по 1966 г. критиками в разных ситуациях оцениваются по разному: и как утопическая фантастика, и как критика существующего общественного строя.

80

Факт создания редакции констатирует Протокол № 2 заседания комиссии по научно-фантастической и приключенческой литературе. 15 января 1958 г. 9 октября 1958 г. // РГАЛИ Ф. 2464 Оп. 2. Д. 8. Л. 24.

81

Жемайтис С. Г. Вечный ветер. // Знание. 1972. С. 87–102; Багряная планета. // Молодежная газета. 1973. С. 3–5.

Кайтох В. Братья Стругацкие. // Стругацкий А., Стругацкий Б. Бессильные мира сего. С. 439.

Свинников В. М. «Блеск и нищета» «философской» фантастики // Журналист. 1969. № 9. С. 48.

Тельнев Р. Е. Особенности языка и стиля прозы братьев Стругацких. М., 2008. С. 19.

85

Записка Отдела пропаганды ЦК КПСС. 5 марта 1966. // Бондаренко С. П., Курильский В. М. Неизвестные Стругацкие… С. 481.

Яковлев А. Н. Большевизм – социальная болезнь XX века. Вступительная статья. «Чёрная книга коммунизма». 2-е изд. М.: Три века истории, 2001.

В 1959 году были опубликованы главы «Скатерть самобранка», «Десантники» и «Поражение», в 1960 – «Ночь на Марсе», «Почти такие же», «Глубокий поиск» и т. д.

«Политическое сознание может опережать экономическую (и общественную, в целом) практику, прогнозировать развитие событий и тем самым выступать стимулирующим (экономику и политику) фактором" – см. *Поливаева Н. П.* Указ. соч. – С. 36.

89

Стругацкий Б. Без напарника / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 7.; *Стругацкий Б.* Голодный раб бунтует. Прикормленный – никогда! / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 9.

Стругацкий Б. Комментарии / Там же. С. 34.

91

Стругацкий А. Письмо И. Аршанину и А. Стругацкой. Получено 1 августа 1942 г. / Там же. С. 38.

Стругацкий Б. Без напарника / Там же. С. 40.; *Стругацкий А.* Письмо А. Стругацкой и Б. Стругацкому. 27 июня 1942 г. / Там же. С. 41.

Стругацкий Б. Не люблю литературу, которая уводит от реальности / Там же. С. 42.

Стругацкий Б. Офлайн-интервью 17.09.05 / Там же. С. 37.

Стругацкий Б. Нам всегда хватало славы. / Там же. С. 47.

Скаландис А. Братья Стругацкие. М., 2008. С. 39.

Наша победа ковалась в тылу. Великая Отечественная война. Лефортово, http://www.uprava-lefortovo.ru/item1913/

Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 57.

Стругацкий А. Письма / Там же.

Стругацкий Б. Комментарии / Там же. С.58.

101

АН – Аркадий Натанович Стругацкий.

Скаландис А. Указ. соч. С. 76.

103

Стругацкий А., Стругацкий Б. Град Обреченный / Собр. соч. в 11 томах. М. 2009. Т. 7.

Стругацкий Б. Голодный раб бунтует. Прикормленный – никогда! // Бондаренко С. П., Курильский В.М. Указ. соч. С. 98.

Скаландис А. Указ. соч. С. 89.

Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 100.

107

Стругацкий А. Письмо брату, 4 июня 1950 г. / Там же. С. 121.

Скаландис А. Указ. соч. С. 118.

109

Стругацкий Б. Я плохо представляю брата восьмидесятилетним / Бондаренко С. П., Курильский В.М. Указ. соч. С. 148.

Стругацкий А. Письмо брату 5 марта 1953 г. / Там же. С. 177.

Скаландис А. Указ. соч. С. 118.

112

Стругацкий А. Письмо брату, 24 октября 1952 г. / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 152.

113

Стругацкий А. Письмо брату, 10 декабря 1952 г. / Там же. С. 166.

Ольшанский В. Из воспоминаний / Там же. С. 161.

Берникова Л. Из воспоминаний. / Там же. С. 161.

116

Стругацкий А. Письмо брату, 10 декабря 1952 г. / Там же. С. 164.

117

Стругацкий А. Письмо брату 7 июня 1953 г. / Там же. С. 194.

118

Ольшанский В. Работал редактором… / Там же. С. 194.; Демиденко М. Записки чжугохуаиста // Там же. С. 194.

119

Володихин Д., Прашкевич Г. Братья Стругацкие. М., 2012. С. 17.

Скаландис А. Указ. соч. С. 118.

Володихин Д., Прашкевич Г. Указ. Соч. С. 18.

122

Стругацкий А. Письмо брату 28 июня 1953 г. / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 199.

123

Стругацкий А. Письмо брату 11 июля 1953 г. / Там же. С. 200.

Ольшанский В. Воспоминания / Там же. С. 201.

125

Стругацкий А. Письмо брату 1 августа 1953 г. / Там же. С. 202.

126

Стругацкий Б. Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского / Там же. С. 127.

Стругацкий Б. Справедливое общество – мир, в котором каждому своё. // Московский Комсомолец в Питере. 1998. № 15.

128

Стругацкий А. Письмо брату, 14 ноября 1950 г. / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 130.

Володихин Д., Прашкевич Г. Указ. соч. С. 22.

130

Стругацкий Б. Б. Стругацкий отвечает на вопросы Б. Вишневского / Бондаренко С. П., Курильский В.М. Указ. соч. С. 129.

131

Стругацкий Б. Не стреляйте «Гадких лебедей»: Из бесед автора с Борисом Стругацким / Беседовал Б. Вишневский // Веч. Петербург. – 2000. – 26 авг. (№ 156). – С. 2.

132

Стругацкий Б. Справедливое общество – мир, в котором каждому своё… // Московский Комсомолец. СПб. 1998. № 15.

133

Стругацкий А. Герой фантастики не может не быть добрым человеком / Бондаренко С, Курильский В. Указ. соч. С. 133.

Володихин Д., Прашкевич Г. Указ. соч. С. 24.

135

Стругацкий А., Стругацкий Б. Наша биография / Вишневский Б. Двойная звезда. М. 2004. С.23.

136

РГАЛИ, Ф. 2464 Оп. 3 Д. 776. Л. 13–18.

137

РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 3. Д. 778. Л. 6–7.

138

Стругацкий Б. Без напарника // Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 31. Также И. Ашмарин упоминается Б. Стругацким в интервью М. Шавшину «Вопросы и ответы» / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 32.

http://publ.lib.ru/ARCHIVES/A/ASHMARIN_Igor'_Petrovich/_Ashmarin_I.P..html

140

Стругацкий Б. Мои марочушечки / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 70.

141

Стругацкий А., Стругацкий Б. Жизнь не уважать нельзя / Там же. С. 28.

Стругацкий Б. Бессмертная повесть «Извне» / Там же. С. 126.

143

Стругацкий Б. Офлайн-интервью. 30.12.03 / Там же. С. 127.

Стругацкий Б. Письмо Б. Штерну от 17.07.83 / Там же. С. 137.

Стругацкий А. Мы – оптимисты! / Там же. С. 48.

Энциклопедия «Кругосвет» / http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ lingvistika/KONRAD_NIKOLAJOSIFOVICH.html

Скаландис А. Указ. соч. С. 118.

Володихин Д., Прашкевич Г. Указ. соч. С. 135.

149

Клюева Б. Воспоминания / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. Соч. в 11 т. М. 2004. Т. 6. С. 623.

Подробнее см. А. Янов. Русская идея и 2000 год. – New York: Liberty Publishing, 1988.

151

Цит по: *Володихин Д., Прашкевич* Г. Указ. соч. С. 107.

Там же. С. 107.

153

Стругацкий Б. Интервью М. Шавшину. Вопросы и ответы / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 32.

154

Стругацкий Б. Письмо брату 11 ноября 1953 г. / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 219.

155

Эвфемизм, обозначающий КГБ.

Володихин Д., Прашкевич Г. Указ. соч. С. 108–109.

157

Стругацкий А. Письмо брату от 1 августа 1953 г. / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч.

158

Стругацкий А. Письмо брату 21 ноября 1947. / Там же. С. 72.

159

Стругацкий А. Письмо брату, 10 января 1948 г. / Там же. С. 74.

160

Стругацкий А. Письмо брату, 12 февраля 1948 г. / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 81.

161

Стругацкий А. Письмо брату, сентябрь-октябрь 1950 г. / Там же. С. 128.

162

Стругацкий А. Письмо брату, 21 февраля 1950 г. / Там же. С. 106.

163

Стругацкий А., Стругацкий Б. Жизнь не уважать нельзя / Там же. С. 100.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 20 апреля 1950 г. / Там же. С. 118.

164

Стругацкий А. Письмо брату, 21 января 1950 г./ Там же. С. 105.

Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квант. М.-Л., 1948.

166

Стругацкий А. Письмо матери и брату от 28 января 1953 / Там же. С. 169.

167

Стругацкий Б. Не стреляйте «Гадких лебедей»: Из бесед автора с Борисом Стругацким / Беседовал Б. Вишневский // Вечерний Петербург. – 2000. – 26 авг. (№ 156). – С. 2.

Стругацкий А. Что мы читали / Бондаренко С. П., Курильский В.М. Указ. соч. С. 20.

Стругацкий А. Мой Жюль Верн / Там же. С 21.

Стругацкий Б. Без напарника / Там же. С. 24.

171

Стругацкий Б. Офлайн-интервью 07.05.00 / Там же. С. 28.; Стругацкий Б. Без напарника / Там же. С. 31.

Стругацкий Б. Большая Стругацкая энциклопедия / Там же. С. 35.

173

Стругацкий А. Письмо брату, 6 октября 1944. / Там же. С. 50.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Черновик статьи «Литература – жизнь моя» / Там же. С. 51.

175

Демиденко М. Записки Чжунгохуаиста / Там же. С. 114.; *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Хромая судьба // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. М. 2006. Т. 8.

176

Дата установлена С. Бондаренко и В. Курильским / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. Соч. С. 114.

177

Стругацкий Б. Беседа главного редактора с Борисом Стругацким / Бондаренко С. П., Курильский В.М. Указ. соч. С. 61.

Стругацкий Б. Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского/ Там же. С. 63.; Стругацкий Б. Офлайн-интервью 25.04.04 / Там же. С. 64.

179

Стругацкий А. Письмо брату. 27 апреля 1946 / Там же. С. 48.

180

Стругацкий А. Письмо брату, 2 марта 1947 г. / Там же. С. 64.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 21 ноября 1947 / Там же. С. 72.; Hilton J. Lost Horizont (1933); *Стругацкий А.* Письмо брату, 27 апреля 1947 г. / Там же. С. 70.

181

Стругацкий А. Письмо брату, 10 апреля 1948 г. / Там же. С. 87.

182

Стругацкий А. Письмо брату, 23 мая 1948 г. / Там же. С. 89.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 10 июня 1948 г. // Там же. С. 90.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 21 октября 1948 г. / Там же. С. 93.

183

Стругацкий А. Письмо брату, 3 января 1950 г. /Там же. С. 103.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 21 января 1950 г. /Там же. С. 105.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 20 апреля 1950 г. / Там же. С. 117.; *Стругацкий А.* Письмо брату, август 1950 г. / Там же. С. 123–124.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 14 ноября 1950 г. / Там же. С. 131.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 21 февраля 1950 г. / Там же. С. 105–106.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 14 ноября 1950 г. / Там же. С. 132.; *Ярославцев* С. Дьявол среди людей / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. М. 2009. Т. 10.

184

Стругацкий А. Письмо брату, 13 марта 1950 г. / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. Соч. С. 108.

185

Речь Г. М. Маленкова на собрании избирателей Ленинградского избирательного округа г. Москвы 9 марта 1950 г. // Правда. – 1950. – 10 марта.

186

Стругацкий А. Письмо брату, 14 ноября 1950 г. / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 132.

187

Стругацкий А. Письмо брату, 20 апреля 1950 г. / Там же. С. 117.

Стругацкий А. Письмо брату, 19 мая 1950 г. / Там же. С. 120.

189

Стругацкий А. Письмо брату, 4 августа 1951 г. / Там же. С. 139.

190

Стругацкий А. Письмо брату, 4 августа 1951 г. / Там же. С. 139.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 21 сентября 1951 г. /Там же. С. 141.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 1 ноября 1951 г. /Там же. С. 143.

191

Стругацкий А. Письмо брату, 19 мая 1952 г. / Там же. С. 147.; *Стругацкий А.* Письмо брату, октябрь 1952 г. / Там же. С. 149.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 24 октября 1952 г. / Там же. С. 151.

192

Стругацкий А. Письмо брату, 24 октября 1952 г. / Там же. С. 149.

193

Стругацкий А. Письмо брату, 24 октября 1952 г. / Там же. С. 152.; *Стругацкий А.* Письмо брату, декабрь 1952 г. / Там же. С. 160.

194

Стругацкий А. Письмо брату, 10 ноября 1952 г. / Там же. С. 155.

195

Стругацкий А. Письмо брату, октябрь 1952 г. / Там же. С. 149.; *Стругацкий А.* Письмо брату, 24 октября 1952 г. / Там же. С. 149.

196

Стругацкий А. Письмо брату, 17 января 1953 г. / Там же. С. 167–168.

197

Стругацкий А. Письмо брату и матери, 18 января 1953 г. / Там же. С. 170.; *Стругацкий А.* Письмо брату 1 апреля 1953 г. / Там же. С. 179.; *Стругацкий А.* Письмо брату 16 мая 1953 г. / Там же. С. 190.; *Стругацкий А.* Письмо брату 24 октября 1953 г. / Там же. С. 214.; *Стругацкий А.* Письмо брату 11 ноября 1953 г. / Там же. С. 217.

198

Стругацкий А. Письмо брату и матери, 18 января 1953 г. / Там же. С. 171.; *Стругацкий А.* Письмо брату 11 июля 1953 г. / Там же. С. 200.

199

Стругацкий А. Письмо брату и матери, 23 февраля 1953 г. / Там же. С. 174.; *Стругацкий А.* Письмо брату 11 июля 1953 г. / Там же. С. 201.

200

Стругацкий А. Письмо брату 5 марта 1953 г. / Там же. С. 175, 177.; *Стругацкий А.* Письмо брату 16 мая 1953 г. / Там же. С. 190, 192.

Скаландис А. Указ. соч. С. 28.

Володихин Д., Прашкевич Г. Указ. соч. С. 34.

Скаландис А. Указ. соч. С. 53.

204

Стругацкий А. Письмо брату от 11 ноября 1951. / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 142.

Стругацкий Б. Офлайн-интервью 23.01.02 / Там же. С. 27.

206

РГАЛИ.Ф. 2548.Оп. 2. Д. 209. Л.9.

Вайль П., Генис А. 60-е. Указ. соч. С. 64.

Стругацкий Б. Комментарии к пройденному / Собр. соч. в 11 т. М. 2007. Т. 3. С. 679.

209

Стругацкий Б. Не стреляйте «Гадких лебедей»: Из бесед автора с Борисом Стругацким / Беседовал Б. Вишневский // Вечерний Петербург. – 2000. – 26 авг. (№ 156). – С. 2.

210

Стругацкий А. Письмо брату, 11 ноября 1953 г. / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Указ. соч. С. 218.

211

«И для многих народов почти до самого крушения СССР (и даже позже), а для многих интеллектуалов Запада – до 1968 года тогдашняя Россия (СССР) статусом исторического лидера обладала», – См. Пляйс Я. А. Политическая наука в современной России в контексте системной трансформации общества и государства: дис… д. полит наук: 23.00.01 Москва, 2009. МГУ им. Ломоносова… – С. 21.

Балабуха А., Бритиков А. Человек и его время: Жизнь и книги Георгия Мартынова // Мартынов Г. Гианэя. – Л., 1989. – С. 5–16.

213

Василькова Н. Педагогическая утопия в романе И. Ефремова «Туманность Андромеды» //Тезисы докладов и сообщений на Всесоюз. науч. конференции-семинаре, посвящ. творчеству И. А. Ефремова и проблемам науч. фантастики. Николаев, 1988. С. 118–120.

В отличие от того, что классическая «утопия полагает себя ее (истории) завершением» – См. *Евдокимов С. В.* Политическая утопия в эпоху модерна и постмодерна. Дисс. на соиск. уч. степени канд. полит, наук. М.: МГУ им. М. В.Ломоносова, 2003.

Графский В. Г. Представления о власти в историко-теоретической перспективе / История политической мысли и современность. М., 1983. С. 44–45.

216

Стругацкий А. Письмо брату от 1 августа 1953 г, Петропавловск-Камчатский – Ленинград. / Бондаренко С. П., Курильский В. М. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. – М., 2008.

217

Стругацкий А., Стругацкий Б. Полдень. XXII век / Собр. соч. в 11 т. – Т. 2. – М., 2001. – С. 52

Стругацкий А., Стругацкий Б. От бесконечности тайн к бесконечности знаний / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. Соч. в 11ти томах – Т. 11 – М., 2007. – С. 502.

Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким) // Блокнот агитатора. – Л., 1987. – № 14.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. – М. 2009. – С. 469.

221

Стругацкий А., Стругацкий Б. Человек нашей мечты: встреча писателей фантастов// Нева, 1962, № 4, с. 166–173.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Страна багровых туч: Повесть; Рассказы; Статьи, интервью. – М.: Текст, 1993. (Первопубликация: Блокнот агитатора (Л.). – 1987. – № 14.)

223

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2009. С. 184.

Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким) // Блокнот агитатора. Л., 1987. № 14/ Цит. по: Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 Т. М. 2007. Т. 11. С. 409–414.

Термин «колония» используется не в смысле элемента политики «колониализма», а в его изначальном понимании: как осваиваемая колонистами ранее неизвестная территория.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Полдень. XXII век / Собр. Соч. в 11 т. М., 2001. Т.2. С. 52.

227

Стругацкий А. Письмо брату от 12 сентября 1963, М.-Л. / Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. – М., 2009 – С. 71.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Румата делает выбор // Советская молодёжь. Рига, 1974.17.11. / Цит. по: Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 Т. М., 2007. Т. 11. С. 335.

229

Стругацкий А., Стругацкий Б. Человек нашей мечты: встреча писателей фантастов// Нева, 1962, № 4, с. 166–173.

230

Стругацкий А., Стругацкий Б. Полдень. XXII век / Собр. Соч. в 11 Т. Т. 2. М., 2001.С. 93.

231

Стругацкий А., Стругацкий Б. От бесконечности тайн к бесконечности знаний / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. Соч. в 11-ти томах. Т. 11. М., 2007. С. 502.

232

Стругацкий А., Стругацкий Б. Человек и общество будущего. Доклад прочитан Стругацким Б. на Международном совещании при редакции «Техника молодёжи», посвящённом обсуждению темы «Человек и будущее» в творчестве писателей-фантастов / Бондаренко С, Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. – М., 2008 – С. 579.

233

Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким) // Блокнот агитатора. Л., 1987. № 14 / Цит. по: Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 Т. М., 2007. Т. 11. С. 409–414.

234

Имея в виду, разумеется, не избавление человека от материальных потребностей как таковых – как биологическое существо он не может их не иметь, а от такого положения, когда его жизнь сводится исключительно к их удовлетворению из-за скудости благ, которыми располагает общество. – *Ю. Ч.*

Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ соч. С. 579.

Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким) // Блокнот агитатора. – Л., 1987. – № 14.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Человек и общество будущего. – С. 579.

238

Стругацкий А., Стругацкий Б. Человек нашей мечты: встреча писателей фантастов. Отчёт опубликован в журнале «Нева», 1962, № 4, с. 166–173.

239

Стругацкий А., Стругацкий Б. Полдень. XXII век / Указ. соч. Т. 2. М. 2001. С. 65–66.

240

Стругацкий А. Письмо матери от 8 апреля 1962, М.-Л. / Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. М., 2009. С. 539.

241

Стругацкий А., Стругацкий Б. Человек и общество будущего. / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. Соч. в 11 томах. Т. 11. М., 2007. С. 579.

242

Стругацкий Б. Н. «Главное – на Земле…» Интервью Ленинградской Правде, впервые опубликовано 12 марта 1965 г. / Стругацкие о себе, литературе и мире (1959–1966). Омск, 1991. СС. 70–72.

243

Стругацкий Б. Трудно ли быть Богом? (фрагмент офлайн-интервью) // Компьютерра. – 2000. – № 11.

Стругацкий А. Стругацкий Б. Послушная стрелка часов // Комсомольская правда. – 1976. – 20 марта.

Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 568–569.

Стругацкий Б. Улитка на склоне столетия // Собеседник. 1992. № 39 / Цит. по: Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 Т. М., 2007. Т. 11. С. 521.

247

Вопросы без ответов, или «Куда ж нам плыть?..» Впервые в сокращении опубликовано под заглавием «Куда ж нам плыть? (Вопросы без ответов)» // Независимая газета. 1991. 3 янв.; дополнительные фрагменты: под тем же заглавием // Собрание «Независимой газеты»: Дайджест-приложение. 1991. № 1.

Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. От бесконечности тайн к бесконечности знаний / Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собр. Соч. в 11 тт. Т. 11. М.: 2007. С. 502.

249

Стругацкий А. Рецензия на повесть Н. Разговорова «Четыре четырки». / Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. М., 2009. С. 12.

250

Андреев К. Рецензия на «Возлюби дальнего» / Бондаренко С, Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. – М., 2009. – С. 540.

251

См. Монолог Колдуна / *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Обитаемый Остров. М., 2001. Т. 5. С. 538.

252

См. Диалог Максима и Странника. / *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Обитаемый Остров. М., 2001. Т. 5. С. 630–633.

253

Стругацкий Б. Письмо брату 26 июня 1965, М.-Л. / Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. М., 2009. С. 364.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М. 2007.

255

Там же. С. 124.

Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким) // Блокнот агитатора. Л., 1987. № 14 / Цит. по: Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. М., 2007. Т. 11. С. 409–414.

Б. Стругацкий. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М. 2007. С. 158.

258

«Понял, что не может здесь, в ласковом и теплом мире отсиживаться, пока там, в его НАСТОЯЩЕМ мире, стреляют и льется кровь, – вернулся, чтобы выполнить свой долг». См. *Стругацкий Б.* Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М. 2007. С. 156.

259

Стругацкие А. и Б. Трудно быть богом / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. Соч. в 11 т. Т. 2. М., 2007. С. 423.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Контакт и пересмотр представлений. Предисловие к книге Саймак К. Всё живое. М., 1968. С. 3.

261

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007. С. 116.

262

«Понятие вертикального прогресса АБС ввели, чтобы проиллюстрировать конечность прогресса нынешнего типа (как бы мы его ни понимали). При этом мы сами очень смутно представляли себе, что это такое – вертикальный прогресс. Собственно, само понятие это возникло у нас в ассоциации с известной задачкой: «Как из шести спичек сложить четыре треугольника» / Там же. С. 118.

263

Стругацкие А. и Б. Трудно быть богом / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. Соч. в 11 т. Т. 2. М., 2007. С. 282.

«И вот только в 65-м году нам пришла в голову мысль, с которой сейчас мы уже сжились. Будущее не бывает ни хорошим, ни плохим. Оно никогда не бывает таким, каким мы его ждем. И будущее всегда чуждо». Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким) // Блокнот агитатора. Л., 1987. № 14.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007. С. 190, 191, 193.

Там же. С. 509.

267

См. монолог Колдуна / *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Обитаемый остров. М., 2001. Т. 5. С. 538.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007. С. 167.

269

См. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Попытка к бегству. М., 2001. Т. 3. С. 117.

«Попытка к бегству» (1962), «Далекая Радуга» (1963), «Трудно быть богом» (1964), «Беспокойство» (1965–1966), «Обитаемый остров» (1969), «Малыш» (1971), «Парень из преисподней» (1974), «Жук в муравейнике» (1979–1980), «Волны гасят ветер» (1985–1986).

271

Вопросы без ответов, или «Куда ж нам плыть?..» Впервые в сокращении опубликовано под заглавием «Куда ж нам плыть? (Вопросы без ответов)» // Независимая газета. 1991. 3 янв.; дополнительные фрагменты: под тем же заглавием в: Собрание «Независимой газеты»: Дайджест-приложение. 1991. № 1.

Автор работы считает важным особо обратить внимание на то, что данные сроки и данное видение коммунизма Б. Стругацкий излагает уже в современной России, то есть это – та его позиция которую он сохранил, несмотря на гибель социализма в СССР. – *Прим автора.*

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007.

Ефремов И. Предисловие к повести Стругацкого А. и Стругацкого Б. «Хищные вещи века» / Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. М., 2008. С. 427.

Стругацкий А. Новые человеческие типы. (Выступление на «круглом столе» «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР»). // Вопросы литературы. М., 1976. № 11.

Стругацкий А., Стругацкий Б. О настоящем – ради будущего // Вечерний Свердловск, 1981. 6 июня.

Это не значит, что указывая на мещанство, как «сущность всего темного» они лишь к нему сводили все беды общества. В частности, в книге «Отягощенные злом» они укажут на угрозу неумеренного эмоциальнально-протестного активизма, разрушающего вместе с негативными началами и сами основы развития общества. Об этом подробнее ниже, в Главе 3, раздел 4. – *Ю. Ч.*

Стругацкий А., Стругацкий Б. Человек и общество будущего. / Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. М., 2008. С. 579.

279

В подвале у романа. Коллективное интервью, взятое у Стругацкого А. семинаром молодых писателей-фантастов 17 марта 1982 года в редакции журнала «Знание – сила». («В подвале у Романа»)» //Измерение Ф. Л., 1990. № 3.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Через настоящее – в будущее // Вопросы литературы. 1964. № 8.

И в начале 60-х гг. они надеются, что он недалёк. – *Ю. Ч.*

282

«Вообще все наши рассуждения, как впрочем и настоящая конференция и многое другое, более важное для человечества, имеют хоть какой-нибудь смысл и значение, только в том случае, если тёмным силам на нашей планете не удастся развязать атомно-водородную бойню. И если войны не будет, то рано или поздно человечество вступит в новый этап своего развития, когда материальное изобилие перестанет быть проблемой, как никогда не был проблемой, скажем, воздух».*/ Стругацкий А., Стругацкий Б.* От бесконечности тайн к бесконечности знаний. // Техника – молодёжи. 1961. 10. С. 6.

283

Стругацкий А. Новые человеческие типы. (Выступление на «круглом столе» «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР»). // Вопросы литературы М., 1976. № 11.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Человек и общество будущего. Доклад прочитан Б. Стругацким на Международном совещании при редакции «Техника – молодёжи», посвященном обсуждению темы «Человек и будущее» в творчестве писателей-фантастов / Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. М., 2008. С. 579.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Знакомые черты будущего // Наука и религия, 1986. № 4.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Контакт и пересмотр представлений. / Саймак К. Всё живое. М.: Мир, 1968.

287

Стругацкий Б. О настоящем прошлом во имя будущего / Стругацкие о себе, литературе и мире (1959–1966). Омск, 1991. С. 7.

Стругацкий А. Письмо брату от 24 апреля 1963 / Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. М., 2009. С. 43.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007.

Напр. таким призывом является роман «Хищные вещи века».

291

Стругацкий Б. Комментарии к пройденному. М. 2001. Т. 5. С. 656.

292

Стругацкий А., Стругацкий Б. Жизнь не уважать нельзя. // Даугава (Рига), 1987. № 8.

293

См. *Стругацкие А. и Б.* «Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан», «Сказка о Тройке», в известной степени «Трудно быть богом», «За миллиард лет до конца света».

Стругацкие А. и Б. Трудно быть богом. М., 2001. Т. 3. С. 274.

Кайтох В. Братья Стругацкие. / Стругацкий А., Стругацкий Б. Бессильные мира сего. М., 2003.; *Скаландис А.* Братья Стругацкие. М., 2008.

296

РГАЛИ. Ф. 2464 Оп. 1. Д. 296. Л. 2.; РГАЛИ. Ф. 2464 Оп. 1. Д. 302.

297

Письмо Стругацкого А. в Госкомитет по печати. 20 января 1965 г. / Бондаренко С., Курильский В. Указ. соч. С. 285.

РГАСПИ. Ф. М-1 Оп. 68. Д. 132. Л. 69–86.

299

Стругацкий А. Письмо брату. 21 января 1965 г. / Бондаренко С., Курильский В. Указ. соч. С. 287.

300

РГАСПИ. Ф. М-1.Оп. 32 Д. 1208 Л. 168.

301

РГАСПИ Ф М-1. Оп. 32 Д. 1208. Л. 162–168.

302

РГАСПИ ФМ-1. Оп.32 Д. 1208. Л. 163–168.

303

РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 32 Д. 1208. Л. 175.

304

РГАСПИ Ф. М-1.Оп.32. Д. 1208. Л. 1.

305

РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1208. Л. 1.

306

РГАСПИ. Ф. М-1.Оп.32. Д. 1208. Л. 10–24.

307

РГАСПИ. Ф. М-1.Оп.32. Д. 1208. Л. 23–24.

308

РГАСПИ. Ф. М-1.Оп.32. Д. 1208. Л. 25, 28.

309

РГАСПИ. Ф. М-1 Оп. 68. Д. 1208. Л. 32–33.

310

Записка отдела пропаганды ЦК КПСС, 5 марта 1966 / Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. М. – Донецк: 2009. С. 481.

Стругацкий Б. Н. Интервью длиною в годы. М., 2009.

312

Записка Отдела пропаганды ЦК КПСС, 5 марта 1966 / Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. М. – Донецк: 2009. С. 482.

313

Пушкарь Д., Чарный С. Гнев богов: рукописи, как известно, не горят. Доносы – тоже / Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. М. Донецк: 2009. С. 611.; Справка ЦК КПСС: меры в связи с Запиской Отдела пропаганды ЦК КПСС / Там же. С. 610.

Урбан А. Фантастическая или философская? // Нева. 1965. № 7. С. 172–178 (июнь-июль); *Коптилов В.* Окно в грядущее // Радуга. 1965, август.

315

Емцев М., Парнов Е. Наука и фантастика// Коммунист. 1965. № 15. С. 64–73 (август).

316

Брандис Е. О научной фантастике наших дней // О литературе для детей: вып. 10. Л.: Дет. Лит., 1965. С. 112–129.; *Лазарев М.* Ответственность фантаста // О литературе для детей: вып. 10. Л.: Дет. Лит., 1965. С. 193–203.; *Журавлёва В.* Трудности роста // О литературе для детей: вып. 10. Л.: Дет. Лит., 1965. С. 204–214.; *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Фантастика – литература // О литературе для детей: вып. 10. Л.: Дет. Лит., 1965.; *Гор. Г.* Мир без потолка // О литературе для детей: вып. 10. Л.: Дет. Лит. 1965.; *Званцева Е.* Так что же такое научная фантастика? // О литературе для детей: вып. 10. Л.: Дет. Лит., 1965.; *Майзель И.* Трудно быть человеком // О литературе для детей: вып. 10. Л.: Дет. Лит., 1965; *Шалимов А.* Жанр или метод// О литературе для детей: вып. 10. Л.: Дет. Лит., 1965.

Битов О. Далеко-далеко от Арканара // Учительская газета, 1965, 9 октября; *Травинский В.* Фантастика и человек // Известия, 1965, 24 ноября; *Ляшенко М.* Без прицела // Литературная Россия, 1965, 26 ноября; *Соловьёва И.* Будь готов к неожиданному // Литературная Россия, 1965, 26 ноября; *Брандис Е., Дмитриевский В.* Мир будущего в научной фантастике. М., 1965.

318

Федорович М. Не только занимательное чтение // Литературная газета, 1966, 10 февр., с. 3.

Францев Ю. Компас фантастики // «Известия», 1966, 25 мая.

Напр.: *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Об умных и весёлых людях // Пионерская правда, 1966, 22 марта.

321

Скаландис А. Братья Стругацкие. С. 329.

РГАНИ.Ф. 5 Оп. 61. Д. 42. Л. 104–107.

Скаландис А. Указ. соч. С. 332.

Цит. по: *Скаландис А.* Братья Стругацкие. С. 336.

Вайль П. П. Генис А. Указ. соч. С. 26.

Ершов Л. Листья и корни // Советская Россия, 1969, 26 июня; *Свинников В.* Блеск и нищета «философской фантастики» // Журналист, 1969, № 9; *Белоусов А.* Забывая о социальной обусловленности… //Литературная газета, 1969, 22 октября.

Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким) // Блокнот агитатора. Л., 1987. № 14.

328

Стругацкий Б. Будущее, в котором нам хотелось бы жить невозможно, но стремиться к нему человек должен… // Свой голос. Красноярск, 1993. № 14. Беседа проходила за месяц до публикации.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы… М., 2007. С. 412.

Там же. С. 443.

331

Стругацкий А., Стругацкий Б. Жизнь не уважать нельзя. // Даугава (Рига). 1987. № 8.

Стругацкий Б. Комментарии к пройденному. Трудно быть богом / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. Т. 2. М., 2007. С. 686.

333

«Цели наших прогрессоров были всегда благородны. Средства же – почти никогда. Мы ПОНИМАЛИ прогрессоров, это верно. Мы понимали, что они не могут равнодушно стоять в стороне, наблюдая, как разумные существа мучают и убивают друг друга. Нам понятно было их стремление изменить порядок вещей и ускорить прогресс… Как здесь, на нашей земле, всегда понимали действия, скажем, милиции против бандитов…» / См.: *Стругацкий Б.* Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007. С. 124.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007. С. 114.

335

Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный / *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Собр. соч. в 11 т. Т. 7. М., 2007. С. 392.

См.: Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. Т. 2. М., 2007. С. 415.

337

Стругацкие А. и Б. Трудно быть богом / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. Т. 2. М., 2007. С. 313.

338

«… Все перечисленное – ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ каждой проигранной войны, а мы как раз и есть страна, воевавшая со всем миром 70 лет и войну эту проигравшая – экономическую, идеологическую, политическую. Вот мы и имеем то, что должны иметь. Здесь нет пророчества, здесь – только логика» / *Стругацкий Б.* Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007. С. 78.

Черняховский С. Ф. Между миром Полдня и Градом обреченным // Политический класс. 2009. № 6. С. 48–64.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом / Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. Т. 3. С. 407.

341

Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный / Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. Т. 7. С. 248.

Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким) // Блокнот агитатора. 1987. № 14.

343

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007. С. 250.

Межуев Б. Повесть о просвещённом авторитаризме. // http://www.russ.ru/pole/Povest-o-prosveschennom-avtoritarizme

И при этом о том, что лежит, казалось бы, на поверхности – ради чего, с какой целью был написан «Обитаемый остров», – не сказано ничего или почти ничего. Отчасти, причина тому, страх за репутацию братьев. Среди их недоброжелателей бытует версия о какой-то причастности АНС то ли КГБ, то ли ГРУ, в связи с чем о вполне просматриваемых в «Обитаемом острове» кгбшных мотивах говорить вслух в среде стругацковедов не очень прилично. Тем более намекать на то, кто мог явиться (и явился, как я полагаю) прямым прототипом Странника. / *Межуев Б.* Повесть о просвещённом авторитаризме.

Межуев Б. Повесть о просвещённом авторитаризме.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров. М., 2001. Т. 5. С. 538.

349

Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом / Собр. соч. в 11 т. Т. 3. М., 2007. С. 277.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы… М., 2007. С. 460.

Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким) // Блокнот агитатора. 1987. № 14.

Стругацкие А. и Б. Обитаемый остров. М. 2001. Т. 5. С. 538.

Как можно предположить, именно здесь кроется определенное объяснение того, почему Борис Стругацкий на протяжении своей жизни неоднократно подписывал письма в поддержку тех политических фигур, идеалы которых явно расходились с его идеалами. В одном из последних интервью, в котором он говорит, что не мог не подписать письмо в защиту Ходорковского но одновременно считает вынесенный ему обвинительный приговор «единственным осмысленным». // *Стругацкий Б.* И никакой пощады. – http://www.novayagazeta.ru/data/2011/001/19.html

354

Организация, определяющая курс дипломатических отношений между Землёй и нечеловеческими цивилизациями, а также общие требования к деятельности прогрессоров по отношению к человеческим. Все решения принимаются Мировым Советом Земли, однако, как правило, с учетом консультаций и заключений, представляемых КОМКОНом.

355

Создается в 2137 (!) году для обеспечения безопасности человеческой цивилизации Земли. В отличие от своего старшего аналога, она значительно более закрыта, что, среди прочего, ведет к определённой подозрительности к ней со стороны специфических групп, напоминающий современных «правозащитников». Задачи, решаемые КОМКОН-2, заключаются, главным образом, в контроле за соблюдением законодательных ограничений, наложенных на осуществление потенциально опасных или сомнительных с этической точки зрения научных исследований. Основными объектами интереса КОМКОН-2 являются «научные экстремисты» – учёные-энтузиасты, большей частью молодые и энергичные, развивающие запрещённые направления научных исследований, как правило, из лучших побуждений, полагая, что польза от результатов исследования заведомо больше любого возможного вреда, либо просто отстаивая право науки на развитие без ограничений. КОМКОН-2 занимается также вопросами, которые выходят за пределы, очерченные названием организации. ***Наиболее общей задачей комиссии является противостояние любым факторам, которые оказывают или могут оказать негативное воздействие на человеческую цивилизацию в целом.*** В связи с этим организация проявляет интерес к любым необычным событиям и явлениям, не имеющим адекватного объяснения, даже если они не представляют явной опасности.

В то время как КОМКОН-2 занимается угрозами земной цивилизации, в сферу компетенции СГБ входят цивилизации, предположительно находящиеся под влиянием Странников (более развитой цивилизации, предшественников землян в освоении космоса).

357

В сферу компетенции Института входит общая история человеческих цивилизаций, а также способы её ускорить.

358

Стругацкий А., Стругацкий Б. «Далекая Радуга», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер». – *Ю. Ч.*

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы. М., 2007. С. 161.

360

Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике. Указ. соч. Т. 8. С. 179.

361

Стругацкие А. и Б. Отель «У погибшего альпиниста». М., 2001. Т. 6. С. 186.

Стругацкие А. и Б. Трудно быть богом. М. 2001. Т. 3. С. 281.

363

Стругацкий А. Письмо брату, 4 июня 1950 г. / Там же. С. 121.

364

«И тогда мы вспоминаем о таких, как Кира, Будах, Арата Горбатый, о великолепном бароне Пампа». – См.: Там же. С. 281.

365

«Разочарование, о котором Вы пишете, было просто результатом жизненных наблюдений – уже в середине 60-х стало совершенно ясно, что правят нами жлобы и дебилы, для которых коммунизм – это общество, в котором народ радостно и с удовольствием выполняет все указания Партии и Правительства, и никак не более того». / См. *Б. Стругацкий.* Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007. С. 57.

366

«XX съезд КПСС. Или: Перестройка конца 80-х. Ничего более странного я и представить себе не могу». / См. *Б. Стругацкий.* Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007. С. 489.

См. *Стругацкий Б.* Там же. С. 236.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы. М., 2007. С. 225.

369

Стругацкий А. Новые человеческие типы. (Выступление на «круглом столе» «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР»).

Борис Стругацкий пишет об одновременной перекличке образа героя повести и с героем «Приключений Вернера Хольта», и, в большей степени, с героем «Парня из нашего города». Автор исследования полагает допустимым предположение, что отчасти завязка повести имеет аналогию с подвигом подольских курсантов, которые в октябре 1941 года, поднятые по тревоге, остановили и в течении двухнедельных боев уничтожили занявшую Юхнов и рвавшуюся через Малоярославец к Москве мощную немецкую группировку и уничтожили более ста танков, потеряв 2500 человек из своего состава в 3500.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Парень из преисподней / Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. Т. 6. М., 2007. С. 558.

Это же положение можно встретить уже в «Трудно быть богом» (Приводимый ранее диалог Руматы и Будаха): «Будах неловко засмеялся. – Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни! – Я мог бы сделать и это, – сказал он (Румата. *-Ю. Ч).* – Но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?» См.: *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Трудно быть богом / Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. Т. 2. С. 406.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М. 2007. С. 236.

Там же. С. 103.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный / Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ соч. Т. 7.С. 327–328.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007. С. 237.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы. М., 2007. С. 226.

См. *Стругацкий Б.* Интервью длиною в годы. М., 2007. С. 412.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы. М. 2007. С. 214.

Михайлова Е. В. Вопросы остаются. Интервью с Б. Н. Стругацким. //Л.: Блокнот агитатора. 1987. № 14.

381

Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Контакт и пересмотр представлений. Предисловие к книге Саймака К. Всё живое. М.: Мир, 1968.

Михайлова Е. В. Вопросы остаются. Интервью с Б. Н. Стругацким // Блокнот агитатора. 1987. № 14.

383

Стругацкий А., Стругацкий Б. Контакт и пересмотр представлений. Предисловие к книге Саймака К. Всё живое. М.: Мир, 1968.

Михайлова Е. В. Вопросы остаются. Интервью с Б. Н. Стругацким) // Блокнот агитатора. 1987. № 14.

385

Вопросы без ответов, или «Куда ж нам плыть?…» // Независимая газета. 1991. 3 января; дополнительные фрагменты: под тем же заглавием // Собрание «Независимой газеты»: Дайджест-приложение. 1991. № 1.

Стругацкий Б.Н. Улитка на склоне столетия. // Собеседник. 1992. № 39.

Стругацкий Б. Н. Справедливое общество – мир, в котором каждому своё. // Московский Комсомолец в Питере. 1998. № 15.

388

Вопросы без ответов, или «Куда ж нам плыть?..» // Независимая газета. 1991. 3 января; дополнительные фрагменты: под тем же заглавием // Собрание «Независимой газеты»: Дайджест-приложение. 1991. № 1.

Михайлова Е. В. Вопросы остаются. Интервью с Б. Н. Стругацким. // Блокнот агитатора. 1987. № 14.

Стругацкий Б. Н. О себе. // Компьютерра. 2000. № 11.

391

Стругацкий Б. Н. Будущее, в котором нам хотелось бы жить невозможно, но стремиться к нему человек должен… // Красноярск: Свой голос. 1993. № 14. Беседа проходила за месяц до публикации.

Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким) // Блокнот агитатора. 1987. № 14.

393

«Дергаться перед неизбежным мы не будем! – *Достоинство?..* – Конечно… Нужно честно и с честью… помнить, кто были отцы, и не терять лица перед внуком… Как же это так, что это я буду сопли распускать… да и перед собой как-то невместно. – *Вы с оптимизмом смотрите в наше социальное будущее? Верите в перемены?* – Я понимаю скептиков – очень много душевных мозолей накопилось у людей, очень много рушилось надежд. Но слова «верить» нет в нашем лексиконе. Делу перестройки надо активно помогать – вот это я знаю». / Стругацкий А. Стругацкий Б… Жизнь не уважать нельзя. Первопубликация под заглавием «Братья Стругацкие: «Жизнь не уважать нельзя» // Даугава (Рига). 1987. № 8. Интервью брала Елена Михайлова.

394

Стругацкий Б. Письмо Б. Штерну. Л. – Одесса, 22.11.86 / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. Т. 3, 4, 12. М., 2007. С. 344.

395

Стругацкие А. и Б. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. Соч. в 11 т. Т. 9. М., 2009. С. 120.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Прогноз. // Огонек. 1989. № 52.

397

Стругацкий А., Стругацкий Б. «Куда ж нам плыть? (Вопросы без ответов)» // НГ. 1991. 3 янв.

Собственно, отсюда и название: по аналогии с обращением оккупантов в Киеве.

399

См. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Вопросы без ответов, или «Куда ж нам плыть?..» Впервые в сокращении опубликовано под заглавием «Куда ж нам плыть? (Вопросы без ответов)» // НГ. 1991. 3 янв.; дополнительные фрагменты: Собрание «Независимой газеты»: Дайджест-приложение. 1991. № 1.

400

В. Витицкий написал две книги: «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» и «Бессильные мира сего», но подчеркивал, что это книги В. Витицкого, а не Б. Стругацкого.

401

Борис Стругацкий более десяти лет, с 1998 г., отвечал на вопросы на его сайте в Интернете – именно как Борис Стругацкий, а не В. Витицкий, наиболее важные, по его мнению, ответы, после редактирования им и с его согласия были опубликованы отдельной книгой в 2007 году.

Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким) // Блокнот агитатора. 1987. № 14.

Стругацкий Б. О себе. // Компьютерра. 2000. № 11.

Стругацкий Б. Интервью длиною в годы. М., 2007. С. 449.

405

Там же. С. 452.

Там же. С. 117.

Евдокимов С. В. Политическая утопия в эпоху модерна и постмодерна. Дисс. на соиск. уч. степени канд. полит. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003.

«Ничего неожиданного не произошло. Любому взрослому человеку изначально ясно было, каков будет приговор. Каков он ДОЛЖЕН быть. Единственный осмысленный с точки зрения нынешнего политического курса приговор».

«…И никакой пощады». Борис Стругацкий – о приговоре по «делу ЮКОСа», молчании Медведева, игре Путина, страхах элиты и возможностях Запада. // http://www.novayagazeta.ru/data/2011/001/19.html

Стругацкие А. и Б. Обитаемый остров / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. Т. 5. М., 2009.

411

Стругацкий А., Стругацкий Б. Парень из преисподней / Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. Т. 6.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Пикник на обочине / Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. Т. 6.

413

Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный / Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. Т. 7.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть Богом / Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. Т. 3.

415

Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике / Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. Т. 8.

Евдокимов С. В. Политическая утопия в эпоху модерна и постмодерна. Дисс. на соиск. уч. степени канд. полит. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003.

417

Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом / Стругацкий А., Стругацкий Б. Указ. соч. Т. 9.

Цветков Е. В. Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности: социально-философские аспекты: дисс… канд. ф. наук: 09.00.11. Архангельск, 2009.